

87

793

Губин В.Д.

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

2-е издание

Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебного пособия
для студентов учреждений
среднего профессионального образования

59232

Москва
ФОРУМ — ИНФРА-М
2007

БИБЛИОТЕКА

ГОУ СПО «Нижегородский
экономический техникум»
603122, г. Нижний Новгород, ул. Малая, 30

УДК 1(091)(075)
ББК 87я723
Г 93

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, декан факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов *Н. С. Кирабаев*;
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ *М. А. Маслин*

Губин В.Д.

Г 93 Основы философии: Учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2007. — 288 с. — (Профессиональное образование).

ISBN 978-5-91134-067-4 (ФОРУМ)
ISBN 978-5-16-002804-0 (ИНФРА-М)

Учебное пособие написано в соответствии с новым государственным образовательным стандартом по данной дисциплине и посвящено изучению основ философии, помогающей читателю глубоко осознать не только внешний, но и собственный духовный мир. В книге уделяется главное внимание вопросам изучения человека и его становлению в качестве целостной личности.

Пособие рекомендовано студентам средних специальных учебных заведений.

УДК 1(091)(075)
ББК 87я723

ISBN 978-5-91134-067-4 (ФОРУМ) © Губин В.Д., 2003, 2007
ISBN 978-5-16-002804-0 (ИНФРА-М) © Издательство «ФОРУМ», 2003, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге рассказывается о важнейших проблемах классической и современной философской мысли. Она состоит из четырех разделов. Первый посвящен великим философам и их учениям о мудрой и правильной жизни. Второй — проблеме человека, его сознанию и возможностям познания мира. Третий — основным проявлениям духовной жизни человека: науке, религии и искусству. Четвертый раздел — обществу, социальной жизни в ее культурном и историческом аспектах. В конце каждой главы даются избранные тексты: выдержки из философских трудов, относящиеся к той или иной теме. Автору хотелось, чтобы молодые люди могли почитать и вдуматься в эти отрывки, которые гораздо сложнее текста учебника, — чтобы попробовать самим разобраться в настоящем философском изложении (это не научная и не художественная литература, а специфический текст, который сочетает в себе и то, и другое) и почувствовать аромат истинно философской мысли. После каждой главы автор обращается к читателям с рядом вопросов по теме — это приглашение к разговору, в ходе которого можно высказать свое понимание и свое отношение к проблемам, поднятым в главе.

Вслед за Эпикуром автор считает, что философию можно изучать в любом возрасте, и чем раньше, тем лучше. Но это требует определенного труда ума и души, поскольку философия не передает какой-то строгий набор знаний, а направлена на то, чтобы помочь человеку самому думать и самому решать самые главные вопросы своей жизни.

Введение. ЧТО ИЗУЧАЕТ ФИЛОСОФИЯ

Философия — греческое слово и в переводе на русский язык означает «любовь к мудрости». Это древнейшая наука, и в то же время она всегда молодая, потому что идеи, выдвинутые мыслителями, никогда не устаревают. Устаревать могут знания, а мудрость — это умение удивляться миру, видеть его таким, каким не видит никто, понять смысл собственного существования и смысл существования человеческого общества, смысл истории. Все это и означает философствовать. Люди философствуют всегда, поскольку они живут среди других людей, поскольку постоянно нужно выбирать между добром и злом, между честью и бесчестьем, поскольку принимать самые главные решения относительно собственной жизни приходится чаще всего самому. Люди не были бы людьми, если бы не философствовали. Но чаще всего мы философствуем стихийно, руководствуясь здравым смыслом или житейской интуицией, которые нас часто подводят.

Изучение философии позволяет нам узнать мудрые советы относительно осмысленной жизни, относительно добра и зла, понять свое собственное место и предназначение в обществе и место человека в мироздании, выработать свое отношение к таким феноменам, как судьба, счастье, любовь, смерть. Ни физика, ни биология, ни лингвистика таких советов не дают — изучение этих дисциплин делает человека специалистом, а изучение философии может сделать человека умным. Быть умным — значит уметь правильно распоряжаться своей жизнью, уметь предусматривать последствия своих поступков, уметь быть счастливым и влюбленным в жизнь человеком.

Духовная культура человека покоится на четырех основаниях — это наука, религия, искусство и философия. Как нельзя себе представить общество без науки или искусства, так нельзя его представить без философии. Невозможно общество, где нет философов, то есть людей, которые ищут последние причины существования человека, общества, мира в целом, пытаются понять — куда идет человеческое общество, есть ли прогресс в истории, ожидает ли человечество конец или разум всегда будет существовать во Вселенной; что такое сама Вселенная и как может человек постигнуть ее бесконечность в пространстве и во времени, ее законы, — будучи сам ничтожной, исчезающе малой величиной в сравнении с ее величием. Без этих поисков человеческое общество прекратило бы развиваться.

Философски мыслящим должен быть физик, изучающий законы происхождения и развития Вселенной; биолог, пытающийся понять, как возникла жизнь и чем живое отличается от неживого; лингвист, постигающий тайное родство человеческих языков и приходящий к мысли, что не мы

говорим языком, а он, язык, говорит нами и через нас. Но философски мыслящим должен быть каждый человек, если он не хочет жить подобно заведенному автомату, марионетке в чужих руках, а хочет сам докопаться до сути своего дела, своих отношений с другими людьми, хочет быть самобытным человеком, который сам свободно строит свою жизнь.

Поэтому древний мудрец Сократ сравнивал философию с оводом, который постоянно летает над людьми, жалит их и не дает им спать, то есть жить бездумно и бессмысленно. Философия говорит человеку: думай, старайся понять, зачем ты живешь, в чем твое предназначение, в чем причина твоих бед и несчастий, кто виноват в них — общество или ты сам; ищи то дело, которое ты можешь сделать лучше всех; не поддавайся ненависти и злобе, старайся жить в любви и во что бы то ни стало делать добро; не будь сытой и всем довольной скотиной, мучайся своим несовершенством, своим неумением, своей трусостью и постоянно выковывай из себя человека; умей посмотреть на себя искренно — ведь большую часть своих достоинств и добродетелей ты сам себе придумал, ведь еще никому не стало теплее от твоего существования, никому ты еще не сделал добра, потому что делать добро — это искусство, а благими намерениями вымощена дорога в ад.

Таким образом, философия учит человека быть человеком, учит искусству жизни, искусству познания мира, искусству жить среди людей, искусству не бояться смерти и мужественно глядеть в лицо своей судьбе. Изучая философию, мы и постигаем это особое и, возможно, самое важное искусство.

Не только философия учит человека быть человеком, этим же занимаются литература, живопись, музыка, этим же занимается религия, воспитывая человека и смягчая его нравы. В отличие от них, философия пытается найти методы познания природы и общества, обобщить духовный опыт человечества и выявить в его истории некоторые закономерности. При этом философия пытается выразить свои прозрения и откровения через понятия, систему категорий, и здесь она уподобляется любой конкретной науке, такой, например, как физика или биология, и это часто дает повод называть философию наукой. Но если понимать под наукой наличие строгих и четких, логически связанных и верифицируемых (проверяемых на опыте) понятий и законов, то философия, конечно, совершенно особая область знания. Большинство философских положений опытом не доказываются и из опыта не вытекают: нельзя доказать опытным путем, что жизнь и разум возникли из развивающейся природы, нельзя доказать, что Бог есть основа мира, нельзя доказать, что человеческая свобода с необходимостью вытекает из человеческой природы и т.д.

Человеку было бы намного проще жить, если бы самые главные вопросы его существования могли бы быть однажды доказаны раз и навсегда.

Такими главными философскими вопросами великий немецкий философ Иммануил Кант считал следующие: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться? 4. Что такое человек?

На эти вопросы нельзя никогда дать окончательного ответа, каждая эпоха их решает по-своему, и каждый человек пытается на них по-своему ответить. Если физика со времен античности ушла далеко вперед в разгадке тайн материи, то философия снова и снова возвращается к этим «проклятым» вопросам, и только мучаясь над ним и пытаясь на них ответить, человечество продолжает существовать.

Попытки построения философии, — считал другой, не менее выдающийся немецкий философ А. Шопенгауэр, — были столь долго безуспешными потому, что ее пытались создать на пути науки, а не искусства (в данном случае имеется в виду искусство не как художественная деятельность, а как искусство жить, искусство познавать, искусство делать добро). Для философа категории и понятия — то же самое, что мрамор для скульптора, но так как всякое изложение в понятиях есть *знание*, то в этом смысле философия — *наука*: собственно говоря, считал Шопенгауэр, она есть нечто среднее между искусством и наукой или, вернее, нечто, объединяющее и то, и другое.

В той мере, в какой философия пытается быть наукой, подражать науке, брать на вооружение научные обороты и понятия, она является носителем знаний. Но знаний в философии мало: мы знаем годы жизни тех или иных философов, знаем основные понятия и категории, в которых пытались выразить свои идеи античные или средневековые мыслители. В той мере, в какой философия является искусством, она является носителем тайны.

Тайна — это то, что нельзя узнать, а нужно прожить: любовь — это тайна, смерть — это тайна, будешь умирать — узнаешь. Мы знаем, сколько клеток в нашем головном мозгу, какие там происходят процессы, но как к нам в голову приходит мысль — это тайна. Если бы мы ее знали, мы бы все были гениями. Самой большой тайной является сам человек, и вся его история — это процесс выяснения, что он есть такое. Как только он это выяснит, история, возможно, закончится. И главную роль в этом выяснении играет философия.

Основной вопрос философии

Когда-то философия была матерью всех наук. Собственно, никаких наук не было, а была одна философия, и первые философы назывались мудрецами. Они много, по тем временам, знали из области математики, физики, астрономии и в том числе занимались философскими вопросами. По мере роста конкретных знаний, когда их уже стало невозможно держать в одной голове, науки отпочковывались от философии, стано-

вились самостоятельными. Физика и математика, прежде всего геометрия, были первыми самостоятельными науками. В Новое время появились как отдельные науки биология, химия. Этот процесс шел до XX века. Во многих западных странах до сих пор в дипломе физика или биолога пишется — «бакалавр философии», хотя к философии эти науки уже не имеют никакого отношения. Последними науками, отделившимися от философии, стали психология и социология.

Что же осталось на долю философии, если все науки от нее отпочковались? Остались проклятые вечные вопросы, и среди них самый главный — что такое человек? В чем смысл его существования? В сравнении с этими вопросами, говорил лауреат Нобелевской премии французский мыслитель и писатель Альбер Камю, все научные, технические и социальные достижения и изобретения являются детскими игрушками. «Познай самого себя» — главный призыв всей философии.

Но познать самого себя не означает узнать, сколько у меня ферментов в желудке или нейронов в коре головного мозга. Познать самого себя — значит открыть свою истинную природу, которая не сводится ни к ферментам, ни к нейронам, ни к нашей физиологии, ни к психологии. Истинная человеческая природа — это природа сверхчеловеческая. Подобным образом рассуждает любая религия — чем человек ближе к Богу, тем более он человек, а чем ближе к животному — тем меньше в нем человеческого. Бог в этом смысле — идеальный человек, недостижимая вершина человеческого развития.

Точно также и для философии — чем больше в человеке сверхчеловеческого, тем больше в нем человеческого. Философия начинается, как считал античный мыслитель Аристотель, с удивления. С удивления тем, что на свете вообще существует нечто, а не ничто? С удивления тем, что многие наши качества — совесть, ум, красота, любовь, добро, свобода — никак не вытекают ни из нашей биологии, ни из физиологии, ни из психологии, то есть они никак материально, естественно не обусловлены. Нет таких законов в мире, по которым мы должны любить друг друга или делать добро. Нет естественных причин для любви — я люблю, потому что не могу не любить; нет естественных причин для добрых поступков, я их совершаю, потому что я добр. Но всегда есть причины для поступков злых, подлых, коварных (я украл, потому что был голоден, убил, спасая свою жизнь, и т. д.).

С этой точки зрения всех истинно человеческих качеств, делающих нас людьми, — добра, совести, любви и т. д. — не должно было бы быть вообще, — а они есть. Они как туман, который нельзя измерить, потрогать, испытать, это не физические или физиологические процессы, но если нет этих человеческих качеств, то нет и человека. Пока хоть один человек живет по законам совести, человечество будет продолжаться. В этом смысле философия и изучает человека как *сверхъестественное* существо, не вкладывая в это термин никакого религиозного смысла.

Проблема зеркала

Философию невозможно изучать вообще, подобно математике или физике, поскольку физика и в Африке и в Австралии одинакова. Но постижение философии сильно зависит от национальной и культурной специфики познающего человека, от того, как он видит и ощущает мир.

«Сумрачный германский гений», выросший из густых лесов и средневековых замков, из маленьких городов-крепостей с красными черепичными крышами, из органной музыки и вздымающихся кверху остроконечных церквей, породил в XIX веке величественную философскую картину мира, в которой могучий космический дух переплавляет косную природу в гармоничное и стройное целое.

Остроумный и сверкающий «галльский дух» д'Артаньяна и Жанны д'Арк, рожденный из искристого вина и из рыцарской доблести, постоянных поединков, войн, революций, в XVII–XVIII веках привел к возникновению французской философии, подчеркивающей величие человека, его центральное место в мире, его хрупкость и его могущество.

Необъятность русских просторов и русской души, ее бесшабашность и смиренность, цепкость ума и вера в судьбу, удивительная литература, по которой учились жизни, к концу XIX века привели в России к возникновению оригинальной и самобытной философии. Она стала развиваться настолько стремительно, что к началу XX века Россия стала в этой области выходить на первое место в мире: нигде не издавалось столько философских журналов, не переводилось такое количество философских книг, не было такого обилия философских школ и направлений. К сожалению, все это продолжалось недолго и рухнуло под ударами революции. В 1923 году в Праге вышел последний номер некогда знаменитого международного философского журнала «Логос»: в нем приводились фамилии более ста русских мыслителей, погибших в революцию и гражданскую войну.

Можно сказать, что разбилось зеркало. Когда-то было большое зеркало, называлось оно Россией, или русской культурой, или русской душой. Можно было быть блестящим гвардейским офицером, жуликоватым купцом, юродивым на паперти, — ты все равно отражался в этом зеркале. Если ты, к примеру, юродивый, то в зеркале за тобой видна была церковь, потом город, потом вся огромная страна, и все это органично обрамляло тебя и придавало тебе смысл и значимость.

А потом зеркало разбилось вдребезги на мелкие кусочки, и у каждого остался лишь маленький зазубренный осколочек, в нем почти ничего не было видно — как в кошмарном сне, когда человеку снится, что он смотрит в зеркало, а в нем никто не отражается. Увидеть в таком осколке что-нибудь действительно серьезное — свыше человеческих сил. Поэтому философия в России постепенно захирела — не осталось ника-

ких сил и духовных возможностей увидеть мир. Поскольку разбилось это зеркало, то многие самоочевидные другим вещи стали для нас непонятными: почему главной ценностью является свобода? почему человек должен быть целью и не может быть средством? почему в мире должны господствовать любовь, честь и совесть?

И сейчас, изучая философию, пытаюсь понять ее смысл и значение, мы не просто становимся образованными, — мы пытаемся спасти наше будущее. Может быть, из разбитых осколков нам удастся склеить то огромное зеркало, взглядевшись в которое, мы снова станем великим народом.

Поговорим о прочитанном:

1. Можете ли вы привести пример какой-либо тайны (таинственного, непонятого события, необъяснимого явления), с которой вы столкнулись в жизни?
2. Считаете ли вы, что в детстве, еще до школы, вы были другим человеком? И если да, то вспоминаете ли вы о том, другом человеке с сожалением или радуется, что вышли из детства, стали взрослыми?
3. Античный мыслитель Платон считал, что большинство людей подобны узникам в пещере — они связаны, сидят спиной ко входу и видят только тени того, что происходит снаружи, в подлинном мире. И эти тени на стене люди считают за единственно возможный мир. На ваш взгляд, прав Платон или это художественное преувеличение?
4. Часто ли вам бывает скучно, и если да, то как вы боретесь со скукой? Считаете ли вы, что скука — ненормальное состояние, от которого надо как можно быстрее избавиться, или это неизбежный и постоянный спутник нашей жизни?
5. Считаете ли вы, что уже сейчас в вашей жизни есть какой-то высший смысл, или он появится, когда вы вырастаете и добьетесь чего-нибудь существенного в жизни?
6. Какое детство, по вашему мнению, лучше: детство безмятежное или трудное, когда надо постоянно преодолевать препятствия и закалять волю?
7. Как вы понимаете вышеприведенную фразу: «Человек — сверхъестественное существо»? Ведь обычно под сверхъестественным понимают нечто сказочное, фантастическое, а философия утверждает, что любой человек — сверхъестественен.
8. Выше было написано: «Люди, для того, чтобы быть людьми, должны философствовать». Значит ли это, что если я не философствую, то я не человек?

Раздел I. ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ

Этот раздел рассказывает о тех философах, которые считаются учителями человечества, то есть не обо всех философах, а только о некоторых из них. О тех, чьи философские идеи оказали решающее воздействие на наши представления о мире, на воспитание людей, на развитие человеческих начал в человеке, на обуздание животных страстей и инстинктов.

Тема 1.1. ФИЛОСОФИЯ АНТИЧНОГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

Глава 1. Философия античного мира

Семь мудрецов

По преданию, у духовных истоков древнегреческой цивилизации стоят семь мудрецов, чьи идеи положили начало всей античной науке, философии, этике. Философия была матерью всех наук, и первые философы (мудрецы) знали все обо всем — не только ставили философские вопросы, но занимались и математикой, и астрономией. Любой выпускник средней школы знает сейчас намного больше, чем любой из семи мудрецов. Но то, что знает выпускник, знают миллионы других людей, а то, что знал древний мудрец, еще не знал никто, кроме него. В этом смысле знание мудреца имеет гораздо большую ценность.

Каждый из семи мудрецов знаменит своей особой фразой, афоризмом:

Клеобул Линдский	— «Мера важнее всего»
Хилон Спартанский	— «Познай самого себя»
Периандр Коринфский	— «Сдерживай гнев»
Питтак Метиленский	— «Ничего лишнего»
Солон Афинский	— «Наблюдай конец жизни»
Биант Приенский	— «Худших всегда больше»
Фалес Милетский	— «Ни за кого не рчайся»

Определения «Милетский», «Спартанский», добавляемые к именам мудрецов, говорят о стране или городе, где они жили. Семерым мудрецам приписывали и другие уроки жизненной мудрости. Вот некоторые советы, которые приводит М.Л. Гаспаров в книге «Занимательная Греция»:

Не делай того, за что бранишь других.
О мертвых говори хорошо, или ничего.
Чем ты сильнее, тем будь добрее.
Пусть язык не опережает мысли.
Не спеши решать, спеши выполнять решенное.
У друзей все общее.
Кто выходит из дома, спроси: зачем? Кто возвращается, спроси: с чем?
Не чванься в счастье, не унижайся в несчастье.
Суди о словах по делам, а не о делах по словам.

Родоначальником европейской философии считается один из семи мудрецов — Фалес, родом из Милета.

Фалес

Фалес жил в конце VII — первой половине VI веков до нашей эры. Он был знаком с достижениями науки Вавилона и Египта, а в Греции прославился тем, что в 585 году первым удачно предсказал солнечное затмение, используя полученные от финикийцев знания по астрономии. Как философ Фалес полагал, что все существующее возникло из некоего влажного первовещества, или воды. Все рождается из этого первоисточника. Вода, сгущаясь, превращается в землю, разжижаясь — в воздух, а воздух, сгущаясь, превращается в огонь. В мире происходит круговорот этих четырех стихий, но главной стихией является вода. Воды на Земле больше, чем суши, вода составляет большую часть живых организмов. Учение о первооснове, о том, из чего все состоит, — это и есть начало философии.

Над Фалесом смеялись, что он не может справиться с простыми земными заботами и оттого притворяется, будто занят сложными небесными. Чтобы доказать, что философские знания могут принести пользу, Фалес, рассчитав по приметам, когда будет большой урожай оливок, заранее скупил все маслодаильни в округе и нажил на этом много денег. «Видите, — сказал он, — разбогатеть философу легко, но неинтересно».

Философия появляется почти одновременно в VI–V веках до нашей эры во всех очагах цивилизации. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, основоположники всех последующих направлений китайской философии. В Индии были созданы книги Упанишады и жил Будда; в Иране Заратустра учил о мире, в котором идет борьба добра со злом; в Палестине выступили пророки — Илья и Исайя. В этом учебнике мы будем подробно говорить только о том, что нам ближе и понятней всего, — о европейской философии. Но чтобы помнить о том, что философия не

ограничивалась Европой, немного расскажем об основоположнике китайской философии мудреце Лао-Цзы.

Лао-Цзы

Лао-Цзы по-китайски буквально означает «старый учитель». До нас дошла книга «Дао Дэ Цзин» — древнейший источник китайской философии, по преданию составленная из высказываний Лао-Цзы его учениками. Эта книга сыграла большую роль в развитии китайской философии, она не один десяток раз переводилась на европейские языки, в том числе и на русский.

Человек входит в жизнь мягким и слабым, учит Лао-Цзы, а умирает жестким и крепким. Все существа, растения и деревья входят в жизнь мягкими и нежными, а умирают засохшими и жесткими. Жесткость и сила — спутники смерти.

Лао-Цзы — полулегендарный китайский мыслитель, основатель философии даосизма. По преданию, родился в 604 г. до нашей эры, однако историчность его личности вызывает сомнения. В его краткой биографии сказано, что он был историографом-архивариусом при императорском дворе и прожил 160 или даже 200 лет.

Центральная идея даосизма — учение о Дао (дао — путь, извечный закон развития и исчезновения всего, судьба). Поскольку никто не знает полностью закона дао, то самое лучшее для умного человека — ничего не делать. И такое «недеяние» может привести к свободе, счастью, успеху и процветанию. Всякое действие, противоречащее дао, означает пустую трату сил. Поэтому мудрый правитель, следуя дао, не делает ничего, чтобы управлять страной, и тогда она процветает, пребывая в спокойствии и гармонии.

Нет ничего в мире мягче и слабее воды, говорил китайский мудрец, и нет ничего, что бы превосходило воду в ее разрушительном действии на жесткое и крепкое. Слабое побеждает крепкое, мягкое побеждает жесткое. Нет человека, который не знал бы этого, но никто из людей не поступает так.

Лао-Цзы хотел сказать этим, что побеждать других можно только разумом, разумными доводами, разум — самое «мягкое» орудие. и в то же время самое сильное. Физическая агрессивность вызывает только отпор, а терпимость, снисходительность к недостаткам заставляют человека задуматься и попытаться понять.

Кто знает других, тот умен.

Кто знает самого себя, тот мудр.

Это подлинное начало любой философии: самое главное — знать себя. Поскольку люди в глубине своей все одинаковы, то, познавая себя,

ты начинаешь понимать все мысли и тайные движения чужой души.

Кто преодолевает других, тот силен.

Кто преодолевает себя, тот могуществен.

Кто умеет быть довольным, тот богат.

Конечно, самое трудное — победить себя, свою лень, инертность, безделье. Если ты не справляешься с самим собой, то куда уже тебе командовать и распоряжаться другими людьми.

Кто не хлопчет о жизни, мудрее того, кто ценит жизнь.

Эта мысль тоже проходит красной нитью через всю мировую философию. Нужно победить страх смерти, смело смотреть ей в лицо, — только после этого человек начинает по-настоящему ценить и понимать жизнь, полнокровно проживать каждую минуту.

Кто понимает, тот немного знает, кто много знает, тот не понимает.

Лао-Цзы, как и многие последующие философы, считал, что самое главное, самое глубокое в человеке, то, что составляет его сущность, — нельзя выразить словами, нельзя превратить в набор знаний. Мудрец не просто знает — он понимает, мудрость выше знания. Можно знать, но ничего не понимать, можно вызубрить какой-нибудь предмет и сдать его, так и не понимая, зачем учил, зачем тратил время. Такое учение и такая ученость приводят только к печали:

Если отбросить ученость — не будет и печали.

Если не превозносить талантов, то люди не будут и соперничать.

Если не ценить трудно добываемого богатства, то люди не будут становиться разбойниками.

Если не смотреть на то, что может вызвать страсть, то сердца не трепещут.

Лао-Цзы хотел сказать этим, что люди часто стремятся к совершенно излишним вещам — к славе, богатству, чувственным наслаждениям, вместо того, чтобы вести подлинно мудрую жизнь: познавать себя, вглядываться в окружающий мир, по возможности заглядывать в будущее и грустить о прошлом.

Пифагор

В отличие от Фалеса, хорошо известный нам своими геометрическими теоремами Пифагор считал, что сущностью мира является не вода, а число, что миром правят числа. Мир в своей сущности состоит из

чисел и геометрических фигур. Единица — это точка, движение единицы создает линию — это двойка. Тройка — это движение линии, создающее плоскость. Движение плоскости создает фигуру — это четверка. Тройка — число мужское, четверка — женское. Их сумма, семерка — священное число: семь струн на лире, семь планет на небе, каждое из них звучит как струна, и их звуки, слагаясь, образуют музыку сфер. Столь же священное число — их произведение, двенадцать; а тринадцать — уже перебор, чертова дюжина.

Все стихии имеют в своей сущности геометрическую форму: пирамида есть основа огня, куб — земли, восьмигранник — воздуха, двенадцатигранник — воды.

Самое известное из открытий Пифагора — это теорема о том, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов.

Как и семь мудрецов, он давал наставления о том, как надо жить. Но если у мудрецов все было сказано кратко и ясно, то у Пифагора, как полагает М. Гаспаров, все загадочно и иносказательно:

Не разгребай огонь ножом (т. е. не задевай человека вспылчивого).

Не ешь сердца (не удручай себя горем).

Не разламывай хлеб надвое (не разрушай дружбы).

Помогай ношу взваливать, а не сваливать (поощряй людей не к праздности, а к труду).

Что упало, не поднимай (перед смертью не цепляйся за жизнь).

По торной дороге не ходи (т. е. не следуй мнениям толпы).

Неясно, кого было больше в Пифагоре — математика или философа. Он считал, что математика более всего приближает человека к Богу, ибо даже Бог не может отменить то, что дважды два равно четырем. Если есть в мире законы, которым повинуются и боги, и люди, то это законы математики.

Парменид и Гераклит

Парменид Элейский жил в конце VI — начале V века до нашей эры. Парменид сделал важный шаг в становлении философии. Проблема заключалась в самообосновании философии: может ли мысль, независимо от опыта, открыть объективную, общезначимую истину? Нужно было найти точку пересечения двух непересекающихся рядов — ряда вещей и ряда мысли, точку совпадения мышления и бытия. У Пифагора такой точкой было число, а у Парменида — бытие. Бытие — это начало всего, бытие есть, а небытия нет, все заполнено бытием. Бытие — причина самого себя, она ни от чего не зависит, наоборот, все зависит от него.

Бытие не возникает и не уничтожается, его не может быть больше или меньше, оно не может быть вчера или завтра, оно всегда сейчас. Оно целокупно и неподвижно, про него невозможно сказать, что оно развивается, поскольку оно в каждый момент самодостаточно. Оно завершено, закончено, существует в строгих границах и похоже на совершенно круглый шар, любая точка на котором равно отстоит от центра. Шар, центр которого везде, а периферия нигде (то есть из любой точки, взятой на поверхности шара, можно провести прямую через центр). И еще: бытие и мысль, ее постигающая, — это одно и то же.

То, что здесь говорится о бытии, мы можем приблизительно понять через такие его проявления в нас, такие бытийственные характеристики, как совесть, любовь, честь, ум и т. п. Скажем, не может быть совести на пятьдесят процентов, совесть неделима, — либо она есть, либо человек бессовестный. Нельзя быть совестливым завтра или вчера, можно только здесь и теперь, совесть не развивается, не становится лучше или хуже, и совесть, наконец, не имеет причин во внешних эмпирических обстоятельствах: поступил по совести, потому что просто не могу иначе, нет никаких других внешних причин. К тому же мысль о совести и сама совесть — это одно и то же. Совесть дана нам только в мыслях, больше ее нигде нет и, только находясь в состоянии совести, человек способен о ней мыслить.

В связи с этим ясно, что бытие вовсе не есть окружающий нас материальный мир, совокупность вещей или какая-то высшая нематериальная субстанция — Бог или мировой разум и т. п. Бытие открывается нам, становится доступным для нашей мысли, когда мы находимся в особом специфическом бытийном состоянии — состоянии совести или любви (любви также не бывает на пятьдесят процентов, для нее также не бывает никаких материальных причин и т. д.), в таком состоянии ума (а не просто знания), когда приходят мысли и слова, в которых звучит голос бытия. Такие мысли нельзя вызвать усилием воли, такие слова нельзя придумать. Бытие — это то, что всегда уже есть, оно может только открыться нам, если мы приложим усилия и если нам повезет попасть в соответствующее состояние.

Внешне очень противоположным Пармениду, но на деле точно так же озабоченным проблемой бытия философом был Гераклит из города Эфеса (520–420 гг. до нашей эры). В противовес Фалесу Гераклит утверждал, что все в мире из огня: «Мир есть, был и будет вечным огнем, мерами затухающий и мерами возгорающийся». Как огонь, так и весь мир, и вся жизнь зыбки, неустойчивы, непостоянны, изменчивы. Первое знаменитое изречение Гераклита: «Все течет, все изменяется, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Философы трактуют эту фразу как пример изменчивости и текучести всего: бытие, в отличие от парменидовского понимания, это вечное становление.

Но что заставляет мир постоянно изменяться? По Гераклиту — борьба противоположностей, которыми все пронизано в мире: борьба доброго и злого, мертвого и живого, больного и здорового, все друг с другом воюет. «Война отец всего и царь всего, она являет одних богами, других людьми, она делает одних рабами, других свободными».

Другая знаменитая фраза Гераклита: «Многознание уму не научает». Можно много знать, но не быть при этом умным. Истинное знание добывается изнутри, из самопознания.

Гераклита называли Темным из-за его непонятных на первый взгляд высказываний: «Бессмертные смертны, смертные бессмертны. Люди смертью друг друга живут и жизнью друг друга умирают», «Путь вверх и вниз один и тот же, путь туда и сюда — один и то же», «Не будь Солнца, мы бы не знали, что такое ночь».

Гераклит и не хотел, чтобы его понимали. Он не вел бесед, не давал уроков, как другие философы, а записал свое учение в книгу и положил ее в храм Артемиды Эфесской. Мудрый найдет и поймет, а немудрому и понимать незачем. Гераклит гнушался жить среди переменчивых людей с их переменчивыми заботами. Он был царем, но отдал власть другому. Его просили написать законы, он ответил: «Никакими законами вас не исправишь». А когда Гераклита оставили в покое, он сел под стеной храма Артемиды и стал играть с мальчишками в кости. Смеющимся над ним он ответил: «Разве это не то же, что ваша политика?». В памяти греков он остался как «плачущий» философ — плачущий о людском ничтожестве.

АТОМИСТЫ

Философы Левкипп и Демокрит были родоначальниками учения об атомах. От Демокрита из Абдер (460–360 гг. до нашей эры) до нас дошли многочисленные отрывки его сочинений. Демокрит учил о том, что весь мир состоит из атомов и пустоты, в которой эти атомы падают. Все вещи, которые различаются по объему, форме, порядку, положению и т.д., есть лишь различные конфигурации атомов. Это была чисто интуитивная гипотеза, у Демокрита не было никаких электронных микроскопов, но он имел яркое воображение и пылкий ум. Правда, есть и такая точка зрения, что учение Демокрита не имеет отношения к физике, что для него атом (неделимый) — это единица ума (ума не может быть больше или меньше), а пустота — это глупость.

Отец Демокрита был очень богатым человеком. Когда он умер, сын отказался от земли, домов и стад, взял денег и поехал путешествовать и набираться мудрости в Египет, Вавилон и другие страны. Вернулся Демокрит без денег, поселился в уединенном месте, занимался науками и

смеялся над людьми, которые ищут счастья в чем-либо другом. Его привлекли к суду за растрату отцовского наследства, а он зачитал судьям свою книгу об устройстве мира. Его сочли сумасшедшим и вызвали самого знаменитого врача Греции — Гиппократа. Тот побеседовал с Демокритом и объявил жителям Абдер: «Демокрит — мудрец, а сумасшедшие — это вы». Тогда Демокриту выдали еще денег взамен расстреленных и поставили ему статую.

Демокрит прожил сто лет, он ослеп перед смертью, но некоторые считали, что он сам ослепил себя, чтобы ничто вокруг не отвлекало его от научных размышлений.

Софисты и Сократ

Софисты были первыми философами, преподававшими философию, причем за большие деньги. С их точки зрения, философия — это искусство спора. Они учили всевозможным приемам полемики, зная которые, можно обмануть, победить и высмеять своего собеседника. Они считали себя не мудрецами, не философами, а специалистами по мудрости. Самым известным из софистов был Протагор, которому приписывают следующую фразу: «Человек есть мера всех вещей, — существованию существующих и несуществованию несуществующих». Это означает, что все в мире относительно, все зависит от человека, от его умения отстаивать свою точку зрения и от его веры. Так, если люди верят в богов, то боги есть, а если не верят — богов нет!

У Протагора был ученик Еватл, которого он выучил на адвоката и который должен был уплатить учителю гонорар после первого выигранного им судебного процесса. Ученик, однако, не торопился в суд, и учитель пригрозил, что сам обратится туда, чтобы взыскать гонорар за обучение. «Но я же еще не выиграл ни одного дела и платить не должен!» — возмутился Еватл. Протагор ответил: «Если мы подадим в суд и выиграю я, то ты заплатишь, потому что проиграл дело, если выиграешь ты, то заплатишь, потому что выиграл и теперь должен платить за обучение, благодаря которому выиграл». Ученик Протагора не остался в долгу: «Если я проиграю, то платить не обязан, поскольку проиграл и, значит, ты меня плохо обучил; если выиграю, то не должен платить, поскольку выиграл».

Это очень похоже на известный софизм (логически противоречивое высказывание, которое, тем не менее, внешне выглядит правильным): «Когда человек говорит, что он лжет, то лжет он в этот момент или говорит правду?».

БИБЛИОТЕКА

ГОУ СПО «Нижегородский
экономический техникум»
603122, г. Нижний Новгород, ул. Малая, 53

Во многом унаследовал приемы софистов Сократ. Но в отличие от них Сократ был не специалистом по мудрости, а настоящим мудрецом, учителем европейской цивилизации. Он не писал философских сочинений, он жил так, как учил. И таких примеров мало в истории мировой философии, мало тех, кто свою жизнь сделал своей философией. Обычно Сократ бродил по улицам Афин, сопровождаемый учениками, вступал в споры со встречными и, как правило, высмеивал их, иногда добродушно, иногда довольно зло.

Сократ (470-469–399 гг. до нашей эры) родился в Афинах в семье каменотеса и повивальной бабки (акушерки). Самая известная его фраза: «Я знаю, что я ничего не знаю». Однажды в Афины приехал с Востока великий мудрец, и Сократ отправился поговорить с ним. Вышел он очень разочарованным: «Он еще глупее меня, я хоть знаю, что я ничего не знаю, а он и этого не знает!». Сократ принципиально не занимался никакими науками о природе, утверждая, что все тайны мира человек может открыть, познавая себя. «Познай самого себя и ты познаешь самое главное» — такова вторая его знаменитая фраза. Поскольку Сократ сам ничего не писал, то все, что мы о нем знаем, дошло до нас в основном благодаря произведениям его ученика Платона. Во всех платоновских диалогах главный герой — Сократ.

Например, Сократ мог спросить встреченного знакомого:

- Слышал я, друг мой, что ты очень умный!
- Да уж дураком себя не считаю, Сократ, — отвечал знакомый.
- А знаешь ли ты, что такое добро и зло?
- Конечно знаю, клянусь собакой, Сократ, кто этого не знает!
- Тогда скажи: обман — это зло?
- Несомненно!
- А если мать обманывает ребенка, говоря, что лекарство сладкое, лишь бы он выпил — это зло?
- Да вроде нет.
- А убийство, конечно, зло?
- Еще бы!
- А если человек убивает, защищая свой дом, свою семью — это зло?
- Клянусь собакой, не знаю, Сократ. Раньше я думал, что мне хорошо понятно, что есть добро и зло, а теперь я сомневаюсь.
- Ничего ты не думал раньше, — говорил ему Сократ, — ты просто верил бездумно тому, что тебе говорили другие, тому, что ты где-то прочитал или увидел. А сам ты только сейчас, может быть, начнешь задумываться.

Главная идея Сократа в том, что есть вещи, которыми и должна заниматься философия, — некие общие понятия: красота вообще, зло вообще, добро, мудрость, совесть, честь. Эти понятия помогают нам разобраться в хаосе повседневной жизни, обнаружить в ней устойчивые закономерности.

Сократ говорил, что мудрый человек никогда не делает ошибок: если человек усомнился в очевидных вещах, продумал все последствия своих поступков, пересмотрел все возможные варианты и только после этого совершил поступок, велика вероятность того, что он не ошибется. Мудрость — это как бы образующаяся с годами способность всегда поступать правильно. Сократ призывал молодых никогда не класть в основание своих поступков чужие, непроверенные мысли или идеи. А те люди, над которыми он насмеялся, обвинили его в том, что он растлевает молодежь: раньше молодежь верила своим отцам, верила старшим, безоглядно верила во все идеалы и ценности, а теперь во всем сомневается, никому не верит, идею не слушается.

И Сократа приговорили к смерти. К нему приходили друзья, говорили, что можно бежать, что наготове стоит корабль, но Сократ остался в тюрьме. «Если я убегу, — считал он, — то все решат, будто все, что я проповедовал, это только болтовня, от которой я отказался. Но я должен своей кровью подкрепить свое учение, своей смертью». Так он и умер; выпив чашу с ядом, до самого конца оставался в ясном сознании, беседовал со своими учениками.

Сократ дает яркий пример того, что «невидимые» человеческие качества — добро, зло, добродетель, мужество, честь — на самом деле составляют вторую, подлинную природу человека, представляют собой тот материал, из которого человек строится. И материал этот гораздо более прочный, чем наши кости, мускулатура, все тело человека. Сократ умер очень давно, но он гораздо живее многих наших современников, поскольку то, что он сделал и сказал, еще и сегодня живет в нашем сознании, в нашем понимании самих себя, в осознании нами своего места в мире.

После Сократа развивать дальше его учение пытались сразу несколько философских школ. Главными из них были киники, киренаики и мегарская школа.

Киники

Самым ярким представителем школы киников (или, в латинской транскрипции, циников) был греческий философ Диоген из Синопа (умер около 330–320 г. до нашей эры). Современники называли его «взбесившимся Сократом». Диоген начал свою сознательную жизнь с того, что пошел к дельфийскому оракулу и спросил, как ему нужно жить. Предсказатель ответил, что нужно произвести переоценку ценностей. Диоген понял это по-своему и начал чеканить фальшивые монеты, попался и был отдан в рабство. Когда его вывели для продажи на рынок, Диоген кричал:

— Кто хочет купить себе господина!

И когда один человек купил его, Диоген сказал покупателю, что теперь тот должен его во всем слушаться. Тот рассмеялся, но потом действительно во всем слушался Диогена и даже доверил ему воспитание своих сыновей, потому что Диоген оказался мудрым и знающим человеком. Но совершеннейшим циником в современном понимании этого слова. Киники — по-гречески «собаки». Диоген и учил, что надо жить подобно собаке — просто и неприхотливо, бросая вызов богатству, обжорству, пьянству. Идеал мудреца — полное опрощение. Сам он поселился в бочке, питался одной капустой, жил на то, что ему подавали. Но при этом был очень гордым человеком. Когда Диоген потребовал денег у одного богача, тот сказал: «Ты уговори меня, может быть, тогда я тебе и дам.» На что Диоген ответил: «Если бы я мог тебя уговорить, я бы уговорил тебя удавиться!»

Диоген днем ходил с зажженным фонарем и объяснял всем спрашивавшим: ишу человека. Он всегда говорил, что людей полно, а человека найти трудно. Большинство людей живет не по-человечески — соревнуются в богатстве, в жадности, в том, кто кого скорее столкнет в канаву, кто кого скорее одурачит. Никто не соревнуется в искусстве быть прекрасным и добрым. Он удивлялся тому, что грамматик изучают бедствия Одиссея и не видят своих собственных; музыканты настраивают струны на лире и не могут сладить с собственным нравом; математики следят за солнцем и луной и не видят того, что у них под ногами; учителя учат правильно говорить и писать, но не учат правильно поступать: скряги ругают деньги, а сами их любят больше всего.

Народ смеялся над ним и спрашивал, зачем он просит милостыни у статуи.

— Приучаю себя к отказам, — отвечал Диоген.

Однажды раз он пришел на лекцию к известному философу, сел в задних рядах, достал из мешка рыбу и поднял над головой. Сначала один слушатель обернулся и стал смотреть на рыбу, потом другой, потом почти все. Взбешенный философ ругался:

— Ты сорвал мне лекцию!

— Но что стоит твоя лекция, если какая-то жалкая рыба всех отвлекла.

Однажды он закричал: «Эй, люди!» — но когда сбежался народ, напустился на них с палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев».

Человеку, спросившему его, в какое время следует завтракать, он ответил: «Если ты богат, то когда захочешь, если беден, то когда можешь».

Торговец Лисий спросил Диогена, верит ли он в богов. «Как же мне не верить, — сказал Диоген, — когда тебя я назвать не могу иначе как богом обиженным?»

На вопрос, какое вино ему вкуснее пить, он ответил: «Чужое».

Ему сказали: «Тебя многие поднимают на смех»; он ответил: «А я все никак не поднимусь».

На вопрос, почему люди подают нищим и не подают философам, Диоген сказал: «Потому что они знают: хромыми и слепыми они, быть может, и станут, а вот мудрее — нет».

Идеалом мудрой жизни была для Диогена «автаркия» — внутренняя самодостаточность, безразличие ко всему внешнему. Когда он грелся на солнце, Александр Македонский, остановившись над ним, сказал: «Проси у меня, чего хочешь»; Диоген отвечал: «Не заслоняй мне солнца».

Несмотря на насмешки и издевательства, большинство людей любило Диогена, и когда какой-то хулиган разбил его глиняную бочку, граждане города собрали деньги и купили ему новую. Никому в голову не пришло купить ему дом, да Диоген и не стал бы, наверное, жить в доме, ибо считал это слишком роскошным и не нужным для себя.

Поскольку киники, в том числе и сам Диоген, называли себя собаками, то, когда он умер, современники поставили ему мраморный памятник в виде собаки с надписью: «Даже бронза ветшает со временем, но слава твоя, Диоген, во веки не пройдет, ибо лишь ты сумел убедить смертных, что жизнь сама по себе достаточна, и указать наипростейший путь жизни».

Цинизм в такой мягкой диогеновской форме, пренебрежительное отношение ко всем внешним благам — одежде, комфорту, богатству, славе, — до сих пор имеет последователей. Например, хиппи — мощное молодежное движение в Европе и Америке.

Киренаики

Киренская школа названа по имени города Кирена (Северная Африка). Свою философию они основывали на принципе удовольствия (hedone — удовольствие, наслаждение), отсюда гедонизм как название такого рода этических концепций. Человек стремится к удовольствиям и испытывает отвращение к страданиям. Отсюда критерий поведения — делать только то, что приносит удовольствие. Надо только не быть рабом удовольствия. Мудрость состоит в том, чтобы, пользуясь жизненными благами, господствовать над ними, а не подчиняться им. Нужно быть свободными от внешних благ и не реагировать на неприятности слишком болезненно. Самым известным киренаиком был Аристипп. Рассказывают, что когда сиракузский тиран Дионисий I плюнул в Аристиппа, жившего у него при дворе, тот стерпел, а на упреки ответил: «Рыбаки подставляют себя морским брызгам, чтобы поймать мелкую

рыбешку; но почему я не могу вынести брызг слюны, желая поймать большую рыбу?» Диоген называл Аристиппа «царским псом», но тот вовсе не заслуживал подобного презрения, ибо никогда ничего не принимал всерьез, — любил роскошь, но совершенно равнодушно с ней расставался, как и с деньгами, он никогда не был ничьим слугой и ничьим подданным. Аристипп смотрел сверху вниз на тех, чьими милостынями пользовался, словно играя в какую-то забавную игру, которую можно прервать, когда захочется. Он твердо знал: все на свете суета и ложь, все видимость, все в конце концов проходит, и ты остаешься в своей первозданной наготе и скудости. Сила, управляющая нами, наша власть, наша судьба — в нас самих, человек сам определяет свою жизнь и тем успешнее, чем лучше овладел философией.

Гегесий (ок. 320 — ок. 280 гг. до нашей эры) весьма своеобразно интерпретировал наследие Аристиппа. С его точки зрения, всякое удовольствие всегда так или иначе сопровождается неудовольствием, — неразрывно связаны наслаждение и боль, вкусная еда и пресыщение, интересные занятия в конце концов разочаровывают. Иначе говоря, чтобы жить безболезненно, надо жить без наслаждения; чтобы не знать огорчения, надо не знать любви. Но поскольку наслаждение — высшее состояние, высшая ценность, то жизнь без наслаждения невыносима, и лучше умереть. Поэтому он и проповедовал самоубийство. Рассказывали, что после лекций Гегесия многие тут же и кончали с собой.

Мегарики

Мегарская школа получила свое название от города Мегара, где жил основоположник школы Евклид, ученик Сократа. С точки зрения мегарцев, главная добродетель — умение правильно мыслить. Хорошо развитое мышление, создание всевозможных парадоксов и загадок, на которые невозможно ответить и с помощью которых можно господствовать над умами других людей, — все это очень характерно для мегариков. Чем-то они похожи на киников, только это кинизм (цинизм) в области логики. Основной автор парадоксов и софизмов этой школы — Евбулид.

Вот, например, сорит (парадокс) «Куча»: одно зерно — не куча, два зерна — не куча, но с каким же брошенным зерном возникает куча? Или сорит «Лысый»: если у человека будет выпадать по одному волоску, то рано или поздно он облысеет. Спрашивается, с каким по счету выпавшим волосом можно считать, что человек лысый? Ведь когда останется тридцать или сорок волос, человек все равно уже лысый.

Сорит «Рогатый»: имеешь ли ты то, что не терял? Естественно, что человек отвечает утвердительно. Но потом следует вопрос: ты не терял рога? Значит, ты рогатый.

Или еще одно парадоксальное рассуждение «Лжец»: когда человек говорит, что он лжет, — то лжет он или говорит правду?

Ни на один из вышеприведенных парадоксов нет однозначных ответов, эти парадоксы вытекают из самой природы мышления.

Платон

Ученик Сократа Платон (427–347 гг. до нашей эры) впервые создал целую философскую систему. До нас дошло большое количество трудов Платона: «Тезет», «Федон», «Пир», «Тимей», «О государстве», «Законы». Почти во всех произведениях Платона, написанных в форме диалога, главным героем является Сократ, который спорит со своими противниками и всегда побеждает в споре.

Главная часть философии Платона — учение об идеях. Мир имеет три слоя: верхний слой — идеи. Имеются идеи всего: стола, стула, человека, лошади, добра, зла, совести и т.д. Мир идей — это истинный мир, бытие. Мир материи — это неистинный мир, небытие. Мир вещей — это полуистинный мир, смесь бытия и небытия. Мудрость заключается в том, чтобы во всех вещах и явлениях найти их идею, найти общий закон, всем управляющий. С Платона начинается наука как таковая.

Другая часть учения Платона — теория познания. Он считал, что человека ничему нельзя научить, если понимать обучение как перекладывание знаний из одной головы в другую. Самое важное человек должен вспомнить сам. Как у всякого античного мыслителя, в рассуждениях Платона есть два уровня — мифологический и философский. Согласно мифологическому, душа до рождения человека жила среди богов, и когда она вселяется в родившегося человека, он и должен вспомнить то, чему его душа научилась до рождения. Но здесь заложен и глубокий философский смысл: нельзя научить самому главному, тому, что можно достать только из самого себя. Нельзя научить быть Эйнштейном, нет таких учебников по физике, нельзя научить быть Моцартом, сколько ни изучай теорию композиции. То главное, что было у Эйнштейна и Моцарта, было создано их глубокими внутренними усилиями, — в этом смысле действительно было вспомнено.

Третья часть учения Платона касается государственного устройства. С его точки зрения в идеальном государстве должно быть три класса: философы управляют, стражники охраняют, ремесленники работают. Когда ребенок достигает пяти лет, его приводят к философам, и те решают, в какой класс его отдать в зависимости от его склонностей. В таком обществе, считал Платон, будут счастливы все, потому что каждый занимает то место, которого заслуживает. Правитель Сиракуз Дионисий Старший пригласил Платона к себе и предложил устроить по

платоновскому плану собственное государство. Но ничего, конечно, у них не получилось, и Дионисий, разгневавшись, продал Платона в рабство, из которого его выкупили друзья. Через двадцать лет Платону вновь предложили приехать в Сиракузы и основать «философское государство». И Платон снова поехал, и опять вернулся ни с чем, только на этот раз он понял, что философия — это одно, а жизнь — совершенно другое. И если внедрять философские идеи непосредственно в жизнь, то ничего хорошего из этого не получится.

Эпикур: как жить счастливо

Эпикур (341–270 гг. до нашей эры) написал более 300 трудов, в том числе «О природе», «Об атомах и пустоте», «О богах», «О судьбе». Он купил в Афинах дом с садом и поселился там со своими учениками. Так возник знаменитый «Сад Эпикура», над входом в который было начертано: «Гость, тебе будет здесь хорошо: здесь удовольствие — высшее благо». Сад Эпикура — это замкнутое товарищество единомышленников.

Эпикур развивал атомистические идеи своего учителя Демокрита. Он тоже считал, что в мире нет ничего кроме атомов и пустоты, но ввел в атомистическую теорию существенное дополнение. Для Демокрита все в мире до мелочей предопределено «железными законами» движения атомов. Согласно Эпикуру, атомы в своем движении могут отклоняться от своего пути, поэтому в мире существует случайность, и, следовательно, есть возможность свободы.

Но Эпикур больше интересен нам своим учением о мудрой жизни. Он считал, что смыслом жизни является наслаждение. Но когда мы можем жить, наслаждаясь? Только тогда, когда у нас ничего не болит, ничто нам не грозит, когда у нас есть кусок хлеба и крыша над головой. Наслаждение понималось им весьма скромно. «Нельзя жить сладко, — говорил Эпикур, — не живя разумно, хорошо и праведно; и нельзя жить разумно, хорошо и праведно, не живя сладко».

У человека, полагал Эпикур, есть два врага: страх и надежда.

Есть страх перед богами и страх смерти. Но богов бояться глупо: боги слишком высоко и никогда не вмешиваются в человеческую жизнь. Смерти также бояться глупо, поскольку мы с ней никогда не сталкиваемся: пока мы живы, смерти еще нет, а когда смерть пришла — нас уже нет.

Надежда — более сильный враг: человек всегда надеется, что завтра жизнь станет лучше, что он вдруг получит много денег (как писал А.П. Чехов, «у русского человека одна надежда — выиграть в лотерею сто тысяч»), что новый правитель будет мягче и умнее, а люди перестанут быть такими жестокими и глупыми. Ничего в этом мире не изме-

нится, считал Эпикур, все останется таким, каким было всегда. Измениться должен ты сам. Ты должен достичь *невозмутимого спокойствия* (атараксии, по-гречески), и тогда тебе не будет дела до умных или глупых правителей, до богатства или глупости других людей.

Эпикур советовал не откладывать занятия философией в молодости, а в старости не переставать изучать ее: ведь для душевного здоровья нельзя быть ни незрелым, ни перезрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, что быть счастливым еще рано или уже поздно.

Роскошь, по Эпикуру, слаще всего для тех, кто менее всего нуждается в ней. Все, чего требует природа, легко достижимо, а все излишнее — трудно достижимо. Самая простая еда доставляет не меньше наслаждения, чем роскошный стол, если только не страдать от того, чего нет; даже хлеб и вода доставляют величайшее из наслаждений тому, кто голоден. Поэтому привычка к простым и недорогим кушаньям и укрепляет здоровье, и позволяет не страшиться превратностей судьбы.

Своим желаниям мы придаем слишком большое значение. Согласно Эпикуру, желания бывают трех видов: 1. естественные и необходимые; 2. естественные, но не необходимые; 3. не естественные и не необходимые. Естественные и необходимые желания — те, которые избавляют от страданий, например, питье при жажде; естественные, но не необходимые — те, которые только разнообразят наслаждение, но не снимают страдания, например, роскошный стол; не естественные и не необходимые — например, почетные венки и статуи.

Вообще неестественно все чрезмерное. Так, размер богатства, требуемый природой, ограничен и легко достижим; а размер богатства, требуемый праздными мнениями людей, простирается до бесконечности. «Бедность, измеряемая целью природы, есть великое богатство, а неограниченное богатство есть великая бедность». Как бы ни были приятны наслаждения тела, но наслаждения души более значительны, ибо душа живет не только настоящим, но и прошлым, и будущим. Главное — быть хозяином собственным желанием, укротителем своих страстей, и тогда отпадут многие из забот, которые обычно омрачают наше существование.

Эпикур жил в смутное и тяжелое время, поэтому старался избегать политики, которая была весьма опасным и неблагодарным занятием. Его важнейший принцип гражданской жизни: «Живи незаметно».

Стоики о мудрой жизни

С точки зрения греческих и римских стоиков, «атараксия», безмятежность и невозмутимость, душевный покой мудреца — это жизнь

элитарная, жизнь немногих избранных, удалившихся в эпикурейский «Сад». Но достойной жизнью могут и должны жить все. Надо лишь знать, что для каждого человека ценно, что способствует счастью. Это то, что согласно с разумом, то есть добродетель. А зло — противоположность добродетели, то есть порок. Благо — это четыре основные достоинства: благоразумие, умеренность, справедливость и мужество. Зло — неразумие, необузданность, несправедливость и трусость. Все остальное — жизнь и смерть, слава и бесславие, тяжкий труд и наслаждение, богатство и бедность, болезнь и здоровье — от нас не зависят и потому относиться к ним надо равнодушно.

Хризипп, Клеанф, Сенека, Марк Аврелий и другие стоики считали идеалом подлинно моральной жизни *апатию*, то есть полное безразличие. Человеку нужно лишь одно: мужественно переносить удары судьбы, не плакать, не унижаться, не подличать, не опускаться ниже человеческого достоинства, при любых испытаниях и страданиях оставаться человеком.

Знаменитый римский стоик Сенека писал своему другу Луцилию, что спокойная жизнь не для тех, кто слишком много думает о ее продолжении. Нужно каждый день размышлять, чтобы можно было равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком — за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мученьями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют. Сделай твою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о жизни. Никакое благо не принесет радости своему обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего безболезненнее утратить то, о чем не стоит жалеть. Поэтому нужно укреплять мужество и закалять свой дух. Кто презирает собственную жизнь, тот стал ее хозяином.

Сенека Луций Анней (около 5 г. до нашей эры — 65 г. нашей эры) — римский философ, поэт и государственный деятель. В 49–54 годах — воспитатель будущего императора Нерона. После вступления Нерона на престол Сенека в течение ряда лет оказывал решающее влияние на управление империей, затем впал в немилость и, обвиненный в участии в заговоре, был вынужден покончить самоубийством.

Из его философских сочинений до нас дошли «Нравственные письма к Луцилию», «О милосердии», «О благодеяниях», «Исследования о природе».

Сенека писал и о значимости занятий философией. Он призвал сначала разобраться в самом себе, со всех сторон осмотреть себя и проверить — в чем ты преуспел: в философии или в жизни. Философия — не лицедейство напоказ толпе. Философом надо быть не на словах, а на деле. Философия — не для того, чтобы приятно провести день и без скуки убить время. Она выковывает и закаляет душу, подчиняет жизнь порядку, управляет поступками, указывает, что следует делать и от чего

воздержаться. Без философии нет в жизни бесстрашия и уверенности: ведь каждый час случается так много, что нам требуется совет, которого можно спросить только у нее.

Выдающимся стоиком был римский император (в 160–180 гг. до нашей эры) Марк Аврелий. Энергичный и деятельный правитель и полководец, он умер во время эпидемии чумы. После смерти Марка Аврелия были найдены его философские записки, которые получили условное название «Наедине с собой». Император-стоик очень остро ощущал течение времени и краткость человеческой жизни: позади безмерная бездна времени, впереди другая беспредельность, и перед этими безднами одинаково ничтожны и самая долгая, и самая короткая человеческая жизнь. Тщетна и надежда надолго остаться в памяти потомков. Ничтожна самая долгая посмертная слава, она держится лишь в нескольких поколениях, не знающих и самих себя, а не только тех, кто давно умер. Некоторое время еще помнят великих людей, а простого человека, едва он умрет, никто уже не вспоминает, будто его и не было.

И все-таки, несмотря на очевидную бессмысленность и тяготы существования, есть вещи, которых надо держаться — это справедливость, истина, благоразумие и мужество. Вся жизнь — суета, но кое к чему надо относиться серьезно: «праведное мышление, общепользная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее как необходимое, как предусмотренное, как проистекающее из общего начала и источника».

Как и прочие стоики, император считал, что бесполезно бороться с судьбой и надо принимать жизнь и смерть так, как они происходят. Жить так, как если бы каждый день был последним, и каждое дело, которое ты делаешь — последнее в твоей жизни. «Итак, проведи этот момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая слива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к произведшему ее дереву». На этом мужественном пути может помочь только философия, которая приучает наш разум стоять выше наслаждений и страданий, и безропотно ждать смерти, как разложения тех элементов, из которых состоит всякое живое существо. Если для элементов нет ничего страшного в постоянном переходе друг в друга, то и у человека нет оснований бояться изменений и разложения.

Избранные тексты

О мудрой жизни

Речь Сократа на суде после вынесения смертного приговора.

«Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш

город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватает-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное — все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти не трудно, о мужи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, — тем, что идет проворнее, — нравственною порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они — при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, — когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говоря я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь

такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас».

(Платон. *Апология Сократа* // Сочинения.
В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 93–94)

Постоянное занятие философией дает необходимое душевное здоровье

«В одном не вправе мы жаловаться на жизнь: она никого не держит. Не так плохо обстоят дела человеческие, если всякий несчастный несчастен только через свой порок. Тебе нравится жизнь? Живи! Не нравится — можешь вернуться туда, откуда пришел. <...>

Никто из нас не думает, что когда-нибудь да придется покинуть это жилище. Так старых жильцов привычка к месту делает снисходительными и удерживает в доме, как бы плохо в нем ни было. Хочешь быть свободным наперекор этой плоти? Живи так, словно завтра переедешь! Всегда имей в виду, что рано или поздно лишишься этого жилья, — и тогда ты мужественней перенесешь неизбежность выезда. <...>

«Когда я закончу то-то, тогда налягу всеми силами; когда улажу эту неприятность, тогда и предамся ученым занятиям». — Нет, философии нельзя отдавать один лишь досуг — надо всем пренебречь ради усердия к ней, для которой никакого времени не хватит, хотя бы наша жизнь и продлилась до крайнего срока, отпущенного людям. Бросишь ли ты философию на время или навсегда — разницы нет: она не останется там, где ты прервал занятия, — нет, как распрямляется сжатое силой, так возвращается к самому началу все, что не движется непрерывно вперед. Нужно сопротивляться делам и не распределять их, а устранять. Не бывает времени, неподходящего для спасительных занятий, — хотя многие оставляют их из-за тех дел, ради которых и нужны занятия. — «Но случается, что-нибудь и мешают». — Мешает, да не тому, чья душа при любых хлопотах радостна и открыта. Веселье не достигших совершенства прерывается, радость мудреца постоянна, ее не прервет никакая причина, никакая судьба. Мудрый всегда и везде спокоен. Ведь он от чужого не зависит и не ждет милости ни от фортуны, ни от людей. Счастье у него как дома: будь это счастье в его душе пришло, оно бы и ушло оттуда, но ведь оно в ней и родилось. <...>

Между достигшим мудрости и идущим к ней та же, повторяю, разница, что между здоровым и оправляющимся от долгой и тяжелой болезни, у которого нет еще здоровья, а есть облегчение недуга. Не будет он внимателен — наступит ухудшение, и все начнется сначала. А мудрец не может ни заболеть снова, ни занемочь тяжелее. Телу здоровье

дается на время, врач если и вернет его, то не навсегда, и часто врача зовут к тому же, к кому приглашали прежде. А душа излечивается раз навсегда. Я скажу тебе, как распознать здорового: он доволен собою, доверяет себе, знает, что для блаженной жизни ничего не дают ни все молитвы смертных, ни те благодеяния, которые оказывают, которых добиваются. Ведь все, к чему можно прибавить, несовершенно, от чего можно отнять, не вечно; а кому нужна вечная радость, тот пусть радуется только своему. Все, на что зарится толпа, притекает и утекает; fortuna ничего не дает во владение, но и преходящие ее дары приятны лишь тогда, когда разум их приправит и смешает: ведь это он умеет придавать вкус даже тем внешним благам, которые невкусно поглощать с жадностью».

(Сенека. *Нравственные письма к Луцилию* // Сенека. Честерфильд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., Политиздат. 1992. С. 47, 49–50).

Поговорим о прочитанном:

1. Сократ утверждал, что добродетель есть знание. Считаете ли вы, что можно стать нравственным человеком, выучив все правила поведения и хорошо зная, что хорошо, а что плохо? Или высказывание Сократа не столь однозначно и подразумевает более глубокое понимание?
2. Стоики говорили, что с судьбой бороться бесполезно: кто за судьбой не идет, того она тащит. Как вы считаете, что более разумно: изменять себя или изменять внешние обстоятельства, если они вам не нравятся?
3. Можно ли сейчас жить так, как призывал Эпикур, то есть достичь атараксии, невозмутимого спокойствия? Или в наше суетное, шумное и беспокойное время это невозможно?
4. Некоторые древние мыслители утверждали, что добро и зло, прекрасное и постыдное — все относительно. Что для одного благо, для другого зло, что для одного прекрасно — для другого безобразно. Можно ли с этим согласиться? Или есть какие-то общеобязательные правила и нормы морали?
5. Как вы понимаете слова Диогена: людей много, а человека найти трудно?
6. Чем, по вашему мнению, отличается мудрый человек от умного, знающего?
7. Что для вас значат слова Сократа: «Смерти избежать нетрудно, гораздо труднее уйти от нравственной порчи»?
8. Лао-Цзы говорил, что если отбросить ученость — не будет и печали. В Библии написано: «Кто умножает познания, умножает скорбь». Может быть, надо меньше знать, чтобы меньше печалиться? Или мудрецы хотели этим сказать, что одних только знаний человеку мало, нужно что-то еще?

Глава 2. Философская мысль Средних веков

Принято считать, что Средние века начинаются с 467 года, с падения последнего римского императора Ромула Августа. Но грань, отделяющая средневековье от античности, приходится на годы правления первого христианского императора Константина Великого (306–337). Возникновение Средних веков — это огромный перелом в жизни европейских народов. Рухнул весь античный мир с его бытом, религией, философией, искусством. Нужна была новая мифология, новые мифы, новые символы. И задачу создания этого нового мира взяла на себя христианская религия. Так, например, место театра и скульптуры, основных видов искусства в античности, занимают литургия и икона. Скульптуры теперь считают идолами, а воздвигать идолов — кощунственно. Литургия — это четкая форма предстояния человеческого коллектива перед вечностью. Как пишет по этому поводу известный ученый С. С. Авринцев, «литургия объединяла вокруг себя целостный комплекс искусств: церковные здания, мозаики, росписи, иконы, утварь, облачения священников, обряды таинств, песнопения, литургические тексты. Все эти элементы входили в состав культа, являющегося грандиозным художественным ансамблем, задача которого сводилась к тому, чтобы одновременно давать эстетическое наслаждение и возносить душу верующего к небесам. Этот блеск драгоценного убранства, мелодия напевов, красноречие проповеди, благоухание ладана создавали мощное синтетическое воздействие чувственного порядка. Театральность богослужения не уступала по своей продуманности искусствам древности. На место залитого солнцем и открытого ветрам греческого театра встает церковный полумрак, пронизанный мерцанием свечей и лампад. Этот полумрак был призван скрывать очертания тел и выявлять трепет души».

Переход от античности к средневековому миропониманию — это переход вовнутрь человека. У греков все было вовне: истина всегда явлена, вся публичная жизнь происходила на площадях, нет ничего внутреннего, скрытого, нет никакой психологии. Главным тезисом в Средние века стал тезис основоположника средневековой философии Августина Блаженного: «Не блуждай во вне, но войди внутрь себя!».

Сменяются ориентиры человеческого мышления — от внешнего мира к поискам внутреннего пространства души, сменяется настрой человека — от мужественной героической жизни к покорности перед божественным предопределением.

Характерной чертой средневековой философии является ее связь с религией и мистикой. Если брать за критерий античность — то это упадок философии, но если учесть, что благодаря религии огромные массы приобщились к культуре, то это явление прогрессивное. Если бы философия не вступила в союз с религией, она была бы уничтожена нахлы-

нущими волнами варварства. Философия, мать всех наук, как бы осознала свою вторичность и стала обслуживать религию. В этом главная специфика философии той эпохи.

В течение Средних веков выделяются два периода развития философии: патристика — разработка отцами церкви основ христианской догматики (патер — по-латыни «отец»), во II–VI веках, и схоластика — зрелое и систематическое учение о Боге, мире и человеке, с VI века до начала Нового времени (приблизительно XV век). Мы рассмотрим по одному, наиболее яркому представителю каждого периода: это Августин Блаженный и Фома Аквинский.

Августин Блаженный

Августин Блаженный — уникальная фигура, возможная лишь в той неповторимой обстановке, когда греко-римская культура уже сходила со сцены, а религиозная идеология и христианская культура еще не восторжествовали.

Августин Блаженный родился в 354 г. в Северной Африке, которая тогда была частью Римской империи, в нумидийском городе Тагасте, а умер в 430 г., прожив 76 лет. На его глазах рухнула великая империя, а за годы его жизни сменилось двадцать императоров. Долгие годы был Августин священником в Италии, а после рукоположения в епископы вернулся в родную ему Африку, в город Гиппон. Он умер в то время, когда его город осаждали вандалы. Основные произведения Августина — «Исповедь» и «О граде Божием».

Августин обратился к философии, ища в ней не столько знания, сколько утешения. Стиль его философии — мифологическое иносказание. Высшая сила в мироздании — личный Бог. Основное отношение в этом мироздании — отношение людей и Бога. Это главным образом эмоциональные отношения: все мироздание пронизано любовью и ненавистью, надеждой и разочарованием, грехом и раскаянием в грехе, виной и искуплением вины, обидой и прощением. Человек — это главным образом душа, Августин презирает тело. Душа — это творение Бога, она есть только у людей. Души творятся Богом заново из ничего всякий раз, когда предстоит родиться человеку. Будучи сотворенной, душа, тем не менее, вечна, так как не пространственна, не состоит из частей и потому не может быть разрушена. Душе присущи способности — разум, воля и память. Высший акт воли — это акт веры, вера выше разума. Вера должна предшествовать познанию, сначала человек должен уверовать в Бога, возлюбить его, а потом познавать. Августин учил о познавательной роли любви: «Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя! Вот Ты был во мне, а я —

был во внешнем и там искал Тебя, в этот благообразный мир, тобой созданный, вламывался я безобразный. Со мной был Ты, с Тобой я не был. Вдали от Тебя держал меня мир, которого бы не было, не будь он в Тебе. Ты позвал, крикнул и прорвал глухоту мою; Ты сверкнул, засиял и прогнал слепоту мою».

В книге «О граде Божием» Августин впервые в христианской традиции попытался переосмыслить историю человечества. Вся история для Августина определяется борьбой двух институтов — града Божьего и града земного. Град Божий — это избранное меньшинство. Сначала оно состояло из верных Богу ангелов, потом ветхозаветных патриархов, пророков. А после пришествия Христа этим градом стали истинные христиане, окружавшие Христа и продолжавшие его дело. Град Божий как бы вкраплен в град мирской, в эту нечестивую среду. Град земной господствует в мире, где происходят насилие, войны, создаются государства, руководимые шайками разбойников.

Град Божий имеет незримый, идеальный характер. Единственным зримым его представителем на земле является церковь в лице святых. И церковь рано или поздно должна прийти к власти и править миром.

Вся история проходит у Августина шесть стадий: 1. От Адама до потопа; 2. От потопа до патриарха Авраама; 3. От Авраама до Давида; 4. От Давида до Вавилонского пленения; 5. От Вавилонского пленения до рождения Христа; 6. От пришествия Христа до конца существования человечества.

Фома Аквинский

В лице Фомы Аквинского религиозная философия сделала большой шаг вперед.

Фома Аквинский (1225–1274 гг.) считается величайшим представителем схоластической философии. И по сей день во всех католических учебных заведениях в обязательном порядке изучают его труды. Он был сыном графа Аквинского, имевшего свой замок в неаполитанском королевстве, учился в Неаполе, Кельне и Париже. За свои труды получил звание «ангельского доктора». Главные труды — «Сумма теологии» и «Сумма против язычников».

В «Сумме теологии» Фома попытался в популярной форме изложить основные идеи схоластической философии. Важно его учение о соотношении веры и разума. Цель философии, считал он, заключается в том, чтобы возвестить истину, исповедуемую католическим вероучением. Но для этого нужно прибегнуть к помощи естественного разума, поскольку многие не принимают авторитета Священного Писания. Но разуму не все доступно, он может доказать существование Бога и бес-

смертия души, но ему недоступно понимание Троичности или Последнего суда, которое дается только откровением. Откровение не противоречит разуму, но нужно разделять то, что может быть доказано разумом, и то, что не может. Главная задача — примирить истины веры и истины разума. Лучше понимать, чем просто верить. На этом основывается «естественное богословие» — высшая часть философии.

Так, сущность Бога разуму недоступна, это предмет откровения, но можно с помощью логики доказать существование Бога: Бог как первопричина, как последняя цель развития, как самое совершенное существо, как источник движения и т.д. Бог может быть познан не только с помощью веры, но и разума.

Важное значение, в том числе и философское, имеет у Фомы соотношение потенциального и актуального, то есть акта и потенции. Бог является чистым актом, чистой формой, единственно подлинно существующим. Чем ниже, дальше от Бога, тем больше материи и меньше духа, меньше актуальности и больше потенциальности, меньше формы, больше содержания. Материя — это чистая потенциальность, пассивность, которая становится чем-то конкретным только благодаря активной форме.

Так, ум человека является не абсолютным началом, но только частью целого. Только в Боге ум есть сущность, в человеке это лишь потенция сущности, так что не ум мыслит, а человек мыслит при помощи ума. Ум самое главное, что есть в человеке, именно с его помощью мы можем хоть как-то познать Бога, ум выше воли, но все-таки ум имеет свои границы — любовь к Богу важнее, чем познание Бога.

Все века господства схоластики в университетах и среди богословов велись жаркие споры между номиналистами и реалистами. Номиналисты (от латинского *nomen* — имя) считали, что общее — это только слово, имя, реально же существуют только единичные вещи. Реалисты, напротив, полагали, что общее существует реально, что Бог; например, не просто слово, а реально существующий субъект, Бог должен существовать, иначе Он не был бы Богом. Споры и диспуты доходили до потасовок между университетами. С точки зрения Фомы, который был умеренным реалистом, общее есть продукт нашего ума, однако оно имеет отношение к реальности, которая существует вне нашего ума. Общее существует и само по себе, в уме Бога.

Наивысшее счастье не может заключаться в деяниях, ибо последние служат только средствами. Наивысшее счастье в познании Бога. Но познание Бога, которым обладает большинство людей, недостаточно для достижения высшего счастья; недостаточно и познания Бога, достигнутого через доказательства, недостаточно даже познания Бога через веру. В настоящей жизни нам не дано узреть Бога. Только в грядущем мире мы узрим Его, и это будет достигнуто не нашими естественными силами, а благодаря божественному свету. Тогда мы и достигнем наивысшего счастья.

Избранные тексты:

«А что же такое Бог? Я спросил землю, и она сказала: «Это не я»; и все, живущее на ней, исповедало то же. Я спросил море, бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили: «Мы не бог твой; ищи над нами». Я спросил у веющих ветров, и все воздушное пространство с обитателями своими заговорило: «Ошибается Анаксимен: (ученик Фалеса, который считал основой мира не воду, а воздух — *В.Г.*) я не бог». Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды. «Мы не бог, которого ты ищешь», — говорили они. И я сказал всему, что обступает двери плоти моей: «Скажите мне о Боге моем — вы ведь не бог, — скажите мне что-нибудь о Нем». И они вскричали громким голосом: «Творец наш — вот Кто Он». Мое созерцание было моим вопросом; их ответом — их красота.

Тогда я обратился к себе и сказал: «Ты кто?» И ответил: «Человек». Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая — внутри меня. У кого из них спрашивать мне о Боге моем, о Котором я уже спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня. Все телесные вестники возвестили душе моей, судье и председательнице, об ответах неба, земли и всего, что на них; они гласили: «Мы не боги; Творец наш, вот Он». Внутреннему человеку сообщил об этом состоящий у него в услужении внешний; я, внутренний, узнал об этом, — я, я душа, через свои телесные чувства. Я спросил всю вселенную о Боге моем, и она ответила мне: «Я не бог, Творец наш — вот кто Он».

(Августин. Исповедь. М., 1991, С. 241)

Поговорим о прочитанном:

1. Можно ли сказать, что Средние века в Европе, — а это более тысячи лет, — являются не мрачным и темным периодом в истории, как часто считают, а не менее интересным и важным этапом в развитии культуры, чем античность или Новое время?
2. Как вы относитесь к точке зрения, высказанной в тексте, что связь и подчинение религии в эпоху крушения античного мира спасла философию?
3. Знаете ли вы других, не менее чем Августин знаменитых авторов, которые писали «Исповедь»?
4. Можно ли сказать, что наука развилась из религии, ибо она родилась в монастырях, в схоластических диспутах, где оттачивались вопросы логики, доказательства, аргументирования? Ведь принято считать, что наука и религия всегда и во всем противоречат друг другу.
5. Знаете ли вы вопросы, которые разрешимы не разумом, а только верой?

6. Можно ли сказать, что в наше время религия и наука все-таки находят точки соприкосновения: религия признала ошибочность многих своих догм (извинилась за сожжение Д. Бруно, за преследование Коперника), а наука становится все более терпимой к вере, понимая, что не все можно доказать аргументами разума?
7. Часто говорят о фанатиках веры, но можно ли говорить о фанатиках разума?
8. Как по-вашему, философия по своему существу, способам аргументации, трактовке мира в целом и человека в частности — ближе к религии или к науке? Или все зависит от конкретного философа?

Тема 1.2. ФИЛОСОФИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Глава 1. Философия Нового времени

Ф. Бэкон и Р. Декарт

Френсис Бэкон является родоначальником философии Нового времени, наиболее ярким представителем английской философии.

Ф. Бэкон (1561–1626 гг.) — сын высокопоставленного английского сановника, со временем и сам стал лордом-канцлером, хранителем Большой печати. Однако на этом посту он продержался только один год, был обвинен во взяточничестве и до конца жизни должен был отказаться от общественной деятельности. Основные работы: «Новый органон», «Новая Атлантида». Вплоть до XX века многие литературоведы считали его автором всех шекспировских пьес и сонетов.

Для Бэкона главной задачей было освободить философию от всех схоластических наслоений и извращений, от «идолов», которые мешают правильно философствовать. Бэкон различает четыре вида идолов: идола рода — препятствия, обусловленные несовершенством человеческой природы, бедностью человеческих чувств; идола пещеры — препятствия, обусловленные несовершенством образования, субъективными склонностями и взглядами людей; идола площади — препятствия в виде господствующих предрассудков и старых, стершихся от употребления понятий и терминов; идола театра — препятствия, возникающие в силу слепого преклонения перед старыми авторитетами.

Еще одной задачей для Бэкона было создание такого метода, органа, с помощью которого открытия в науке делались бы не случайно, а методически. Философия, полагал он, должна вооружить науку такими правилами познания, при которых она бы успешно развивалась, а не блуждала в потемках.

Бэкон первым выдвинул и обосновал метод индукции — метод восхождения от частного к общему, от отдельных фактов ко всеобщему закону или, как он выражался, к форме.

Познание с помощью такого метода кажется простым и даже примитивным делом. Например, нам надо найти закон (или форму) теплоты. Мы составляем таблицы. В первую, положительную, заносим все случаи, когда теплота есть (при трении, при ударе); во вторую, отрицательную, — все случаи, когда ее нет; в третью, сравнительную, — когда ее больше или меньше. Потом складываем таблицы и получаем закон теплоты. Бэкону не приходило в голову, что не все так просто: если мы знаем, что такое теплота, то нам не нужны таблицы, а если не знаем, то как мы будем определять, когда она есть, а когда ее нет.

Тем не менее индукция как частный метод осталась в науке, только сейчас говорят о неполной индукции, так как любой опыт всегда незакончен. Например, мы не можем видеть всех звезд, и потому закон о том, что все звезды делятся на три класса светимости, справедлив только для видимой нам части Вселенной.

Совершенно противоположным по духу был французский мыслитель Рене Декарт.

Рене Декарт (1596–1650 гг.) — французский философ, математик, физик. Создал аналитическую геометрию, открыл законы преломления света в оптике, ввел понятие количества движения в механике, понятие рефлекторной дуги в физиологии и т.д.

Один из родоначальников философии Нового времени. Знаменитая формула Декарта «Мыслю — следовательно, существую» показала всей последующей философии истинный источник знаний о мире — человеческое сознание.

Декарт говорил, что философией надо заниматься несколько часов в году, а человек, работающий головой, должен много спать. Сам он спал, по словам современников, до полудня и больше. Однажды шведская королева Христина пригласила Декарта почитать ей лекции. Декарт согласился, и это его погубило. Христина вставала в 5 утра, и после завтрака Декарт должен был беседовать с нею о философии. После нескольких таких бесед рано утром, почти еще ночью, в холодной и унылой зимней Швеции Декарт заболел воспалением легких и спустя неделю скончался. Его основные философские произведения: «Рассуждения о методе», «Метафизические размышления», «Правила для руководства ума».

В основу Декарт положил свой знаменитый метод сомнения — именно с него должна начинаться философия. Я во всем могу сомневаться — в своем теле (например, у человека отрезали ногу, а она болит, существуют так называемые фантомные боли); в том, сплю я или бодрствую (бывают яркие живые сны, а бывает серое и сонное существова-

ние); в окружающем мире, который дан мне через чувства, а чувства могут обманывать.

В одном только я не могу сомневаться — в том, что я сомневаюсь, то есть мыслю. А если я мыслю, то я существую, ибо иначе я не мог бы мыслить. Вот это и есть начало философии: «Мыслю — следовательно, существую».

Мыслить в данном случае означает не мыслить о чем-то конкретном, а находиться в стихии мысли — так же, как поэт живет в стихии языка, в словах, в рифмах. Сначала я должен находиться в стихии мысли, а уж потом может прийти конкретная мысль. Вот когда я так мыслю, то я и существую. Поэтому человек очень редко мыслит и редко существует. Мысль, в вышеприведенном значении, приходит человеку в голову всего несколько раз в жизни и далеко не всем, считал Декарт.

Декарт, в противовес Бэкону и всем философам подобного рода, создал свою оригинальную теорию «врожденных идей», но о ней мы будем говорить в главе, посвященной теории познания.

И. Кант о моральном законе

Иммануил Кант — величайший философ всех времен и народов. Знаменит он прежде всего работой «Критика чистого разума», в которой совершил «коперниканский переворот» в философии, создав совершенно новую теорию познания. Но здесь мы остановимся на его учении о морали, где Кант также высказал много глубоких соображений. В своей книге «Критика практического разума» (под практикой тут понимается учение о поведении) Кант поделил все поступки людей на моральные и легальные (законные). Если, например, ты бросаешься в воду, спасая тонущего человека, но при этом знаешь, что тонущий очень богат и щедро тебя отблагодарит, — твой поступок вполне законный, ты спасаешь человека, но этот поступок не имеет никакого отношения к морали. Если приятель просит одолжить ему небольшую сумму, и ты ему даешь, тебе не жалко, у тебя и так еще много остается, а при этом греешь себя мыслью, что сегодня ты ему поможешь, а завтра он тебе, — это легальный, но не моральный поступок.

Но если ты увидел тонущего человека и не знаешь, кто это, тебе не до этого, человек ведь тонет, да еще к тому же ты плохо плаваешь и вода ледяная, но ты должен помочь другому, не можешь не помочь — это, по Канту, моральный поступок. Если у тебя просят денег, а их осталось только на один день и, если ты отдашь, то завтра сам будешь голодать, но ты не можешь не отдать, тебя же просят, — это поступок моральный. Таким образом, моральный поступок, по Канту, — это по-

ступок, совершенный *вопреки* естественной склонности, то есть направленный против самого себя. Пусть мне будет плохо, но я не могу не помочь другому, я ведь человек и не могу опуститься ниже своего достоинства, думать сейчас о выгоде или о последствиях. Я должен поступить как человек здесь и сейчас.

Философ А. Толстых описывает диспут на моральные темы в одном из элитарных московских вузов в 1970-х. Студентам был задан провокационный вопрос: допустим, вы идете по берегу реки и видите, что тонут двое, причем заранее известно, что один из них — знаменитый академик, а другой — никому не известный слесарь. Кого вы будете спасать, если спасти сможете только одного? Студенты очень долго спорили, а потом решили, что спасать будут академика, от него обществу больше пользы. То есть подплыл к одному, спросил его — не академик ли он, извинился и поплыл к другому.

Такой спор свидетельствовал, конечно, об уровне морального идиотизма советского общества (и этот уровень мало изменился к сегодняшнему дню): студентам даже в голову не приходило, что спасать надо человека, а не академика или слесаря, спасать надо — кого сможешь.

Из рассуждений о моральных и легальных поступках Кант выводил категорию долга. Обычно долг воспринимается нами как очень скучное понятие, нам с детства прожужжали все уши: ты должен, ты должен! Однако Кант считал, что только выполняя долг, человек становится свободным. Пусть я пострадаю, пусть я умру, а долг выполняю. Выполняя долг, я могу пойти против себя самого, против законов природы. Но выше законов природы — законы свободы. Если я дал честное слово, то нарушить его для меня страшнее смерти, я даже могу пойти на смерть, но от своего слова не отрекусь. Ни одно животное не знает чувства долга, у любого животного сильнее инстинкт самосохранения (как и у многих людей, находящихся на уровне животного существования). Но что может быть прекраснее свободной воли человека, который, не считаясь ни со смертельными опасностями, ни с угрозами собственному благополучию, стоит на своем, стоит выше законов природы. Что мне болезнь, что мне смерть — ведь если я отрекусь от собственных слов, если я не выполню свой человеческий долг, я же потом жить не смогу, мне будет стыдно в глаза людям смотреть.

Можно оправдаться перед другими: не смог я этого сделать — спасти тонущего или помочь ближнему — слаб был, струсил, опасно это, плохо плаваю, собственных детей надо кормить, куда уж тут о чужих думать и т.д. Тебя поймут, простят, но сам ты себя никогда не сможешь простить, если у тебя есть совесть. *Совесть — это и есть показатель человечности.*

Есть сколько угодно причин для оправдания плохих поступков, нет только никаких причин для поступков хороших, совершенных по совести. Ты почему бросился в воду и спас человека? Ты почему помог старушке перейти через дорогу? Нормальный человек обидится на такие вопросы. Да не почему, по совести. Когда «не почему», — тогда по совести. Просто ты не мог поступить иначе, потому что ты человек.

Иммануил Кант (1724–1804 гг.) всю жизнь прожил в городе Кенигсберге. Родился хилым, болезненным ребенком, и врачи говорили, что он скоро умрет, однако Кант прожил восемьдесят лет, никогда особенно не боля. Это свидетельствует о том, что человека в первую очередь держит дух. Если у тебя есть дело, большое и достойное, — ты не умрешь, пока его не сделаешь. А если нет дела, никакие диеты и пробежки трусцой не помогут. Кант — автор трех знаменитых «Критик»: «Критики чистого разума», «Критики практического разума», «Критики способности суждения». Эти свои основные произведения он начал писать в пятьдесят лет. Работал преподавателем университета, но никогда не читал свою философию, считал это нескромным. Много лет добивался должности профессора, и когда Кенигсберг был оккупирован русскими войсками, в 1758 году передал письмо российской императрице Елизавете с просьбой о профессорской должности.

В 1945 году при штурме Кенигсберга пострадал собор, возле которого похоронен Кант, однако сама могила осталась целой и невредимой.

Кант пишет о двух моральных законах. Первый закон: *Поступай так, чтобы максима твоей воли была основой всеобщего законодательства!* То есть поступай всегда максимально по-человечески, не делая никаких уступок себе и никак не оправдывая своих слабостей, и тогда твой поступок будет законом для всех, в том числе и для тебя самого. В христианской этике есть норма — «поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали». Правильное положение, однако Кант не совсем это имел в виду, ибо есть люди, которым нравится, когда с ними поступают плохо.

Второй закон: *Человек всегда должен быть только целью и никогда не может быть средством!* Нельзя использовать человека, его жизнь, его здоровье ни для каких, даже самых благородных и возвышенных целей. Почти никогда в истории этот закон не выполнялся, всегда индивидуальную человеческую жизнь сильные мира сего во грош не ставили. Часто можно слышать: потерпите, пусть ваша жизнь скудна и плоха, зато следующие поколения будут счастливы. Но никогда, даже в мелочах, нельзя использовать человека как средство, для своей выгоды. Нарушая этот закон, мы убиваем в себе человеческое начало.

Кант писал, что две вещи в мире поражают и волнуют больше всего на свете: звездное небо над нами с его бесконечными пространствами и мириадами светил; и нравственный закон в человеке, делающий его свободным. Причем второе поражает намного сильнее, ибо, выполняя нравственный закон, человек становится выше законов Вселенной.

Канта в определенном смысле можно назвать мечтателем, он писал о законах морали как идеальных принципах, понимая, что никто не живет, руководствуясь только совестью, что в мире торжествуют зло, насилие, ханжество, несвобода. Но тем не менее Кант считал, что это не должно лишать человека воли, не должно ослаблять его стремление к максимуму человечности. *Человек должен жить так, как если бы он был свободен*, даже если на самом деле существует масса ограничений его свободы. Гарантом этой борьбы за человеческое достоинство, за то, что рано или поздно в мире будет господствовать совесть, является Бог. Можно сколько угодно сомневаться в существовании Бога, приводить научные аргументы, можно, наоборот, верить в Бога и тоже пытаться обосновать свою веру научно. Но мы должны, по Канту, жить так, *как если бы Бог существовал*. Как говорит один из героев Ф. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «Если Бога нет, то какой я после этого штабс-капитан?».

А. Шопенгауэр: от страдания к скуке

Артур Шопенгауэр, считавший себя учеником Канта, первым обосновал философию пессимизма. С его точки зрения, миром правит «воля к жизни» — некая биологическая по своей природе сила, которая делает всех людей рабами. Это она заставляет человека познавать мир, чтобы лучше к нему приспособиться, это она заставляет человека жить во что бы то ни стало, цепляясь за жизнь, даже если она тяжела или просто невыносима.

Артур Шопенгауэр (1788–1860 гг.) родился в семье состоятельного купца, который дал ему очень хорошее образование и посылал своего сына учиться в школах Франции, Бельгии, Англии, Швейцарии. В 1820 году вышло основное произведение А. Шопенгауэра, которое по сей день считается выдающимся памятником философской мысли — «Мир как воля и представление». Но по выходе книги автора ждало жестокое разочарование, книгу никто не заметил, не оценил, было продано несколько экземпляров, и издатель спустя некоторое время предложил Шопенгауэру забрать весь тираж домой. В доме у философа тираж и хранился долгие годы.

Идеи Шопенгауэра оказались несозвучными тому времени, полному оптимистических иллюзий о счастливых временах, которые ожидают человечество в недалеком будущем. Лишь в конце жизни к Шопенгауэру пришла известность, а после смерти и слава.

Вся человеческая жизнь — это сплошные страдания и разочарования. Человек под влиянием воли все время чего-то желает: богатства, денег, комфорта, здоровья, продления жизни. Но эти желания никогда не удовлетворяются. А там, где они временно удовлетворяются, насту-

пает равнодушие и скука. Между страданиями и скукой мечется человеческая жизнь.

Все это доказывает, что земное счастье — иллюзия. Жизнь большинства людей мрачна и непродолжительна. Счастлив человек бывает лишь по видимости и в редкие минуты. А поэтому жизнь во всем, в великом и в малом, представляется обманом. Когда жизнь дает обещания, она их не держит. А когда держит, то только для того, чтобы показать, как недостойно было то, чего мы желали. Поэтому счастье всегда находится в будущем или в прошлом, так что в настоящем человек никогда счастлив не бывает. Но будущее ненадежно, а прошлое — уже невозможно.

Мы не знаем, считал Шопенгауэр, трех высших благ жизни — здоровья, молодости и свободы. Пока они у нас есть, мы их не осознаем и не понимаем их ценности, а понимаем лишь тогда, когда утратим. Что какие-то дни нашей жизни были счастливыми, мы замечаем только тогда, когда они уступают место несчастным.

Жизнь — вовсе не какой-то подарок, рассчитанный на наши наслаждения. Если мы посмотрим на человеческое общество, то повсюду увидим всеобщую нужду, непрерывные усилия и столкновения, бесконечную борьбу. И при этом постоянное напряжение всех сил духа и тела. Миллионы людей, сливаясь в целые народы, стремятся к общему благу, каждый ради своего личного блага; но многие тысячи людей падают жертвой борьбы за это благо. Политики разжигают между народами войны, а чтобы осуществить проекты отдельных личностей, проливаются пот и кровь массы людей.

Все вокруг суетятся — одни в мечтах, другие в деятельности. Последнюю цель всего этого Шопенгауэр считает весьма жалкой: на короткий промежуток времени поддержать жизнь эфемерных и измученных людей, в лучшем случае в состоянии сносной нужды и относительного здоровья. Но в этом случае человека подстерегает скука.

Как бы ни жалка была жизнь, человек цепляется за нее из последних сил, воля к жизни сильнее разума, сам разум — продукт воли. Казалось бы, какое значение имеет короткая отсрочка смерти, небольшое облегчение страданий, минутное удовлетворение желаний, если все это уходит у нас из рук и победа смерти несомненна?

Поэтому человек должен выйти из-под власти воли, подавить в себе всякие желания. Нужно понять, считал Шопенгауэр, что страдания — неизбежная часть жизни, и если мы избавимся от одного страдания, то неизбежно придет другое; если на время прекращаются страдания, то наступает скука, которая также является страданием. Если мы поймем все это, если это станет нашим убеждением, нам в значительной мере удастся воспитать в себе равнодушие к страданиям. Ведь страдания, как и счастье, приходят не извне, а возникают внутри человека. Подавить

волю, перестать быть ее рабом, уменьшить тягостную заботу о собственном благополучии — таков единственно возможный путь мыслящего человека, доступный, правда, немногим.

Надо воспитать в себе убеждение, что жизнь — это вечный обман и вечные разочарования, что в мире нет ничего достойного наших желаний, стремлений и борьбы, что все его блага ничтожны. Тем самым мы преодолеваем господство воли.

Все мы знаем, что когда чего-нибудь сильно и долго добиваешься, то, получив желанное, часто никакой радости уже не испытываешь. Часто даже удивляешься себе: зачем я тратил столько страсти и энергии на такую ерунду? Радость бывает только тогда, когда что-нибудь приятное или нужное тебе неожиданно сваливается на тебя как подарок.

Очень многие вещи даются нам даром, их нельзя заслужить, зарабатывать. И это, как правило, самые важные вещи: талант, необычайные способности, или просто доброе сердце, широкая душа. И в то же время подарок нужно заслужить, быть достойным его. Таким подарком является, например, любовь. Никакими усилиями, никакими упражнениями нельзя заставить себя полюбить кого-нибудь, или кого-нибудь — полюбить вас. Вы должны быть достойны любви, должны быть способны к тому, чтобы любить.

Серен Кьеркегор: этапы развития человека

В своих работах «Или-или» («Наслаждение и долг») и «Болезнь к смерти» С. Кьеркегор говорил о трех стадиях развития личности — эстетической, этической и религиозной. Эстетическая жизнь — это жизнь непосредственная, когда человек живет минутой, не задумываясь о смысле своего существования, живет прежде всего чувственными удовольствиями. Ложная беззаботность, ложное довольство жизнью — все это больше похоже на состояние животного или, в крайнем случае, ребенка. Большая часть людей, считал Кьеркегор, за всю жизнь так и не выходит из состояния детства или юности, то есть из непосредственной жизни, почти без всякой рефлексии о себе самом. Сколько людей наполнены иллюзиями, — от юношеских иллюзий надежды до старческих иллюзий воспоминаний.

Непосредственный человек никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога. Люди непосредственной жизни больше ценят не духовную, а свою физическую природу. Отсюда — взгляд на здоровье как на величайшее благо. Более утонченный, но похожий взгляд: выше всего на свете красота. Непосредственные люди живут исключительно ради исполнения своих желаний, хотя желания лишь очень немногих по-настоящему исполняются. Непонимание своей собственной природы губит человека: «Сколько развлекаются или же раз-

влекают толпы чем угодно, кроме того, что действительно важно! Скольких увлекают расточать свои силы на подмостках жизни... Их гонят стадами... и обманывают всех скопом, вместо того, чтобы рассеять эти толпы, отделить каждого индивида, чтобы он занялся наконец достижением высшей цели, единственной, ради которой стоит жить, которой можно питать всю вечную жизнь».

Кьеркегор был последним ребенком и родился, когда его матери было 46 лет. Все детство находился под полным влиянием отца. О матери почти никогда не упоминал — такие дети, по мнению психологов, несчастны в личной жизни (в сходной обстановке прошло детство Шопенгауэра). В молодости Кьеркегор отказался от своей невесты и всю оставшуюся жизнь жил одиноко и замкнуто. Окончил теологический факультет Копенгагенского университета, потом учился в Германии, слушал лекции Шеллинга. За четыре года (с 1843 по 1846 г.) написал свои основные произведения: «Или-или», «Страх и трепет», «Философские крохи» и др. Всего за 13 лет им написано 28 томов сочинений, из них 14 томов — дневники. Умер, упав на улице от истощения.

Однако человек, живущий внешней непосредственной жизнью, постоянно испытывает чувство тревоги, дисгармонии, страха перед чем-то неизвестным. Это его человеческая природа выдвигает перед ним требование — быть духовным. Человек должен выбрать: оставаться ему в своем поверхностном бездумном существовании, по мере возможности получая эстетическое наслаждение от жизни, или выбрать свою собственную природу, стать человеком нравственным.

Путь к этому второму уровню существования идет через отчаяние. Отчаяние — это не состояние, но подготовительный душевный акт, требующий серьезного напряжения всех сил души. Именно оно дает победу над миром. Не вкусивший горечи отчаяния не в состоянии уловить истинной сущности жизни. Предайся отчаянию, говорил Кьеркегор, и ты не будешь более обманывать окружающий тебя мир, не будешь более бесполезным обитателем мира.

Человек отчаивается в самом себе как в эмпирическом существе и выбирает себя через отчаяние как существо абсолютное. Отчаяние — это раскрытие внутренней духовной природы человека. «Предайся отчаянию, — писал Кьеркегор в работе «Болезнь к смерти», — и легкомыслие уже не сможет довести тебя до того, чтобы ты стал бродить, как не находящий себе покоя дух среди развалин потерянного для него мира; предайся отчаянию, и мир приобретет в твоих глазах новую прелесть и красоту, твой дух не будет более изнывать в оковах меланхолии и воспарит в мир вечной свободы».

Однако этическое существование, к которому человек приходит через отчаяние, не является высшим уровнем развития человека. Этический человек считает, что в мире господствуют необходимость, долг, которым надо повиноваться. Человек должен вступить в борьбу против

бессмысленной, отвратительной, тупой и глупой необходимости, — например, необходимости смерти. Но можно ли идти с голыми руками против предвечных законов природы? Может ли человек жить в мире, в котором господствует необходимость? На чем держится ее власть? Кьеркегор приводил в пример библейского Иова, у которого судьба отняла все и который не желал подчиняться ей. Человек должен довести борьбу с необходимостью — в том числе и с необходимостью нравственного закона — до тех пределов, где начинается вера. Если нравственный закон общезначим, то это, по Кьеркегору, — доказательство его безнравственности. Если говорят, что смысл жизни в неуклонном выполнении человеком долга, то это псевдоэтическое мировоззрение, потому что его сторонники становятся к долгу во внешнее отношение.

Но нет долга вообще, есть только долг по отношению к самому себе, у каждого свой. Долг быть самим собой, обрести себя.

Когда человек прорывается к вере, то здесь, на религиозном уровне, отчаяние — уже грех, и противоположностью отчаяния становится не добродетель, а вера. Вера в то, что для Бога все возможно. Бог может даже сделать бывшее небывшим. «Вообразите себе человека, — писал Кьеркегор в «Философских крохах», — который со всей силой испуганной фантазии представил себе что-то неслыханно страшное, что и перенести безусловно невозможно. И вдруг это страшное на самом деле встречается у него на пути. По человеческому разумению, гибель его неизбежна... Спасение есть для него вещь совершенно невозможная. Но для Бога все возможно. В этом и состоит вера: безумная борьба за возможность. Ибо только возможность открывает путь к спасению. Если человек падает в отчаяние, мы кричим: возможность, одна только возможность спасет. Приходит возможность, отчаявшийся оживает, начинает дышать. Без возможности, как без воздуха, человек задыхается. Иной раз изобретательная фантазия как будто и сама создает возможность. Но в последнем счете остается одно: для Бога все возможно. И тогда только открыта дорога к вере».

Только тот, чье существо так потрясено, что он становится духом и понимает, что все возможно, только тот подходит к Богу. Вера у Кьеркегора выступает как высшее напряжение, состояние крайней разорванности, как высшая страсть, наслаждение и мучение. Вера в то, что для Бога все возможно, — это парадокс, это особое измерение мышления, которое «нормальному» рассудку представляется безумием. Эта вера открывается человеку, дошедшему до края, когда для него не остается никакой другой человеческой возможности.

Отсутствие возможности означает, что либо все стало необходимым и тогда нет смысла вообще говорить о человеческой свободе и о спасении; либо то, что все стало обыденным. Обыденность господствует везде, где человек полагается только на свои силы, на свой разум.

Философские воззрения русских мыслителей XIX века

Русская философия XIX века богата и разнообразна, но здесь мы остановимся только на философских воззрениях двух писателей — Ф. Достоевского и Л. Толстого, в чьем творчестве преломились основные идеи и чаяния русского общества позапрошлого века.

Ф. Достоевский о природе зла

Когда в разгар «охоты» террористов на русского царя Ф. Достоевский обсуждал очередное неудавшееся покушение с журналистом А. Сувориным, писатель спросил: «Представьте, что мы случайно услышали разговор о том, что сейчас Зимний дворец будет взорван. Обратились бы вы в полицию?». Суворин, монархист и «махровый реакционер» (как его называли в советской печати) ответил:

— Нет, не пошел бы...

— И я бы не пошел, — сказал Достоевский. — Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Мы, может быть, могли бы его предупредить. Но я боюсь прослыть доносчиком».

Доносительство в ту эпоху было для порядочного человека не только противным, но и невозможным делом. Достоевский тоже был монархистом, и речь ведь шла о жизни царя, но пойти в полицию и донести все равно считал невозможным. Можно попытаться самому обезоружить террориста, но доносить в принципе нельзя.

За полстолетия до этого подобная же проблема поднималась в кругу декабристов. После разгрома восстания многие деятели декабристского движения вели себя очень странно. Так, П. Пестель — человек большого личного мужества, будучи арестованным, на допросах называл много фамилий людей, которые даже не были причастны к движению, видимо, оправдывая для себя такое поведение тем, что царское правительство, узнав о таком большом количестве сторонников декабристов, испугается и пойдет на реформы.

Но был другой известный декабрист Михаил Лунин, который вел себя очень последовательно и достойно, ни в какие переговоры не вступал, никаких фамилий не называл и вообще считал, что всякое доносительство и предательство невозможны. «Какое мне дело, — мог бы сказать он, — до царя и правительства, до того, что оно напугается и пойдет на реформы, так что в будущем жизнь станет легче. Какое мне дело до будущего? Ведь я сейчас погублю свою бессмертную душу, выдав кого-нибудь. Как же я буду после этого жить?».

Лунин прекрасно понимал, что есть вещи гораздо более важные, чем собственная жизнь и благополучие, есть честь и достоинство —

тот невидимый материал, из которого ткется человеческое существование. Нет совести, нет любви, нет чести — нет и человека, а есть животное — с мускулами, нервами, со многими знаниями, умное, хитрое, но животное.

Это же понимал и Достоевский, который весь свой могучий талант писателя посвятил воспитанию в человеке человеческого. Достоевский понимал, что человек не рождается человеком, что он должен еще им стать, снова родиться — уже в духе, в стихии человечности, что великий символ любой религии — «второе рождение» — не красивый образ, а насущная необходимость для каждого человеческого существа.

В XX веке в России все радикально поменялось. Павлик Морозов, донесший на собственного отца, стал национальным героем. Доносительство, тем более по идейным соображениям, стало нормой жизни, к нему призывали на партийных съездах, его восхваляли в литературе. Государство рубило сук, на котором сидело, подрывало нравственное здоровье народа. Народ испортить легко, а для воспитания его нужны столетия. Тот уровень нравственной деградации нашего общества, который мы сейчас имеем, в числе прочего рожден пропагандой предательства и доносительства.

Достоевский удивительно глубоко проанализировал природу зла. По его мнению, зло всегда будет в мире, пока в мире есть свобода. Зло идет от свободы человеческой воли. Человек не хочет счастья, особенно если это счастье принудительное, он хочет свободы, хочет своеволия, хочет «по своей глупой воле пожить». Любой закон человек воспринимает как насилие над собой, даже если это закон математики, вроде «дважды два — четыре». Человек готов на любую глупость, даже на преступление, лишь бы не быть «штифтиком» (сейчас говорят «винтиком»), игрушкой в руках судьбы и сильных мира сего. Человек согласен на несчастья и страдания, лишь бы остаться свободным.

«Подпольный» человек Достоевского кричит: «Господи Боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я и не примирюсь с ней потому только, что каменная стена, у меня сил не хватило».

Главные герои Достоевского — это люди, решившиеся на преступление, чтобы доказать себе и другим, что они свободные существа (Раскольников, Карамазов, Шатов и другие).

Можно, конечно, избавить мир от зла, но для этого нужно отнять от людей свободу, чтобы они не имели возможности ни капризничать, ни выражать свое недовольство, ни тем более совершать преступления. В таком мире все будут счастливы, но это будет счастье муравейника.

Интересно, что все деспотические режимы успешно боролись с преступностью, поскольку сводили до минимума человеческую свободу, жестоко карая любое нарушение закона (говорят, Гитлер в один день покончил с безбилетниками, расстреляв пару человек). От преступности в таком обществе быстро избавляются, люди могут свободно гулять по вечерам, не опасаться карманных и квартирных краж, но в то же время они совершенно несвободны, они рабы мощного государственного аппарата.

Наоборот, в демократических странах уровень преступности всегда довольно высок: злые люди пользуются предоставленными свободами, потому что в демократическом государстве человека нельзя просто так арестовать, а надо долго и тщательно готовить и обосновывать обвинение, чтобы самим не нарушить какой-нибудь закон, не ущемить свободу человека, даже если его подозревают в преступлении.

У польского писателя-фантаста Станислава Лема есть прекрасный роман «Возвращение со звезд». Космонавты возвращаются на землю после двадцати лет отсутствия. За это время на земле произошла Великая Гуманитарная революция — всем сделали прививку, после которой человек уже не способен на агрессию, грубость, насилие. Осуществилась извечная мечта — нет больше преступлений и войн. Но космонавты, у которых такой прививки не было, пользуются, как ни странно, огромным успехом — в них все видят нормальных полноценных людей. Способность ко злу, агрессивность оказалась тесно связанной с талантом, упрямством в достижении целей, смелостью. А люди с прививкой стали напоминать послушных овец.

То, что влечет отдельных людей к преступлению, влечет и общество к революции, считал Достоевский. Революция не уничтожает зло, потому что зло не во внешних обстоятельствах, а во внутренней природе человека. В глубине человеческой души борются между собой Бог и дьявол. А революционеры, уверенные, что достаточно уничтожить несправедливые условия — и зло исчезнет, творят, на самом деле, еще большее зло. Человек должен победить зло в себе, внутренне освободиться. Без этого никакие социальные преобразования не помогут. Много лет спустя другой знаменитый русский мыслитель Николай Бердяев в работе «Духи русской революции» (1918) напишет по этому поводу:

«Слишком многое у нас привыкли относить на счет самодержавия, все зло и насилие жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальной оболочке народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластие по-прежнему царит на Руси. По-прежнему нет уважения к человеку, к

человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет старого самодержавия, старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни... Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу революционной России, она полна мертвыми душами. Хари и рожи гоголевской эпохи появились на почве омертвения русских душ».

То же самое можно сказать о нашем времени: нет больше КПСС, нет тоталитарного режима, а хари и рожи все равно остались. По-прежнему берут взятки, по-прежнему осталось неуважение к личности, к ее правам, по-прежнему власть считает народ и его жизнь полем для своих экспериментов. И по-прежнему народ не верит власти, боится ее и раболепствует перед нею. Все это глубоко заложено в характере народа и будет изживаться еще очень долгое время. Хотя какие-то трещинки и появились в этом монолите — например, более или менее свободная пресса, более или менее свободное предпринимательство, люди, осознающие свою свободу.

По Достоевскому, есть две формы выражения человека: богочеловеческая и человекобожеская. Человек есть постольку, поскольку он есть образ Божий. А если человек сам себя считает Богом, ставит себя на место Бога, провозглашает «Человек! Это звучит гордо!», полагает, что он венец вселенной и ему все дозволено (перекраивать мир, историю), — это в человеке торжествует не божественное, а дьявольское, злое начало.

Л. Толстой: непротавление злу

Замечательный писатель, Лев Толстой был еще и глубоким, пронзительным мыслителем. Он развивал основные идеи греческих философов, нравственные идеи христианства и моральную философию Канта. Основной вопрос Толстого: как разорвать замкнутый круг насилия — вечный принцип человеческого существования. Все вокруг построено на насилии: государство осуществляет насилие над своими подданными и ведет войны против других государств, родители подавляют своих детей, учителя — учеников и т.д. и т.п.

На насилие люди отвечают также насилием — угнетенные поднимаются на восстание и опять творят насилие. Если насилие иногда и защищало жизнь и спокойствие людей, то много чаще, напротив, становилось причиной величайших бедствий. И Толстой пришел к мысли, что надо возродить основной принцип христианской религии — *непротавление злу насилием*.

Если не отвечать насилием на насилие, прощать и даже полюбить врагов своих (подняться над обидами и оскорблениями), что может сделать только очень сильный человек, то прервется порочный замкнутый круг непрерывного насилия, творимого в истории. Вообще христианская религия — это религия сильных людей.

Есть два источника насилия в мире — государственная власть и революционеры, которые с ней борются. Власть — это всегда насилие. Существуют суд, прокуратура, тюрьмы, лагеря, но от этого не становится меньше преступников или недовольных. Человек, совершивший преступление, уже наказан тем, что нарушил человеческий закон. А если он не испытывает мук совести, не наказывает сам себя, то сажать его в тюрьму бесполезно, она только еще больше его озлобит. Вообще, считал Толстой, люди живут в относительном спокойствии, не бросаются друг на друга, не убивают и не режут не потому, что есть суды и тюрьмы, а потому что люди еще любят и жалеют друг друга.

Второй источник насилия — революционеры. Эти люди знают, как нужно устроить общество, в котором все будут счастливы, и потому готовы положить собственные жизни и заодно миллионы чужих для осуществления своих идей. Обычный человек не знает, что с ним будет завтра, как сложится его жизнь через год, а революционеры знают, как устроится жизнь целого народа через десятилетия. И в ответ на государственное насилие устраивают новое насилие, и снова текут реки крови, и снова страдают люди, а счастливое будущее не наступает и не наступит.

«Дошло до того, — писал Л. Толстой в статье «Не убий никого», — что если бы теперь дать в России всем людям возможность убивать всех тех, кого они считают для себя вредными, то почти все русские люди поубивали бы друг друга: революционеры всех правителей и капиталистов, правители и капиталисты — всех революционеров, крестьяне — всех землевладельцев, землевладельцы — всех крестьян и т.д.»

Государство и не боится революционеров, оно знает, как с ними бороться. Оно боится других людей — тех, кто не хочет участвовать в насилии, тех, которым ничего не нужно: ни богатства, ни славы, ни положения. Эти люди не хотят делать карьеру в государстве, потому что она развращает человека, не хотят делать революции, потому что революции не уничтожают насилия, а порождают его в еще большем объеме.

Толстой призывал: не отвечайте насилием на насилие, не служите государству, не служите в армии, полиции, на таможне, не принимайте и участия в вооруженной борьбе против государства. Насилие порождает только насилие и ничего больше. Единственный выход — *моральное самоусовершенствование*. Начните с себя. Не поддавайтесь соблазнам мира: карьере, деньгам, власти, ибо опять окажетесь во власти насилия и будете его проводниками. Приучите себя любить ближних, какими бы

плохими они вам ни казались, изгоняйте из своего сердца ожесточение. Другого пути преобразовать мир нет и не будет.

До тех пор, пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, порабащивающих одних и развращающих других, они всегда будут складываться в общество насилующих и обманываемых и насилуемых и обманываемых. Чтобы этого не было, каждому человеку нужно сделать нравственное усилие над самим собой.

Многие критиковали Толстого за утопизм и романтические мечтания, но последователь Толстого Махатма Ганди, проникнувшись идеями своего учителя, призвал индийцев не бороться с английскими колонизаторами, а просто не участвовать во власти: не служить англичанам, не платить подати, не работать в администрации. И власть англичан, не один век правивших Индией, рухнула в несколько лет. Это удивительный образец жизненности толстовского учения.

Другой пример — толстовские коммуны, которые в 1910–1920-х годах приобрели большое распространение и в России, и во всем мире. Коммунары вместе работали, одинаково получали за свой труд, в коммунах было полное равенство членов, дети воспитывались в собственных школах, ибо в государственных школах, по мнению толстовцев, с детства прививается вкус к насилию. Землю обрабатывали в основном ручным трудом, чтобы избежать насилия и над природой. Это был очень интересный опыт поиска новых путей человеческого общежития, где регулирующим принципом были любовь, уважение всех членов группы друг к другу. Когда началась коллективизация, толстовское движение в России было уничтожено, поскольку коммунары отказывались участвовать в насаждаемых силой колхозах.

Сколько было насмешек, иронии, даже издевательств над учением Толстого, но вряд ли человечество может предложить что-нибудь другое, кроме морального самосовершенствования, воспитания взаимного уважения и терпимости. Недаром в политике все больший вес приобретают идеи ненасильственного мира.

Пока идеи Толстого остаются только романтическим идеалом, а не средством практического изменения жизни, насилие будет оставаться основным фактором, определяющим нашу жизнь. Статья «Не убий никого» написана под влиянием событий 1910-х годов, но ее идеи актуальны и сегодня, словно Толстой обращается не к своим современникам, а к нам: «В русском народе происходит теперь напряженная борьба двух самых противоположных свойств человека: человека-зверя и человека-христианина. Русскому народу предстоит теперь два пути: один тот, по которому шли и идут европейские народы: насилием бороться с насилием, побороть его и насилием же установить и стараться поддерживать, такой же, как и отвергнутый, насильственный порядок вещей.

Другой же — тот, чтобы, поняв то, что соединение людей насилем может быть только временным, но что истинно соединить людей может только одно и то же понимание жизни и вытекающий из него закон, — исключаящий во всяком случае разрешение убийства человеком человека, уяснить себе это понимание жизни и на нем, только на нем, а не на насилии, основать свою жизнь и свос единение».

Избранные тексты:

«Жизнь дается не для наслаждения ею, а для того, чтобы ее перенести, «отбыть». <...> Старость даже утешается тем, что весь жизненный труд уже позади. Счастливейшим человеком будет тот, кто провел жизнь без особенных страданий, как душевных, так и телесных, а не тот, чья жизнь протекла в радостях и наслаждениях. Кто этими последними измеряет счастье своей жизни, тот выбрал неверный масштаб. Ведь наслаждения — всегда отрицательны; лишь зависть может внушить ложную мысль, что они дают счастье. Страдания, напротив, ощущаются положительным образом; поэтому критерий жизненного счастья — это их отсутствие. Если к беспечальному состоянию присоединится еще отсутствие скуки, то в главных чертах земное счастье достигнуто; все остальное — химера. Отсюда следует, что не должно никогда покупать наслаждения ценой страданий или даже ценой риска нажать их; ведь это значило бы ради отрицательного, ради химеры пожертвовать положительным и реальным; и наоборот, мы выигрываем, жертвуя наслаждениями для того, чтобы избежать страданий. В обоих случаях безразлично, предшествует ли страдание наслаждению или следует за ним. Нет худшего безумия, как желать превратить мир — эту юдоль горя — в увеселительное заведение и вместо свободы от страданий ставить себе целью наслаждения и радости; а очень многие так именно и поступают. Гораздо меньше ошибается тот, кто с преувеличенной мрачностью считает этот мир своего рода адом и заботится поэтому лишь о том, как бы найти себе в нем недоступное для огня помещение. Глупец гоняется за наслаждениями и находит разочарование; мудрец же только избегает горя. Если ему это и не удалось, значит виноват не он, не его глупость, а судьба. Если же это хоть сколько-нибудь удастся, то разочарования ему нечего бояться: страдания, которых он избег, всегда останутся вполне реальными. Даже если он, избегая их, слишком уклонился в сторону и даром пожертвовал несколькими наслаждениями, то и тогда он, в сущности, не потерял ничего: все радости — призрачны и горевать о том, что они упущены — мелочно, даже смешно».

(А. Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 114–116).

«Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такое, зачем живу я и зачем живут окружающие все меня люди? и главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окружающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда все ответы, которые представляются вам на эти вопросы, будут не согласны с теми, которые внушены вам в детстве, будут не согласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе с остальными людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разногласия; напротив, знайте, что в этом разногласии выразилось самое лучшее, что есть в вас, — то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл нашего существования... Не верьте тогда людям, которые со снисходительной улыбкой скажут вам, что и они когда-то искали ответов на эти вопросы, но не нашли, потому что нельзя найти иных, кроме тех, которые приняты всеми.

Не верьте этому, а верьте только себе и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на наших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь.

...Не верьте людям, которые будут говорить вам, что ваши стремления только неисполнимые мечты молодости, что и они также мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала им, что она имеет свои требования, что надо не фантазировать о том, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшим образом согласовать свои поступки с жизнью существующего в обществе и стараться только о том, чтобы быть полезным членом этого общества.

Не верьте и тому, особенно усиливающемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека — это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому, эта цель ничтожна перед целью проявления в себе того Божественного начала, которое заложено в душе вашей. <...>

Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желания добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, поскольку в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное ему, начало жить по божьи, как говорят мужики.

Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага и для блага всего мира. <...>

Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света — единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека».

(Л.Н. Толстой. Верьте себе (обращение к юношеству))//
Л.Н. Толстой. Путь к жизни. М., 1993. С. 492–494).

Поговорим о прочитанном:

1. Должен ли каждый человек, стремящийся жить разумно, выработать для себя основные правила (заповеди) своего поведения, или это будет ограничивать его жизнь, его свободу?
2. И. Кант считал, что совесть — это показатель человечности, она не зависит ни от каких материальных условий и причин, это как бы голос Бога в нас. А. Шопенгауэр, напротив, полагал, что совесть на девять десятых — результат страха перед общественным порицанием: я не поступаю плохо, потому что боюсь наказания. Какая точка зрения выражает, по вашему мнению, природу человека?
3. Ф. Достоевский полагал, что зло присуще самой природе человека и будет существовать всегда, пока есть человек. Лишить человека возможности делать зло можно, только лишив его свободы. Однако люди всегда боролись со злом и мечтали искоренить зло в мире. Что вы можете сказать об этом парадоксе?
4. Христианская мораль призывает любить всех людей просто потому, что каждый достоин любви. Некоторые философы считали, что просто человек — это животное, и любить надо такого человека, который стремится быть человеком, постоянно побеждает в себе животное начало. Какая точка зрения вам ближе?
5. Каждый человек естественно стремится быть непохожим на других, стремится чем-нибудь выделиться и отличиться. С. Кьеркегор же считал, что быть исключением стыдно. Прокомментируйте эту фразу Кьеркегора.
6. С точки зрения Л. Толстого, нравственнее, человечнее простить врага, чем ответить ударом на удар. Но это предполагает, что и прощенный враг должен быть нравственно воспитан. Иначе он вас снова ударит, решит, что вы трусили. Как же быть? Ждать, когда все будут нравственно воспитанными или не ждать, а начать с себя — несмотря ни на что отказаться от насилия?
7. Философ Ж.Ж. Руссо считал, что очень часто ребенка заставляют жить так, как живут взрослые, и тем самым не дают ему развиваться свободно, воспитывают в нем рабское послушание. Но без послушания, без авторитета взрослого также, видимо, немислимо воспитание. Где же выход?

8. Как писал русский мыслитель XIX века К. Леонтьев, для того, чтобы появились Пушкин, Суворов и Кутузов, чтобы возникла мощная русская культура и сильное государство, — миллионы русских людей должны были столетиями жить в тяжелых, невыносимых условиях. И очень многие страны Европы добивались своего процветания ценой огромных усилий и потерь. Неужели это единственно возможный путь?

Глава 2. Философия XX века

Двадцатый век оказался плодотворным для философии: по числу философов, новых идей, кризисов и потрясений, которые переживала философия, находя новые пути для мысли. Этот век был и самым тяжелым для философии, ибо она впервые столкнулась с массовым обществом, массовой культурой, массовым человеком, в принципе отвергавшими всякие сомнения, всякую самостоятельную жизненную позицию и соответственно всякую серьезную философию. Мы рассмотрим только те философские учения XX века, которые предупреждали человечество о духовной и социальной катастрофе, грозящей в том случае, если возобладает массовая бездуховность; те пророчества, которые частично уже сбылись, и те надежды на духовное возрождение, которые еще имеют шанс осуществиться.

Корни современной философии лежат в XIX веке, и поэтому начнем с философии Ф. Ницше, который хотя и жил в XIX столетии, но вся его философия была предвосхищением коллизий и потрясений, которые принес с собой прошлый век. К тому же Ницше был понят и оценен как великий философ уже в XX веке.

Философия Ф. Ницше

Ф. Ницше выступил против обыденной мещанской морали, которая, по его мнению, проявляется в двух формах — в морали христианской и морали социалистической.

Христианство — это восстание рабов в морали. Христиане призывают любить человека только за то, что он человек, каким бы мелким, слабым, духовно тщедушным и завистливым он ни был. Христианская религия сострадания искажает человеческий образ. По мнению Ницше, в человеке соединены воедино *тварь* и *творец*; в человеке есть материал, обломок, избыток, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель и седьмой день. Наше сострадание относится к «твари в человеке», к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено,

закалено, очищено, — к тому, что *страдает* по необходимости и *должно* страдать.

Нужно, считал Ницше, любить не ближнего, как призывает христианство, а дальнего, того, кто, усиливаясь и преображая себя, еще только станет человеком. Современный человек — это только путь к настоящему человеку, к сверхчеловеку. А христианская мораль, как и социалистическая, воспитывает людей слабых, которые даже гордятся своей слабостью и ничтожностью. Они никогда ничем не рисковали — ни здоровьем, ни капиталом, ни свободой, никогда не решались ни на какой поступок. Никто не хочет жить, проявляя свою волю и решимость, жить самому так, как учит других, жить так, как жил, например, Сократ — мужественно и достойно. Откуда же может появиться человек, подлинная личность?

Фридрих Ницше (1844–1900 гг.) — немецкий философ, родился в семье сельского священника. Поступил на филологический факультет в Бонне, потом перевелся в Лейпциг. Еще студентом опубликовал несколько работ по древнегреческой литературе. На последнем курсе его пригласили профессором классической филологии в Базельский университет. Так в первый и последний раз студент стал профессором. Через год ему присвоили докторскую степень без защиты диссертации. Несколько лет работал преподавателем, потом оставил службу по болезни.

Написал большое количество философских произведений. Основные работы: «Рождение трагедии из духа музыки», «Так говорил Заратустра», «Веселая наука», «Воля к власти», «Сумерки идолов».

Всю жизнь Ницше боролся со страшной болезнью, с сильнейшими, до потери сознания, головными болями, которые преследовали его постоянно с 18 лет. Писал в те редкие часы, когда боль отпускала, и все-таки на людях держался весело, своим примером призывая других мужественно переносить невзгоды.

Эти мелкие, невзрачные люди полны злобной зависти ко всему красивому, умному, талантливому. Они бы с удовольствием всех уравнили, чтобы никто не выделялся, чтобы все жили одинаково бедно и одинаково плохо, зато никому не нужно будет завидовать.

О подобной идеологии писал еще К. Маркс, называя ее «казарменным коммунизмом». Такие коммунисты видят свою цель в том, чтобы все всем раздать поровну, все разделить, а то, что разделить нельзя (например, талант), — уничтожить. Подобный коммунизм и восторжествовал после революции в нашей стране, когда уничтожилось все талантливое, яркое, поднимающееся над средним серым уровнем. Злобная зависть маленьких серых людей и есть главный источник зла в мире. Когда-нибудь, пророчествовал Ницше, эта злобная энергия вырвется наружу и принесет немало бед и страданий людям.

Стадную мораль, рекомендующую никому не высываться и жить, как живут все, Ницше называл аморализмом. Истинная мораль —

это мораль аристократическая, это мораль человека, который попирает ногами презренное благополучие. Если человек знает, зачем живет, ему безразлично, как он живет. Не к счастью стремится человек. Свободный человек, но еще более свободный дух, полушутливо-полусерьезно писал Ницше, попирает ногами то презренное благополучие, которое видят в своих мечтах торгаши, христиане, коровы, женщины, англичане и прочие демократы. Свободный человек — воин.

И мораль христианская, и мораль социалистическая только ослабляют, с точки зрения Ницше, личностное начало в человеке. Это «слишком человеческая» мораль. А все, что относится к человеку, должно быть преодолено — человек есть только путь к человеку, к тому человеку, что стоит высоко над нами, кто действительно уже не животное, не член стада, а воин, сверхчеловек. Лишь стремясь к чему-либо недостижимому, можно достичь нормального уровня. Стремясь к сверхчеловеку — такому существу, которое обладает мощным дионисийским началом, сильно развитыми инстинктами, силой жизни, смелостью и настойчивостью — можно стать человеком в подлинном смысле этого слова.

Свободный человек — это человек, который любит своих врагов, это сильная личность, готовая принять на себя всю тяжесть мира и считать себя ответственным за все зло и все несчастья, происходящие с людьми.

Николай Бердяев: этика закона и этика творчества.

Минувший век со всей очевидностью показал, что та просветительская мораль, которую подвергали критике Ф. Достоевский, Ф. Ницше и которая предлагала любить человека только за то, что он человек, которая провозглашала, что «человек — это звучит гордо!» — эта мораль обнаружила свою несостоятельность. Образованные и внешне интеллигентные люди жгли книги, изгоняли профессоров из университетов, строили лагеря, травили инакомыслящих. Еще Достоевский писал, что если поскрести ногтем современного так называемого интеллигента, то из-под благообразной внешности может выглянуть звериная морда. Морда и выглянула, да еще такая, что содрогнулась вся цивилизация.

С точки зрения Н. Бердяева, просветительская мораль — это прежде всего этика закона. В основе этой этики лежит религиозный страх. На ранних этапах человеческого развития это боязнь нарушить запрет и стать нечистым, которая затем принимает более утонченные формы, по сути оставаясь все той же. Закон по своей природе всегда запугивает. Он не преобразует человеческую природу, не уничтожает греха, а через внешний и внутренний страх держит грех в известных границах.

Этика закона стремится сделать человека автоматом добродетели, против такой этики выступал еще Сократ. Человек подчиняется закону, потому что боится наказания. А если закон отменен, если государство открыто объявляет, что нет человека вообще, а есть высшие и низшие расы или классы, то человек срывается с тормозов и становится способным на любое преступление.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948 гг.) — самый известный на Западе русский философ, человек огромного литературного и философского таланта, яркий и эмоциональный мыслитель, фанатик свободы и вечный обличитель всяческих форм насилия над человеком. Обладал большим личным мужеством — перед высылкой из России в 1922 году отстаивал свои убеждения в ЧК перед Дзержинским.

Основные работы Н. Бердяева, оставившего большое философское наследие: «Смысл творчества», «Философия свободы», «Смысл истории», «О назначении человека», «О рабстве и свободе человека».

Умер в эмиграции, за своим письменным столом, в предместье Парижа.

Самый культурный в мире народ, немцы, давшие миру больше всего философов, писателей, композиторов, под влиянием фашистской пропаганды за несколько лет превратился в стадо беснующихся баранов. Значит, подлинная культура, в том числе и моральная, была свойственна только очень немногим людям, а у всех остальных тонкая пленка культурности быстро исчезла, обнажив звериную сущность.

Закон необходим обществу, без него невозможна никакая цивилизованная жизнь. Нельзя дожидаться, что люди рано или поздно станут хорошими, или им сделают прививку от агрессии. Но люди в массе своей почти не верят в добро как некое надчеловеческое начало, не верят в кантовский моральный закон. Почему, собственно, я должен этому закону подчиняться? Ведь это не я придумал этот закон, общество придумало и заставляет меня слушаться. Общество беспощадно к моей индивидуальной судьбе, к моей частной жизни. Почему я должен быть добрым? Почему я должен любить людей, если я их терпеть не могу? Почему я должен ломать и переделывать себя?

К тому же закон часто проходит мимо того факта, что часто ест досье тот, кто не трудится, а тому, кто трудится, зачастую есть нечего. И так же часто люди, поучающие других от лица общества, сами не являются образцом для других — это тираны, фанатики или просто проходимцы, дорвавшиеся до власти.

Жизнь человека, в том числе и нравственная жизнь, так сложна и индивидуальна, что не укладывается ни в какие общие принципы, нормы и законы морали. Мне, например, говорят, что я на занятиях должен внимательно слушать преподавателя и не перебивать его, а я считаю, что, только споря с учителем, постоянно задавая ему вопросы, я смогу чему-нибудь научиться.

Мне говорят, что я должен любить своих родителей, но мои родители (часто бывает ведь и такое) не нуждаются в моей любви, они просто выполняют свой долг — кормят и одевают меня. Но им нет дела до моих переживаний, страданий, душевных трудностей, они даже не состояниии ответить на многие мои серьезные вопросы, потому что никогда не заставляли себя мыслить о чем-нибудь действительно серьезном.

Таким образом, живая личность для Бердяева есть нечто более глубокое и ценное, чем всякая мораль. Ценность человека — не в степени ее подчиненности моральным требованиям, а в силе и остроте ее внутреннего влечения к добру, способности самой сотворить себя. *Не послушание, а творчество есть главный моральный долг человека.*

А творить себя нужно каждый день и каждый час, потому что каждый день и каждый час нас пытается одолеть дьявол (лень, эгоизм, нежелание ничем рисковать, бездумное животное существование, полусонная жизнь). Человек с самого детства должен сам себя творить, должен постоянно будить себя, преодолевая соблазн жить автоматически, постоянно заставлять себя принимать собственные решения, а для этого думать самому, вынуждать себя быть терпимым, спокойным, подавлять в себе животную злобу и воспитывать любовь к людям. Никакой закон не воспитает человека, если он сам себя не воспитает, не сотворит. Поэтому этика творчества для Бердяева выше этики закона.

Подлинное и неподлинное существование

Философия ищет возможности и показывает те пути и способы, какими можно пробудить человека к истинно человеческой нравственной жизни. Но борьба за человека ведется в неравных условиях — силы, стремящиеся не разбудить, а усыпить человека, слишком могущественны, слишком всеохватны. Это прежде всего современное бюрократическое государство, которое с помощью средств массовой информации, рекламы, образования стремится вывести такую породу человека, который бы ни над чем серьезно не задумывался, был послушным винтиком в отлаженной системе общественных связей. В этом смысле поставленный в нашей стране эксперимент по созданию некоего «нового советского человека» вполне удался. Писатель Юрий Нагибин записал в 1983 году в дневнике: «По-моему, мы близки к созданию образцового гражданина социалистического общества. Головы, души, моральные ценности — все сдано на склад и едва ли когда востребуются. Поразительное свойство у таких людей: говорить без умолку ни о чем. Смысл этой трепотни — не дать коснуться серьезных тем. Этих картонных людей ничто не мучает, не заботит, у них нет сомнений, колебаний, желания хоть как-то разобраться в окружающем, они запрограммированы, как роботы».

Еще в начале XX века знаменитый философ Мартин Хайдеггер ввел понятие «Мап», «безличного». С помощью частицы Мап в немецком языке строятся безличные предложения, типа «светает» или «смеркается». В данном случае у Хайдеггера Мап является особым, безличным способом существования, в котором живет большинство людей: они читают то, что читают другие, говорят то, что говорят все, поступают так, как поступают все. Все живут как все, никто не хочет проявить свое лицо, решиться на свой оригинальный поступок, проявить свое Я. Мап — это стадное существование.

Мартин Хайдеггер (1889–1976 гг.) — немецкий философ, как считают многие, самый оригинальный и самый глубокий мыслитель XX века. Много лет преподавал философию в различных университетах Германии. В зрелом возрасте уехал в деревню и прожил там до конца жизни. Основные произведения — «Бытие и время», «Лесные тропы», «На пути к языку», «Что есть мысль?» и др.

Произведения Хайдеггера поражают поэтической выразительностью языка, ювелирной работой со словами, проникновенным анализом проблем человеческого существования. Работы Хайдеггера оказали огромное влияние на современную ему и последующую философию и литературу. Ни одного автора в XX веке не цитировали так часто, как Мартина Хайдеггера.

Хайдеггер пояснял суть этого существования через образ смерти. Обычно люди избегают мыслей о собственной смерти, говорят: когда это еще будет! Может быть, к тому времени какие-нибудь таблетки изобретут! Может быть, я и не умру вовсе! На что Хайдеггер отвечал: умрешь ты сам! Никто за тебя умирать не будет! И ты сейчас должен проникнуться мыслью о твоей неизбежной будущей смерти. Но на самом деле речь у Хайдеггера идет не столько о смерти, сколько о жизни. Никто за тебя не будет умирать, но и жить за тебя никто не будет. Ты сам должен прожить свою жизнь. А большинство людей живет чужой жизнью: кому-то подражают, кого-то копируют, руководствуются не ими изобретенными стандартами и шаблонами поведения и мышления.

Человек, живущий подлинной жизнью, постоянно испытывает чувство вины за то, что жизнь его никогда не получается, как надо, что он не успел сделать то, другое, третье, а то, что сделал, можно было сделать намного лучше. Такой человек всегда считает виноватым себя, а не что-то внешнее: только я за все отвечаю, я не могу перекладывать свою вину на общество, на государство, на партии, на то, что меня таким плохим воспитали и т.д.

Я отвечаю за все, что случилось со мною, потому что я свободен. Меня никто не заставлял жить так, а не иначе, я сам выбираю свою жизнь, а не живу по подсказке сверху. Такая жизнь, как правило, очень трудная и тяжелая, но единственно достойная того, чтобы ее прожить. Чтобы жить, как человек, а не как носорог — у французского драматурга Э. Ионеско есть пьеса «Носороги», в которой один человек в малень-

ком городке вдруг превратился в носорога и начал бегать по улицам. Многим это понравилось, и вот мало-помалу все жители стали превращаться в носорогов. Не нашлось ни одного, который бы сказал: «А я не хочу быть носорогом! Я не хочу быть таким, как все! Я хочу жить своей жизнью».

Ионеско имел в виду любую мракобесную идеологию, которая через ежедневную агитацию и пропаганду постепенно захватывает и подчиняет себе людей. У них нет сил сопротивляться внешнему давлению, потому что у них нет внутреннего духовного стержня, который формируется под влиянием усилия самому определять свою жизнь, самому решать все важные жизненные проблемы. Вот человек и становится носорогом, или послушным роботом, или мыслящей машиной.

Народ и чернь

Большинство людей всегда жило, не выходя из состояния Мап, не думая, ни на что не решаясь, руководствуясь только общепринятыми правилами или указаниями начальства. Ницше писал, что человек еще не поднял взора над уровнем животного, что он вовсе не тот человек, о котором мечтала природа, он, может быть, — еще только путь к истинному человеку, но пока это нечто незавершенное, недоделанное, не выравненное еще из примитивного состояния.

Но есть мгновения, считал Ницше, когда мы понимаем это. И тогда облака разрываются, и мы видим, как, вместе со всей природой, нас влечет к человеку, то есть к чему-то, что стоит высоко над нами. Содрогаясь, мы оглядываемся в этом внезапном свете и смотрим назад: мы видим, как бегут хищные звери, и мы сами среди них. Чудовищная подвижность людей в великой земной пустыне, созидание ими городов и государств, их войны, их неустанное схождение и расхождение, их беспорядочная беготня, их взаимное подражание, их умение перехитрить и уничтожить друг друга, их крик в нужде, их радостный рев в победе, — все это есть продолжение животного состояния.

Современный деятельный человек, по Ницше, злостный бездельник, ибо его деятельности не достает самого главного. А главное начнется тогда, когда человек остается один на один с собой, чтобы ответить себе: зачем ты живешь? для чего ты пришел в этот мир? в чем заключается то дело, которое призван сделать только ты?

Но люди боятся самоуглубления, боятся тишины, когда совесть шепчет им на ухо нечто важное, и потому они оглушают себя общением с друзьями, чтением газет, посещением увеселительных заведений, то есть делают все, лишь бы бежать от самих себя. Так постепенно формируется привычка жить стадной массовой жизнью, не приходя в созна-

ние, ибо сознания для такой пустой и поверхностной жизни вовсе не нужно, достаточно рефлексов и инстинктов.

Вроде бы личное дело человека: как ему жить — стадным инстинктом или разумом, жить бездумно или мучительно искать смысл своего бытия. Но в XX веке это стало уже не личным делом. XX век — это век восстания масс, когда к власти впервые приходит масса. Кто такой человек массы? Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей книге «Восстание масс» писал, что это — индивид без каких-либо достоинств и способностей, серый, заурядный, невзрачный, сугубо посредственный и, главное, ничуть этим не опечаленный, даже гордящийся своей посредственностью, тем, что он такой же, как все. Человек массы — это тот, кого в России традиционно называли чернью. Это не обязательно рабочий или крестьянин, — человек массы может быть политиком, профессором или даже поэтом, именно в XX веке, кстати, появились массовые поэты и авторы эрзац-литературы.

И вот эти массы впервые пришли к власти и стали переустраивать, перекраивать общество по своему убогому мещанскому образцу. Это произошло в России и Германии, и этот процесс, не всегда в таком явном виде, идет во многих странах мира.

В России после революции к власти пришел не народ, а именно масса, чернь, недоучки, неудачники, полуобразованные и полувоспитанные люди, натворившие неслыханное количество бед. То же самое произошло и в Германии в 1930-х годах. Пришли Шариковы, пришли Смердяковы. Как писал Достоевский, в революции всегда на место Карамазовых приходят Смердяковы, вместо интеллигента к власти прорывается лакей.

Показателен пример М. Горького — возмущенный несправедливым общественным строем царской России, он написал роман «Мать», где призывал к революции. На этой книге воспитывались сотни революционеров. Но когда наступила послереволюционная диктатура массы, Горький ужаснулся и предпочел эмигрировать. А вернувшись, еще более ужаснулся тому социалистическому концлагерю, который успели построить большевики.

Порвать с неподлинным существованием, вырваться из отупляющей животности можно только с помощью морального самовоспитания. Можно, например, стать лицом к смерти, до самых кончиков нервов, до самого дна души проникнуться мыслью о неизбежности собственного исчезновения. Может быть, после такой встряски человек задумается, как плохо и глупо он живет. Показателен рассказ Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в котором мелкий чиновник, проживший свою жизнь бездарно и бездумно, в меру воруя и в меру подличая, вдруг заболел смертельной болезнью и, умирая, понял всю бессмысленность и нелепость своей жизни, всю жалкость своего бытия. Ему казалось, что еще

немного — и он поймет главный смысл человеческой жизни, ему откроется что-то самое важное и потаенное; показалось, что он видит свет — но, к сожалению, это было последнее мгновение его жизни.

Много путей преображения жизни: и философский, и религиозный, и художественный, через искусство, — способны потрясти человеческую душу, заставить человека всерьез задуматься над своей жизнью. В любом случае спасение и освобождение человека должно быть внутренним, он должен внутренне себя освободить, добиться внутренней свободы. Никакие революции не освободят человека, который в душе остался рабом. И, конечно, прав был Чехов, когда говорил, что каждому человеку нужно по капле выдавливать из себя раба — каждую минуту и всю жизнь.

Избранные тексты

О жизненных правилах

«Во-первых, *нельзя жить для себя*. Думая только о себе, человек всегда найдет тысячу причин чувствовать себя несчастным. Никогда он не делал всего того, что хотел и должен был делать, никогда не получал всего того, чего, по его мнению, заслуживал, редко был любим так, как мечтал быть любимым. Без конца пережевывая свое прошлое, он будет испытывать одни сожаления да угрызения совести, меж тем и то и другое бессмысленно. <...> Зачеркнуть прошлое все равно невозможно, попытайтесь лучше создать настоящее, которым вы впоследствии сможете гордиться. Разлад с самим собой — худшее из зол. Всякий, кто живет ради других — ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых, — словно по волшебству забывает свою тоску и мелкие житейские неурядицы. <...>

Второе правило — *надо действовать*. Вместо того чтобы жаловаться на абсурдность мира, постараемся преобразить тот уголок, куда забросила нас судьба. Мы не в силах изменить вселенную, да и не стремимся к этому. Наши цели ближе и проще: заниматься своим делом — правильно выбрать его, глубоко изучить и достичь в нем мастерства. У каждого свое поле деятельности: я пишу книги, столяр сколачивает мне книжный шкаф, постовой регулирует уличное движение, инженер делает расчеты, мэр управляет коммуной. Если человек в совершенстве овладел каким-нибудь ремеслом, работа приносит ему счастье. <...>

Третье правило — *надо верить в силу воли*. Неверно, что будущее целиком и полностью predetermined. Великий человек может изменить ход истории. Тот, у кого достанет смелости захотеть, может изменить свое будущее. Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая

свобода имеет свои пределы. <...> Я не в силах выиграть битву, но я в силах быть храбрым солдатом и исполнить свой долг. И поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме. Давая себе поблажки, человек ленится и трусит; усилием воли он заставляет себя трудиться на совесть и совершать геройские поступки. Быть может, воля и есть царица добродетелей.

Не менее важно и четвертое правило — *надо хранить верность*. Верность слову, обязательствам, другим, себе самому. *Надо быть из тех людей, которые никогда не подводят*. Верность — добродетель не из легких. Человека ждет тысяча искушений. Вы скажете: «...Если я избрал профессию, а потом разочаровался в ней, я не могу ее сменить? Если я вступил в организацию и вижу, что она состоит сплошь из ничтожеств и алчных проходимцев, я не могу перейти в другую, удостоверившись, что она состоит из более достойных людей?» Нет. Верность не должна быть слепой. Однако не забывайте, что часто в основе неверности лежит не столько неудачный выбор, сколько обыкновенная привередливость. <...>

Наверно, эти жизненные правила покажутся вам и слишком строгими, и слишком общими. Я прекрасно это понимаю, но других предложить не могу. Я не требую от вас, чтобы вы прожили жизнь суровым стоиком. Развивайте в себе чувство юмора. Будьте способны улыбнуться своим — и моим — словам и поступкам. Если вы не можете побороть свои слабости, смиритесь с ними, но не забывайте, в чем ваша сила. Всякое общество, где граждане думают только о почестях и удовольствиях, всякое общество, которое допускает насилие и несправедливость, всякое общество, где люди не испытывают ни малейшего доверия друг к другу, всякое общество, члены которого ни к чему не стремятся, — обречено. Пока Рим был Римом героев, он процветал; стоило ему перестать чтить ценности, которые его породили, и он погиб. Технический прогресс изменяет виды деятельности, но значимость деяния и потребность в нем остаются неизменными. Так было прежде и так будет всегда.»

(Моруа А. Открытое письмо молодому человеку о науке жить. // Сенека. Честерфильд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 309–311).

О массовой, поверхностной морали

«Насколько можно обойтись без морали. Обнаженный человек являет собой, как правило, зрелище жалкое и позорное — я имсю в виду здесь нас, европейцев.... Представим себе какое-нибудь веселое застолье, и вдруг по мановению палочки коварного волшебника все общество оказывается раздетым догола, — я думаю, тут бы улетучилось не только

всякое веселье, но и пропал бы всякий аппетит, — по-видимому, мы, европейцы, никак не можем обойтись без маскарада, именуемого одеждой. Не объясняется ли столь же весомыми причинами вся эта зачехленность «человека морального», закутанного в моральные формулы и правила приличия, и вся благопристойность наших поступков, умело прикрывающаяся понятиями «долг», «добродетель», «чувство общности», «порядочность», «самоотверженность»? Я вовсе не хочу этим сказать, что мы имеем дело здесь с замаскированной человеческой злобой и что за этой маской скрывается какой-нибудь дикий зверь; совсем наоборот, я думаю, что мы скорее ручные звери, являющие собой постыдное зрелище и изо всех сил старающиеся прикрыть свой позор моралью, — мне думается, что в «душе человека» европейского никак не может накопиться достаточно скверны, чтобы ее можно было гордо «выставить напоказ» (чтобы она была настоящим украшением). Европейец прикрывается моралью, потому что он стал больным, бессильным, увечным зверем, ему есть резон быть «ручным», ибо он являет собой нечто уродливое, недоделанное, немощное, неуклюжее. Свирепость хищника не нуждается в моральных одеяниях, они нужны лишь стадному животному, чтобы скрыть свою невыразимую посредственность, свой страх и свою скуку от самого себя. *Европейец рядится в мораль* — признаем это честно! — как во что-то более благородное, значительное, важное — «божественное».

(Ницше Ф. Веселая наука // Стихотворения. Философская проза. М., 1993. С. 478).

Существует ли прогресс в морали?

«Не радует нас больше и прогресс науки и связанное с ним развитие техники. Путешествия по воздуху, этот птичий полет, о котором человечество мечтало веками, стали уже почти будничным, обычным способом передвижения. Но для чего это нужно, если не знаешь, куда и зачем лететь, если на всем свете царит та же скука, безысходная духовная слабость и бессодержательность? А когда подумаешь, что единственным реальным результатом этого развития воздушных сообщений является возможность превратить войну в быстрое и беспощадное убийство населения целых стран, в кошмарно-апокалиптическое истребление европейского человечества огнем с неба, то трудно духовно увлечься его успехами и разве только в припадке безумного отчаяния можно злорадно усмехнуться сатанинской мечте о самоуничтожении гибнущей Европы. Общее развитие промышленной техники, накопление богатства, усовершенствование внешних условий жизни — все это вещи неплохие и, конечно, нужные, но нет ли во всем этом какой-то безнадежности работы над сизифовым камнем, раз неудержимое влече-

ние к промышленно-торговому развитию привело через войну к всеобщему разорению и обнищанию? Возможна ли сейчас еще та юная, наивная вера, с которую работали над накоплением богатства и развитием производства целые поколения людей, видевшие в этом средство к достижению какой-то радостной, последней цели? И нужно ли, в самом деле, для человеческого счастья это безграничное накопление, это превращение человека в раба вещей, машин, телефонов и всяческих иных мертвых средств его собственной деятельности? У нас нет ответа на эти вопросы; но у нас есть сомнения и недоверие, которых мы прежде не знали.

А духовные ценности европейской культуры, чистые и самодовлеющие блага искусства, науки и нравственной жизни? Но и на все это мы невольно смотрим теперь иным, скептическим взором. <...> Здесь достаточно сказать, что мы как-то за это время утратили веру именно в самое наличие нравственной жизни, нравственных устоев культурного человечества; все это именно и оказалось неизмеримо более шатким, двусмысленным, призрачным, чем оно казалось ранее. <...>

...Мы потеряли веру в «прогресс» и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным. Человечество вообще, и европейское человечество в частности, — вовсе не непрерывно совершенствуется, не идет неуклонно по какому-то ровному и прямому пути к осуществлению добра и правды. Напротив, оно блуждает без предуказанного пути, подымаясь на высоты и снова падая с них в бездны, и каждая эпоха живет какой-то верой, ложностью или односторонностью которой потом изобличается. И, в частности, тот переход от «средневековья» к нашему времени, то «новое» время, которое тянется уже несколько веков и которое раньше представлялось в особой мере бесспорным совершенствованием человечества, освобождением его от интеллектуальной, моральной и общедуховной тьмы и узости прошлого, расширением внешнего и внутреннего кругозора его жизни, увеличением его могущества, освобождением личности, накоплением не только материальных, но и духовных богатств и ценностей, повышением нравственного уровня его жизни, — это «новое время» изобличено теперь в нашем сознании как эпоха, которая через ряд внешних блестящих успехов завела человечество в какой-то тупик и совершила в его душе какое-то непоправимое опустошение и ожесточение. И в результате этого яркого и импонирующего развития культуры, просвещения, свободы и права человечество пришло на наших глазах к состоянию нового варварства.

«Прогресса» не существует. Нет такого заранее предуказанного пути, по которому бы шло человечество и который достаточно было бы объективно констатировать, научно познать, чтобы тем уже найти цель и смысл своей собственной жизни. Чтобы знать, для чего жить и куда идти, каждому нужно в какой-то совсем иной инстанции, в глубине сво-

его собственного духа, найти себе абсолютную опору; нужно искать вех своего пути не на земле, где плывешь в безграничном океане, по которому бессмысленно движутся волны и сталкиваются разные течения, — нужно искать, на свой страх и ответственность, путеводной звезды в каких-то духовных небесах и идти к ней независимо от всяких течений и, может быть, вопреки им. <...>

Мы видим духовное варварство народов утонченной умственной культуры, черствую жестокость при господстве гуманитарных принципов, душевную грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности, внутреннее бессилие внешнего могущества. От туманного, расплывающегося на части, противоречивого и призрачного понятия культуры мы возвращаемся к более коренному, простому понятию жизни и ее вечных духовных нужд и потребностей».

(Франк С.Л. Крушение кумиров // Сочинения. М., 1990. С. 139–143).

Поговорим о прочитанном:

1. Есть много людей, которые знают о том, что такое добро и зло, знают правила морали, но тем не менее сознательно творят зло. Может быть, разум (интеллект) и нравственность, доброе сердце вообще никак не связаны между собой?
2. В Саксонском средневековом законоуложении написано: «Кто лишит жизни знатного, повинен уплатить 1400 солидов... За убитого лита 120 солидов платы... За раба, убитого знатным, 36 солидов платы». Считаете ли вы, что мы стали более нравственными, поскольку у нас сейчас нет таких законов? Считаете ли вы, что мы стали более нравственными по сравнению с прошлым поколением, например, — с нашими родителями?
3. Некоторые люди полагают, что во всех неприятностях или несчастьях, которые с ними случаются, всегда виноваты они сами: во всем, что у меня не получается, виновата моя лень, моя трусость, моя небрежность и т.д. А другие чаще обвиняют внешние обстоятельства и людей: чем я виноват, что плохо успеваю по истории, если учитель не смог меня заинтересовать, если он ведет уроки скучно и нудно? Чем я виноват, что упал и сильно ушибся, если нерадивый дворник не посыпал обледеневший тротуар песком? Чем я виноват, что родился в такой стране, где мне не могут обеспечить высокий уровень жизни? Какая позиция вам ближе и понятней?
4. Считаете ли вы, что человечество после двух мировых войн, после ужасов массового уничтожения людей чему-нибудь научилось? Или

же в случае жестокого кризиса (экономического или социального) все может повториться снова?

5. Что, по-вашему, наполняет жизнь смыслом: интересная творческая работа, или когда вы любите и любимы; или когда вы занимаете значительное положение в обществе и всем известны?
6. Можно ли сказать, что человек живет бессмысленно, если он никогда не задумывался о смысле своей жизни?
7. Если солнце в нашем мире, как писал Н. Бердяев, одинаково восходит над добрыми и злыми, если здесь часто ест тот, кто не трудится, а тому, кто трудится, зачастую есть нечего, — то для чего мне тогда стараться быть нравственным, быть добрым? не проще ли жить естественной животной жизнью? Но, может быть, тогда я изменю своей сверхъестественной божественной природе? Может быть, я тогда уже не смогу считать себя человеком?
8. Горький в свое время провозгласил: «Человек — это звучит гордо!». Но ни Н. Бердяев, ни М. Хайдеггер, ни С. Франк, ни Ф. Ницше категорически не согласились бы с такой фразой. Почему?

Раздел II. ЧЕЛОВЕК-СОЗНАНИЕ-ПОЗНАНИЕ

Тема 2.1. ЧЕЛОВЕК КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ

Глава 1. Происхождение и развитие человека

Тайна нашего происхождения

Возникновение человека — это чудо, не разъясняемое никакими научными теориями. Прежде чем возник человек, должна была возникнуть жизнь на Земле, а ее возникновение — не меньшее чудо. Для этого должны были совпасть десятки факторов: чтобы наша солнечная система находилась на самом краю нашей Галактики, в относительно спокойном месте; чтобы оптимальным были расстояние от Земли до Солнца (на Венере слишком жарко, а на Марсе слишком холодно) и объем планеты (малые планеты не удерживают атмосферы, а на больших она жидкая и ядовитая), и т.д.

До сих пор неизвестно, была ли жизнь занесена на Землю из космоса или возникла на самой планете химическим путем. Но и возникнув, жизнь не обязательно должна была развиваться до человека, она вполне могла существовать в виде грибков или плесени. Во Вселенной, по видимому, нет какого-то однонаправленного развития в сторону усложнения, скорее наоборот — Вселенная стремится из состояния упорядоченности к хаосу, от сложного — к более простому.

То, что возник человек, было совершеннейшей случайностью, непредсказуемой мутацией. Природа наобум пробовала десятки вариантов: питекантропы, неандертальцы, синантропы, зинджантропы, родезийские люди и, наверное, множество других не известных нам видов. И вот возник вид человекообразных обезьян — кроманьонцы, у которых был чуть больше мозг, быстрее скорость реакции. Они начали с того, что перебили своих конкурентов и стали быстро распространяться по Земле. А могли бы и не выжить, поскольку у них были мощные противники — например, неандертальцы. Есть гипотеза, что «снежные люди» — это последние выжившие неандертальцы, до сих пор не знающие огня и прекрасно приспособленные к природе.

А человек сегодняшний, *homo sapiens* (человек разумный), совершенно к природе не приспособлен и не должен был бы выжить. Чтобы человек мог рождаться совершенно готовым к жизни (как жеребенок или теленок через несколько часов после рождения могут самостоя-

тельно передвигаться, питаться и т.д.), человек должен был бы проводить в утробе матери 21 месяц. То есть мы все рождаемся как бы недоношенными. Ребенок человека не может жить самостоятельно долгие годы, ни одно животное не может позволить себе такой роскоши — до десяти — пятнадцати лет кормить и обучать собственное дитя.

Но эта неприспособленность обернулась необычайным преимуществом для человека. Человеческий ребенок, в отличие от животного, рождается с совершенно открытой программой, в нем почти ничего не заложено наследственно — кроме некоторых инстинктов и неявных предрасположенностей. Ребенок формируется не во чреве матери, а здесь, в мире, когда слышит человеческую речь, чувствует материнскую любовь, видит краски и звуки мира.

Любое животное, любое неразумное существо не может чего-то не делать, в нем все или почти все жестко запрограммировано природой. Ласточка не может не летать и не кормить своих птенцов, она делает по двести вылетов в день и, даже если птенцы вдруг погибнут, она все равно будет носить червяков, пока не распадется инстинктивная связь действий. А человек может вообще ничего не делать. «Вот сейчас лягу и буду лежать, пока не помру», — может сказать он. И ляжет, и помрет, если захочет.

Поскольку человек рождается с открытой программой, из него можно вылепить все что угодно, в его наследственности ничего жестко не записано. Вырастет среди волков — будет волком (Маугли), среди обезьян — обезьяной, а среди людей, — если повезет, может стать человеком. Правда, те, кто с первых дней рос среди животных, вернувшись к людям, больше людьми не становятся, потому что человеческий мозг с первых часов жизни формируется под влиянием человеческого окружения.

Как человек стал человеком?

Много лет в исторической науке, антропологии, философии господствовала точка зрения, согласно которой человека человеком сделал труд. Человек поднялся над животным состоянием только тогда, когда стал производить орудия труда, и производство — его главное отличие от животных.

Однако сейчас это положение представляется неверным: примитивные каменные орудия — топоры, дубины — просуществовали почти миллион лет, не подвергаясь существенным изменениям, за это время не было никакого усовершенствования техники обтесывания камней, а значит, и заметного развития человека. Животные преуспели здесь значительно больше, оказались более искусными строителями и изобрета-

телями. Плотины бобров, геометрические формы пчелиных сот свидетельствуют о том, что технические навыки животных развивались успешно. Если бы технического умения было достаточно для определения уровня развития интеллекта, то, по замечанию американского философа Л. Мамфорда, *Homo sapiens* большую часть своего существования на Земле мог бы рассматриваться как безнадежный неудачник.

Благодаря чрезмерно развитому и постоянно активному мозгу человек обладал большей умственной энергией, чем требовалось для выживания на чисто животном уровне. И он должен был давать выход этой энергии не только при добычании пищи и размножении, но и в производстве очень странных вещей: наскальных рисунков, культовых вещей (тотемных столбов, молитвенных дощечек и т.д.). «Культурная работа» занимала более важное место, чем утилитарный ручной труд.

Далеко не всегда при раскопках древних стоянок человека археологи находили орудия труда, но почти всегда — предметы религиозного культа или примитивного искусства. Человек оказался не столько животным, производящим орудия труда, сколько животным, производящим символы, — символическим животным. Например, первобытная семья, перед тем как идти на охоту, совершала ритуальные действия (может быть, три раза обегала вокруг тотемного столба и пять раз приседала). Считалось, что после этого охота будет удачной. Если бы животное могло думать, оно сочло бы, что люди ведут себя подобно сумасшедшим. Но с точки зрения человека, это было важнейшее символическое действие, которым люди вводили себя в особое состояние, творили себе невидимых, символических покровителей — то есть совершали чисто человеческие действия, развивали свою специфическую человеческую природу.

Так, у некоторых народов сохранился древнейший обряд похорон, когда на них приглашаются плакальщицы: эти люди ведут себя артистически (они и есть артисты) — рвут на себе волосы, бьются головой о гроб, жалобно кричат, хотя на самом деле никаких чувств к покойнику не испытывают, их наняли разыграть действие. Дело в том, что этот «спектакль» имеет огромный символический смысл — дети после такой встряски уже никогда не забудут своих умерших родителей. Этот ритуал способствовал образованию и закреплению памяти, потому что забывать естественно, а помнить — искусственно. Как вы помните, человек — существо искусственное, он не рождается природой, он сам себя рождает, творит.

Особенно быстро развитие человека пошло с возникновением языка — теперь производство «культурных» предметов намного обогнало создание орудий труда и в свою очередь способствовало быстрому развитию техники. Расширяющая границы жизни культурная «работа» заняла более важное положение, чем утилитарный ручной труд. До этого

ничего уникального в технической деятельности человека не было, не было ничего специфически человеческого в его орудиях труда. Главным орудием, потрясающим и великолепным, было тело человека. Удивительно пластичное, приспособленное к любому виду деятельности, управляемое разумом, оно могло создавать гораздо более важные и сложные вещи, чем примитивные топоры и деревянные колья.

Даже рука, полагал Л. Мамфорд, была не просто мозолистым орудием: она ласкала тело возлюбленного, прижимала ребенка к груди, делала важные жесты и выражала в упорядоченном танце или в ритуале не выразимые иным образом чувства жизни или смерти, воспоминания о прошлом или предвосхищение будущего.

Любая культурная деятельность человека, любое производство орудий были направлены не столько на подчинение окружающей среды, на увеличение добычи пищи, сколько на укрощение самого себя. Она была направлена на поиски того, куда бы направить громадную внутреннюю энергию, суперорганические (свехприродные) потенциальные возможности. Когда человеку ничто не угрожало, его расточительная, гиперактивная нервная организация, часто неуправляемая, служила скорее препятствием, чем помощью при выживании. Контроль над своей психикой с помощью создания символической культуры был более существенным достижением человека, чем контроль над внешней средой.

Пока человек не сделал нечто из себя самого, он мало что мог изменить в окружающем его мире. Борьба за существование не полностью завладела энергией и жизнеспособностью первобытного человека и не отвлекла его от более насущной потребности: внести порядок и значение в каждую часть своей жизни. В этой, более значительной борьбе решающую роль играли ритуал, танец, песня, рисунок, резьба и более всего — дискурсивный язык.

А был ли тот мальчик?

Что такое человек, и откуда он пришел в этот мир? Русские философы также пытались внести свою лепту в разрешение этого вопроса. В.В. Розанов впервые увидел шимпанзе в зоологическом саду во Франкфурте-на-Майне и поразился ее способностям: она помогала сторожу собирать и убирать стол, сметала крошки, стлала скатерть. Дарвину, подумал тогда Розанов, даже лестно происходить от такой умной обезьяны, а не от более мелкой.

Лев Шестов считал библейскую версию происхождения человека правдоподобнее, чем дарвиновская — об этом свидетельствуют неутолимая тоска и вечная духовная жажда человека. Если бы человек произошел от обезьяны, он по-обезьянью умел бы быстро найти все, что ему

нужно. Правда, на свете очень много людей, сумевших по-обезьянью приспособиться к жизни: они весьма изобретательны в добывании пищи и вполне довольны своей жизнью.

Лев Шестов (1866–1938 гг.) — замечательный русский мыслитель, задолго до Хайдеггера опубликовал ряд работ по проблемам человеческого существования, предвосхитив многие идеи философии XX века.

Родился в семье крупного киевского коммерсанта. В 12 лет был похищен анархистами, отец отказался платить выкуп, и только через полгода мальчик был возвращен домой. Поневоле задумаешься о хрупкости бытия и станешь философом. Однако сначала Шестов учился в Московском университете — на математическом, потом на юридическом факультетах, был исключен за участие в студенческих беспорядках. И лишь с 1897 года стал заниматься философией.

Основные работы: «Апофеоз беспочвенности», «Власть ключей», «Афины и Иерусалим», «На весах Иова».

Но и Дарвин, и Библия правы, пояснял Шестов. Часть людей произошла от согрешившего Адама, чувствует в своей крови грех предков, мучается этим грехом, а другие — от несогрешившей обезьяны, их совесть спокойна, они не терзаются и не мечтают об избыточном.

Согласно С. Франку, современное «научное», «просвещенное» сознание с его принципами доказательства, не хочет ничего принимать на веру, для всего ищет объяснения. Только одно, самое главное, оно оставляет без объяснения — оно спокойно примиряется с тем, что наше Я, наша личность, наша внутренняя жизнь со всеми ее потребностями, упованиями и мечтаниями совершенно случайно, неведомо откуда затесались в мир — человек остается в нем совершенно инородным, одиноким, бесприютным существом, обреченным на крушение и гибель.

Семен Людвигович Франк (1877–1950 гг.) родился в Москве и окончил Московский университет. Основные работы: «Душа человека», «Непостижимое», «С нами Бог», «Человек и реальность» и др.

В книгах Франка поражает его умение говорить о сложнейших проблемах философии доступным, ясным и поэтическим языком. В 1922 г. он был выслан из России, жил во Франции, затем в Англии. Умер в предместье Лондона, всю жизнь сохраняя любовь к России и веря в ее будущее духовное возрождение.

Теория эволюции сводит бытие человека лишь к его природному существованию и дает беспомощные объяснения его происхождения, с ее точки зрения человек с его душой, разумом постепенно развился из какой-нибудь амебы или протоплазмы. Это все равно, как если бы мы сказали, что круг постепенно развился из треугольника или точки, а машина — из гайки. Теория эволюции — это наивная мифология. Человек не может развиться из того, что в принципе ему чуждо, он возникает

совсем из другого источника. Можно даже сказать, что он не возникает, а в определенном смысле всегда есть. И если человек остается одиноким перед лицом холодного и равнодушного к нему космоса, если он в нем беззащитный скиталец, то это лишь значит, что он имеет родину совсем в иной сфере реальности.

Об этом, например, свидетельствует само рождение и первые годы существования человека. Удивительные строчки посвятил В. Розанов только что появившемуся на свет младенцу. Маленький человек, писал он, явственно обнаруживает бездонную тайну своего происхождения. Младенец — это не только сияние жизни, не только свежесть и чистота, которую мы утрачиваем с годами, но это еще явление той единственно бесспорной безгрешности, какую на земле знает и испытывает человек. Мало сказать, что младенец невинен, — ни в чем не виновен и камень. Младенец обладает положительной невинностью — в нем есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости. Дом, не имеющий детей, мрачен и темен, он освещается и освящается детьми. Понимающий человеческую природу не может смотреть на младенца без слез, без «переполненного сердца» (Гете).

Розанов Василий Васильевич (1856–1919 гг.) — философ, писатель, богослов, литературный критик, человек огромной эрудиции и удивительного чувства юмора. Уже с 4-го класса обнаружил склонность к философствованию: под влиянием прочитанных книг построил систему доказательств в пользу счастья как верховной идеи человека. Основные произведения: «В мире неясного и нерешенного», «Опавшие листья», «Люди лунного света», «Апокалипсис нашего времени».

Умер от голода в Сергиевом Посаде. Его надгробие, рядом с могилой К. Леонтьева, в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой лавры, было уничтожено и восстановлено лишь недавно. При советской власти не была напечатана ни одна книга Розанова. Сейчас издается собрание его сочинений.

Откуда же это странное волнение в нас? Глядя на дитя, считал Розанов, мы и в себе пробуждаем видение «миров иных», только что оставленных этим человечком, видим свежесть, яркость и святость этих миров. Младенец — это «выявленная мысль Божия». Около младенца всякая взрослая добродетель является ограниченной, почти ничтожной, и человек, чем дальше отходит от момента рождения, тем больше «темнеет». В раннем детстве почти все дети обладают по крайней мере задатками гениальных способностей: поражает их память, непосредственная яркость и свежесть восприятия, удивительное чутье по отношению к окружающим людям. Это все как бы врождено ребенку. Его изначальная одаренность действительно представляется даром свыше, а потом ее уже невозможно специально удержать никаким воспитанием и обучением. В сиянии младенца есть глубинная святость, словно влага, еще не сбежавшая с его ресниц. А потом мы, став взрослыми, вспоминаем свое

гениальное детство, свою память, свои способности к языкам и думаем: а был ли действительно тот мальчик (или девочка)? Ведь взрослому человеку так трудно выучить хотя бы один иностранный язык, так трудно «расшевелить» свое воображение, так быстро все забывается, и совершенно не верится, что когда-то в детстве мы все были гениями, во всяком случае — в наших задатках.

Ч. Дарвин и супершимпанзе

В массе своей, считал Ф. Ницше, человек вообще еще не возник, в массе своей он еще остается супершимпанзе. Именно «супер», потому что в сравнении с обезьяной он более умный, более хитрый, более ловкий, — но все равно он обезьяна. Как и русские мыслители, Ницше считал, что теория Дарвина не подтверждается серьезными фактами. Естественный отбор действительно способствует выживанию, но отнюдь не самых лучших и самых значительных особей. В результате естественного отбора никакого прогресса не происходит. Все яркое, красивое, талантливое вызывает зависть или даже ненависть и погибает — это особенно характерно для общества, но и в природе творится то же самое. Потомство дают лишь серые, невзрачные индивидуумы. Яркие люди, сильные и смелые, всегда идут вперед, не боятся рисковать жизнью и потому чаще всего рано сходят со сцены истории.

Единственными представителями истинной человечности для Ницше являются лишь философы, художники и святые. Только им удалось вырваться из животного мира и жить целиком человеческими интересами. Расстояние между обычным человеком (супершимпанзе) и обезьяной гораздо меньше, чем между ним же и истинным человеком. Здесь уже качественные различия, тогда как в первом случае только количественные.

Ницше говорил о философах или художниках, конечно, не в профессиональном плане. Среди философов тоже сколько угодно супершимпанзе. Философ у Ницше — это тот, кто живет философски, обдумывает свою жизнь, предвидит последствия всех своих поступков, сам выбирает свой жизненный путь, не оглядываясь на стандарты и стереотипы. Так же и художник — это не только артист или писатель, это человек, который все, что бы он ни делал, делает мастерски, все у него получается добротнo и красиво. Святой — это по определению человек, ибо он совершенно избавился от страстей, от жадности, эгоизма, полон любви и сострадания.

К сожалению, большинство людей — это слишком люди, слишком заземленные, слишком погруженные в свои мелочные дела и заботы, в то время как они должны стремиться к сверхчеловеческому, к тем

сверхчеловеческим (в смысле — не животным) качествам, которыми обладают философы или святые. Такие люди похожи на незавершенные картины, где все взывает: придите, помогите, завершите, соедините! Они как бы еще не произошли, и существуют как истинные люди только потенциально.

Но каким образом жизнь отдельного человека может иметь высшую ценность и глубочайшее значение? При каких условиях она менее всего растрачивается даром? Надо, считал Ницше, чтобы человек смотрел на себя как на неудавшееся произведение природы, но вместе с тем как на свидетельство величайших намерений этой художницы. Каждый должен сказать себе: на этот раз ей не удалось, но я буду стараться, чтобы когда-нибудь у нее это получилось. Я буду работать над воспитанием в себе философа, художника или святого.

Мыслящий тростник

Когда мы говорим о человеке — кого мы имеем в виду? Александра Македонского или Ньютона, русского или француза, крестьянина или ремесленника, мужчину или женщину, взрослого или ребенка?

Можно сказать, что человек — это все жившие когда-то и сейчас живущие люди. Но часто люди убивают других людей, то есть отказывают им в праве быть людьми. Один человек относится к другому или к другим как к существам низшего рода, считая их винтиками для осуществления своих замыслов, пушечным мясом для войны и т.д.

Во многих людях иногда прорывается жуткое животное начало, беспощадная злоба и ненависть. Сами условия существования заставляют человека подавлять в себе человеческие качества, прятать их, постоянно изменять своей природе. «Во всех стихиях человек — палач, предатель или узник», — писал Пушкин.

Что дает нам право говорить о себе как о человеке? Что делает меня человеком? Нужно признаться, что у меня нет разумных оснований считать себя человеком. Говорят: я состоялся как физик или как изобретатель, но никто не говорит: я состоялся как человек. Древние говорили: состояться как человек — значит построить дом, написать книгу, вырастить дерево. Но масса людей этого не сделала. Можно ли отказать им в том, что они люди?

Когда вы знакомитесь с другим человеком, что вас интересует прежде всего? Его человеческие качества или та роль, то место, которое он занимает в обществе, то есть социальные характеристики? Боюсь, что больше интересует последнее. Человек как будто «исчезает» в современной цивилизации. И это исчезновение ставит проблему человека с новой силой, снова заставляет нас задумываться о том, что нам ближе

всего и в то же время менее всего понятно, — о нашей собственной природе.

«Что за химера человек? — восклицал Блез Паскаль в своих знаменитых «Мыслях», — Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Кто распутает этот клубок?... Узнай же, гордый человек, что ты — парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека...».

Блез Паскаль (1623–1662 гг.) — французский религиозный философ, писатель, математик, физик. После весьма плодотворной деятельности в области точных наук (любой школьник знает вклад Паскаля в физику и математику), он разочаровался в них и обратился к философии, к проблеме человека. Первым предложил нетрадиционные, нерационалистические формы познания человека, первый отличил «мысль сердца» от «мысли рассудка». Его учение о человеке оказало большое влияние на мыслителей XIX века, в частности, на Ф. Достоевского.

Люди себя оценивают то слишком высоко, то слишком низко. Поднимите ваши глаза к Богу, — говорят одни; Смотрите на Того, с Кем вы так схожи и Кто вас создал, чтобы вы поклонялись Ему. Вы можете стать подобны Ему, мудрость вас с Ним уравнивает, если вы захотите ей следовать. Еще древнегреческий мыслитель Эпиктет говорил: «Выше голову, свободные люди!» А другие говорят: «Опусти свои глаза к земле, ты, жалкий червь, и смотри на животных, своих сотоварищей».

Кто же все-таки человек и с кем его можно сравнивать — с Богом или животными? — спрашивал Паскаль. Человек окружен со всех сторон пугающей бесконечностью: с одной стороны Вселенная, в которой Земля — крохотная точка, а человек — вообще исчезающе малая величина; с другой стороны, бесконечность внутри мельчайшего атома, бесконечность ничтожнейшего продукта природы вглубь. И человек стоит между двумя безднами — бесконечностью и ничтожностью — и трепещет при виде этих чудес.

И все-таки человек намного значительнее этих двух бесконечностей, ибо хоть он и песчинка в космосе, хрупкий тростник, но тростник мыслящий. Не нужно ополчаться против него всей Вселенной, писал Паскаль, чтобы его раздавить. Но человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он *знает*, что он умирает, и *знает* превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает.

Итак, заключал Паскаль, все наше достоинство в мысли. В этом наше величие, а не в пространстве и во времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить как должно.

Что такое человек?

«Опасно слишком настойчиво убеждать человека, что он не отличается от животных, не доказывая одновременно его величия. Опасно и доказывать его величие, не вспоминая о его низости. Еще опаснее оставлять его в неведении того и другого, но очень полезно показывать ему и то, и другое.

Человеку не следует ни полагать себя равным животным или ангелам, ни пребывать в неведении о том и другом, а следует знать и то, и другое.»

«Людей с самого детства обязывают заботиться о своей чести, о своем достатке, о своих друзьях, а также о достатке и чести друзей, их изнуряют всякими делами, изучением языков, упражнениями; им внушают, что они не будут счастливы, если их здоровье, честь, имение, а также здоровье, честь, имение их друзей не будет в хорошем состоянии, и что отсутствие хотя бы одного из этих благ принесет им несчастье. Так их нагружают обязанностями и заботами, заставляя суетиться с рассвета. Станный способ делать людей счастливыми, скажете вы; что можно придумать лучше этого, чтобы сделать их несчастными? Как что: надо только отнять у них все эти заботы, и тогда они взглянут на себя, задумаются, кто же они такие, откуда пришли, куда идут; им нельзя дать слишком много занятий и развлечений. Вот почему их так неустанно готовят к делам, а если выпадет им несколько свободных минут, советуют употребить их на забавы, игры и постоянно чем-то себя занимать.

Сколько пустоты и мерзости в сердце человеческом».

(Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 107, 117).

«Человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка. Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, кто он, откуда пришел и куда он идет. Еще в Греции человек хотел познать самого себя и в этом видел разгадку бытия, источник философского познания. Человек может познавать себя сверху и снизу, из своего света, из божественного в себе начала и познавать из своей тьмы, из стихийно-подсознательного и демонического в себе начала. И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму. <...>

Именно сознание личности в человеке говорит о его высшей природе и высшем призвании. Если бы человек не был личностью, ... то он был бы подобен другим вещам мира и в нем не было бы ничего необычайного. Но личность в человеке свидетельствует о том, что мир не самодостаточен, что он может быть преодолен и превзойден. Личность ни на что другое в мире не походит, ни с чем не может быть сопоставляема и сравниваема. Когда личность вступает в мир, единственная и неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно. <...> Личность есть прорыв, разрыв в этом мире, внесение новизны. <...> Личность есть часть и не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому, всему миру. Это есть существенный принцип личности, ее тайна. <...>

Личность есть исключение, а не правило. Тайна существования личности в ее абсолютной незаменимости, в ее однократности и единичности, в ее несравнимости. Все индивидуальное незаменимо. <...>

Проблема личности есть проблема совсем иного порядка, чем школьная проблема отношения души и тела. Личность совсем не есть душа в отличие от тела, связывающего человека с жизнью природы. Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека. Единство личности создается духом. Но тело принадлежит образу человека. <...> Форма человеческого тела есть уже победа духа над природным хаосом. <...> Форма тела совсем не есть материя, совсем не есть явление физического мира, форма тела не только душевна, но и духовна. Лицо человека есть вершина космического процесса, величайшее его порождение, но оно не может быть порождением лишь космических сил, оно предполагает действие духовной силы, превышающей круговорот природных сил. Лицо человеческое есть самое изумительное в мировой жизни, через него просвечивает иной мир».

(Бердяев Н. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 11–14, 18)

Поговорим о прочитанном:

1. Если человек совершенно случайно возник во Вселенной и так же случайно может исчезнуть как вид (от изменения климата, падения большого метеорита и т.п.), то есть ли причины для гордости, для того, чтобы считать себя высшей ступенью развития природы?
2. Если жизнь с самого начала возникновения прогрессировала и развивалась, то, может быть, человек не последнее звено в ее развитии? Но кто же может быть следующим? Кто придет после нас?

3. Почему в сегодняшних высших животных не «просыпается» разум? И если бы он проснулся, то мог бы, по вашему мнению, человек примириться с этим? Признал бы он обладающих сознанием и языком обезьян или дельфинов за равных себе? Позволил бы он им заседать в ООН и решать судьбы планеты?
4. Может ли человек искренне сказать о себе, чего в нем больше: супершимпанзе или философа (художника, святого)?
5. Чувствовали ли вы в своем детстве нечто особенное: особую одаренность, сильно развитое воображение, которое потом, с годами стало исчезать? Можно ли сказать, что ребенок — в этом смысле совершенный человек по сравнению со взрослым?
6. Бердяев называл лицо человека вершиной космического процесса. Но насколько отражается в лице внутреннее содержание? Можно ли о другом человеке судить по его лицу?
7. Что имел в виду Н. Бердяев, когда говорил, что не личность — часть общества (личность вообще не может быть частью чего-либо), а общество — часть личности?
8. Можно ли, исходя из рассуждений Л. Шестова, сказать, что некоторые люди произошли от Бога, а некоторые от обезьяны?

Глава 2. Что из себя представляет человек?

Обустроенность и бездомность человека

Мартин Бубер различал в истории человеческого духа эпохи обустроенности и бездомности. В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной, как у себя дома, в эпоху бездомности — как в дикой пустыне, где и колышка для палатки не найти. В античности человек мыслится находящимся в мире, мир же в человеке не находится. Человек — просто часть мира, вещь наряду с другими вещами, вид наряду с другими видами. Человек — обладатель собственного угла в мироздании, правда, не на самых верхних его этажах, но и не на нижних, а где-то на средних, вполне сносных по условиям.

Мартин Бубер (1878–1965 гг.) — известный еврейский философ, в чьем творчестве соединились опыт религиозной жизни и современное философское мышление. Основная тема его произведений: человек в своих взаимоотношениях с Богом и миром. Бубер — прекрасный писатель, и его серьезные философские работы читаются, как художественные произведения. Большой друг Льва Шестова. Главные труды: «Я и Ты», «Два образа веры», «Проблема человека».

С крушением античности молодая христианская религия констатировала распадение бывшей цельности мира. Теперь мир — борьба двух

противоположных сил, двух царств — Света и Тьмы, Бога и Дьявола. Человек больше не может быть вещью среди вещей, не может иметь твердого места во Вселенной. Состоящий из души и тела, он принадлежит обоим этим царствам, будучи одновременно полем битвы и ее трофеем.

Первым философом, почувствовавшим бездомность и свое одиночество посреди высших и низших сил, был Августин. С его точки зрения, человек — это великая тайна. Человек сам не знает, кто он и чего в нем больше — божественного или дьявольского. Августин упрекал людей, которые восхищаются высокими горами, морскими волнами и свечением звезд, но не удивляются самим себе. Удивляться надо не тому, что человек — вещь среди других вещей, а тому, что он ни на одну вещь не похож, что он вообще не находится в ряду вещей.

Когда же христианская религия окрепла и широко распространилась в странах и душах людей, она построила новый христианский космос, новый дом, в котором мог жить человек. Образ этого мира выражает крест: вертикальная перекладина есть конечное пространство от небес до преисподней, и проходит она посреди человеческого сердца; поперечная же перекладина являет собой конечное время от сотворения мира до последнего его дня.

Человек в таком мире перестает быть проблемой, он занимает положенное ему место, он обустроен, ему спокойно и тепло. Он больше не мучается вопросом, каким мучился Августин: кто я такой и откуда пришел?

Стены этого дома рухнули под ударами Н. Коперника. Беспредельность вдруг надвинулась со всех сторон, и человек оказался в мире, устрашающая реальность которого не позволяла видеть в нем прежний дом. В этом мире человек снова стал беззащитным, хотя на первых порах разделял восторг Джордано Бруно перед его величием, а потом математический восторг И. Кеплера перед его гармонией. Но уже Б. Паскаль увидел не только величие звездного неба, но и его жуткую загадочность, ощутил испуг от вечного молчания бесконечного пространства.

Распад прежнего образа Вселенной и кризис ее надежности повлек за собой и новые вопросы беззащитного, бездомного и потому проблематичного для самого себя человека.

Наука и философия стали создавать новый *образ* Вселенной, но не новый *дом*. Стоит только всерьез принять идею бесконечности, считал Бубер, и нового дома уже не выстроить. Концепция замкнутого мирового пространства А. Эйнштейна не годится для обратного перекаривания Вселенной в новый дом.

Этот новый космос можно помыслить, но нельзя себе представить. Постепенно человечество вообще стало отрезаться от идеи построения дома, оно все больше становится бездомным, заброшенным в этот мир, покинутым. И вновь у него возникают вопросы о собственной природе, о своей истинной родине и путях ее поиска.

Человек, оставшийся один на один с чужим для него миром, ищет то, что не включено в этот мир, — ищет Бога, с которым можно пообщаться, в котором можно искать опору и поддержку. Но в каждую следующую эпоху, писал Бубер, одиночество все холоднее и суровее, а спастись от него все труднее. Человеку придется найти силы и смысл своего существования в себе самом.

Для чего живет человек?

У человека есть две жизни: одна, в которой мы живем подобно заведенным автоматам, приспособляясь к окружающему миру и обществу; и вторая, в которую мы впадаем в редкие минуты, когда творим, когда любим, когда делаем добро. С точки зрения философии, это и есть истинная жизнь — здесь мы радуемся, волнуемся, глубоко переживаем, здесь мы живем полностью в бодрствующем состоянии. Однако все эти вещи: добро, любовь, красота, ум, совесть, честь — являются сверхъестественными, потому что не имеют никаких естественных причин.

Нельзя спросить человека, почему он сделал добро (ибо если есть причина, то нет доброго поступка: «я спас человека, потому что он богатый и меня отблагодарит»), нельзя спросить о том, почему он любит другого человека (если есть причина, то нет любви: «я люблю ее, потому что она красивая» — но ведь есть тысячи более красивых).

Добро, как и любовь, не нуждается в объяснении. А зло нуждается в объяснении, любой наш нехороший поступок надо объяснять и оправдывать. Мы всегда ищем причины только для бесчестия, для измены, для зла. Но если злые поступки мы часто совершаем автоматически (так же, как автоматически в голову приходит только глупость, а чтобы пришла умная мысль, нужно сильно постараться), то добро, честь, любовь, ум сами по себе не случаются, не совершаются в автоматическом режиме.

Как писал замечательный и оригинальный философ 1960–1980-х годов М.К. Мамардашвили, все эти вещи живут в той мере, в какой возобновляются человеческим усилием, живут только на волне этого усилия. Вообще ничто человеческое не может пребывать само по себе, но должно постоянно возобновляться. Даже закон — его нельзя установить, а потом забыть про него и полагать, что он может существовать. На самом деле существование закона целиком покоится на существовании достаточно большого количества людей, которые его понимают и нуждаются в нем как неотъемлемом элементе своего существования. Никакой свободы не будет, если нет людей, которым свобода нужна и которые готовы за нее драться.

Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990 гг.) — российский Сократ. Очень не любил писать, при жизни выпустил только три книги. Постоянно выступал с циклами лекций по философии в МГУ, во ВГИКе, в Институте психологии. На них в 1960–1980-х годах сходилась вся интеллектуальная Москва. Он читал спокойно и деловито, попыхивая трубкой. Все, что он говорил, записывалось на пленку, перепечатывалось, ходило по рукам. От лекций Мамардашвили и от самого его облика веяло подлинной философской мудростью.

Он выступал во многих университетах мира, причем всегда на языке страны, был знаком со многими выдающимися мыслителями Запада. Никогда не боялся говорить о том, что думает, и был образцом честности и искренности в мышлении. Умер в московском аэропорту.

В настоящее время готовится объемное собрание его сочинений, выпущены отдельные его работы — «Картезианские размышления», «Лекции о Прусте», «Как я понимаю философию».

✓ Сам человек не существует как какая-то данность, как предмет, как стол или стул; человека вообще нет как чего-то неизменного, постоянного, наличного, человек — это стремление быть человеком. Нет стремления — нет человека.

В то же время в человеке, даже пребывающем в другом, напряженном режиме бытия, — в любви, творчестве — не прекращаются естественные процессы, он продолжает жить в этом мире, заниматься обыденными и повседневными вещами. И в этом смысле человек, по выражению М. Мамардашвили, *распят* между двумя мирами. Эта распятость предполагает напряжение: если есть человек, то есть и это напряженное держание в себе двух миров, напряженное усилие держать, будучи природным существом, что-то неприродное, искусственное, покоящееся на весьма хрупких основаниях.

Хрупких потому, что искусственные основания человека никогда целиком не реализуются в этом естественном мире — в мире нет в чистом виде ни совести, ни добра, ни красоты. И тем не менее вся жизнь человека сопряжена с этими основаниями. Но быть абсолютно добрым — бесконечная задача, так же как быть абсолютно мудрым — бесконечная задача. А человек конечен. Ему жизни не хватит на достижение этих совершенств, и тем не менее он к ним стремится. Стремиться к тому, на что не хватит жизни, — это и есть человеческое предназначение. Это стремление и есть то, что можно назвать *бессмертной душой*.

Назначение меня как человека еще и в том, чтобы оставить свой след, чтобы мои дела и мысли вошли необходимой частью в состав этого мира. А это возможно только в том случае, если я живу *свою* жизнь. Потому что в мире уже все сказано, все сделано, все написано, в этом мире нет для меня места, остается только повторять то, что уже было, как и делает большинство людей, не выполняя своего предназначения. Жить своей жизнью — значит найти то пустое место, которое оставлено для меня.

Я должен все понять сам, как будто до меня этого никто не понимал. От того, как я пойму то, что я увидел или узнал, зависят мои дальнейшие отношения с миром. Понять — значит найти свое место в мире, ибо мое понимание становится составной частью мира. Нет знаний вообще, абстрактных знаний, они всегда должны быть кем-то поняты, прогресс знаний в том, что другой понял иначе. Когда я пытаюсь понять, найти свою уникальную позицию, свое место, то я начинаю жить своей жизнью и в то же время жизнью мира.

Можно сказать, что в этом случае мир сам себя понимает. Это происходит, когда я усиливаю мысль, вырываюсь из замкнутого круга чужих знаний, стереотипов, предрассудков, когда я раздвигаю слипшиеся глыбы мира, чтобы встать на свое место, которое можно занять только своим собственным пониманием. В этом смысле мое понимание — это необходимая составная часть мира.

Но, возможно, нам только кажется, что цель человеческой жизни заключается в том, чтобы написать роман, или расширить границы государства, или воспитать детей, или достичь своего собственного оригинального понимания. Возможно, для универсума все это совершенно неважно. Однажды утром человек вышел в сад или пришел в лес, коснулся рукой мокрой от росы коры дерева и счастливо вздохнул — и этим выполнил свое предназначение на земле, все остальное — его личное дело. Возможно, другой человек, всю жизнь посвятивший исследованию какой-либо математической функции, написавший горы трудов, однажды встретил на улице нищего, дал ему немного денег и тем сделал самое главное. Больше от него ничего в этом мире не требуется. Слово этот человек нажал на какую-то невидимую кнопку в мироздании, и вселенная на один микрон шагнула дальше в своей эволюции. А от открытой математической функции ей ни тепло, ни холодно. Но, скорее, не все так просто, и вряд ли Вселенная устроена таким странным образом.

Почему все люди разные?

Люди какого-нибудь конкретного общества, какой-нибудь страны живут в более или менее одинаковых условиях: одной культуры, одних нравов и обычаев, одного языка. Но люди все равно все разные, непохожие друг на друга. Даже в одной семье дети вырастают разными, хотя воспитываются в одинаковых условиях. Что делает всех людей разными, неповторимыми и уникальными?

Первое: особенности психического склада — темперамент, скорость психических реакций, сообразительность — все это дается человеку по наследству.

Второе: опыт детства и воспоминания о детстве. У каждого ребенка свой опыт детства, свои переживания, каждому по-своему открывался мир, каждый по-своему пережил свои детские страхи, неудачи или радости.

Опыт детства накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Возможно, все наши таланты и способности заложены в родительской (прежде всего материнской) любви. Ребенок, который с детства чувствует эту любовь, живет в атмосфере любви, всю свою жизнь, словно броней, защищен от невзгод и напастей. У него, как правило, все получается в жизни, он талантлив и обладает многими незаурядными способностями. Наоборот, тот, кто вырос без любви, в холодной и суровой атмосфере равнодушия, всю оставшуюся жизнь чувствует себя одиноким, даже если окружен семьей или родственниками, у него все в жизни складывается трудно и тяжело.

Воспоминания детства сопровождают человека до самой смерти, и, что интересно, с годами не только не тускнеют, но становятся ярче. Старые люди с трудом вспоминают, что с ними было двадцать или тридцать лет назад, но хорошо, до мельчайших подробностей, помнят свое детство.

Третье: особенности индивидуальной биографии — каждый живет свою жизнь, и все, что с ним случается, и то, как он к этому относится, совершенно не похоже на жизнь других людей.

Четвертое: противоречивость жизненных ролей. У каждого человека в жизни одновременно несколько ролей. Например, школьник, когда он разговаривает с учителями, особенно с директором школы, — это один человек, внимательный, почтительный, глаза его так и светятся знанием и усердием. Но стоит ему выйти во двор, где его ждут друзья, он становится совершенно другим, он прыгает, кричит, и выражение лица у него соответствующее. Третьим человеком он становится, приходя домой и разговаривая с родителями.

Это не значит, что он каждый раз притворяется: каждый раз это он сам, у каждого человека много лиц, вернее, много сторон его личности, много ролей. Часто эти роли даже противоречат друг другу и тем не менее образуют единый комплекс личности — у каждого совершенно своеобразный.

Все эти четыре момента делают каждого человека как личность неповторимым и уникальным. И эта уникальность выражается в понятии Я. «Я» у человека появляется с трех-четырёх лет, когда он начинает понимать, что есть Я, а есть другие люди. До этого почти все дети говорят о себе в третьем лице. К десяти — двенадцати годам складывается образ Я, у каждого человека есть образ самого себя, сумма представлений о самом себе, каким я самого себя вижу, и этот образ человек проносит через всю жизнь, немного его исправляя и

дополняя. Как правило, это довольно симпатичный образ, каждый нормальный человек считает себя более или менее интересным, умным, способным, честным, добрым и т. д.

Самая страшная трагедия человеческой жизни — распадение этого образа, когда сам человек убеждается, что он не добрый, не умный, что он, например, дурак или подлец. Как правило, жизнь после этого кажется конченой, и в этом случае человек может даже убить себя.

Существуют механизмы защиты Я, которые действуют бессознательно, сохраняя личность от разрушения:

а. *Механизм вытеснения*. Человек испытывает большое горе или столкнулся с чем-то необычайно страшным, его психика может не выдержать и разрушиться. Но срабатывает этот механизм, и человек либо теряет сознание, либо вдруг забывает о постигшем его несчастье;

б. *Механизм инверсии*, переворачивающий импульс на прямо противоположный. У мальчиков в 12 — 13 лет просыпается половое чувство, но они начинают считать девочек своими первыми врагами и воюют с ними — дерутся, толкают, выбивают портфели из рук. На самом деле девочки им очень нравятся, но психика идет своим путем, чтобы сохранить равновесие;

в. *Механизм переориентации*. Психика бессознательно переключает эмоции с одного объекта на другой, более доступный. У школьника большие неприятности в классе, и, придя домой расстроенным, он вымещает свое раздражение на младшем брате или на любимой собаке. В некоторых странах на предприятиях по советам психологов ставят чучело начальника, на котором можно выместить свое раздражение.

Есть еще целый ряд механизмов психики, защищающих ее целостность и гармоничность так, чтобы человек не чувствовал себя в разладе с миром и окружающими.

Можно сказать, что у человека два Я — внешнее и внутреннее. Внешнее Я знакомится с людьми, учится в школе, набирается знаний, делает какие-то дела и совершает поступки. Внешнее Я — это совокупность знаний, правил действия, поведения, приемов мышления.

Внутреннее Я — это интимное, скрытое ядро личности: все наши мечты и надежды, воспоминания о первой любви, все те наши страсти, желания, которые мы прячем глубоко в душе. Это то, о чем нельзя рассказать другому, передать в виде слов или знаков. Философ Рене Декарт говорил: тот, кто сможет все рассказать о себе, тот опишет всю Вселенную. Но попробуй Расскажи! Для простого смертного это вещь невозможная. Для этого нужен талант. Любой роман, любая картина или симфония — это рассказ художника о себе. Внутреннее Я и делает нас личностью, без него мы только мыслящие машины.

Человек живой и человек мертвый

Каждый человек имеет сущность и личность. Сущность — это характер человека, совокупность его самых простых реакций на других людей, то, что складывается с самого детства и потом почти не меняется. Личность — это то, что мы получаем извне: знания, умения, правила жизни. Личность — это то в нас, что не наше. У большинства людей очень мало своего собственного. Все, что у них есть, большей частью взято из разных источников: идеи, убеждения, взгляды.

У большинства людей сущность развивается до 12–15 лет, пока формируется характер, и потом останавливается в своем развитии. А личность может развиваться сколь угодно долго. Человек заканчивает школу, университет, пишет книги, становится известным ученым. Но, полагал Г.И. Гурджиев, в своей сущности этот человек уже давно остановился в развитии, в сущности он остался наивным ребенком и ведет себя в самых главных вопросах своей жизни как ребенок — беспомощно и глупо. Когда нужно принять важное решение относительно своей судьбы или судьбы близких, такой человек верит на слово политическим демагогам и проходимцам.

Георгий Гурджиев (1877–1949 гг.) — философ и мистик. Он много путешествовал, был в Средней Азии, Иране, Египте, Сирии, Афганистане, Турции, учился в самых разных духовных школах, братствах, монастырях, постигая там тайные учения восточной мудрости. Хорошо знал западную философию. В 1918 году в Тифлисе открыл институт гармонического развития человека. Затем, уехав на Запад, пытался возобновить деятельность этого института. Купив имение во Франции, в Фонтенбло, работал там со своими учениками до самой смерти. После себя оставил несколько трудных для понимания книг («Взгляд из реального мира», «Все и каждое» и др.) и нескольких верных учеников, которые писали комментарии к его книгам.

Самым известным и тонким комментатором Гурджиева был русский философ, мистик и психолог Петр Успенский, несколько книг которого вышло в России.

Некоторые аспекты сущности могут останавливаться в развитии в возрасте пяти-шести лет, а дальше все собственное кончается; остальное оказывается чужим: или взято из книг, или создано благодаря подражанию готовым образцам.

Очень часто люди соединяются между собой не как сущности, а как личности, поскольку люди в основном живут личностью. Личность имеет свои интересы и вкусы, ей нравится то, что не нравится сущности. Сущность знает, что она хочет, но не может выразить. Человек часто и не подозревает о своем внутреннем Я, ему кажется, что то, что он представляет из себя в обществе, его знания, его связи — это и есть главное и единственное в нем. Он не подозревает, что все это взято напрокат.

Неразвитая сущность ведет к странным парадоксам: можно быть великим ученым, крупным государственным деятелем, знаменитым артистом, но одновременно совершеннейшим негодяем и подлецом по своей сути.

Но бывает еще страшнее, бывает так, что сущность умирает. Как личность человек еще живет, выступает с речами, издает книги, руководит страной, а в сущности своей он давно умер, у него даже глаза оловянные, как у мертвеца. И таких людей, утверждал Гурджиев, очень много. Если бы вы знали, писал он, какое число мертвецов управляет нашими жизнями, вы бы сошли с ума от страха.

Макс Шелер: пять идей о человеке

Никогда прежде взгляды на сущность и происхождение человека не были столь ненадежными и неопределенными, как в нашу эпоху. За последние десять тысяч лет истории наша эпоха — первая, когда человек стал совершенно «проблематичен», когда он больше не знает, что он такое, и в то же время знает, что он этого не знает. В каждую историческую эпоху господствовали различные взгляды на то, что такое человек. Сейчас нам известны все, но мы не можем отдать предпочтение какой-нибудь одной, не можем решить, какая из них истинная.

Первая идея о человеке появилась под влиянием религиозной веры. И прежде всего она выражена в мифах о сотворении человека Богом, о происхождении Адама и Евы, о их жизни в раю и о грехопадении, о спасении мира Христом и т.д. Эти мифы очень могущественны и очень часто произвольно возникают в сознании. Если кто-то уже не верит во все это, он тем не менее еще долго не может освободиться от этого мифа, ибо чувства и формы жизни выросли из идей, которые господствовали веками и намного пережили сами идеи. Например, подсознательный страх, который однажды психологически породил из себя миф о грехопадении и наследственной вине, и сегодня гнетет, согласно М. Шелеру, все западноевропейское человечество, в том числе и неверующих. Кант говорил: «Человек сделан из слишком кривого дерева, чтобы из него можно было выстругать что-либо совершенно прямое».

Другую, господствующую и сегодня идею о человеке изобрели древние греки. Это идея «*homo sapiens*» (человека разумного). Она проводит различие между человеком и животным вообще. Человеку присуще специфически деятельное начало, свойственное только ему, — разум. Благодаря разуму человек впервые получает способность познавать мир, божество и самого себя. Разум — это частичная функция божественного в человеке. Отсюда можно сделать три вывода: 1. человек наделен божественным началом, которого вся остальная природа не

содержит; 2. это начало в человеке и сама божественная сила — в принципе одно и то же, поэтому человек может познавать мир; 3. это сильное и могущественное начало, которое позволяет человеку претворять свои идеи в жизнь. Эту идею о человеке выражали стоики, Платон, Аристотель.

Третью идею о человеке обозначают короткой формулой «*homo faber*» (человек делающий). Это учение о «человеке делающем» вообще отрицает специфическую способность человека к разуму. Здесь не проводится существенного различия между человеком и животным: есть лишь степенные различия; человек — лишь особый вид животного. То, что мы называем сознанием, разумом, не имеет самостоятельного происхождения, это просто дальнейшее развитие высших психических способностей, которые есть уже у человекообразных обезьян. И здесь можно выделить три более подробных определения человека: 1. это животное, использующее знаки (язык); 2. это животное, использующее орудия; 3. это существо, наделенное мозгом (правда, кора головного мозга у человека потребляет значительно больше энергии, чем у животного). Ярким проявлением этой идеи является теория эволюции Дарвина.

Четвертая идея о человеке до сих пор, писал Шелер, не понята и не принята образованным миром. Эта идея противоестественная и странная. На простой вопрос: «что такое человек?» ученые и философы, разделяющие эту идею, отвечают: человек — это *дезертир жизни*, способный лишь к развитию пустых суррогатов (язык, орудия и т.п.). Он лишь жалкое выражение священного космического смысла жизни. Согласно Т. Лессингу, «человек — это вид хищных обезьян, постепенно заработавший на своем так называемом «духе» манию величия». А голландский ученый Л. Больк писал, что человек — это инфантильная обезьяна с нарушенной функцией внутренней секреции.

В целом эту идею можно выразить еще так: человек намного хуже других видов животных приспособлен к окружающему миру, он намного более беззащитен, а поэтому был вынужден в борьбе за существование отключить некоторые свои функции в пользу орудий, в пользу языка. И как биологический вид человек перестал развиваться. Следовательно, человек — не тупик развития, в который зашла жизнь, он есть *тупик жизни вообще*. Его так называемый дух — это и есть болезнь, болезнетворное направление самой универсальной жизни. Отдельный человек не болен, но человек как таковой есть болезнь. Этот червяк, живущий на крохотном отрезке истории земной жизни, называющий себя человеком, мнит о себе так высоко и все более осознает свою важность, создавая государства, произведения искусства, орудия, язык, поэзию. Но тем не менее все-таки остается тупиком, болезнью жизни. Все, что человек создает, он создает только из-за своей биологической слабости и бессилия, из-за фатальной невозможности развиваться биологи-

чески. Пусть такой человек существует уже более десяти тысяч лет, но что значат эти десять тысяч лет для истории жизни?

Если такая идея о человеке унижает его, то следующая, пятая, наоборот, позволяет человеку подняться на такую ступень, взлететь на такую головокружительную высоту, какой не сулило ему ни одно другое из известных учений. Наиболее ярко она выражена в идее сверхчеловека Ф. Ницше. Эта идея ставит человека на место Бога. Если есть Бог, то тогда нет человеческой ответственности и свободы. Ограничения на человека налагает не природа, а существование Бога. Г. Керлер писал по этому поводу: «Что для меня мировая основа, если я как нравственное существо ясно и четко знаю, что есть добро и что я должен делать? Если мировая основа существует и она согласна с тем, что я считаю добром, тогда я уважаю ее, как уважают друга; но если она не согласна — плевал я на нее, хотя бы она и стерла меня в порошок со всеми моими целями».

Главной чертой такого сверхчеловека является не разум, не способность орудийной деятельности, а максимум ответственной воли, цельности, чистоты и могущества. Такой человек выше Бога и никогда не примирится с существованием Бога.

Избранные тексты

«То, что действительно есть, есть и без человека, даже если для нас оно и является в формах и способах, возникающих из человеческого бытия. Мы даже лучше знаем все то, что не есть мы сами, — быть может, человеку менее ясно, что он есть, чем то, что ему встречается. Он остается величайшей тайной для самого себя, ощущая, что в его конечности его возможности как будто начинают простираться в бесконечность.

В величественных образах предпослано, что есть человек, будто он это уже знает. *Во-первых*, он воспринимался в *иерархии существ*. В качестве чувственного существа он — высший из животных, в качестве духовного — низший из ангелов, но он не животное и не ангел, хотя и родствен обоим частью своего существа; перед обоими у него есть преимущество, поскольку он обладает тем, чего лишены те и другие и чем он обладает изначально как непосредственное творение Бога. <...>

Человек не соответствует ни одному единичному существу, только миру в целом. <...>

Во-вторых, бытие человека видели не в его образе, а в его *ситуации*. Основная ситуация, в которой находит себя человек, есть одновременно и основной признак его существа.

Беда (Беда Достопочтенный — англосаксонский монах и летописец, VII–VIII века — *В.Г.*) рассказывает следующее об англосаксон-

ском собрании 627 г., посвященном вопросу о принятии христианства. Один из герцогов сравнил жизнь человека с пребыванием в помещении воробья в зимнее время. «В очаге горит огонь, согревая зал, а снаружи бушует буря. Прилетает воробей и быстро пролетает через зал, влетев в одну дверь и вылетев из другой. Как только он пролетел через небольшое пространство, где ему было приятно, он исчезает и из зимы возвращается в зиму. Такова и жизнь человека, подобная мгновению. Что ей предшествовало и что за ней последует, нам неизвестно...» Этот германец чувствует, что он зависит от чего-то чуждого, что он случаен здесь, в мире, но здесь, в этой жизни, ему хорошо и он в безопасности; беспокоит его только скоротечность жизни и то, что последует за ней. <...>

В-третьих, бытие человека рассматривается в его *потерянности* и в его *величии* одновременно... Этот образ человека проходит с отклонениями через всю историю западного мира.

Греки знали, что никого нельзя считать счастливым до его смерти. Человек отдан во власть неведомой судьбы; люди преходящи как листья в лесу... Но греки знали и другое: многое могущественно, но нет ничего могущественнее человека.

Ветхому завету известна та же полярность. В нем говорится о ничтожестве человека:

Дни человека, как трава;
Как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер и нет его,
И место его уже не узнает его (Пс. 102).
И вместе с тем усматривается величие человека:
Не много Ты умалил его пред ангелами;...
Поставил его владыкою над делами рук Твоих.
Все положил под ноги его (Пс. 8).

Поднятый над общим для многих народов образом ничтожества и величия, человек в Ветхом завете — подобие божества: Бог сотворил человека по образу своему; человек отпал от Бога и содержит в себе то и другое — образ Божий и грех.

Христиане остаются на этом пути. Они настолько твердо знали о границе человека, что видели ее даже в Богочеловеке: Иисус познал в величайшем страдании то, что он сказал на кресте словами псалма: Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставил меня? (Пс. 21, 2). Человек не может всецело зависеть от самого себя. <...>

Пико делла Мирандола (итальянский мыслитель эпохи Возрождения, 1463–1494 гг. — *В.Г.*), пребывая в восторге от оставшегося еще христианским Возрождения, нарисовал образ человека, исходя из идеи, которую придало ему божество, когда поместило в конце творения человека в мир: Бог сотворил человека по все соединяющему в себе обра-

зу своему и сказал ему: Мы не дали тебе ни определенного места, ни особого наследия. Все другие сотворенные существа мы подчинили определенным законам. Ты один ничем не связан, можешь брать, что хочешь, и быть по своему выбору тем, на что решишься по своей воле. Ты сам по своей воле и к своей чести должен быть собственным мастером и строителем и формировать себя из материала, который тебе подходит. Ты свободен — можешь опуститься на низшую ступень животного мира; но можешь и подняться до высших божественных сфер. Животные обладают от рождения всем тем, чем они когда-либо будут обладать. Лишь в человека Отец заложил семя для любой деятельности и зародыши любого образа жизни.»

(Ясперс К. Философская вера//Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 443–445).

«Дифференцировка типа часто наступает очень рано, настолько рано, что в некоторых случаях следует говорить о ней как о врожденной. Самым ранним знаком экстраверсии у ребенка является его быстрая адаптация к окружающей среде и то необычное внимание, которое он уделяет объектам, в особенности тем эффектам, которые он на них оказывает. Страх перед объектами минимален — ребенок живет и перемещается среди них с уверенностью. Его способность к пониманию быстрая, но не точная и не аккуратная. Развивается он более быстро, чем интровертный ребенок, так как он менее рефлексивен и обычно бесстрашен. Он не чувствует преграды между собой и объектами и может поэтому играть с ними свободно и учиться через контакт с ними. Ему нравится доводить свои начинания до крайности, он выказывает склонность к риску. Все неведомое и неизвестное для него соблазнительно.

Обратная картина: одним из самых ранних признаков интроверсии у ребенка выступает рефлексивная задумчивая манера его поведения, отмеченная застенчивостью и даже страхом перед незнакомыми объектами. Очень рано появляется тенденция отстаивать свои права над знакомыми объектами и пытаться овладеть или управлять ими. Ко всему неизвестному такой ребенок относится с недоверием: внешние влияния обычно воспринимаются с сильным сопротивлением. Ребенок желает все делать своим путем и ни при каких условиях не будет подчиняться тому правилу, которое он не может понять. Когда он задает вопросы, то делает это не из любопытства или желания произвести впечатление, но потому что хочет, чтобы имена, значения, смыслы и объяснения давали ему субъективную защиту против объекта. Я наблюдал интровертного ребенка, который сделал свои первые попытки выйти на прогулку лишь после того, как изучил имена всех предметов в комнате, до которых он мог дотронуться. Таким образом, характерная оборонительная установ-

ка, которую взрослый интроверт проявляет по отношению к объекту, может быть подмечена у интровертного ребенка очень рано; точно так же можно очень рано обнаружить у экстравертного ребенка уверенность в себе и инициативу, счастливую доверительность в своих взаимодействиях с предметами. Это действительно основная черта экстравертной установки: психическая жизнь, так сказать, разыгрывается у индивида снаружи, в объектах и объективных взаимодействиях. В крайних случаях возникает даже некий вид слепоты к своей собственной индивидуальности. Интроверт, напротив, всегда действует так, как будто объект обладает превосходящей силой, против которой он должен себя защищать. Его реальный мир это мир внутренний».

(К. Юнг. Психологические типы. СПб., 1995. С. 615–616)

Поговорим о прочитанном:

1. Если наша эпоха — эпоха бездомности, вызывающая чувство глубокого одиночества у человека, то в какой другой эпохе вы хотели бы жить? Или наша эпоха вполне вас устраивает?
2. Какой тип приятеля наиболее предпочтителен для вас, если классифицировать всех людей по Л. Шелдону: мозговой, желудочный или мускульный?
3. Как вы понимаете фразу: «Человек — это стремление быть человеком»? Можно ли сказать, что человек становится человеком к определенному возрасту или достигая определенного положения в обществе? Может ли вообще наступить такой момент в жизни любого человека, когда он вправе сказать себе: ну вот, наконец-то я стал человеком?
4. Правда ли, что дети-интроверты, замкнутые, сосредоточенные, всегда учатся на «отлично»? Или в вашем классе этого не наблюдалось?
5. Можете ли вы сказать, что в вас живет внутренний человек, ваше второе Я? И если да, то часто ли вы с ним разговариваете, советуетесь?
6. Можете ли вы что-нибудь возразить тем мыслителям, которые утверждают, что человек — это тупик жизни, ошибка биологической эволюции (четвертая идея о человеке)?
7. В философии давно живет идея о параллелизме микро- и макрокосма, согласно которой человек — это космос в миниатюре, столь же сложный и столь же загадочный. В нем, как в зеркале, отражается большой космос. Это ли имел в виду Р. Декарт, когда говорил, что тот, кто сможет все рассказать о себе, опишет всю Вселенную? Можно ли сказать, что, когда человек умирает, умирает целая Вселенная?
8. У каждого человека в жизни много «ролей». В разных обстоятельствах, встречаясь с разными людьми, мы ведем себя по-разному: у меня одно лицо и одни слова, когда я говорю с начальником, и совсем другое лицо и слова, когда я что-либо обсуждаю со своими друзьями. Но

ведь если люди, которые во всех обстоятельствах ведут себя всегда одинаково. Они одинаково вежливы и ласковы со взрослыми и детьми, они полны достоинства и не теряются при встрече с большими начальниками, не важничают со своими подчиненными, ничего из себя не строят, всегда естественны и просты. Как правило, это взрослые люди, люди сильной воли и характера. Приходилось ли вам встречать таких людей? И возможно ли такое поведение в юности?

Глава 3. Основные характеристики человека

Философы все время сталкивались с невозможностью определения человека, хотя всегда были попытки дать такое определение. «Человек разумный» (*homo sapiens*), «человек делающий» (*homo faber*), «человек играющий» (*homo ludens*). Маркс определял человека как животное, производящее орудия труда, Гегель — как млекопитающее с мягкой мочкой уха (в шутку, конечно), Ницше — как животное, умеющее обещать, и т.д. и т.п.

Видимо, человека окончательно и однозначно определить нельзя: слишком он многогранен и разносторонен в своих мыслях, делах и свершениях и ни под одно определение не подходит, ни одним определением не охватывается.

Определить его можно только отрицательно, через такие качества, которые несут в себе отрицание: *несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость*. Эти пять «не» свидетельствуют не об ограниченности или ущербности человеческой природы, а об ее исключительном характере, исключительном месте среди других предметов и явлений окружающего мира.

Несводимость

Человек не сводим к своему биологическому виду: вырастет среди волков — станет по повадкам волком, среди обезьян — обезьяной. Но, в отличие от животного, он не сводим ни к климату, ни к пище, — может жить почти в любом климате, в любых географических условиях, приспособляется к любой пище.

В случае с человеком можно говорить об абсолютной несводимости. Он никогда не совпадает ни с одной своей телесной или психической особенностью, ни с профессией, ни с работой, ни с делом. Ни в одной вещи, которую он создает, он не выражает себя полностью, он всегда выше, значительнее любого своего дела и свершения.

Если он отождествил себя со своей профессией — он уже не человек в полном смысле слова. Его уже можно называть через дефис: человек-токарь, человек-банкир, человек-депутат. Английский писатель Ол-

дос Хаксли написал роман «Прекрасный новый мир», роман-антиутопию, где описывается, как в будущем людей будут выращивать в лаборатории, заранее программируя их особенности, заранее выводя их будущую породу. «Вот здесь, — примерно так говорил профессор, ведущий экскурсантов по лаборатории, — у нас выращиваются солдаты. Они умеют бегать, целиться, стрелять и ходить строем, больше ничего. А вон там у нас слесари — они очень хорошо могут работать с гаечным ключом в правой руке, а там еще дальше, там посложнее: инженеры-строители, инженеры-электрики и т.д.». Кто знает, может быть наука и достигнет такого уровня, при котором можно будет «клонировать», выводить определенную породу из человеческого материала. Но только это будут уже не люди, а человекообразные роботы.

Человек — это существо, которое постоянно переступает самое себя: чего бы он ни достиг, ему всегда мало, что бы он ни получил, ему всегда не хватает, он никогда до конца не осуществляется. Человек может сказать про себя: «Я состоялся как врач», «Я состоялся как учитель», но никто не может сказать о себе: «Я состоялся как человек». Человек всегда пытается стать кем-то — ученым, художником, пожарным, пытаюсь свести себя к конкретному виду деятельности или образу жизни. Но став кем-то по-настоящему, постигнув все тонкости своей профессии, начинает понимать, что дело не в том, чтобы стать кем-то, а в том, чтобы в любой профессии оставаться самим собой — человеком.

Если учитель только учитель, — это плохой учитель, если физик только физик, — он плохой физик. Человек должен быть выше своей профессии, должен быть еще человеком, просто человеком.

А быть просто человеком очень трудно. Все стремятся к исключительности, к тому, чтобы быть лучше многих, больше знать, больше уметь, все чувствуют себя такими сложными и многогранными. Быть просто человеком, вероятно, может только гений. Самые обыкновенные люди, — писал поэт Б.Пастернак, — это люди гениальные. Необыкновенны только люди посредственные — они все время стараются казаться непохожими на других, все время оригинальничают, все время пытаются, но это как раз и выдает их посредственность.

Сущностью человека является *ничто*. Он ничто в сравнении со всеми другими видами жизни, окостеневшими в строгих и неизменных формах. Ни крокодил, ни обезьяна не смогут быть другими — они уже миллионы лет не меняются, застыли в данной им природой форме и всегда делают одно и то же. Человек всегда меняется, всегда преодолевает свое сегодняшнее состояние. Он ничто, которое не есть что-то (законченное и ограниченное), а есть условие всякого что-то, которое позволяет ему быть кем угодно, не совпадая ни с одной воплотившейся формой. Его ничто — это признак его универсальности, возможность свободы.

Для обозначения сути человека нет другого слова, кроме ничто, так как все положительные определения ограничивают его.

Иметь или быть?

Можно выделить три типа отождествления (сводимости) человека, которые закрывают путь к пониманию человеческой природы: отождествление себя с общественным положением, профессией, социальной ролью; отождествление себя со своими потребностями, часто искусственными и излишними; наконец, отождествление себя с самим собой, со своим психологическим образом и социальной ролью.

Человек очень часто отождествляет себя с тем, что имеет. Да и другие люди судят по человеку на основании того, что он имеет. Если у тебя «Мерседес», то к тебе одно отношение, а если старый «Москвич», — то, разумеется, совсем другое. Чем больше у тебя вещей, тем более ты вырастаешь в собственных глазах и в глазах других людей. Постепенно человек сам к себе начинает относиться, как к вещи. Ему нет никакого дела до внутреннего богатства, его интересует только богатство внешнее. Однако закон человеческой жизни гласит — чем больше внешнего, тем меньше внутреннего. Еще Эпикур говорил о том, что богатому живется плохо: он все свои мысли посвящает тому, как преумножить свое богатство и как защитить его от воров.

Потребность много и вкусно есть, модно одеваться, безудержно потреблять культуру — все это усыпляет человека, в лучшем случае заставляет его развивать ту небольшую часть ума, которая помогает лучше устроиться в жизни, достичь большего комфорта, больше заработать денег. Но на лишние деньги можно купить только лишние вещи.

Стремление ко внешним благам во что бы то ни стало оборачивается отождествлением человека с этими благами, страхом их потерять и потеряться самому без них, постоянной ложью самому себе по поводу целей своей жизни, которая, в конечном счете, может обернуться полной бессмысленностью.

Иметь или быть — этой дилемме посвящены многие исследования древних и современных философов. Конечно, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Главное, чтобы не заплатить за богатство собственной душой. Бизнесмен-миллионер, герой романа «И умереть некогда» французского писателя Поля Виалара, случайно опаздывает на самолет, который, едва взлетев, разбивается у него на глазах. И бизнесмен решает числиться погибшим, начать жить, как простой человек, потому что ему надоела вечная погоня за прибылью, война с конкурентами, ежедневная деловая нервотрепка. Он, достав другие документы, устраивается работать таксистом, но незаметно для себя втягивается в предпринимательские дела, спекулирует на бирже, покупает еще и еще одну машину, становится владельцем одного гаража, потом другого, наконец оказывается тем же бизнесменом-предпринимателем, каким был в начале книги. Он едет в аэропорт,

садится в самолет, поднимается в воздух — и разбивается. Таким образом, вся жизнь прошла мимо, оказалась растроченной на откуп некой внешней и неважной цели, личному обогащению в ущерб развитию собственной души.

С точки зрения философии, надо стремиться к простоте внешней жизни, отдавая всю свою энергию на внутреннее развитие своей личности, на приобретение внутреннего богатства — только в этом случае человек обретает истинное удовольствие и вкус к жизни, чувствует, что живет, а не является рабом вещей и обстоятельств. Как ни жалка твоя жизнь, считал американский философ Г. Торо, — не отстраняйся от нее и не проклинай ее. Она не так плоха, как ты сам. Она кажется всего беднее, когда ты всего богаче. Даже в приюте для бедных можно пережить отрадные, волнующие, незабываемые часы. Не хлопочи так усиленно о новом — ни о новых друзьях, ни о новых одеждах. Лучше перелицевать старую одежду или вернуться к старым друзьям. Вещи не меняются, это мы меняемся. «Продай свою одежду, но сохрани мысли».

Как узнать самого себя?

Человек носит в себе образ себя самого — симпатичного, приятно-го, умного, интересного человека — и всеми силами стремится сохранить этот образ от разрушения. Это полезно для устойчивости психики, но одновременно делает невозможным честный искренний взгляд на себя самого. Человек отождествляет себя со своим идеальным образом, но чаще всего он ему не соответствует. Человек срастается со своим образом и не умеет дистанцироваться от него — это тоже одна из форм сведения человека. Человек, проникнутый глубоким самоуважением, становится обидчивым и ревнивым — ему часто кажется, что его недостаточно ценят, что с ним недостаточно вежливы, что общество, в котором он живет, недостаточно хорошо для него. Он даже на плохую погоду негодует, как будто бы все в мире должно быть устроено так, чтобы делать ему приятное.

Такой человек вынужден постоянно лгать — не окружающим людям, а самому себе. Перестать лгать самому себе — самое трудное дело. Трудно искренне посмотреть на себя и признать, что ты пока еще незначительный человек, и даже не человек, а так себе — человек. Ты еще ничего истинно хорошего в этой жизни не сделал, не совершил ни одного самостоятельного поступка, к тебе в голову еще не пришла ни одна собственная мысль, ты еще только в начале пути к самому себе. Ницше призывал смотреть на себя как на неудавшееся произведение природы; Гурджиев — как на полное ничтожество. И только тогда начнется «просыпание». Нужно перестать быть интересным человеком,

нужно перестать лгать. Интересным считается тот, кто хорошо лжет. А когда человек «просыпается» — ему становится стыдно лгать. Он начинает понимать, что существует нечто, чего он не знает или не понимает; начинает постигать, что любая мало-мальски собственная мысль, собственная идея никогда не приходит просто так, а всегда есть результат неизменно тяжелого труда.

Часто человек отождествляет себя со своей гражданской ролью, со своей социальной позицией. Если я считаю, что я и есть тот, кто записан в моем паспорте — Губин Валерий Дмитриевич, и в моем удостоверении — профессор философии, и этим исчерпывается мое существо как человека, как личности, то я нахожусь в глубоком заблуждении относительно моей собственной природы. Мое социальное Я — вовсе не весь я, оно — моя незначительная часть. Мало ли на свете профессоров философии, причем очень многие из них гораздо более известны, чем я.

Но такого человека, как я, — с моими чувствами, переживаниями, воспоминаниями, с моими надеждами и мечтами — больше в мире нет. И это может сказать о себе каждый человек, поскольку ему удается все время преодолевать свою идентификацию, свое отождествление с вещами, с профессиями, с должностями — и с самим собой.

Непредопределенность

Человек никогда не бывает абсолютно свободным, он постоянно зависит от тысячи факторов, обуславливающих его поведение, его отношение к окружающим. Зависит от наследственности, от климата, от культуры, от государственного строя, от зарплаты, от семьи и т.д. и т.п. Пересечение этих зависимостей создает такой водоворот случайностей, предугадать которые просто невозможно. Человек может рассчитать движение планет на сотни лет вперед, но не знает, что с ним будет завтра. В результате этого незнания он часто не в силах предотвратить многие события своей жизни.

В замечательном рассказе американского фантаста Рэя Бредбери «И грянул гром» герой отправился на машине времени в далекое прошлое охотиться на динозавров. Испугавшись внезапно выскочившего чудовища, он случайно раздавил бабочку. Когда он вернулся в свое время, там был уже не демократический строй, а фашистская тирания. Бабочку не съел какой-то птенец и сдох с голоду, птенец не дал потомства, которое должно было уничтожить вредных гусениц, и т.д., цепь случайностей наращивалась и привела к изменению будущего.

Так же может случиться и с вами: вы не пошли на урок истории, а если бы пошли, то услышали бы такие интересные вещи по истории

древнего Рима, что вы с этого момента твердо решили бы стать ученым-историком. А став им, весьма существенно повлияли бы на все изучение школы античности. Но поскольку вы не пошли, то ваша жизнь потекла совсем в другую сторону.

Одни древние мыслители говорили, что есть такая вещь, как судьба: ходи, не ходи на историю, но если тебе суждено стать историком — будешь им. Но другие, более проникательные, считали, что судьба — это мы сами, наш характер, наша личность. Ничто, никакие события не определяют нашу жизнь строго и однозначно, если мы действительно живем, а не летаем под дуновением ветра, как перекати-поле. Мы зависим от многих вещей внешне, *но мы не должны ни от чего зависеть внутренне*. Если я хочу стать историком, если я твердо решил положить на это всю жизнь — я им стану, и никакие внешние препятствия меня не остановят.

Мало ли причин влияет на меня, но если я живу, потому что решил *так* жить, то главная причина моей жизни, моего образа жизни — я, а не внешние обстоятельства.

В философии существует понятие «собранного человека», собранного не в психологическом, а в философском смысле. Собранный человек — это тот, кто не имеет «хвостов». Обычно у человека очень много выставленных наружу хвостов: богатство — это хвост, только и думаешь, как бы его сохранить или увеличить; высокий пост — это хвост, чем выше залезешь, тем дольше падать, масса людей тебе завидует, многие ненавидят и ждут, когда ты споткнешься; глупость — это хвост, да еще какой, всегда можешь попасть впросак, что-то сделал и при этом не подумав о последствиях. Как правило, таких хвостов у нас очень много. Но у мудрого человека их вообще нет. Что бы ни случилось в мире — государственный переворот, финансовый кризис, какие-нибудь социальные катаклизмы — это его никак серьезно не коснется, он может этих потрясений даже не заметить. Так, выглянет он в форточку в октябре 1917 года и спросит прохожего: «Эй, гражданин! Что там у вас за шум? Почему стреляют?» — и снова вернется к своим делам.

Собранности трудно добиться еще и потому, что человеческая душа всегда «распылена»: часть своей души человек оставляет работе, часть дому, часть общению с друзьями, часть рыбной ловле. В каждой своей части он всегда частичен, ограничен и односторонен. А все удается и все получается только у собранного человека, у «полного», а не частичного человека. Нужно всегда полностью присутствовать во всем и везде — на работе, в семье, в любви и даже на рыбалке. Нельзя работать наполовину, так же как нельзя полюбить на пятьдесят процентов. Только полностью присутствующему здесь и теперь человеку открывается красота мира, любовь и тайны собственной судьбы. Неда-

ром в древнеиндийской книге «Бхагавадгита» говорится: «Кто не собран, не может правильно мыслить, у него нет творческой силы. У кого нет творческой силы — нет мира, а если нет мира, откуда быть счастьем?».

Не так важно быть учителем, или физиком, или пожарным — прежде всего важно быть просто человеком. Когда я просто человек, когда я в стихии человечности (когда я чувствую и понимаю, что я ничто: учитель, физик, поэт, пожарник — это только мои спецификации, мои внешние занятия), то я ничем не предопределен, я свободен.

Я свободен не от чего-то, не тогда, когда могу что-либо не делать, а когда я не могу не делать, я не могу. Как сказал некогда Лютер: «я здесь стою и не могу иначе!» Пусть я погибну, пусть земля разверзнется, а я долг выполняю, потому что я — человек и ни от чего не завишу, ничем не предопределен. Потому что я свободен. Свободен не только от чего-то, но главное — свободен для того дела, которое только я могу выполнить.

«Свободным именуешь ты себя? — спрашивал Ницше в своем знаменитом произведении «Так говорил Заратустра». — Лучше властную мысль свою покажи мне, а что мне в том, что ты бежал из под какого-то ярма.

Из тех ли ты, которым дозволено сбросить с себя ярмо? Много есть таких, которые отбросив свое подчинение, отбросили с ним и последнюю свою ценность.

Свободен от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но пусть мне ответит свет очей твоих: свободен для чего?».

Незаменимость и неповторимость

Незаменимость человека прежде всего выражается в том, что он должен найти свое дело, ради которого он пришел в мир. У каждого человека есть такое дело, которое кроме него никто не сделает. А если и он не сделает, то во Вселенной так и будет пустое место, дыра, не заполненная ничьим трудом, ничьим усилием. Это дело может быть любым: от открытия новых физических законов до забивания гвоздя. Забивать гвоздь, писал Г. Торо, надо так прочно, чтобы и проснувшись среди ночи, можно было думать о своей работе с удовольствием, чтобы не стыдно было за работой взывать к Музе. Тогда и только тогда Бог тебе поможет. Каждый вбитый гвоздь должен быть заклепкой в машине Вселенной, и в этом должна быть и твоя доля.

Вся проблема в том, чтобы найти такое дело, найти такое место, встав на которое, можно занять свою уникальную, неповторимую позицию. Надо «втиснуться» в этот застывший слипшийся мир, где все места уже заняты, раздвинуть его глыбы. Если я не пытаюсь найти свое место, значит, я занимаю чужое, я повторяю уже известные мысли и

делаю дела, которые могут делать многие. И тогда я не отвечаю своему человеческому назначению, потому что человеческое назначение заключается в том, чтобы оставить свой след на земле, свою заклепку в машине Вселенной.

Ведь все мысли, все идеи и все дела были когда-то кем-то впервые высказаны, впервые сделаны. И эти впервые сделавшие или выдумавшие люди принимали участие в творении мира, благодаря им мир продолжается. Но если я не буду продолжать его существование своим оригинальным незаменимым делом, своей собственной незаменимой позицией — мир ведь может кончиться. Если все будут повторять чужие дела и чужие мысли, не тратя собственного сердца, собственной крови, не пытаясь участвовать в творении мира, то он рухнет.

Ницше считал, что христианство — это сказки, выдумки, ерунда в той мере, в какой оно не вырастает из души каждого. Вера в Христа не имеет никакого значения, если ты не породил заново образ Христа в своем сердце. Вся цивилизация построена на песке, поскольку не порождена, не воссоздается оригинальными и неповторимыми усилиями каждого человека. Все это, по Ницше, рухнет, поскольку ни на чем не основано. Ни на чем не основано — значит, не порождено каждым внутри себя. А устойчиво только то, что порождено каждым. Или порождено заново.

Незаменимость, следовательно, это фундаментальное качество человеческого существования, на котором и благодаря которому держится весь мир, создаваемый человеком.

Точно так же и неповторимость является фундаментальной характеристикой человека. Каждый человек уникален и неповторим. Это особенно хорошо видно на примере великих людей. Если бы Наполеон погиб в самом начале своей военной карьеры, в 1796 г. на Аркольском мосту, то история Франции наверняка была бы иной. Наполеон своим неповторимым военным и политическим гением существенно изменил облик Франции и даже характер французского народа.

Никто не написал бы за Шекспира его пьес и сонетов, никто вместо Пушкина не создал бы «Евгения Онегина» или «Бориса Годунова». Но точно так же любой человек, хотя он и не создал ничего великого в культуре или политике, тем не менее может сказать о своей жизни: «Я чувствовал и переживал так, как никто еще не переживал и не чувствовал, и мои переживания Шекспира или Пушкина, без моих переживаний мир был бы беднее, был бы незавершенным». И будет прав, потому что каждый, если он живой человек, а не запрограммированный робот, по-своему любит, по-своему чувствует, по-своему переживает и надеется.

Любая жизнь достойна, пусть внешне незаметная и неинтересная, если человек проживает ее как *свою* жизнь, никого не копирует, ничему

не подражает, а просто живет самобытно. Живет, как говорил М. Хайдеггер, в стихии своей четырехугольности, живет поэтически: сохраняя для себя землю, небо, божественное и смертное. Живущие так развертывают себя четырехкратно — в спасении земли, в восприятии неба, провожая смертное и ожидая божественного.

По словам Мишеля Монтеня, французского мыслителя и писателя XVI века, устремляться при осаде крепости в брешь, стоять во главе посольства, править народом — все эти поступки окружены блеском и обращают на себя внимание всех. «Но бранить, смеяться, продавать, плакать, платить, любить, ненавидеть и беседовать с близкими и с самим собой мягко и всегда соблюдая справедливость, не поддаваться слабости, неизменно оставаться самим собой — это вещь гораздо более редкая, более трудная и менее бросающаяся в глаза. Жизни, протекающей в уединении, ведомы такие же, если не более сложные обязанности, какие ведомы жизни, не замыкающейся в себе. Если бы кто спросил Александра (Македонского — *В.Г.*), что он умеет делать, тот бы ответил — подчинять мир своей власти; если бы кто обратился с тем же вопросом к Сократу, он несомненно сказал бы, что умеет жить, как подобает людям, то есть в соответствии с предписаниями природы, а для этого требуются более обширные, более глубокие и полезные познания. Ценность души определяется не способностью высоко возноситься, но способностью быть упорядоченным всегда и во всем».

И еще одно рассуждение Монтеня. Когда человек жалуется, что весь день пробездельничал, ничего не совершил, то ему можно ответить: «Как? А разве ты не жил! Просто жить — не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел». «Если бы мне дали возможность участвовать в больших делах, я бы показал, на что способен». А сумел ли ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее благо. Не надо сочинять умные книги, достаточно разумно вести себя в повседневности, надо не выигрывать битвы, а наводить порядок и устанавливать мир в обычных наших обстоятельствах. Лучшее творчество, по Монтеню, это жить согласно разуму. Все прочее — царствовать, накапливать богатства, строить — лишь дополнения и довески. Только мелких людей подавляет любая деятельность, они не умеют из нее выпутаться, не умеют ни отойти на время от дел, ни вернуться к ним.

Парадокс, но чем более оригинален и неповторим человек, тем он нам ближе и понятнее. Потому что в самой потаенной глубине своей сущности мы все одинаковы. Но только в самой глубине, там, где мы становимся не поэтами или писателями, не полководцами или учеными, не русскими или японцами — а просто людьми, живущими в стихии человечности. Нам понятны переживания японского поэта XIII века, а японцам близок и понятен А. Чехов, особенно его пьесы. Там, где чело-

век достиг глубины общечеловеческого, прорвался через свою национальную или социальную ограниченность — там он всем живущим понятен и близок. Чем более неповторим, тем более близок, тем более похож на нас, на нас таких, какими мы мечтаем стать.

Невыразимость

Объяснить нечто можно лишь через другое: свет через длину волны, звук через частоту колебаний. Но как объяснить, что такое человек? Поскольку он не сводим ни к чему — ни к вещам, ни к теориям, ни к идеям, ни к нервным или физическим процессам, — то объяснить, выразить его через другое невозможно. Человека нельзя изучить, познать объективно, как некий внешний предмет. Понятно, что с человеком этого проделать нельзя.

Существуют всевозможные тесты, определяющие характер и склонности человека и, казалось бы, таким образом можно что-нибудь о человеке узнать. Но только при условии, что он будет отвечать на вопросы честно и искренне. А если он будет валять дурака, нарочно отвечать всякими глупостями, фантазировать?

Человека можно познать и описать только косвенно, прежде всего по продуктам его творчества. Если писатель пытается рассказать о себе, то получается художественное произведение, музыка любого композитора — тоже попытка такого рассказа. Человек хочет выразить себя самого, свою сущность. Но поскольку она не сводима ни к словам, ни к мелодиям, ни к картинам, то полного выражения никогда не получается. Человек пытается познать себя, движется вглубь себя, и это движение по вертикали всегда откладывается на плоскости в виде книги, картины или теории.

Нам многое известно о человеке благодаря науке, философии, искусству, но он все равно продолжает оставаться для нас непостижимой тайной. Не загадкой, которую мы в конце концов разгадаем, а «явственной тайной», по выражению Гете. Мы знаем, как на биохимическом уровне зарождается жизнь, как устроена клетка, как связаны белок и нуклеиновые кислоты, но зарождение жизни, появление нового человека всегда непостижимое чудо. Оно не сводится ни к белку, ни к нуклеиновым кислотам.

Мы знаем, как работает мозг, с какой скоростью от клетки к клетке мозга идут электрохимические импульсы, но мы не знаем, и, видимо, никогда не узнаем, как приходит в голову мысль.

Любая самая точная и самая тонкая теория, изучающая человека как вещь, как организм, как функцию, так же соответствует его сущности, как, по словам Гете, «хорошо сколоченный крест соответствует живому телу, на нем распираемому».

Самое главное и самое глубокое всегда остается невыразимым и неуловимым в человеке. «...Всегда останется нечто, — писал Достоевский, — что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки; с тем вы и умрете, не передав никому, может быть самого-то главного из вашей идеи». Познание самих себя, разгадывание этой вечной загадки и составляет основное содержание человеческой истории и культуры. Если мы эту загадку разгадаем, то вся наша история закончится. Не будет больше смысла продолжать ее дальше.

Избранные тексты

«Аристотель разделит блага человеческой жизни на три класса: внешние, душевные и телесные. По-моему же то, что обосновывает разницу в жребии людей, можно подвести под следующие три основные определения:

Прежде всего то, каков сам человек, то, что в нем есть, — следовательно его личность в обширнейшем смысле слова. Сюда относятся здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, умственные способности и их выработка и образование.

Во-вторых то, что человек имеет, то есть имущество и собственность в каждом смысле.

В-третьих то, что человек представляет, то есть то, чем он является в представлении других людей, — каким они себе его представляют. Сюда относится, таким образом, их мнение об нем, — почет, ранг и слава.

Разница между людьми, рассматриваемая в первой рубрике, есть та разница, которую полагает сама природа. Уже из одного этого можно заключить, что влияние ее на счастье или несчастье человека будет гораздо существеннее и глубже, чем влияние различия, вытекающего из людских определений и подведенного под две следующие рубрики. Между *истинными личными преимуществами*, преимуществами великого ума или великого сердца, и всеми прочими преимуществами ранга, богатства и рождения, хотя бы и самого высокого, существует такое же отношение, как между действительными королями и театральными.

Во всяком случае, для благополучия человека и даже для целого образа его существования, главным делом несомненно является то, что состоит или происходит в нем самом. Здесь именно лежит непосредственный источник его внутреннего довольства или недовольства, являющихся результатом его чувствования, хотения и мышления; тогда как все вне лежащее имеет на это лишь посредственное влияние... Мир, в котором мы живем, прежде всего зависит от того, как его каждый воспринимает и понимает, следовательно, разнообразится, смотря по различию голов.

Сообразно с этим, для одного он будет бледен, пошл и беден, а для другого — богат, интересен и полон значения. <...>

...Каждый ютится в своем сознании, как в своей шкуре, и живет непосредственно только в нем; поэтому извне ему много не пособишь. На сцене один играет принца, другой сановника, третий слугу, солдата или генерала и т.д. Но эти различия существуют только по внешности, внутри же, как зерно такого явления, в каждом ютится одно и то же — бедный комедиант со своею нуждою и мукою. <...>

Таким образом, прежде всего самым существенным являются несомненно свойства самого сознания, и в большинстве случаев дело зависит гораздо больше от самого сознания, чем от образов, которые в нем изображаются. Всякие прелести и наслаждения, отраженные в смутном сознании недалекого человека, окажутся бедны и бледны перед сознанием Сервантеса, когда он, сидя в жалкой тюрьме, писал «Дон-Кихота».

Объективная половина настоящего и действительности находится в руках судьбы и потому изменчива. Субъективное — мы сами, почему она в существенном неизменна. Согласно с этим, жизнь каждого человека, несмотря на все внешние превратности, носит сплошь один и тот же характер и может быть сравнена с рядом вариаций на одну тему. Никто не может вылезти из своей индивидуальности. <...>

...Для нашего счастья и наслаждения субъективная сторона несравненно важнее и существенней объективной... Спокойный и веселый темперамент, вытекающий из счастливой организации и полного здоровья; светлый, живой, проницательный и правильно понимающий ум; умеренная, мягкая воля, а потому и добрая совесть, — все это такие преимущества, которых не заменят никакой ранг, никакое богатство. <...>

Таким образом, самое главное и существенное для нашего счастья составляет то, что такое мы сами, наша личность, индивидуальность; это справедливо уже потому, что она действительно постоянна и при всяких обстоятельствах. Но кроме того, она не зависит от судьбы, как блага двух других рубрик, и не может быть от нас отторгнута. Постольку именно ценность ее можно назвать абсолютной, в противоположность относительной ценности прочих благ жизни. Из этого видно, что человеку извне причитается вообще гораздо меньше, чем обыкновенно думают».

(А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы.
СПб., 1886. С. 105–113).

«Подобно тому как существование каждого человека непохоже на существование других, так и сам по себе человек неповторим. Но так же, как и смерть, ограничивая жизнь во времени, не лишает ее смысла, а

1. А.П. Чехов писал: «Вы должны иметь приличных, хорошо одетых детей, а ваши дети тоже должны иметь хорошую квартиру и детей, а их дети тоже детей и хорошие квартиры, а для чего это — черт его знает». Как вы это можете прокомментировать?
2. Согласны ли вы с тем, что отучиться лгать другим не так уж сложно, гораздо труднее отучиться лгать самому себе, то есть посмотреть на себя честно и искренне?
3. Хотели бы вы, чтобы в вас с детства (допустим, что наука уже достигла такой степени развития) генетически была бы заложена определенная программа и, вырастая, вы без особых усилий обязательно становились бы очень талантливым физиком, или художником, или музыкантом, или опытным слесарем?
4. Можно ли согласиться с тем, что вы, с вашими способностями, вашим характером занимаете в мире такое же законное и необходимое место, как и великие люди — Александр Македонский, Наполеон, Толстой и т.п.? Или вы более скромно оцениваете свою личность?
5. Часто ли вам казалось, что вы рождены для того, чтобы совершить в этом мире нечто великое? Или вы считаете, что такие претензии ни на чем не основаны?
6. Философия утверждает, что человек внутренне ни от чего не должен зависеть — в этом его свобода. Поможет ли это вам, если вы знаете, что ваша судьба решается где-то независимо от вас и без вашего участия, а вы ничего не можете изменить?
7. Психология толпы такова, что чем ярче, оригинальнее и неповторимей человек, тем больше он вызывает зависти и злобы. Если бы Моцарт не был гениальным композитором, он прожил бы намного дольше, никакой Сальери ему бы не завидовал. Мы часто слышим: будьте как все, не высовывайтесь, не стройте из себя умников! Может быть, в этих призывах действительно есть доля истины?
8. Человек всегда мечтает о великой доле, любой лейтенант мечтает стать маршалом. Но философы говорят, что любая жизнь достойна, если ее живешь как *свою* жизнь. В любой жизни, не только в великой, можно найти массу радостей и наслаждений. Согласны ли вы с этим? Или, может быть, человек приходит к этой мудрости, когда понимает, что ему самому достичь славы, почета, всеобщего признания явно не удастся?

Глава 4. Категории человеческого бытия

Основные категории бытия человека, определяющие его жизнь — это прежде всего свобода, смысл жизни, творчество, любовь, счастье, вера, смерть. О свободе и поисках смысла жизни мы уже говорили, а о

скорее является тем самым, что составляет смысл жизни, так и внутренние пределы делают жизнь человека более осмысленной. Если бы все люди были идеальны, тогда каждого человека всегда можно было бы заменить любым другим.

Именно из людского несовершенства следует незаменимость и неповторимость каждого индивида — поскольку каждый из нас несовершенен на свой манер. Не существует универсально одаренных людей — более того, человек неповторим именно в силу своего отклонения от нормы и средних стандартов. <...>

Чем более специфичен человек, тем менее он соответствует норме — как в смысле средней нормы, так и в смысле идеальной. Свою индивидуальность люди оплачивают отказом от нормальности, а случается — и отказом от идеальности. Однако значимость этой индивидуальности, смысл и ценность человеческой личности всегда связаны с сообществом, в котором она существует. <...>

Смысл сообщества держится на индивидуальности каждого его члена, а смысл личности проистекает из смысла сообщества, смысл толпы разрушается индивидуальными особенностями составляющих ее людей, а смысл отдельной личности топится толпой (в то время как сообщество помогает этому смыслу проявиться).

Как мы сказали, неповторимость каждого человека и своеобразие всей его жизни являются неотъемлемыми составляющими смысла человеческого бытия. Следует отличать своеобразие, о котором идет речь, от чисто внешней непохожести на других, ибо последняя сама по себе ценности не представляет. Тот факт, что один человек отличается от другого по рисунку отпечатков пальцев, еще не выделяет его как личность.

Таким образом, когда мы говорим, что благодаря своей неповторимости человеческое существование не бессмысленно, мы имеем в виду совсем иной тип неповторимости. Мы могли бы — по аналогии с гегелевской «хорошей» и «плохой» бесконечностью — говорить о хорошей и плохой неповторимости. «Хорошая неповторимость» — это такая, которая была бы направлена к обществу, для которого человек представляет собой большую ценность именно в силу своей непохожести на остальных. <...>

Чему человек отдает предпочтение, его образ жизни — все это можно описать, исходя из нашей первоначальной идеи о том, что «быть — значит отличаться». Можно сформулировать это так: существование человека как личности означает абсолютную непохожесть его на других. Ибо своеобразие (уникальность) каждого означает, что он отличается от всех остальных людей.»

(В. Франкл. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 197–200).

вере еще будем говорить в главе «Философия и религия». Теперь же рассмотрим другие категории нашей жизни.

Любовь

Любовь — самый верный свидетель моего существования. Как пел В. Высоцкий:

Я дышу, и значит — я люблю!

Я люблю, и значит — я живу!

С точки зрения философии, то, что я кого-нибудь люблю, объясняется не предметом любви, а моей способностью любить. Больше никакими причинами объяснить возникновение любви нельзя. Например, я люблю этого человека, потому что он (она) очень красивый. Но есть тысячи более красивых людей, почему я остановился именно на этом? Я люблю, потому что он умный. Но разве за это любят? Я люблю его, потому что он богатый — это уже совсем несерьезная причина для любви.

Любят не за что-то, любят потому, что любят. Для любви нет причин, как нет причин для добрых поступков, нет причин для совести. А когда есть такие причины, то ни любви, ни совести нет. Хотя психологически любовь всегда объясняется конкретными причинами, и любящий искренне верит в то, что его избранник самый красивый или самый умный.

Человек делает добро, поступает по совести не потому, что преследует какую-нибудь конкретную цель, а потому что он добр, совестлив и не может жить иначе. Человек любит потому, что не может не любить, даже когда обнаруживает, что любимый на самом деле не обладает особыми достоинствами. Любящий видит в любимом то, чего не видят другие, чего весь мир не видит. Человека невозможно познать никакими тестами, никакими опросами и исследованиями. Но есть одно безошибочное средство узнать человека — надо его полюбить.

Один юноша говорит другому: «За что ты ее полюбил, она ведь такая некрасивая?». На что другой мог бы ответить: ты ее не видишь, это только я ее вижу, только мне открыта ее божественная красота. А у тебя нет глаз, которыми ты можешь это увидеть.

Любовь в своей основе есть религиозное восприятие человека, видение в нем божественного начала.

Любовь в этом мире встречается очень редко. Согласно древнему мифу об андрогине, раньше человек был един, был одновременно мужчиной и женщиной. Потом бог разорвал андрогина на две половинки и бросил их в разные стороны. И они с тех пор ищут друг друга. Когда найдут, возникает любовь. Но попробуй найди! Многие верят, что любят или любили, но на самом деле они себя убедили в этом, чаще всего это была просто имитация любви. Философ Владимир Соловьев считал, что любовь для человека — пока то же, что разум для животного, то

есть только неопределенная возможность.

Любовь встречается редко еще и потому, что люди боятся любви, так как это — постоянная забота и тревога за любимого человека, постоянная ответственность. Любовь никак не совпадает с счастьем в будничном смысле этого слова.

Любовь — очень парадоксальная вещь. Во-первых, любовь возникает тогда, когда любить нельзя, и развивается, преодолевая различные препятствия. Вся художественная литература построена на описании этого конфликта — любовь Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Вронского и Анны Карениной. Не только в литературе, но и в жизни любовь всегда развивается в борьбе с внешними обстоятельствами, в борьбе с обществом, с судьбой.

Отсюда второй парадокс — любовь всегда связана со смертью: или оттого, что препятствия для нее оказываются непреодолимыми; или любящий человек осознает, как хрупко и недолговечно его чувство; или когда остро переживает тот факт, что он живет, дышит, радуется жизни и потому своим главным врагом считает небытие, распад, смерть. Андрей Болконский перед смертью думал о том, что только любовь может противостоять смерти, только любовь является ее действительной соперницей и может спасти человека. Ибо жизнь как таковая, осуществляемая в смене поколений, — бессмертна.

Воспитывать — значит пробуждать способность любить. Труд жизни начинается с труда души, с любви, а уже потом идут труд ума и труд рук. Ребенку все можно дать, писал педагог Симон Соловейчик, если одарить его любящей душой, но ничего не получится, если не развивать его способность сердцем стремиться к сердцу другого человека. Чтобы делать добро — надо приложить душевный труд, большую силу, и эта сила — любовь к людям, причем ко всем без исключения.

Обычно говорят, что всех любить невозможно, что есть люди недостойные. Тем не менее, детей надо прежде всего учить любви — научатся любить людей, будет что и кого любить. Ненавидеть тех, кто хочет погубить любимое и дорогое, они потом и сами научатся. Если проповедовать выборочную любовь — этих можно любить, они хорошие, а этих не надо, — то постепенно можно прийти к выводу, что раз у всех людей есть недостатки, все в чем-то плохи, то и любить не надо никого.

Исключительная роль в понимании и утверждении любви принадлежит христианской религии. Она учит, что Бог есть любовь, любовь вообще, чистая любовь, поднимаясь к которой, человек начинает жить в атмосфере любви и становится способным к любому конкретному ее проявлению — любить человека, животное, природу. В Новом Завете говорится: «...всякий любящий рожден от Бога и знает Бога, Кто не любит, тот не познал Бога...» (1 Ин 4, 7–8).

Религиозная, христианская суть любви не имеет ничего общего с рационалистическим требованием всеобщего равенства и альтруизма.

которое постоянно вновь и вновь возрождалось во многих идейных течениях — от софистов V века до коммунистического Интернационала. Нельзя любить как «человечество вообще», так и «человека вообще», — можно любить только данного, отдельного, индивидуального человека во всей его конкретности. Мать любит каждого своего ребенка в отдельности, любит то, что есть единственного, несравнимого в каждом из ее детей.

Любовь может лишь несовершенно и частично реализовываться в мире, оставаться для многих только путеводной звездой. Но если душа узнала, писал С. Франк, что любовь есть оздоровляющая, благотворящая сила Божия, то «никакое глумление слепцов, безумцев и преступников, никакая холодная жизненная мудрость, никакие приманки ложных идеалов — идолов — не могут поколебать ее, истребить в ней это знание спасительной истины».

Подлинная любовь — всегда чудо, и, как чудо, встречается крайне редко. Очень часто люди довольствуются эрзацами, суррогатами, многочисленными формами псевдолюбви. Об этих формах писал Э. Фромм в своей книге «Искусство любить».

Во-первых, большинство людей считает, что любовь — следствие сексуального наслаждения, и если двое научатся вполне удовлетворять друг друга в этом смысле, то постигнут искусство любить. На самом же деле, отмечал Фромм, истина прямо противоположна: любовь не является следствием сексуального удовлетворения, наоборот, даже знание так называемых сексуальных приемов — это результат любви.

Второй формой псевдолюбви, которая вместо счастья приводит лишь к неврозам и страданиям, является привязанность к образу одного из родителей. Уже будучи взрослыми, люди переносят чувства ожидания или страха, которые испытывали по отношению к отцу и матери, на любимого человека. Они никогда не освобождаются от образа зависимости и ищут этот образ в своих любовных требованиях. В подобных случаях человек в смысле чувств остается ребенком, хотя интеллектуально и социально находится на уровне взрослого.

Еще одна форма псевдолюбви — любовь-поклонение. Люди часто имеют склонность обожествлять любимого. Отчужденный от своих собственных сил, человек проецирует их на своего кумира, почитаемого им как воплощение любви, света, блаженства. Он теряет себя в любимом человеке, вместо того чтобы находить себя в нем. А поскольку никакой человек не может в течение долгого времени жить в таком состоянии, то неизбежно наступает разочарование.

Проявление невротической любви — это нежелание замечать свои недостатки и сосредоточенность на слабостях «любимого» человека. Любой из нас прекрасно видит даже маленькие слабости другого, но беспощадно обличая их, охотно закрывает глаза на свои собственные

пороки. Если два человека делают это одновременно, то их любовные отношения превращаются в пытку постоянного взаимного разоблачения.

Разновидностью псевдолюбви является также «временная аберрация». Двое мечтают о блаженстве, которое будто ожидает их впереди, между тем в данный момент им уже стало скучно друг с другом. Эта тенденция совпадает с общей психологической установкой, характерной для современного человека. Он живет в прошлом или в будущем, но не в настоящем. Он сентиментально вспоминает свое детство или строит счастливые планы на завтра. Переживается ли любовь «заместительно», как фиктивное участие в переживаниях других людей, переносится ли она из настоящего в прошлое или в будущее, такие абстрактные и отчужденные формы любви служат лишь наркотиком, облегчающим боль от реальности, одиночества и отчуждения.

Очень частая форма псевдолюбви — это проекция своих проблем на детей. Когда человек чувствует, что не в состоянии придать смысл собственной жизни, он старается обрести его в сыне или дочери. Но так можно, считал Фромм, принести несчастье как самому себе, так и своему ребенку. Не найдя смысла для себя, можно и ребенка воспитать неправильно. Часто детьми прикрываются, чтобы не расторгать несчастливый брак: «мы не можем разойтись, чтобы не лишать ребенка единой семьи». Однако на самом деле атмосфера напряженности и безрадостности в подобной семье более вредна для ребенка, чем открытый разрыв его родителей.

В сегодняшнем российском обществе состояние постоянной борьбы всех против всех привело к неслыханному общему ожесточению, к забвению того, что любовь — это не сентиментальное чувство, не каприз настроения и не ослепляющая болезнь. Это вообще не только и не столько человеческое качество или способность, а объективный закон существования человеческого мира. Любовь — это усилие во что бы то ни стало остаться живым, сохранить в себе искру божественного начала, не поддаться омертвляющему воздействию «мира»: ненависти, насилия, автоматизму мышления и поведения.

Понимание того, что человек без любви — жалкое, неполноценное существо, не постигающее смысла своего существования, выражено в апостолом Павлом: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор 13, 1–2).

Творчество

Когда мы говорим о творчестве, то обычно имеем в виду великих людей; писателей, художников, ученых. Однако каждый человек зани-

мается творчеством, когда пытается не просто механически выполнить свою работу, но и внести в нее что-то от себя, хоть в чем-то ее усовершенствовать. Везде, где цель деятельности рождается из глубины человеческого духа, имеет место творчество. Везде, где человек работает с любовью, вкусом и вдохновением, он становится мастером.

Творчество, считал Н. Бердяев, выдает гениальную природу человека, каждый человек гениален, а соединение гениальности и таланта создает гения. Можно не быть гением, но быть гениальным. Гениальными могут быть любовь матери к ребенку, мучительные поиски смысла жизни и искание правды жизни. Гениальность — это прежде всего внутреннее творчество, самотворчество, превращение себя в человека, способного к любому конкретному виду творчества. Только такое перво-творчество и есть исток и основа любой творческой деятельности.

Перед людьми издавна вставал вопрос: откуда берется новое, новая идея, новая мысль? Ведь новая мысль не складывается из суммы старых, иначе вообще не было бы проблемы творчества, каждый мог бы походя творить новые идеи. В истории философии известен «парадокс Сократа-Платона»: чтобы прийти к новой мысли, надо ее уже каким-то образом знать, иначе не известно — куда идти и что искать. Но как можно знать то, чего еще никто не знал и ты сам не знаешь?

Можно сколько угодно перебирать знания, полученные в школе, вычитанные из книг, — ничего нового не создашь. Нужно самому измениться. Нужно стать способным к творчеству, нужно научиться все время удивляться миру и видеть тайны и проблемы там, где другой ничего подобного не видит. *Творчество — это образ жизни.*

Увидеть что-либо впервые чрезвычайно трудно. Потому что наши знания, наше образование, наша привычка все сейчас же объясняют, сейчас же переводят в привычные штампы. Мы видим, как идет первый снег за окном, но вместо того, чтобы поразиться тому, как большие белые хлопья медленно, словно танцуя, падают в вечернем темнеющем воздухе, мы говорим: «Подумаешь! Что тут удивительного? Это просто циклон принес холодный воздух со Скандинавского полуострова!».

Однако с такого удивленного видения и начинается творчество. Так Рафаэль увидел Мадонну, Кеплеру «открылась бездна звезд полна», а Эйнштейн увидел искривляющуюся Вселенную. Это же видение водило рукой Тициана и Андрея Рублева, это же изумление перед миром слышится в музыке Бетховена или Шнитке.

Недаром различают «память рассудка» и «память сердца». Память сердца — это достигшие глубины души живейшие впечатления, когда мы действительно увидели что-то сами в мире. «Того не приобрести, что сердцем не дано» — писал поэт Евгений Баратынский.

Каждый ребенок в пору формирования его личности должен что-то «увидеть», не важно что; но важно, чтобы увиденное глубоко запало в

душу, в память сердца, чтобы произошло «прикосновение» к миру и родилось изумление перед ним, будь то солнце, пробивающееся через кроны деревьев, или полная луна в бездонном весеннем небе. Помните, как у Толстого в «Войне и мире»:

«Соня! Соня!... Ну как можно спать? Да ты посмотри, что за прелесть?! Ведь этакой прелестной ночи почти никогда, никогда не бывало... Нет, ты посмотри, что за луна?!».

В философии такое видение, такое открытие мира называется созерцанием. Созерцание — это смотрение умом, всей душой, всей человеческой сущностью. С него всегда начинается творчество.

Если нет такого видения, то нет и главных условий для творчества, для того, чтобы человек стал творцом. Что-то не состоялось в человеке, незавершилось, осталась пустота, на которую не могут опереться ни интеллект, ни чувства. Если у человека никогда не было прорыва, переживания удивительной новизны, свежести и бездонной неисчерпаемости мира, то он остается один на один со скудным набором правил жизни, и в нем постепенно крепнет убеждение, что жизнь скучна, уныла, однообразна и не имеет никакого внутреннего смысла.

Увидеть мир по-новому, не так, как его видели и объясняли до тебя, — значит увидеть его вне готовых стереотипов видения и объяснения, которые постоянно наваливаются на наше восприятие, «гасят» его, переводят в штампы и формулы. Тень прошлого постоянно висит над нами. Когда мы говорим себе: «Это оригинальное настоящее, такого никогда раньше не было», то этот самый момент уже поглощается прошлым — настоящее исчезает, как только мы пытаемся схватить его и выразить.

В оригинальном видении мир всегда нов, поскольку это живое, непосредственное восприятие, состояние непосредственной актуальности, здесь нет мертвого прошлого, с которым мы сравниваем настоящее. Это *новое* — не в сравнении со старым, не в тени старого и не на фоне старого. Это принципиально новое видение. Мы вдруг видим мир так, как его еще не видел никто, переживаем удивительный подъем духа и чувствуем, что происходит как бы «слияние» с миром и понимание его «изнутри». В эти мгновения и рождаются новая мысль и сам человек как творец.

Увидеть впервые трудно еще и потому, что для рассудочной мысли и механической памяти — а ими мы обычно и пользуемся — все тривиально, для них нет ничего оригинального, на любое внешнее воздействие или проблему следует тот или иной ответ, та или иная автоматическая реакция. Мы часто действуем, основываясь не на личном наблюдении, а на знаниях, полученных извне, и такой способ бытия превращает нас в бездумную машину, делает неспособными к творчеству. Мы автоматически проецируем свои знания, свои старые навыки на новую си-

туацию. Нужно изменить отношение ко всему известному, прошлому, чтобы получить возможность действительно увидеть настоящее. Это не значит, конечно, что мы должны стереть память, нужно только перестать реагировать, исходя исключительно из прошлых знаний и привычек. Без памяти и прошлых знаний, без преемственности человек не может существовать и развиваться. Однако новое знание возникает не тогда, когда мы, утилитарно относясь к своей памяти, пытаемся отыскать аналоги для нового явления и не успокаиваемся, пока не классифицируем его, не переведем в ряд типичных; но тогда, когда, отталкиваясь от своего культурного, интеллектуального развития, сталкиваясь с новым феноменом, воспроизводим заново свое живое и полное присутствие.

Это восприятие мира похоже на то, как если бы мы смотрели на плавно текущую реку. Если вы смотрите на солнечный свет, отражающийся от реки, на всю ширь танцующей воды, не рассуждая, не переводя все это в какие-нибудь обозначения, — то вы сами входите в этот свет, в его бесконечное движение, похожее на прилив моря, растворяетесь в нем, чувствуете охватывающую вас красоту мира, а себя и свой разум — просветленными до самых глубинных основ. Это и есть то, что называется созерцанием, с него начинается и мысль, и действие, и сам человек, почувствовавший смысл своего существования и свою опору в природе.

Точно так же и звуки. Они могут раздражать нас, как плач ребенка или лай собаки, а могут и радовать, как игра оркестра, исполняющего наше любимое произведение. Но все это внешнее наблюдение, внешнее слушание. А вот когда звук, допустим, вечернего колокола перед закатом подхватывает нас и несет через долину над холмами, то мы чувствуем, что мы и звук неразделимы, что мы — часть звука, а его красота — часть нашей души.

Счастье

Ницше считал, что мудрый человек не обязан быть счастливым — если человек знает, зачем он живет, ему не важно, как он живет. Но большинству людей, особенно в юном возрасте, такие рассуждения покажутся чересчур суровыми, чересчур пессимистичными. Как это нет счастья, когда каждый день приносит столько радости? А сколько радостей, сколько счастья ожидает нас впереди!

Никто, конечно, не знает точно, что такое счастье, и разные люди понимают его по-разному. Наиболее распространенная точка зрения подменяет счастье удовольствием. Удовольствие — это имитация счастья. Крайним видом такого счастья является наркотическое опьянение;

человек полностью отрешен от мира, полностью растворен в чистом удовольствии, он абсолютно счастлив и доволен, и больше ничего ему в данный момент не нужно. Правда, потом наступит очень тяжелое похмелье, человека ждут тяжкие страдания, но сейчас он об этом не думает.

Очень многие отождествляют счастье с полным удовлетворением своих потребностей: у них все есть, они богато живут, им легко доступны физические и духовные удовольствия — что еще надо для счастья?

Древнегреческая легенда повествует, что невероятно богатый царь Крез спросил одного из первых философов, мудреца Солона, видел ли он когда-нибудь счастливого человека. На что Солон ответил, что никогда не видел и вообще видеть счастливого человека нельзя. «Но ведь я перед тобой, — возмутился Крез, — самый счастливый, потому что я самый богатый». Но Солон ответил, что об этом еще рано судить, так как Крез еще жив. Действительно, вскоре на Креза напали враги, разгромили и разграбили его царство и убили его самого. То есть греки считали, что лишь смерть придает жизни законченный вид. Жизнь должна завершиться, и тогда можно ответить, был ли счастлив человек. А пока она продолжается, сказать этого нельзя.

Некоторые люди связывают представление о счастье с карьерой, прежде всего с политической: для них настоящее счастье — иметь власть, управлять другими, все время быть на виду, слышать одобрение. Но, как показывает жизнь, политические деятели редко бывают счастливы — власть быстро развращает и опустошает человека.

Ни забвение, ни наслаждение, ни удовлетворение всех потребностей, ни власть не приносят настоящего счастья. Они дают лишь имитацию счастливой жизни, после которой быстро наступает пресыщение и разочарование.

Единственно возможный вид счастья — это жизнь в согласии с самим собой, без страха, без напрасных надежд и мечтаний, в спокойном и ясном видении проблем и невзгод. Счастье — это внутренняя умиротворенность, когда вместо страха и забот жизнь проникнута пониманием ценности каждой прожитой минуты, святости и красоты окружающего мира, которые отражаются в душе человека.

Счастье возможно только сейчас, в эту минуту, в настоящем. Но обычно мы никогда не задерживаемся в настоящем, утверждал Паскаль. Мы вспоминаем прошлое, мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить слишком медленный шаг времени. Мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит. Мы так легкомысленны, продолжал Паскаль, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от настоящего, единственно существующего в действительности. Это потому, что настоящее нас обычно ранит. Мы его прячем с глаз долой, потому что оно нас удручает, а если оно

нам приятно, то жалеет, что оно ускользает. Мы пытаемся удержать его в будущем и предполагаем распоряжаться вещами, которые отнюдь не в нашей власти, в том времени, до которого вовсе не обязательно доживем.

Пусть каждый, призывал Паскаль, разберется в своих мыслях, что бы увидеть, что все они заняты прошлым или будущим. Настоящее никогда не бывает нашей целью. Таким образом, мы вообще никогда не живем, но лишь собираемся жить и постоянно надеемся на счастье, но никогда не добиваемся его, и это неизбежно.

Пока человек не нашел в своей жизни ничего святого, ничего, имеющего глубину, волнующую красоту в настоящий момент его существования, его жизнь поверхностна. Он может жениться, иметь детей, хороший дом и деньги, может быть умным и удачливым. Но его жизнь будет лишена той мудрости и спокойствия, без которого все похоже на тень.

Замечательный индийский мудрец Джидду Кришнамурти, умерший в очень преклонном возрасте, говорил, обращаясь к школьникам 10–12 лет, что основой правильной и счастливой жизни является образование, *реальное образование*. А быть реально образованным — значит не бояться, значит научиться жить без страха. Кришнамурти обобщил свои идеи в книге «Начало обучения». Быть реально образованным означает не приспособливаться к обществу, не имитировать, не делать того, что делают миллионы. Если вы чувствуете, что вам нравится делать это — делайте. Если вы принимаете весь этот беспорядок, — ссоры, ненависть, антагонизм, войны — хаос вокруг вас, то вы — часть этого хаоса, для вас нет никаких проблем. Но если вы скажете: я не хочу жить так, — вы должны найти другой путь. Приспособливаться к тому, что есть, приказывает не разум, а хитрость. Вы должны быть образованы в каждом отрезке вашей жизни — внешне и внутренне. Это означает, что внутренне вы должны избавиться от страха. Понимание того, что такое страх, делает наш разум интеллигентным. Эта интеллигентность показывает, как жить правильно в этом мире.

Страх — это величайшая, может быть, самая великая проблема. Вы должны в целом понять ее, чтобы выйти из страха. Ты говоришь: я боюсь неизвестного, боюсь завтрашнего дня, будущего. Почему ты вообще думаешь о завтрашнем дне? Потому что отец, мать, соседи всегда спрашивают: что будет с тобой завтра? Но как ты можешь знать, что будет с тобой через двадцать лет? Пока ты молод — живи, радуйся и не думай о будущем. Если ты теперь живешь без страха, то потом, когда вырастешь, кем бы ты ни стал — садовником, поваром или еще кем-нибудь — ты все равно будешь счастлив.

Мы чаще всего получаем абсурдное образование. Мы никогда не обучаемся, просто в нашу голову закладывается большое количество информации, и мы развиваем только малую часть ума, которая помогает

зарабатывать деньги. Это похоже на культивирование одного угла поля, в то время как остальные зарастают сорняками. Вы должны слушаться родителей, но послушание приводит либо к слепому повиновению, либо к разумности, позволяющей видеть все поле. Ни учителя, ни родители не заинтересованы во всем поле. Обработать один угол — это, по их мнению, даст ребенку больше безопасности в будущем.

Можете ли вы слушаться без слепого повиновения, без подражания? Если можете, вы будете восприимчивы ко всему полю. Это разумность, которая появляется без механической привычки к повиновению.

Истинная любовь родителей к своим детям, считал Кришнамурти, — в желании сделать так, чтобы дети не приспособивались слепо к требованиям, чтобы они обучались, а не имитировали истинное обучение. «Если бы родители действительно любили своих детей, не было бы войн».

Смерть

Смерть — важнейший фактор человеческого существования. Только вглядываясь в лик смерти, мы начинаем любить жизнь. Если бы не было смерти, жизнь была бы бессмысленна. В древнегреческой мифологии самое страшное наказание, к которому боги могли приговорить человека — это бессмертие. Что может быть страшнее бессмертия, хотя в тысячах книг, романов, трактатов бессмертие преподносилось как главная мечта человечества. Представьте себе, что вы бессмертны — уже умерли все ваши родственники и друзья, ваши дети и дети ваших детей, а вы все живете и живете, — абсолютно одинокие и заброшенные в чужие, не понятные вам время и культуру.

У каждой культуры свое специфическое отношение к смерти. В Индии — как в древности, так и в наше время — умершего человека сжигают на костре, и от него ничего не остается. А в древнеегипетской цивилизации был настоящий культ мертвых, набальзамированные египетские фараоны до сих пор лежат в европейских музеях. Европейские кладбища — это сложнейшая архитектура памятников, надгробий, склепов.

Смерть, как и рождение, формирует границы человеческой жизни. Все, что вне этих границ, для человека не существует. Смерть сопровождает человека с момента его рождения. Какое бы время его жизни мы ни взяли, человек всегда достаточно зрел для того, чтобы умереть. Смерть представляет собой как бы тень человека, самую верную и привязчивую.

Человек в этом смысле — самое несчастное из животных, поскольку заранее знает о своей будущей смерти. Но в то же время это дает огромное преимущество человеку, поскольку смерть организует челове-

ческую жизнь, заставляет человека спешить найти в этой жизни смысл и оправдать перед самим собой свое существование.

Смерть — не конец, а венец жизни, она с самого начала присутствует в ней как упорядочивающий жизнь элемент. Но человек в обыденной жизни живет так, как будто он бессмертен. Он старается не думать о смерти, всячески отгоняет мысли о ней и полагает, что смерть еще где-то очень далеко от него.

Мудрецы же с древних времен говорили: «Помни о смерти!». Для чего нужно помнить о смерти? Разумеется, не для того, чтобы отравлять себе жизнь и постоянно мучиться страхом. Помнить о смерти — значит каждый день жить так, как будто это последний день твоей жизни, ведь он и в самом деле может оказаться последним. Ведь свой последний день и самый дурной человек постарается прожить по-человечески — не лгать, не воровать, не убивать.

Смерть, по мнению танатолога (танатология — учение о смерти) В. Стрелкова, — фундаментальное свидетельство нашего «неодиночества». Мы всегда находимся под ее пристальным взглядом. Ощущая ее присутствие, ее реальность за каждым поворотом, мы не позволяем себе распускаться, поддерживая себя на уровне, превышающем тот, к которому склоняет нас наша животная природа. Разумеется, это тяжкая ноша. Осознание нашей смертности требует от нас немалого усилия.

Смерть предполагает высший уровень ответственности. Лишить человека его конечности — означает, помимо прочего, устранить этот уровень ответственности. Человек, будучи конечным существом, отличается от всех животных тем, что прилагает к своей конечности масштаб безусловного и бесконечного. Человек должен жить так, говорит философия, как если бы впереди его ожидала вечность, только не в обыденном смысле, когда человек просто не думает о смерти, а в том смысле, чтобы он брал на себя задачи, для выполнения которых заведомо не хватит собственной жизни. Творя, любя, делая добро, он прорывается в вечность, побеждает смерть.

Многие, бравшие на себя такие бесконечные задачи, остались в прямом смысле слова жить в вечности. Сократ, или Эпикур, или Ницше, или Пушкин гораздо более живые, чем многие ныне здравствующие наши современники.

Избранные тексты

О любви

«Всю свою жизнь слышал слово «душа» и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит. Мне кажется, если бы меня спро-

сили, что такое «душа», я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа — это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т.п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлении души примитивным человеком, как некоей сущности, обитающей в теле. И все это понимание души было бы не от себя, не своей души, а как говорят и думают о ней все люди.

Между тем у меня была душа своя, и я знал о ней с очень далекого времени, почти с детства, когда потихоньку проливал слезы о том, что я вышел на свет не такой, как все. Мало-помалу с годами, с десятками проходящих лет я через это страдание узнавал свое назначение: мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным. И мое страстное желание присоединиться ко всем, быть как все не может произойти иначе как через раскрытие в глазах всех себя самого. И еще должны были пройти десятки лет, чтобы я понял, что перед *всеми* раскрыться нельзя, и «все» это ничего не значит и, может быть, «всех» даже вовсе и нет. И что если мне хотелось быть как все, то «все» в этом желании были близкие любящие люди, избранные, которых бы я любил и меня бы тоже любили. И еще прошло много времени, пока я понял, что желание быть как все во мне было желанием любви. И еще совсем недавно я наконец-то понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа это и значит любовь.

Я помню, очень давно была во мне уверенность, что главная сила человека в душе, а не в электричестве, что новый неведомый мир откроется людям, когда они обратят внимание *туда*.

(Пришвин М.М. Дневники. М.: 1990. С. 325–326).

«Иные люди потому и влюбляются, что они наслышаны о любви.

Постоянство в любви — это вечное непостоянство, побуждающее нас увлекаться по очереди всеми качествами любимого человека, отдавая предпочтение то одному из них, то другому; таким образом, постоянство оказывается непостоянством, но ограниченным, то есть сосредоточенным на одном предмете.

Чиста и свободна от влияния других страстей только та любовь, которая таится в глубине нашего сердца и неведома нам самим.

Если судить о любви по обычным ее проявлениям, она больше похожа на вражду, чем на дружбу.

Любовь одна, но подделок под нее — тысячи.

Любовь подобно огню, не знает покоя: она перестает жить, как только перестает надеяться или бояться.

Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел.

Мы всегда любим тех, кто восхищается нами, но не всегда любим тех, кем восхищаемся мы.

Человек истинно достойный может быть влюблен как безумец, но не как глупец.

Существуют разные лекарства от любви, но нет ни одного надежного.

Те, кому довелось пережить большие страсти, потом на всю жизнь и радуются своему исцелению и горюют о нем.

Благоразумие и любовь не созданы друг для друга: по мере того как растет любовь, уменьшается благоразумие.

(Ф. де Ларошфуко. Максимумы и моральные размышления // Философия любви. Ч. 2. Антология любви. М.: 1990. С. 220–226)

«Мы рождаемся с любовью в сердце. Она вступает в свои права по мере совершенствования нашего ума, побуждая нас любить то, что представляется нам прекрасным, даже если нам никогда не говорили, что есть прекрасное. Кто после этого усомнится, что мы предназначены не для чего иного, как для любви? Бессмысленно скрывать от самих себя: мы любим всегда, и, даже когда нам кажется, что мы презрели любовь, она таится в глубине нашего сердца. Без любви мы не можем прожить и минуты.

(Б. Паскаль. Рассуждение о любовной страсти // Философия любви. Ч. 2. С. 231)

О счастье

«Самым ценным и существенным должна быть для каждого его личность. Чем полнее это достигнуто, а следовательно — чем больше источников наслаждения откроет в себе человек, — тем счастливее будет он. <...> Ведь все внешние источники счастья и наслаждений по своей природе крайне ненадежны, сомнительны, переходящи, подчинены случаю и могут поэтому иссякнуть даже при благоприятнейших условиях; даже более — это неизбежно, так как нельзя всегда иметь их под рукою. Во всяком случае почти все они иссякают к старости: нас покидают тогда любовь, шутливость, страсть к путешествиям, верховой езде. и пригодность к обществу; наконец смерть лишает нас друзей и родных. В этом отношении, больше чем в каком-либо ином, важно, что именно мы имеем в себе. Наши личные свойства сохраняются дольше всего. Впрочем, в любом возрасте они являются истинным, надежным источником счастья. В мире вообще немного можно раздобыть: он весь полон

нуждой и горем, тех же, кто их избег, подкарауливает на каждом шагу скука. К тому же по общему правилу власть принадлежит дурному началу, а решающее слово — глупости. Судьба жестока, а люди жалки. В устроенном таким образом мире тот, кто много имеет в себе, подобен светлой, веселой, теплой комнате, окруженной тьмой и снегом декабрьской ночи. Поэтому высокая, богатая индивидуальность, а в особенности широкий ум, — означают счастливейший удел на земле, как бы мало блеска в нем ни было. <...>

Вообще крайне глупо лишаться чего-либо *внутри* себя с тем, чтобы выиграть *во вне*, то есть жертвовать покоем, досугом и независимостью, — целиком или в большей части — ради блеска, чина, роскоши, почета или чести. <...>

Человек с избытком духовных сил способен живо заинтересоваться чем-либо чрез посредство хотя бы одного разума, без всякого вмешательства воли; ему это даже необходимо. Такой интерес переносит его в область, совершенно чуждую страданий, в атмосферу «веселой, легкой жизни богов». Жизнь остальных протекает в отупении; их мечты и стремления всецело направлены на пошлый интерес личного благосостояния — то есть на борьбу с разными невзгодами; поэтому их одолевает невыносимая скука, как только эта цель отпадает и они оказываются предоставленными самим себе...

Наоборот, человек с избытком духовных сил живет богатой мыслями жизнью, сплошь оживленной и полной значения. Достойные внимания явления интересуют его, если он имеет время им отдалиться; в себе же самом он имеет источник высших наслаждений. Импульс извне дают ему явления природы и зрелище человеческой жизни, а также разнообразнейшие творения выдающихся людей всех эпох и стран. Собственно, только он и может наслаждаться ими, так как лишь для него понятны эти творения и их ценность. Именно для него живут великие люди, к нему лишь они обращаются, тогда как остальные, в качестве случайных слушателей, способны усвоить разве какие-нибудь клочки их мыслей. Правда, этим у интеллигентного человека создается лишняя потребность, потребность учиться, видеть, образовываться, размышлять, — а с тем вместе и потребность в досуге. <...> Богато одаренный человек живет поэтому, наряду со своей личной жизнью, еще второю, а именно духовною, постепенно превращающеюся в настоящую его цель, причем личная жизнь становится средством к этой цели, тогда как остальные люди именно это пошрое, пустое, скучное существование считают целью. <...>

«Нормальный», средний человек вынужден искать жизненных наслаждений *вне себя*: — в имуществе, чине, жене и детях, друзьях, в обществе и т.п. и на них воздвигать свое счастье; поэтому счастье рушится, если он их теряет или в них обманывается. Его положение можно выразить формулой: центр его тяжести — вне его. Поэтому его желания

и капризы постоянно меняются; если позволяют средства — он то покупает дачу, лошадей, то устраивает празднества и поездки, вообще ведет широкую жизнь. Удовольствия он ищет во всем окружающем, вовне, подобно больному, надеющемуся в бульоне и лекарствах найти здоровье, истинный источник которого — его жизненная сила.

(Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 29–31, 34–37).

О смерти

«Конечная точка нашего жизненного пути — это смерть, предел наших стремлений, и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один-единственный шаг, не дрожа при этом, как в лихорадке? Лекарство, применяемое невежественными людьми, — вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой! Таким только и взнуздывать осла с хвоста... И нет ничего удивительного, что подобные люди нередко попадают в западню. Они страшатся назвать смерть по имени, и большинство из них при произнесении кем-нибудь этого слова крестится так же, как при упоминании дьявола. И так как в завещании необходимо упомянуть смерть, то не ждите, чтобы они подумали о его составлении прежде, чем врач произнесет над ними свой последний приговор; и одному Богу известно, в каком состоянии находятся их умственные способности, когда, терзаемые смертными муками и страхом, они принимают, наконец, стряпать его. <...>

Две недели тому назад закончился тридцать девятый год моей жизни, и мне следует прожить, по крайней мере, еще столько же. Было бы безрассудством, однако, воздерживаться от мыслей об такой далекой, казалось бы, вещи. В самом деле, и стар и млад одинаково сходят в могилу. Всякий не иначе уходит из жизни, как если бы он только что вступил в нее. Добавьте сюда, что нет столь дряхлого старца, который, памятуя о Мафусаиле, не рассчитывал бы прожить еще годиков двадцать. Но, жалкий глупец, — ибо что же иное ты собой представляешь! — кто установил срок твоей жизни? Ты основываешься на болтовне врачей. Присмотрись лучше к тому, что окружает тебя, обратись к своему личному опыту. Если исходить из естественного хода вещей, то ты уже долгое время живешь благодаря особому благоволению неба. Ты превысил обычный срок человеческой жизни. И дабы ты мог убедиться в этом, подсчитай, сколько твоих знакомых умерло ранее твоего возраста, и ты увидишь, что таких много больше, чем тех, кто дожил до твоих лет. Составь, кроме того, список украсивших свою жизнь славою, и я побьюсь об заклад, что в нем окажется значительно больше умерших до тридцатипятилетнего возраста, чем перешедших этот порог. Разум и благочестие предписывают нам считать образцом человеческой жизни

жизнь Христа; но она окончилась для него, когда ему было тридцать три года. Величайший среди людей, на этот раз просто человек, — я имею в виду Александра — умер в таком же возрасте. <...>

Если бы смерть была подобна врагу, от которого можно убежать, я посоветовал бы воспользоваться этим оружием трусов. Но так как от нее ускользнуть невозможно, ибо она одинаково настигает беглеца, будь он плут или честный человек, и так как даже наилучшая броня от нее не обережет, давайте научимся встречать ее грудью и вступать с нею в единоборство. И, чтобы отнять у нее главный козырь, изберем путь, прямо противоположный обычному. Лишим ее загадочности, посмотримся к ней, приучимся к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом. Будемте всюду и всегда вызывать в себе ее образ и притом во всех возможных ее обличьях. Если под нами споткнется конь, если с крыши упадет черепица, если мы наколемся о булавку, будем повторять себе всякий раз: «А что, если это и есть сама смерть?» Благодаря этому мы окрепнем, сделаемся более стойкими. <...>

Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать ее всюду. Размышлять о смерти — значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь — не зло. <...>

...Жизнь ведет нас за руку по отлогому, почти неприметному склону, потихоньку да полегоньку, пока не ввергнет в это жалкое состояние (старости — В.Г.), заставив исподволь свыкнуться с ним. Вот почему мы не ощущаем никаких потрясений, когда наступает смерть нашей молодости, которая, право же, по своей сущности гораздо более жестока, нежели кончина еле теплящейся жизни, или же кончина нашей старости. Ведь прыжок от бытия-прозябания к небытию менее тягостен, чем от бытия-радости и процветания к бытию-скорби и муке.

Скрюченное и согбенное тело не в состоянии выдержать тяжелую ношу; то же и с нашей душой: ее нужно выпрямить и поднять, чтобы ей было под силу единоборство с таким противником. Ибо если невозможно, чтобы она пребывала спокойной, трепеща перед ним, то, избавившись от него, она приобретает право хвалиться, — хотя это, можно сказать, почти превосходит человеческие возможности, — что в ней не осталось более места для тревоги, терзаний, страха или даже самого легкого огорчения.

Она сделалась госпожой своих страстей и желаний; она властвует над нуждой, унижением, нищетой и всеми прочими превратностями судьбы. Так давайте же, каждый в меру своих возможностей, добиваться столь важного преимущества! Вот где подлинная и ничем не стесняемая свобода, дающая нам возможность презирать насилие и произвол и смеяться над тюрьмами и оковами...

Подобно тому, как наше рождение принесло для нас рождение всего окружающего, так и смерть наша будет смертью всего окружающего. Поэтому столь же нелепо оплакивать, что через сотню лет нас не будет в живых, как то, что мы не жили за сто лет перед этим. Смерть одного есть начало жизни другого. Точно так же плакали мы, таких же усилий стоило нам вступить в эту жизнь, и так же, вступая в нее, срывали мы с себя свою прежнюю оболочку. <...>

Впрочем природа не дает нам зажитья. Она говорит: «Уходите из этого мира так же, как вы вступили в него... Ваша смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она звено мировой жизни... Неужели ради вас стану я нарушать эту дивную связь вещей? Раз смерть — обязательное условие вашего возникновения, неотъемлемая часть вас самих, то значит, вы стремитесь бежать от самих себя. Ваше бытие, которым вы наслаждаетесь, одной своей половиной принадлежит жизни, другой — смерти. В день своего рождения вы в такой же мере начинаете жить, как умирать... Всякое прожитое вами мгновение вы похищаете у жизни; оно прожито вами за ее счет. Непрерывное занятие всей вашей жизни — это взращивать смерть. Пребывая в жизни, вы пребываете в смерти, ибо смерть отстанет от вас не раньше, чем вы покинете жизнь. <...> Где бы ни окончилась ваша жизнь, там ей и конец. Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее: иной прожил долго, да пожил мало; не мешкайте, пока пребываете здесь. Ваша воля, а не количество прожитых лет определяет продолжительность вашей жизни».

(М. Монтень. Опыты. Кн. I. М., 1991. С. 128–147).

Творчество и его реализация

«В творчестве есть две стороны и два смысла. Есть внутренний творческий акт и есть творческий продукт, обнаружение творческого акта во вне. <...> Первичный творческий акт есть взлет вверх, к иному миру. Но он встречает затруднение, сопротивление материи этого мира, в ее бесформенности, массивности, тяжести, в дурной бесконечности, окружающей со всех сторон творца. <...> В творческом состоянии есть большая легкость, в нем растут крылья для полета, и есть большая трудность, мучительность, препятствие для полета. <...> В этом трагедия творчества. <...> Бетховен создает симфонии, и потом в этом создании открывают «объективные» закономерности. Но творчество Бетховена должно было бы привести к тому, чтобы весь мир зазвучал, как симфония. Также творчество подлинного философа должно было бы привести к изменению мира, а не к обогащению мира лишь новыми ценными книгами. <...>

Нужно решительно признать, что есть роковая неудача всех воплощений творческого огня, ибо он осуществляется в объектном мире.

Что выше — св. Франциск Ассизский, самое явление его единственной в истории христианства религиозной гениальности, или созданный им францисканский орден, в котором угас дух св. Франциска и победила обыденность? <...> Что выше — раскрывшаяся в Ж.Ж. Руссо новая эмоциональность или дела его последователей, якобинцев? Что выше — сам Ницше с гениально и пламенно пережитой им трагедией человека или люди и движения, бесстыдно им пользующиеся? Ответ слишком ясен. <...>

Печальна, трагична творческая неудача в этом мире, но есть великая удача в том, что результаты всякого подлинного творческого акта входят в царство Божие».

(Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация//Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: 1995. С. 252–255)

Созерцание как исток творчества

«Зароды они в конце концов поставят и увезут, коровы к весне до последней травинки их приберут, всю работу, а вот эти песни после работы, когда будто и не они, не люди, будто души их пели, соединившись вместе, — так свято и изначально верили они бесхитростным выпеваемым словам и так истоково и едино возносили голоса, это сладкое и тревожное обмирание по вечерам перед красотой и жутью подступающей ночи, когда уж и не понимаешь, где ты и что ты, когда чудится исподволь, что ты бесшумно и плавно скользишь над землей, едва пошевеливая крыльями и правя открывшимся тебе благословенным путем, чутко внимая всему, что происходит внизу; это возникшая неизвестно откуда тихая глубокая боль, что ты и не знал себя до теперешней минуты, что ты — не столько то, что носишь в себе, но и то, не всегда замечаемое, что вокруг тебя, и потерять его иной раз страшнее, чем потерять руку или ногу, — вот это все запомнится надолго и останется в душе незакатным светом и радостью. Быть может лишь это одно и вечно, лишь оно, передаваемое как дух святой, от человека к человеку, от отцов к детям и от детей к внукам, смущая и оберегая их, направляя и очищая, и вынесет когда-нибудь к чему-то, ради чего жили поколения людей».

(В. Распутин. Прощание с Матерой // Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 290–291).

Поговорим о прочитанном:

1. Как вы можете прокомментировать слова А.С. Пушкина: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»?
2. Говорят, что по мере взросления человеку выпадает все меньше и меньше счастливых минут, поскольку становится больше забот, больше проблем и трудностей, а сам человек начинает более трезво оценивать жизнь. Согласны ли вы с этим?
3. Как вы понимаете фразу «Жизнь измеряется не количеством прожитых лет, а интенсивностью переживаний» и аналогичное высказывание М. Монтеня: «Бывает, что человек прожил долго, а пожил мало»?
4. Ф. Ницше делил всех людей на два класса в зависимости от того, что они имеют в виду, отвечая на вопрос: «Согласны ли вы еще раз прожить последние десять лет?». Все отвечают — нет! Но одни говорят: «зачем отбрасывать себя назад на десять лет, если вот-вот начнется настоящая жизнь, ведь счастье уже рядом, за ближайшим поворотом», а другие: «если десять лет меня ничему не научили, зачем снова повторять прежние глупости». К какому классу людей вы отнесли бы себя?
5. Как вы понимаете фразу «Смерть не конец, а венец жизни»?
6. Что означают для вас слова М. Монтеня: «Размышлять о смерти — значит размышлять о свободе»?
7. Философия говорит, что гораздо важнее любить самому, оказаться способным на такое чувство, а любят тебя или нет — это не так уж важно. Соответствует ли это вашим представлениям о любви?
8. В.С. Соловьев говорил, что любовь для человека все равно, что разум для животного — только смутная возможность. А Б. Паскаль утверждал, что мы рождаемся с любовью в сердце, что мы любим всегда, и, даже когда нам кажется, что мы презрели любовь, она таится в глубине нашего сердца. Без любви мы не могли бы прожить и минуты. Какая точка зрения вам ближе? Или, может быть, эти мыслители говорили о разных вещах?

Тема 2.2. ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

Глава 1. Сознание и человеческая природа

Что такое сознание?

Сознание — поразительный феномен Вселенной. В сознании величайшая сила человека и его величайшая печаль: печаль в том, что человек в отличие от животных знает о своей будущей смерти. Благодаря сознанию («иметь сознание» — значит «быть со знанием») мы и знаем, как многообразен и бесконечен мир, и понимаем, как мы слабы и как мало можем знать. Как говорили древние: «во многом знании многие печали».

Сознание часто мешает нам — представьте, что вы быстро бегите вниз по лестнице, автоматически переставляя ноги, но стоит сознанию вмешаться, стоит вам подумать: «как это я бегу и безошибочно, не глядя, попадаю на нужную ступеньку?» — и вы тут же споткнетесь и можете упасть. Спасаясь от злой собаки, вы можете перемахнуть через высокий забор, но, если сознание вмешается в этот момент, оно вам скажет, что через этот забор перепрыгнуть нельзя, слишком высоко — и вы не перепрыгнете.

Один мой знакомый уверяет, что люди умеют летать, но сознание мешает, оно внушает страх, и человек начинает думать: а вдруг упаду? И, конечно, падает или вообще отказывается прыгать.

И в то же время сознание — великая сила, оно дает человеку второй мир — идеальный мир. Прежде чем что-то сделать, человек сначала мысленно представляет себе это дело и его последствия. У него есть много таких идеальных моделей действий, ощущений, моделей, с помощью которых он ориентируется в мире.

Например, вы можете отчетливо представить себе, как пахнет горячий свежий хлеб. Да так отчетливо, что потекут слюнки. У вас в сознании есть идеальная модель запаха свежего хлеба. Есть модель зубной боли: можно ведь представить себе, как болит зуб, да так явственно, что он действительно может заболеть. Есть модель боли от укола иглы или от удара током, и поскольку у вас есть такая модель, вы стараетесь пальцы в розетку не совать.

Любое действие вы сначала проигрываете в своей голове, а уже потом что-то предпринимаете. Любую цель и любые последствия сначала стараетесь представить себе наглядно — как, например, будет выглядеть лицо вашей матери, когда вы скажете ей о том, что ее приглашают в школу для разговора о ваших успехах, как будет выглядеть ракета, которую вы собираетесь сколотить из досок для полета на Луну и т.д.

У каждого из нас есть идеальный образ, идеальная модель человека вообще, и потому, когда мы идем по улице, мы не вглядываемся в каждого встречного прохожего. Но если из-за угла выйдет кто-нибудь с тремя головами, — мы насторожимся, ибо это не соответствует нашему идеальному образу.

Но есть и более «серьезные» модели — модель атома, с которой вы познакомились на уроке физики, модель Вселенной, модель электрического напряжения, структурная модель любого органического вещества — бензольного кольца, например. Вообще все законы науки — это идеальные модели мира. Таким образом, у каждого человека есть огромное количество таких идеальных моделей (действия, ощущения, мысленные модели окружающего мира и т.д.) — в совокупности они составляют идеальный мир, с помощью которого мы ориентируемся в окружающем материальном мире, можем внедрить-

са в этот мир, раздвинуть его, увидеть его сущность, которая никаким иным образом, кроме как через наши идеальные модели, нам не дана. У столяра есть большой набор идеальных моделей табуреток, столов, оконных рам. У химика — идеальные модели химических реакций, соединений, валентности и т.д.

И представления древнегреческого философа Демокрита о том, что в мире есть только атомы и пустота, и представления современной физики об атомарной структуре мира — это все идеальные модели, помогающие нам что-то понять в хаосе природных явлений.

Сознание позволяет нам восстанавливать прошлое, которое уже ни в каком виде не существует, и предвосхищать будущее. Человеческое существование невозможно без памяти, без фантазии.

Сознание — это чувства, эмоции, память, воля, фантазия (воображение), мышление. Первые пять составляющих образуют то, что называется *психикой*.

Это чисто человеческие качества, хотя чувства, эмоции, память и воля есть и у животных. Орел видит гораздо *дальше* человека, но человек видит гораздо *больше* орла. Орел мог бы читать газету, которую держит человек на балконе противоположного дома. Но орел никогда газету читать не будет, — нужна ему эта газета, его интересует только то, что можно схватить и съесть. Человек видит все не только глазом — видит всем своим сознанием, видит воображением, видит мыслью.

Точно так же почти все высшие животные слышат во много раз тоньше, чем человек, улавливают малейшие шорохи за многие десятки метров. Но человек слышит гораздо больше — врач слушает легкие больного и очень много может сказать о его болезни, механик слушает, как работает мотор, и может точно определить, что с ним случилось. В сыроваренной промышленности есть специалисты, которые слушают сыр. Сыр, когда созрел, тихонько потрескивает, но услышать это может только специалист высокого класса.

Человеческое сознание, следовательно, — это удивительный и нигде больше в природе не встречающийся феномен, свидетельствующий об исключительности человека. Можно без преувеличения сказать, что сознание — это таинственный и могущественный дар человечеству. Непонятно только, чей это дар — Бога, природы или каких-то случайных мутаций, произошедших в человеческом организме.

Мыслят ли животные?

Животные, особенно высшие, близко стоящие к человеку по эволюционной лестнице, проявляют чудеса сообразительности, заставляющие подозревать, что они обладают сознанием. Декарт в шутку пи-

сал, что обезьяны умеют говорить, но скрывают это, чтобы их не заставили работать. Собаки у И. Павлова различали шестнадцати- и восемнадцатиградусный, обезьяны выдерживали сложнейшие тесты на сообразительность. Показательно, что обезьяна открывала кран, пила воду, мыла руки и лицо, — но ни одну обезьяну не могли никакими усилиями научить закрывать кран. С точки зрения обезьяны, это, видимо, совершенно бессмысленное занятие.

Фантастической проницательностью, не доступной человеку, обладают коты. В литературе о животных часто приводится такой случай: в сибирской деревне хозяин ушел на войну, и на следующий день ушел в лес его кот. Через четыре года кот вдруг вернулся, и на следующий день пришел с войны хозяин.

Разное рассказывают про дельфинов: что их мозг очень близок по объему к человеческому, что они обмениваются звуковыми сигналами друг с другом, передавая огромный объем информации. Хотя это не нашло точного подтверждения, но дельфины, действительно, часто ведут себя так, словно обладают сознанием — легко дрессируются, быстро научаются понимать словесные команды и даже спасают тонущего человека, хотя он их об этом не просит.

Очень интересно поведение пчел: пчела подлетает к улью и исполняет над ним в воздухе сложный танец, глядя на который, остальные пчелы знают — куда им лететь, где находятся нужные им для сбора меда растения.

Можно сказать, что разум, сознание являются как бы потенциальной, до конца не проявленной возможностью предшествующего человеку мира насекомых, птиц, животных. И только у человека эта возможность раскрывается в полной мере, и он начинает жить прежде всего разумом. Его чувства гораздо слабее, чем у животных, но такая интенсивность ему и не нужна. Волк чувствует волчицу по запаху за несколько километров — человеку такой нюх ни к чему. Зато его чувства гораздо более избирательны и усилены мыслью.

Мы слышим в узком диапазоне частот — не слышим, к примеру, ультразвук; мы видим в очень узком диапазоне спектра (не видим инфракрасного и ультрафиолетового излучения); но мы изобрели с помощью своего разума такие приборы, которые и слышат, и видят там, где бессильны человеческие глаза и уши. Когда человеку понадобилось летать, у него не выросли крылья — он изобрел самолет.

Человек на самом деле унаследовал все богатство животных чувств, просто ему в нормальном состоянии они не нужны и потому как бы приглушены, подавлены. Хотя есть люди, у которых они развиты точно так же, как и у животных (как правило, хотя и необязательно, это люди с подавленной или несколько расстроенной разумной деятельностью). Речь идет о так называемых экстрасенсах, то есть о сверхчувствительных людях.

Много лет назад о них был сделан фильм «Семь шагов за горизонт», и в фильме показывалось, как человек с завязанными глазами ведет машину по улице, а рядом с ним сидит другой человек, смотрит на дорогу, положив руку на спину водителю. И тот, чувствуя спиной мельчайшие движения мускулов на руке (когда нужно поворачивать, смотрящий произвольно, чуть-чуть подает рукой влево, нужно тормозить — рука подается назад и т.д.) довольно быстро ведет машину по улице.

Тот же фокус происходит на эстрадных представлениях: когда кто-нибудь из зрителей прячет в зале мелкий предмет — булавку или запонку, входит экстрасенс, берет спрятавшего за руку и довольно быстро подводит его к тому месту, где спрятана вещь. Здесь он тоже чувствует мельчайшие движения руки. Хотя утверждает, будто бы читает мысли другого человека. Всем психологам известна Роза Кулешова — женщина, которая могла распознавать крупные буквы пальцами, то есть она чувствовала разную теплоту разноокрашенных предметов (страница белая, а буквы черные).

Есть вещи и более интересные, и более загадочные — экстрасенсы могут диагностировать больного. Проводя близ его тела руками, указать, какой орган сейчас болит, и очень часто диагноз подтверждается. А некоторые могут определять болезнь даже по фотографии человека, по голосу в телефоне и т.д. Среди экстрасенсов очень много шарлатанов, но есть люди, поражающие своими фантастическими и необъяснимыми способностями.

Так что хотя человек и далеко ушел от животных с помощью своего разума, все богатство чувств и эмоций животного мира живет в нем и, возможно, служит необходимой основой для развития сознания. Что касается животного мира, то относительно многих его представителей, видимо, можно говорить о наличии у них *предсознания*.

Три стороны сознания

Можно выделить три стороны сознания: *предметное сознание* (сознание, направленное на мир окружающих нас вещей, предметов, событий); *самосознание* (сознание, направленное на самого себя, все время осознающее самое себя как нечто другое, чем весь остальной окружающий мир); и *сознание как поток непосредственных переживаний*. Первые две стороны сознания относятся к тому, что в философии всегда называлось *духом*. Третья сторона в философии называется *душой*.

В предметном сознании (о котором говорилось в предыдущем разделе) и самосознании мы имеем дело с идеями, понятиями, с моделями окружающего мира, с представлениями о самом себе (помните об обра-

зе самого себя у каждого человека?). В духе человек возвышается над природой, создает второй идеальный мир, познает законы Вселенной и может на основании этих законов строить машины, возводить дома, посылать в космос ракеты.

Что касается души, то она занимается совсем другим делом. Душа, ее глубина и развитость делают человека живым. Познавать мир, развивать цивилизацию в принципе мог бы и искусственный интеллект, мыслящая машина. И если бы человек не имел души, он и был бы такой машиной. Душа — нечто более значительное и глубокое, чем дух. И предметное сознание, и самосознание (дух) укоренены в душе. Они словно листья и ветви дерева, а душа — его корни.

В глубине человеческого сознания течет, словно невидимая река, поток душевных переживаний, который постоянно меняется, варьируется, расширяется. Душевная жизнь подобна мелодии, которая все время меняется от каждой новой присоединенной ноты. Каждое новое впечатление откладывается в нашей душе, изменяя весь ее строй. Сознание никогда не возвращается в прошлые состояния, потому что тянет за собой все прошлое. Все, что ни случилось бы с человеком, откладывается в его памяти и, попадая в точно такую же ситуацию (каждый раз приходя в один и тот же класс, к тем же самым ученикам и учителям, на те же уроки), человек каждый раз — уже другой, у него больше опыта, больше переживаний, больше впечатлений и т.д.

Поток душевных переживаний имеет свое внутреннее пространство и время, лучше сказать — пространственные и временные горизонты, благодаря которым мы можем познавать пространство и время окружающего мира. Каждое переживание имеет будущий и прошлый временной горизонт, то есть каждое переживание как бы «оттеняет» себя, бросает тень в прошлое и будущее. Мы слушаем музыку, и в каждый данный момент мы слышим только одну ноту или аккорд, но на самом деле мы слышим мелодию, потому что прозвучавшие звуки еще звучат каким-то образом в нашей душе, а те, которые мы вот-вот должны услышать, уже каким-то образом слышны, и потому все это связывается нами в единую мелодию.

Точно так же и с речью. Когда вы слушаете учителя, вы в каждый настоящий момент слышите один произносимый слог, но вы слышите речь, потому что звучат еще в сознании прошлые слова, и, когда учитель произносит первый слог, вы уже, как правило, знаете, какое слово он скажет. Иначе произносимые звуки не сливались бы в осмысленную речь.

Что касается пространственных горизонтов, то это хорошо понятно на примере того, как мы видим что-либо. Например, мы видим дом. На самом деле мы не можем видеть дом, потому что нет такой точки, с которой мы бы видели весь дом — мы всегда видим только переднюю

стену и часть боковой, даже если смотреть с вертолета, то мы видим только крышу и, может быть, одну из стен. А мы *видим дом*, потому что наше сознание автоматически достраивает не видимые нам пространственные горизонты любой вещи.

Из этих механизмов психической работы нашего сознания вырастает понимание физического времени, геометрического пространства и т.д.

В простом акте зрения на переднем плане сознания, в центре его стоит предмет нашего внимания, но периферия переднего плана и весь задний план заняты игрой душевной жизни. Различные образы, как и действительно воспринимаемые предметы, окружены роем воспоминаний, грез, настроений и чувств. Погружаясь в этот поток оттенков, интонаций, намеков, образов, страхов и восторгов, мы чувствуем, что живем, что это и есть подлинная жизнь.

Это очень трудно объяснить популярно, но можно попробовать сказать так: например, вы видите человека, которого любите, скажем, свою бабушку. Вы видите не просто старого человека, знакомого вам с самого раннего детства, — ваша бабушка состоит из ваших первых радостей и печалей; из всех героев сказок, которые она вам читала долгими зимними вечерами; из неведомого вам Бога, которому в семье только бабушка что-то шепчет каждый вечер, ложась в кровать; из первых мыслей о смерти, связанных с бабушкиной старостью и т.д. И все бабушкины вещи, даже после ее смерти, тоже полны ею — и старая сломанная швейная машина, которую давно хотят выбросить, но все никак не решаются, и нелепое ручное зеркало в пластмассовой оправе. Однажды оно попадаетея вам на глаза, вы дотрагиваетесь до него, и оно вдруг говорит вам бабушкиным голосом, который только вы можете услышать.

И вновь всплывают для вас все счастливые минуты детства, все Иваны-царевичи, Кашеи Бессмертные, все ночные страхи, которые легко снимались прикосновением бабушкиной руки. Это часть вашей души, ушедшая в зеркало или в швейную машину, вдруг оживает и разговаривает с вами. Быть в сознании — значит одушевлять мир и постоянно собирать свою душу из всех предметов, людей, событий, в которые ваша душа ушла.

Душевная жизнь — это великая неизмеримая бездна, особая, в своем роде бесконечная вселенная, находящаяся в каком-то совсем ином измерении бытия, чем весь объективный пространственно-временной мир и мир идеальных предметностей. О мире души нельзя сказать ни где он находится, ни когда и как долго совершаются процессы душевной жизни, ибо душа везде и нигде, всегда и никогда, — в том смысле, что любые мерки вообще к ней неприменимы, наоборот, все мерки, все ориентиры, все стереотипы восприятия мира, мышления и поведения становятся возможными благодаря этому внутреннему интимному слою нашей жизни.

Это вечно волнующийся океан переживаний, вечно текущий и постоянно изменяющийся поток, вечно звучащая мелодия нашей души и является тем внутренним Я, о котором мы говорили в предшествующей главе. Только углубление в себя, постоянное соприкосновение с внутренним Я дает ощущение силы и жизненности существования, сбрасывает автоматизм и оцепенелость повседневного бытия, открывает такие красоты мироздания, о которых «объективный» поверхностный наблюдатель даже и не подозревает.

То, что называется человеком, есть нечто неизмеримо большее, чем незначительная часть мира или общества — это скованный внешними рамками мир великих, потенциально бесконечных, хаотических сил. Душевная жизнь уходит вглубь до бесконечности, еще Гераклит говорил, что границ души не отыскать, столь глубока ее мера. Признать это — не значит обожествить человека, но значит до некоторой степени уяснить его богоподобие.

Все, чем человек когда-то был или может стать, то, чем были его предки или будут его потомки, — потенциально есть в каждом миге душевной жизни. Она есть та потенциальная сверхвременность, без которой немислимо сознание и знание.

Сознание и бессознательное

Сознание — это не только предметное сознание, не только самосознание и поток душевных переживаний. Откроем теперь еще одну сторону или слой жизни сознания — бессознательное. Бессознательное — огромный пласт психики, по своему объему значительно больший, чем вся сознательная жизнь. Впервые бессознательное было открыто австрийским психиатром Зигмундом Фрейдом в начале XX века. В центре этого открытия лежит так называемый эдипов комплекс.

Древнегреческий миф о Эдипе гласит: когда у царя Фив родился сын, оракул предсказал, что, когда он вырастет, он убьет своего отца и женится на матери. В ужасе царь приказал убить младенца, но слуга пожалел его и увез на другой остров. Эдип вырос, вернулся в Фивы, в окрестностях Дельф случайно встретил своего отца, которого, конечно, не узнал, и в ссоре убил его. Потом он совершил несколько подвигов, в частности, освободил город от чудовища-сфинкса, и в благодарность за это его мать царица Иокаста согласилась выйти за него замуж, не зная, что он ее сын. Когда Эдип узнал правду, он в отчаянии выколол себе глаза, а его мать покончила с собой.

Сюжет об Эдипе оказался весьма привлекательным для древнегреческой и современной литературы — написано много пьес и романов на эту тему. Этот интерес, согласно Фрейдю, вызван тем, что эдипов ком-

плекс глубоко укоренен в психике любого человека — *она так работает*. Каждый ребенок в раннем возрасте бессознательно ревнует отца к матери и даже желает его смерти, конечно, не осознавая этого. По мере взросления этот странный комплекс почти у всех людей проходит, хотя у некоторых принимает странные патологические формы.

Фрейд дает следующую трехзвенную картину человеческой психики:

Первый, верхний этаж — сверхсознание, сверх-Я

Второй, средний этаж — сознание, Я

Третий, нижний этаж — бессознательное, Оно.

Сверхсознание — это то, что дается индивиду обществом: правила поведения, родительские запреты, моральная цензура и т.п.

Бессознательное — бездонный резервуар нашей биологической по своей природе энергии: комплексы, страхи, неврозы, инстинкты. Среди инстинктов главное место занимает половой инстинкт.

Сознание — некоторая промежуточная часть психики. Снизу ее подпирают страсти и инстинкты, сверху — требования общества. Поддаться своим инстинктам (половой инстинкт, страсть к насилию, агрессивность и др.) нельзя: общество не потерпит. Подавить их тоже нельзя — это приводит к нервным срывам, к неврозам, к психическим заболеваниям. Как хочешь, так и живи — между Сциллой и Харибдой.

Зигмунд Фрейд (1856–1939 гг.) — австрийский врач-психиатр, основоположник психоанализа, согласно которому причины нарушения психики надо искать в детских переживаниях больного, спрятанных в его подсознании. Фрейд первый сформулировал принципы работы бессознательного, описал основные человеческие комплексы и неврозы, подвел психоаналитическую базу под искусство, религию, культуру в целом. Его влияние на культуру XX века было огромным: фрейдистские мотивы до сих пор широко распространены в философии, литературе, искусстве. Как сказал один немецкий философ, духовную ситуацию прошлого века создали три человека: Маркс, Ницше и Фрейд.

Главные труды Фрейда — «Я и Оно», «Тотем и табу», «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Неудовлетворенность культурой».

Главный вывод Фрейда: человек никогда не может сам себя знать до конца. Бессознательное не просвечивается светом разума. Это темный, бесконечно глубокий колодец, где чего только ни намешано. Здесь не только эдипов комплекс, но и другие всевозможные страхи и комплексы, которые мы приобрели в детстве. Ребенок испугался чего-то, постарался забыть, его сознание это забыло — но психика ничего не забывает, она просто вытеснила это переживание в бессознательную сферу, и оно живет там и часто мучает человека. Например, человек боится находиться в закрытом помещении, или

наоборот, боится открытого пространства, третий смертельно боится выезжать за границу.

Любой человек напичкан разными комплексами и страхами: один, ложась спать, обязательно заглянет во все шкафы и под все диваны, другой не уснет, если не поставит тапочки под прямым углом друг к другу, третий, сядя в трамвай, обязательно два раза чихнет и один раз почешет левую ногу — и кто знает, какие переживания и стрессы случились с ним в детстве и выразились теперь в таком странном поведении.

Но это случаи безобидные, бывают и серьезные психические отклонения, справиться с которыми могут только специально обученные врачи — психоаналитики.

Наше бессознательное — мощный источник нашей биологической энергии. Эта энергия может тратиться непосредственно на получение разного рода наслаждений, а может воплощаться в произведения культуры, искусства. Любой художник черпает свое вдохновение, свою художественную силу именно в бессознательном.

Бессознательное может проявляться во сне (Фрейд посвятил отдельную книгу толкованию сновидений): когда человек спит, сверх-Я отключается, *Оно* полностью овладевает сознанием, и человеку снятся часто такие вещи, о которых он не расскажет даже близкому другу. Оно может проявляться в оговорках, описках, странной забывчивости. Человек говорит одно, а его бессознательное хочет другого, и рано или поздно человек проговаривается о своих истинных желаниях. Один человек не любит другого и постоянно забывает его фамилию, хотя они работают вместе двадцать лет. Или вместо «здравствуйте, товарищ Тимирязев!» говорит «здравствуйте, товарищ Тимирязев!».

Фрейд приводил пример, когда одна дама, увидев другую в новой шляпе, говорит восхищенным голосом: «Эту прелестную шляпу вы, вероятно, сами обделали» (вместо отделали).

Психоанализ помогает человеку разобраться в самом себе, перестать быть марионеткой, которую тянут за ниточки собственные потаенные желания и комплексы, а он послушно дергается, сам не понимая цели и смысла своих поступков. Фрейд открыл такие глубины человеческой сущности, о которых не подозревала наука о человеке XIX века.

Всю человеческую историю, с самого начала ее возникновения, Фрейд пытался объяснить с точки зрения психоанализа. Он выдвинул гипотезу, согласно которой во главе первобытного человеческого стада находился отец, которому принадлежали все женщины. Подрастающие сыновья также хотели получить этих женщин, которые одновременно были их матерями. Но сыновья не знали, кто чья мать, знали только отца. И отец сурово пресекал все сексуальные поползновения сыновей, грозя страшными наказаниями. Сыновья вынуждены были объединиться, убить отца и добиться своих целей. Таким образом, два страшных

греха лежат в человеческом бессознательном — отцеубийство и кровосмешение. Было так на самом деле или нет — неважно, главное, что человеческая психика устроена так, как если бы это было на самом деле — об этом свидетельствует наличие эдипова комплекса.

Из нарастающего чувства вины за отцеубийство, за свою ничем не ограниченную агрессивность, выросло, по Фрейд, религиозное чувство, появился миф о страдающем и умирающем Боге. Это же чувство привело к сдерживанию агрессивных позывов, к последующему вытеснению агрессии в «сверх-Я», к появлению культуры, которая и есть система всевозможных ограничений и запретов. Главное требование культуры — любовь к ближнему как к самому себе. Это требование трудно выполнимо, потому что оно ограничивает самый сильный позыв человека, позыв к агрессии. Агрессия является выражением первичного инстинкта Смерти, которому противостоит не менее сильный инстинкт Любви. В человеке борются два инстинкта — Смерти (Танатос) и Любви (Эрос), и борьба между ними определяет всю человеческую историю. «Мне кажется, — писал Фрейд в работе «Неудовлетворенность культурой», — что вопрос судьбы человеческого рода зависит от того, удастся ли развитию культуры, и в какой мере, обуздать человеческий первичный позыв к агрессии и самоуничтожению, нарушающий существование людей. В этом отношении, быть может, как раз современная эпоха заслуживает особого интереса. В настоящее время люди так далеко зашли в своем господстве над силами природы, что с его помощью они легко могут уничтожить друг друга вплоть до последнего человека. Люди это знают, и отсюда — значительная доля их теперешнего беспокойства, их несчастия, их тревожных настроений. Следует, однако, надеяться, что другая из двух «небесных сил» — вечный Эрос — сделает усилие, чтобы отстоять себя в борьбе со столь же бессмертным противником. Но кто может предвидеть исход борьбы и предсказать, на чьей стороне будет победа?».

Фрейд утверждал, что такие широкие социальные движения XX века, как фашизм и коммунизм — это массовый психоз, что европейские общества нашего времени — это общества психически больные, нуждающиеся в лечении. Сам он едва не попал в немецкий концлагерь и с большим трудом смог вырваться из фашистской Германии.

Какие сны снились Карлу Юнгу?

Карл Юнг — швейцарский психиатр, мыслитель и властитель дум очень большого числа людей. Перед Первой мировой войной в течении нескольких недель он видел один и тот же сон — будто из земли проступает кровь и поднимается все выше и выше, заливая все вокруг. Юнг

бежит от этого потопа в горы, но море крови подходит и туда, и в нем плавают обрубки человеческих тел. Он уже решил, что сходит с ума и решил обратиться к врачу, как вдруг разразилась мировая война, и сны прекратились.

Потом Юнг выяснил, что похожие сны снились многим людям. Коллективное бессознательное (этот термин ввел Юнг) жило в предчувствии войны и предстоящих ужасов массового уничтожения людей.

Будучи практикующим врачом-психиатром, он столкнулся с удивительным фактом — в бреде сумасшедших, в камлании шаманов, в поэтическом бормотании впавших в экстаз мистических поэтов проговариваются одни и те же тексты, внешне бессмысленные, но с определенным строгим порядком.

Эти же тексты встречаются в древних мифах, в древних религиозных повествованиях, в сказках многих народов, которые никак не влияли друг на друга. И Юнг пришел к выводу, что существует некое коллективное, родовое бессознательное, которое лежит значительно глубже личного бессознательного, открытого Фрейдом. Правда, и у Фрейда были элементы коллективного бессознательного (тот же эдипов комплекс), но в целом для него содержание бессознательного составляли комплексы как результат вытесненных переживаний индивидуальной жизни.

Коллективное бессознательное — это совокупность архетипов (древних типов понимания и объяснения мира). *Архетип*, по Юнгу, — это система установок и реакций на мир древних людей тех времен, когда мир открывался им совершенно иным образом, чем нам сейчас — открывался жутким, пугающим кошмаром окружающего леса, диких зверей, грозных явлений природы, и люди были вынуждены вживаться в этот мир, приспосабливаться к нему, как-то объяснять и интерпретировать его.

Карл Густав Юнг (1875–1961 гг.) — швейцарский психиатр, ученик З. Фрейда, который пошел значительно дальше своего учителя, создав так называемую «глубинную (аналитическую) психологию», психологию коллективного бессознательного. Юнговская концепция бессознательного строится на глубоком и всестороннем анализе литературы, истории, мифологии и психопатологии.

Его работы по психологии, по анализу современной культуры и места человека в ней были настоящим откровением для многих людей, которые и сейчас считают Юнга не только философом, но и неким пророком.

Кроме «Психологических типов» на русский язык переведены сборники работ Юнга «Архетип и символ», «Феномен духа в искусстве и науке», «Либи́до, его метаморфозы и символы».

Архетип сам никогда не может достичь сознания непосредственно, но только опосредованно, с помощью символов. Так, Бога нельзя

видеть, Бог — это страх Божий, человеческая психика не выдержит встречи с этим страхом. Бог — это архетип, он всегда дан только через символы. Таким символом Бога для христиан является Иисус Христос, и т.д.

Коллективное бессознательное при нормальных условиях не поддается осознанию, никакая аналитическая техника не может его «вспомнить», ведь оно, в отличие от личного бессознательного, никогда не было вытеснено или забыто. В то же время коллективное бессознательное не существует наподобие некоторых врожденных структур нашей психики, передающихся по наследству. Это, по Юнгу, не врожденные представления, а врожденные возможности представления, ставящие известные границы самой смелой фантазии.

Юнг приводил пример из своей практики, когда умирающему от рака больному давали для облегчения мескалин, сильное галлюциногенное средство, напоминающее наркотик ЛСД. Больной, шофер по профессии, человек малообразованный, проспав несколько часов после принятия мескалина, рассказал Юнгу, что во сне принимал участие в торжественном и пышном обряде похорон — и подробно описал его точно так же, как он описан в древней и в ту пору известной только специалистам «Тибетской книге мертвых».

Архетипические образы особенно наглядно могут выступать в символической форме искусства. Архетипы несут в себе заряд мощной творческой энергии. Великий художник — это человек, умеющий извлекать эту энергию архетипов и воплощать ее в своем искусстве. Архетип — это мифологическая фигура, которая является итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же рода. В каждой такой фигуре или образе кристаллизовалась частица человеческой психики и человеческой судьбы, частица страдания и наслаждения — переживаний, несчетное число раз повторявшихся у бесконечного ряда предков.

Неудивительно, считал Юнг, если встретив типическую ситуацию или увидев произведение искусства, где ярко выражены архетипические мотивы (герой, побеждающий дракона; сын, нашедший своих родителей; несчастная девушка, которую полюбил прекрасный принц), мы внезапно ощущаем неподдельную радость, нас захватывает неодолимая и притягательная сила. В такие моменты мы — уже не индивидуальные существа, мы — род, мы слышим голос всего человечества, просыпающийся в нас.

Все наиболее действенные идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа: родина в образе матери, мудрость в образе пожилого мужчины или старца-основателя и т.д. Архетип подобен так называемой «мистической причастности» первобытного человека к почве, на которой он обитает и в которой живут духи его предков.

При этом архетип, проявляющий себя в сновидении, фантазии или в жизни, всегда несет некоторое особое влияние или силу, благодаря которой его воздействие носит нуминозный, то есть зачаровывающий характер. Архетип захватывает психику и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Поэтому, считал Юнг, люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов. Понятие «бога» — совершенно необходимая психологическая функция, она не имеет отношения к вопросу о существовании Бога. Ответ на этот вопрос и приведение доказательств не по силам человеческому интеллекту. И такое доказательство совершенно не нужно — идея сверхмогущественного, божественного существа наличествует всегда, если не осознанно, то бессознательно, ибо она есть некоторый архетип. Архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи.

Подобно тому, как наше тело в целом ряде рудиментарных органов хранит пережитки древних функций и состояний, так же и наша душа, казалось бы переросшая эти архаические влечения, тем не менее несет в себе признаки пройденных этапов развития и повторяет древние мотивы в своих фантазиях и снах.

Наиболее адекватная форма проявления архетипов — сны. К снам, считал Юнг, нельзя относиться легкомысленно, чаще всего это не наши сны, а порождение коллективной души. Сны нередко предупреждают нас об опасности, только мы не понимаем их языка. Тревожные, пугающие сны говорят о том, что в человеке зародилась болезнь, он ее еще не ощущает, а коллективное бессознательное посылает в мозг сигналы тревоги. Сны также часто предупреждают человека об опасности, если он совершает сомнительные поступки и подрывает свои собственные душевные силы.

Как-то Юнгу родители рано умершей от болезни девочки принесли альбом с изображением всяких страшных чудовищ. Они хотели узнать у него, не сошла ли она перед смертью с ума. Юнг показал им старинный альбом с изображением таких же чудовищ и сказал, что люди знали о них столетия назад. Это символические звери, являвшиеся ребенку во сне, были свидетельствами нарождающейся болезни.

Однако в массе своей люди перестали чувствовать и понимать язык архетипов, оторвались от своих глубинных корней, утратили живительную связь с ними. Люди больше не боятся окружающей природы и не доверяют своим снам, развенчали своих богов и демонов и считают себя свободными. Однако их боги и демоны никуда не ушли, они получили новые обличья и новые имена и все так же ведут спор за души людей. Они приняли форму преступности, алкоголизма, бесчисленных неврозов и страхов, наркотиков и массовых психозов. Современный человек потерял свою душу и находится в постоянных поисках ее.

Большой интерес представляет для нас структура психики по Юнгу. Если у Фрейда психика состоит из трех этажей: сверх-Я, Я и Оно, то у Юнга она значительно сложнее, он выделяет пять таких структурных элементов: Я, Анима, Персона, Тень и Самость.

Анима — это бессознательное женское начало в психике мужчины или мужское (Анимус) в психике женщины. Обычно «Анимой» называют душу, то есть нечто божественное и бессмертное. Но это очень позднее культурное понимание. Анима — это природный архетип. Она сводит воедино все проявления бессознательного, она есть основа настроений, реакций, импульсов, всего того, что психически спонтанно. Анима живет из самой себя и делает нас живущими. Это жизнь подсознания или в глубине сознания, которую сознание не может интегрировать в себя, наоборот, само сознание возникает из этой жизни. Для сына в первые годы жизни Анима сливается со всемогущей матерью, что затем накладывает отпечаток на всю его судьбу. Эта сентиментальная связь сохраняется на протяжении всей жизни и либо препятствует человеку, либо дает ему мужество для смелых деяний. Античному человеку Анима являлась или как богиня или как ведьма. Средневековый человек заменил богиню церковью. Анима предстает то как демоническое начало, то как ангел света. Обычно мужчине вменяется в обязанность в максимальной степени вытеснять из себя женские черты, но будучи вытесненными, они скапливаются в бессознательном и во многом предопределяют поступки мужчины, тот идеал женщины, который он ищет, и т.д.

Персона — это маска, которую человек бессознательно надевает на себя, чтобы производить впечатление на других и скрывать свою истинную природу. Человек строит искусственную личность, чтобы оправдать то поведение, которое от него ожидают. Так, если я профессор, то я должен ходить все время с умным лицом, быть рассеянным, желательно, носить очки, говорить медленно и продумывая каждое слово. На самом деле под этой маской скрывается моя частная жизнь, в которой я могу быть вовсе не таким. Но часто происходит так, что человек сливается со своей маской, со своей социальной ролью, маска как бы прилипает к его лицу, и он уже не в силах ее снять. Человек рад бы показать, что он добрый и милый, но не может и с каменным строгим лицом изрекает что-нибудь важное и значительное. У человека возникает то, что Андрей Платонов называл «мордой лица».

Тень — это все мерзкое, грязное, неприятное, что живет внутри нас и что мы прячем где-то глубоко в себе. Мало кто может посмотреть честно и объективно на себя, обычно мы все нехорошее, что есть в нас, проецируем на других, на внешний мир. Если человек в состоянии увидеть собственную Тень, то это уже крупный шаг вперед в самопознании. Устранить Тень с помощью доказательств или рассуждений невоз-

можно, да и не бывает человека без Тени, это необходимая составная часть его психики.

Самость, целостный человек, возникает, когда все структуры психики находится между собой в относительной или полной гармонии. Это как бы образ Бога в нас, идеал, к которому мы постоянно стремимся.

Где находится сознание?

Строго говоря, сознание, в точном смысле этого слова, не есть нечто находящееся внутри человека, не есть что-то, принадлежащее ему, как рука или нога. Сознание — всегда *между* мной и другим человеком или людьми, между мной и миром. Поэтому правильнее было бы говорить о «поле» сознания. Сознание есть некоторое напряженное поле или поле напряжения, существующее в мире. Я могу попасть в это поле, а могу и не попасть. Человек не всегда находится в сознании, очень часто ему достаточно ограниченного набора рефлексов — не вдаваясь ни в какие размышления, он встает утром, пьет кофе, едет на работу, машинально здоровается с сослуживцами, машинально делает одну и ту же механическую работу. В сознании я нахожусь, когда решаю какую-нибудь проблему, когда пытаюсь что-то понять, предсказать дальнейший ход событий. Но можно жить, годами не приходя в сознание в строгом смысле этого слова.

Сознания во мне нет, во мне нет ни мыслей, ни чувств. Во мне, в моем мозгу протекают только материальные процессы. Мозг вообще ничего не запоминает, а только кодирует материальную информацию. Если она поступает в мозг в течение тридцати секунд, она остается там навсегда: происходят необратимые изменения в РНК клеток мозга. Как если бы старушка, собираясь в магазин, завязала узелок на платке, чтобы не забыть купить соль. В магазине она увидит узелок и вспомнит. Но если она по дороге в магазин потеряет этот платок, — ни одна разведка мира не сможет догадаться, что означал завязанный узелок. Точно так же в мозге: одни клетки, нервные цепи, электрохимические реакции, то есть одни «узелки».

Можно привести еще одну аналогию: наш мозг — как фортепиано, там есть струны, клавиши, молоточки, но нет никакой музыки. Нужно играть на фортепиано, тогда появляется музыка. Человеку нужно взаимодействовать с миром, с другими людьми, и тогда появляется сознание.

Последнее время даже появилось понятие «сфера сознания», некоторые ученые всерьез полагают, что вокруг земли существует сфера сознания, куда мы иногда пробиваемся — любая интуиция, озарение, внезапная догадка — это «пробой» (подобно электрическому разряду) в эту сферу. Здесь «большое сознание» понимается буквально. Появляются

ся даже рассуждения о некоем «галактическом коде», о сознании как «космическом шифре». Возможно, в этих гипотезах и есть доля истины.

Возможно также, что сознание не кончается со смертью человека и не начинается с его рождением, то есть оно потенциально существует всегда, а человек овладевает им и обладает, пока живет. Американский врач-реаниматор Раймонд Моуди в своей книге «Жизнь после смерти» описывал показания ста больных, испытавших клиническую смерть, то есть умерших и возвращенных к жизни через несколько минут. Их показания удивительно совпадают и говорят о том, что сознание продолжает функционировать после смерти: сначала человек видит себя со стороны, видит, как над ним склонились врачи; потом его засасывает в какую-то темную трубу или тоннель, по которому человек несется с большой скоростью; постепенно проходит страх и наступает чувство счастливого освобождения; затем человек идет через туманное болото или реку и видит на той стороне своих умерших ранее родственников (причем реку никто из испытавших клиническую смерть не переходил), и т.д.

Возможно, что это не настоящая смерть, мозг еще живет. Но все эти свидетельства расширяют наше представление о сознании.

Совсем недавно появилось еще понятие «пренатальная память», то есть память о том, что было до рождения. В очень глубоких снах человек иногда видит себя яйцом, покачивающимся в теплом растворе. Это память даже не до рождения, а до оплодотворения. Так что природа и сущность сознания все еще представляет собой великую тайну, и человечество ждет впереди удивительные открытия.

Разум большой и разум малый

Всякий человек, говорили мы по поводу философии Ф. Ницше, ценен постольку, поскольку он есть путь к сверхчеловеку, то есть к идеалу человечности, — к художнику, философу и святому. А каждое сознание значимо постольку, поскольку оно есть возможность большого сознания, большого разума.

Но человек, как мы видели, чаще всего живет или вообще не входя в сознание, или живя малым сознанием, малым разумом, почти как супершимпанзе. Малый разум развивает специфические качества человека: хитрость, умение приспособиться к жизни, умение добиться относительного комфорта и достатка, не мучаясь над проблемами бытия и смысла жизни, не страдая от несовершенства мира и общества, не отыскивая новых путей для самовыражения.

Никто, конечно, не может осудить человека за то, что он живет малым разумом, потому что перспектива жить большим разумом часто

пугает человека. Большой разум — это мудрость, которая часто представляется малому разуму как безумие. Апостол Павел говорил: «Будьте безумными, чтобы быть мудрыми». Это значит, что в «безумии», в отречении от малого разума у человека появляется возможность разума большого.

Большой разум — это то, о чем ранее говорилось как о «мысли сердца». С помощью большого разума мы не просто воспринимаем мир как совокупность вещей и законов, для этого достаточно и малого разума. Большой разум по-настоящему *открывает* нам мир как бездонную, бесконечную, завораживающую тайну.

Большим разумом мы как бы познаем мир изнутри, мы сливаемся с потаенным и невыразимым в мире, мы — больше не любопытные наблюдатели, старающиеся хитростью вырвать у мира его тайны и употребить их себе на пользу. Теперь мы сами и есть мир, это он сам себя познает через нас.

Такое видение мира есть у детей, поэтов, у любого мудрого человека — известного ученого или простого обывателя. «Величайший, самый пронзительный и сведущий ученый, — писал С. Франк, — человек, которому ведомы в мире содержания и связи, остающиеся тайной для других, — должен, поскольку он сохранил в себе способность вообще видеть саму реальность как она есть — глядеть на мир тем же изумленным, восхищенным, полным благоговения взором, которым глядит на него маленький ребенок».

И такая мудрость, конечно, выглядит безумием в глазах обладателя малого разума. Надо было действительно быть безумным, чтобы увидеть, подобно Демокриту, что мир состоит из атомов и пустоты. Ведь никаких приборов у него не было, и никаких атомов Демокрит видеть не мог. Надо было быть безумцем, чтобы услышать музыку сфер, как ее слышал Пифагор, чтобы увидеть искривляющуюся Вселенную, как А. Эйнштейн.

Все, что говорили и писали эти и другие «безумцы», нельзя было вывести ни из каких опытных данных. Нужно было действительно иметь большой разум, жить большим сознанием, быть чистым и незамутненным зеркалом Вселенной, разговаривать с ней и прислушиваться к ее невразумительному голосу, которым она доверяла им свои детские секреты. Так, знаменитый астроном Кеплер, помимо научных изысканий, занимался составлением гороскопов для важных особ и считал это основным своим занятием — он полагал, что знает особые внутренние тайны движения звезд, чувствует их подспудное влияние на себя и только в силу этого вообще может быть астрономом. Ньютон по тем же соображениям писал алхимические трактаты, искал философский камень и уделял этому не меньше внимания, чем исследованиям по теоретической физике.

Видение мира большим сознанием — не только не менее важная вещь, чем утилитарно-практическое отношение к миру, оно вообще делает возможным любое отношение, любую науку, любые практические действия. Вид звездного неба с загадочно-прихотливым узором светящихся и мигающих на нем точек, с таинственным молчанием темных и непроницаемых небесных бездн, с объемлющим человека благоговением и чувством как одиночества перед лицом этого неба, так и своего сродства с ним, — все это, взятое вместе как нераздельное единство, есть в большей мере реальность, считал Франк, чем астрономическая «действительность», преподносящаяся в астрономической теории.

Избранные тексты

Сознание как поток переживаний, подобный внутренней музыке

«Чистая длительность (психологическое время — *В.Г.*) есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше «я» просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали,.... как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе. Разве нельзя сказать, что, хотя ноты следуют друг за другом, мы все же воспринимаем их одни в других, и вместе они напоминают живое существо, различные части которого взаимопроникают в силу самой их общности? <...>

Сильная любовь, глубокая меланхолия захватывают всю нашу душу: тысячи различных элементов сливаются, взаимопроникают, без точных очертаний, без малейшего стремления существовать в отрыве друг от друга. В этом их оригинальность. Они постепенно распадаются, когда мы начинаем различать в их смутной массе числовую множественность. Во что они превратятся, когда мы развернем их, изолировав друг от друга, в однородной среде, которую можно будет назвать, по желанию, пространством или временем? ... Всякое чувство есть существо, которое живет, развивается, а следовательно, непрерывно изменяется. Иначе было бы трудно понять, каким образом чувство постепенно приводит нас к определенному решению: ведь решение должно быть принято немедленно. Но чувство живет, потому что моменты длительности, в которой оно развивается, пронизывают друг друга: разделяя эти моменты, развертывая время в пространстве, мы отнимаем у чувства его живость и окраску. <...>

... Мы забываем, что состояния сознания суть процессы, а не вещи, и что только для удобства языка мы обозначим их одним и тем же словом. Мы забываем, что они живут и непрерывно изменяются, а значит,

мы не можем вычеркнуть из них ни одного момента, не лишая их какого-нибудь впечатления, не изменяя их качества и не обедняя их. <...>

Итак, существуют два различных «я», одно из которых является как бы внешней проекцией другого, его пространственным и, скажем так, социальным представлением. Мы достигаем первого из них в углубленном размышлении, представляющим наши внутренние состояния как живые, непрерывно возникающие существа, как взаимопроникающие состояния, не поддающиеся никакому измерению, последовательность которых в длительности ничего не имеет общего с рядоположенностью в однородном пространстве. Но моменты, когда мы вновь постигаем самих себя, очень редки, и потому мы редко бываем свободными. Большею частью мы существуем как бы вне самих себя. Мы замечаем только обесцвеченный призрак нашего «я», лишь тень его, которую чистая длительность отбрасывает в однородное пространство. Наше существование развертывается скорее в пространстве, чем во времени; мы живем больше для внешнего мира, чем для себя; больше говорим, чем мыслим; больше подвергаемся действиям, чем действуем сами.»

(*А. Бергсон. Опыт о непосредственных данных сознания // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 93, 107, 135, 151.*)

Функция снов

«Общая функция снов заключается в попытке восстановить наш психический баланс посредством производства сновидческого материала, который восстанавливает — весьма деликатным образом — целостное психическое равновесие. Я назвал бы это дополнительной (или компенсаторной) ролью снов в нашей психической жизни. Этим объясняется, почему люди с нереальными целями, или слишком высоким мнением о себе, или строящие грандиозные планы, не соответствующие их реальным возможностям, видят во сне полеты и падения. Сон компенсирует личностные недостатки и в то же время предупреждает об опасности неадекватного пути. Если же предупредительные знаки сновидения игнорируются, то может произойти реальный несчастный случай. Жертва может упасть с лестницы или попасть в автомобильную катастрофу.

Вспоминается случай с человеком, запутавшимся в большом количестве сомнительных афер. У него развилась почти болезненная страсть к альпинизму, в виде компенсации. Он все время искал, куда бы «забраться повыше себя». Однажды ночью во сне он увидел себя шагающим с высокой горы в пустоту. Когда он рассказал свой сон, я сразу же увидел опасность и попытался предупредить ее, убеждая его ограничить свои восхождения. Я даже сказал, что сон предвещает его смерть в горах. Но все было напрасно. Через шесть месяцев он-таки шагнул в «пустоту»...

Таким образом, сны могут иногда оповещать о некоторых ситуациях задолго до того, как те произойдут в действительности. И это вовсе не чудо или мистическое предсказание. Многие кризисы в нашей жизни имеют долгую бессознательную историю. Мы проходим ее шаг за шагом, не сознавая опасности, которая накапливается. Но то, что мы сознательно стараемся не замечать, часто улавливается нашим бессознательным, которое передает информацию в виде снов.

Сны часто предупреждают нас подобным образом, хотя далеко не всегда. Наивным было бы поэтому считать, что существует благодетельная «рука», которая нас всегда и все время останавливает. Выражаясь определеннее, служба добродетели иногда работает, а иногда и нет. Таинственная рука может даже указать дорогу к гибели, иногда сны кажутся ловушками, каковыми и оказываются на самом деле. Порой они ведут себя как дельфийский оракул, который предвещал царю то, что, перейдя реку Халис, он разрушит огромное царство. Только после того, как он был полностью побежден в битве, выяснилось, что это царство было его собственное.

Имея дело со снами, не следует становиться наивными. Они зарождаются в духе, который носит не вполне человеческий характер, а является скорее дыханием природы — дух прекрасного и благородного, равно как и жестокого божества. Чтобы охарактеризовать этот дух, следует скорее приблизиться к миру древних мифологий или к сказкам первобытного леса, чем к сознанию современного человека. <...>

...Символы сна — важные посланники от инстинктивной к рациональной составляющей человеческого разума, и их интерпретация обогащает нищету сознания, так как она учит его снова понимать забытый язык инстинктов».

(К. Юнг. Подход к бессознательному//Архетип и символ. М., 1991. С. 46–48).

Поговорим о прочитанном:

1. Как вы понимаете слова апостола Павла: «Что мне в том, что я приобрету богатства всего мира, а душу свою потеряю»?
2. Можете ли вы согласиться с тем, что не разум, а душа является главным признаком человечности? Ведь немало людей умных, но жестоких и злых. И можно ли представить себе человека, развитого душевно, но глупого и жестокого?
3. Можно ли из предыдущего изложения сделать вывод, что разум, интеллект — это малый разум, а разум, соединенный с душой — большой разум?
4. Замечали ли вы, что иногда в голову приходят неожиданные и правильные решения, которые никак не вытекают из вашего опыта, словно кто-

то за вас решил и вам подсказал? Может быть, это проявления «большого разума» в вас?

5. Говорят, что человек — самое несчастное из животных, поскольку заранее знает о своей будущей смерти. Считаете ли вы, что животные более счастливы в этом плане?
6. Достоевский утверждал, что гений и безумие очень близки. Сам он был человеком психически больным. Психически больны были Ницше, Шопенгауэр, великий русский художник М. Врубель и т.д. Фрейд утверждал, что гениальные люди — это люди с совершенно особым устройством психики. Они живут и ведут себя так, что с точки зрения обывателей кажутся сумасшедшими. Нередко трудно установить грань между безумием и гениальными прозрениями. Иногда кажется, что только безумный человек может вырваться из устоявшихся стереотипов и стандартов и увидеть нечто совершенно новое. Что вы думаете по этому поводу?
7. Архетипы часто проявляются в сказках — у многих народов, даже живущих на разных континентах, одни и те же сказочные сюжеты: например, архетип Золушки (бедная девочка превращается в принцессу, гадкий утенок — в лебедя), архетип пяти пальцев — пяти братьев, которых злая мачеха заводит в лес, а младший брат-мизинец спасает их. Можете ли вы вспомнить какие-нибудь архетипические сюжеты в сказках или художественной литературе?
8. Согласны ли вы с К. Юнгом в том, что к снам нужно относиться серьезно, что есть вещие сны, предупреждающие нас?

Глава 2. Мышление, его истоки и сущность

Можно ли человека чему-нибудь научить?

Еще одним серьезным аргументом в пользу существования большого сознания служит теория воспоминания Платона. Платон утверждал, что человека ничему нельзя научить, если понимать учение как перекладывание знаний из одной головы в другую. Человек должен сам все вспомнить.

У этого высказывания Платона есть два плана: мифологический и рациональный. В мифологическом плане душа, согласно Платону, до рождения человека жила среди богов и там набиралась знаний, так что человек, родившись и получив от богов эту душу, должен только вспомнить то, что она усвоила ранее.

В рациональном плане в теории воспоминаний есть глубокий смысл: всему действительно важному человека научить нельзя. Нельзя, например, научить быть Эйнштейном — нет таких учебников. Эйнштейн, кстати, сам во время учебы особых талантов в физике не обнаруживал и имел в выпускном классе тройку по физике. Но что-то такое было в Эйнштейне, чего не было в других: раскованная фантазия, сме-

лость мышления, то есть то, чему научить нельзя, что нужно только из себя извлечь, в этом смысле — *вспомнить*.

Нельзя научить быть Моцартом, очень многие музыканты знали теорию композиции лучше, тот же Сальери был гораздо более образованным в музыке, чем Моцарт. Но того, что было в Моцарте, не было тогда ни в одном музыканте. Когда жена Моцарта в фильме «Амадеус» приносит Сальери ноты какого-то произведения мужа, тот с удивлением узнает, что это не черновик, что у Моцарта вообще нет черновиков, что он слышит музыку и пишет, а не сочиняет ее, не вымучивает. Что значит — слышит? Бог ему напевает? Или он слышит музыку сфер, как Пифагор? В любом случае научить такому слуху нельзя, хоть десять консерваторий закончи.

Есть лингвисты, которые знают несколько десятков языков. Выучить несколько десятков языков нельзя. Чтобы овладеть одним — немецким или французским — надо запомнить несколько тысяч слов, в том числе сотни глаголов в шести-восьми временах, огромное количество идиоматических выражений и т.д. А тут человек знает десятки языков. На самом деле он выучивает два-три языка (уже для этого нужны специфические способности), а все остальные как бы вспоминает. Он начинает чувствовать «душу» языка, внутренние связи и опорные блоки как внутри языка, так и между всеми языками, например, индоевропейской группы. Язык как бы «открывается» такому человеку, и каждый следующий язык «всплывает» в нем, поднимается из глубины души. Ребенок, когда учится говорить, — он ведь не постепенно запоминает огромное количество слов и выражений. Язык как бы просыпается в нем, и он вдруг начинает говорить.

В истории философии известен спор между немецким философом-рационалистом и математиком Г.В. Лейбницем и английским философом-эмпириком Дж. Локком. Локк считал, что все знание проистекает из опыта. Лейбниц, вслед за Декартом, утверждал существование врожденных идей, говоря, что самое важное и главное знание врождено человеку. Не в том смысле, что человек рождается со знанием законов физики или математики, но в том, что человек, если его правильно развивать и воспитывать, неизбежно сам придет к открытию важнейших истин. Врожденное знание как бы потенциально заложено в человеке. Как скульптор, смотря на кусок мрамора, уже видит в нем скульптуру, видит по прожилкам и линиям этого куска, что нужно отсечь, чтобы скульптура проявилась, так и знание определенным образом уже есть в человеке, каким бы «сырым» и необразованным человек ни был. Но достать, извлечь это знание из себя, «вспомнить» его — очень сложная и для многих непосильная задача.

Человека вообще ничему нельзя научить, ибо всякое знание, всякий набор приемов работы — все это уже мертвое. А важное и ценное пере-

дать невозможно, нужно самому додуматься, самому дойти до всех тонкостей профессии или области знания, нужно, чтобы тебе самому открылось. И только тебе открылось — в том же смысле, в каком никто за тебя понимать не будет, ты сам должен понять. И никто за тебя не создаст ничего нового — того, чему нельзя научить, что можно извлечь только из себя с помощью очень специфических усилий.

А этому никто не учит. Это дается только в *воспоминании*, только на пути раскрытия в себе большого сознания.

Это, однако, не значит, будто не нужно учиться, овладевать обычными рутинными знаниями, изучать то, что люди до тебя давно уже знали. Ты-то ведь ничего этого не знаешь. Чтобы подняться на уровень большого сознания, нужно постоянно и всесторонне развивать малое, создавать базу, опору для дальнейшего прыжка в неизвестное.

Откуда приходит мысль?

Мы очень хорошо знаем, как устроен наш мозг, как идут от клетки к клетке электрохимические реакции, как замыкаются нервные цепи, сколько клеток в коре головного мозга, какова биохимическая основа памяти и т.д. Но мы не знаем, как мы мыслим, когда и как приходит в голову мысль. Мысль нельзя заставить прийти сознательно, иначе мы все были бы гениями. Философия утверждает, что мысль приходит человеку в голову несколько раз в жизни и далеко не всем людям.

А то, что ежесекундно проносится в нашей голове: всякие всплывающие впечатления, ассоциации, переживания — не мысли, а разный необязательный мусор. Вы сидите на уроке, на секунду отвлеклись и уже думаете о том, что скоро перемена и надо будет сходить в буфет. Потом думаете о прочитанной книге, об Австралии, Америке, ваши «мысли» уже далеко-далеко от урока. И когда придет настоящая мысль, ей просто трудно будет вклиниться в вашу голову, ибо там все уже забито этим мусором. Поэтому голову нужно очищать, чтобы быть готовым к мысли.

Древняя индийская мудрость предлагает это делать так: утром, проснувшись и позавтракав, сесть в позу лотоса, но можно и просто сесть на стул, расслабиться, положить руки на колени и постараться пятнадцать минут ни о чем не думать. Не прогонять весь мусор, который тут же ползет вам в голову, а постараться, чтобы все это, как осенние листья на воде, потихоньку уплывало куда-то от вас. И точно такую же операцию проделать вечером перед сном. Это очень сложно — целых пятнадцать минут ни о чем не думать, но постепенно вы будете привыкать к этому состоянию, очищать свою голову. И потом, со временем, вам вдруг станет стыдно своей внутренней болтовни, вы будете

готовы к тому, что если вдруг придет настоящая мысль, вы ее заметите и оцените.

А когда приходит мысль — это всегда чудо. Самому что-то понять, самому что-то увидеть невероятно сложно, это редкостное состояние. Вот как описывал его Достоевский в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе»:

«Помню раз в зимний январский вечер, я спешил с Выборгской стороны к себе домой... Подойдя к Неве, я остановился на минутку и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль... Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замерзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглистого инея... Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель поднимались и неслись вверх столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставали над старыми, новый город складывался в воздухе... Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами... походит на фантастическую волшебную грезу, на сон, который... тотчас искурит паром. Какая-то странная мысль вдруг зашевелилась во мне. Я вздрогнул и сердце мое как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива могущественного, но доселе незнакомого мне ощущения. Я как будто что-то понял в эту минуту... как будто прозрел во что-то новое, в совершенно новый мир, мне незнакомый и известный по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с той именно минуты началось мое существование...».

Увидеть самому что-то впервые — и означает прихождение в голову мысли, мысли-видения, мысли-открытия. Мыслить и значит — видеть, видеть не просто глазами и не столько глазами, сколько всем своим существом.

Говоря о творчестве, мы уже приводили примеры такого рода видения.

Два понимания мышления

В связи с возрастающим местом естественных и технических наук в современном мире мышление сплошь и рядом понимается как представление, как совокупность наглядных картинок мира. Современная наука говорит о картине мира. Составить себе картину чего-то значит: поставить перед собой все, что есть в мире, так, словно мы сами и есть авторы этой картины. Картина мира здесь — не картина, изображающая мир, а мир, понятый как картина. А на картине мир можно изо-

бразить, представить только как совокупность вещей и предметов, ничего больше в этом мире нет.

Слово «представление» имеет еще и другой смысл: театральное представление. Причем оба смысла часто совпадают: человек представляет себе мир как сцену, на которой он разыгрывает собственные сценарии.

Если мир мыслится только через представление, то тогда есть я, человек, субъект — и есть мир окружающих меня вещей, которые в принципе чужды мне и которыми я могу распоряжаться, могу их покорять, подчинять своей власти.

Поскольку в представлении весь мир рассматривается только как совокупность предметов, то результатом такой установки всегда будет лишь выявление некоего материального костяка, на котором держатся и природа, и каждая вещь в отдельности. В такой установке природа — это склад полезных ископаемых, хранилище энергии. В этом мире, который есть продукт деятельности мышления как представления, нет ничего ни святого, ни величественного.

Одно дело — старинная водяная мельница, которая использует силу природы, но не делает из водяного потока никаких запасов, другое — гидроэлектростанция на Волге, омертвляющая воду и изменяющая ландшафт. Не гидроэлектростанция пристроена к реке, наоборот, река встроена в гидроэлектростанцию.

Одно дело, когда крестьянин обрабатывает землю, заботится и ухаживает за ней, поливает ее своим потом, холит и лелеет, другое — современное полеводство как отрасль механизированной пищевой промышленности, выжимающее из земли все возможное, пичкающее ее химией.

Вооружившийся мышлением как представлением, человек рассматривает себя как господина природы и постоянно воюет с ней. А там, где его господство не удастся в полной мере, покоряет природу. А поскольку он сам — часть природы, то он часто воюет и с самим собой, подрывая корни своего существования.

Философия всегда выступала против понимания мышления как представления, призывала отучаться мыслить наглядно, ибо мышление в картинках — это не мышление, им не ухватывается истинная природа вещей. Философия всегда призывала перейти от представляющей мысли к мыслящей мысли.

В небольшой работе М. Хайдеггера «Вещь» сделана попытка показать сущность мыслящей мысли в ее отличии от мысли представляющей. Например, глиняный кувшин. С точки зрения представляющей мысли, сущность кувшина — в стенках, которые лепит гончар. С точки зрения мыслящей мысли, сущность кувшина — не в стенках, а в пустоте, которую эти стенки охватывают. Но что такое пустота? Пустота кувшина выполняет две функции: в ней можно что-то хранить и из нее

можно что-то наливаться. Можно хранить воду: вода берется из росы, выпадающей с неба, и из источника, рождающегося в глубинах земли. Таким образом, в сущность кувшина входят земля и небо. Хранить можно и вино, оно добывается из виноградной лозы, в произрастании которой соединились питательные силы земли и солнца. Вино — это посланный богами напиток, согревающий смертного человека. Значит, земля, вода, небо, солнце, божественное и смертное соединились в кувшине и составляют его суть. Эту суть никаким наглядным представлением не охватишь, ни в какой картинке не увидишь. Мыслящая мысль не представляет картинок, а пытается ухватить потаенную суть вещей.

Мышление и язык

Во всей классической философии от древности до середины XX века считалось, что язык — просто инструмент для выражения наших мыслей, что слова и предложения нейтральны по отношению к тому содержанию, которое они выражают. Однако и тогда было открыто много интересных моментов, связывающих мышление и язык.

1. Мышление одно, а языков много. Нет глупых народов, у каждого народа одинаковое, в процентном отношении, количество дураков. Но есть неразвитые языки. Есть языки, в которых богатство выражений обеспечивается не за счет развитой грамматики, а за счет интонаций. Это языки бедные. Одно и то же слово там может произноситься с разными интонациями, и каждый раз это слово будет иметь другое значение.

Чем сложнее грамматика, тем богаче язык. С помощью глагольных форм, падежей, предлогов можно передавать тончайшие оттенки мысли. А попробуйте с помощью одних только интонаций выразить чувства Анны Карениной: получится одно мычание.

Во многих странах Азии и Африки преподавание в школе и университете ведется на европейских языках именно в силу бедности и неразвитости собственных языков.

2. Мышление любого народа развивается быстро: каждый день случаются в науке открытия, каждый день происходят новые явления. А язык изменяется очень медленно, язык ведь никто не придумывает, его столетиями создает народ. Иногда, правда, новые слова придумывают поэты. Но язык всегда отстает от развития мышления, новых слов для новых явлений не хватает. Появляются искусственные языки науки, появляются профессиональные языки, так называемый сленг, жаргон.

В нашей стране почти каждый социальный слой имеет свой сленг. Я как-то сидел в парикмахерской, и один парикмахер, указывая на меня, спросил другого: «Это твой морж?» (то есть это твой клиент?). «Да нет, —

отвечал другой, — это так, полуморж» (то есть непостоянный клиент, иногда дает чаевые, иногда не дает).

У музыкантов свой жаргон: «вчера застобали совок в крематории и хорошо забашляли» (играли на похоронах и хорошо заработали). Свой жаргон у уголовников, и очень развитый. У бюрократов свой: «Девочка! Ты по какому вопросу плачешь?».

Но в нашей стране основу культуры всегда составлял нормальный литературный язык, язык Пушкина, Толстого или Солженицына, делая возможным и развитие диалектов, и жаргон, и искусственные языки науки.

3. Раз язык — это культура, то портить язык, произвольно изменять его нельзя. Должна охраняться и защищаться чистота языка. Во время Второй мировой войны японцы бросили весь свой воздушный флот против американских кораблей в Тихом океане и потерпели сокрушительное поражение. Оказалось, что японцы плохо летают, плохо держат строй. После войны психологи стали выяснять — в чем причина? Оказалось, что причина — в японском языке. Японский язык очень древний, очень богатый, очень ритуальный. А тут война, ситуация меняется ежесекундно, нужны четкие краткие команды, а язык этого не позволяет. В русском языке есть такие слова, что скажешь пару слов — и все ясно. В японском таких слов не нашлось. Там, как и в китайском, самое страшное ругательство «ты не умеешь жить!» Для русского слуха это — вообще не ругательство: подумаешь, не умею! А кто умеет? Сейчас японцы ломают свой язык, появилось огромное количество американизмов, язык упрощается, а с ним упрощается и культура.

То же самое происходит в русской культуре. Если бы Л. Толстой прочитал «Московский комсомолец», он сказал бы, что это написано не по-русски. За последние сто лет русский язык сильно обеднел, упростился. После революции и уничтожения дворянства уровень языка резко понизился. Стала широко развиваться и применяться ненормативная лексика, проще говоря, матерщина. Некоторые молодые люди, общаясь между собой, вообще обходятся тремя-четырьмя матерными словами, выражая ими все оттенки своих мыслей и чувств.

Язык постоянно упрощают пропаганда, реклама, полуграмотные депутаты, чьи речи транслируют по телевидению.

4. Между языком и мышлением — сложные противоречивые отношения. Одно дело — подумать, совсем другое — сказать. Каждый из вас испытывал, вероятно, такое чувство, сидя на каком-нибудь собрании: вот сейчас пойду и выступлю, врежу им всем правду-матку! А когда выходили и открывали рот, то с удивлением обнаруживали, что произносили какие-нибудь банальности, ничего интересного не сказали, да никто вас и не слушал.

Одно дело сказать: приехал на Кавказ, залез на горку, внизу река бежит, наступает вечер, сижу, смотрю, и что-то мне взгрустнулось. А совсем другое дело сказать:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Нужно уметь говорить, уметь написать, уметь выразить, тем более что «мысль изреченная есть ложь», как сказал Федор Тютчев. Вы пытаетесь объяснить в любви, хотите сказать своей избраннице, что любите ее так, как никто на свете, но открываете рот и говорите общеизвестные вещи: я тебя люблю! Но эти слова говорили миллионы раз до вас, вы же хотите сказать, как *вы* любите, но в этих общих словах ваше неповторимое чувство пропадает. И какие-то новые слова нельзя изобретать — вас примут за сумасшедшего. Безвыходная ситуация!

Только поэт может сказать, как он любит («я помню чудное мгновенье»), а нам, простым смертным, приходится довольствоваться обычными заезженными фразами. Многие наши чувства мы так и не можем понятно высказать и уносим с собой в могилу, не понятые миром.

Язык — дом бытия

Язык — не только инструмент передачи информации, хотя и может служить этому, не только средство общения. Язык — это еще и возможность дать высказаться миру. Мир просит слова. В первобытную эпоху мир представлялся людям говорящим шумом ветра-воздуха, плеском воды, шелестом листьев. Мир говорил деревьями, землей, птицами, животными, вещами.

Человеческий язык — не просто выражение мысли, чувства и желания. Язык — это способность человека откликнуться голосам окружающего мира, дать им свое человеческое звучание.

М. Хайдеггер сравнивал действия языка, помогающие миру высказаться, с работой садовника: разбить сад — значит разомкнуть замкнутость земли, чтобы она приняла в себя семена и побег. Так же и язык как бы разбивает мир, намечает в нем, показывает те места, в которых мир может высказаться. Сказать и говорить — не одно и то же. Можно много говорить и ничего не сказать. Можно молчать и сказать многое. Сказать — значит по-казать, объявить, дать видеть, слышать.

Таким образом, больше нигде, кроме как в языке, мир полностью не присутствует. Язык по Хайдеггеру — это дом бытия. Мир хочет быть высказанным. Дело за нами. Присутствие мира в языке требует челове-

ка. Человек может дать слово миру, мир требует человека для своего явления. И человек требует мира, потому что иначе, как в мире, он себя не узнает.

В языке важны не только произносимые слова, но даже молчание, которое часто гораздо глубже проясняет смысл, чем слова. Даже речь незнакомого чужого языка — это не чистый звук, а слово, мы чувствуем его значимость. Между непонятым словом и акустическим шумом лежит сущностная пропасть.

Тенденции современной культуры делают язык все более бедным и невыразительным. В своем чистом виде, в первозданной стихии язык сохраняется только в поэзии. С точки зрения Хайдеггера, и мышление, и поэзия возникли когда-то из «первопоэзии». Поэзия ближе к изначальной речи, чем любой другой способ выражения мысли. Размышлять вообще значит поэтизировать: не просто писать стихи или песни, а дать сказаться через себя стихии языка.

Язык на самом деле сильнее нас: это не мы говорим языком, а язык говорит нами. Истинный философ, истинный поэт прислушиваются к языку, к его чистому голосу, открывают его в себе, и тогда то, что они говорят, становится не пустой болтовней, а творчеством, открытием новых, не виданных ранее сторон мира.

Обычно считается, что говорение и слушание — это разные вещи: один человек говорит, другой слушает. На самом деле мы можем говорить, только когда слушаем себя, слушаем ту тишину в себе, которая вот-вот выразится в словах. Мы прислушиваемся к тому еще не высказанному «сказу» в нас, к его беззвучному голосу, который может выразиться в словах, в сказании. Истинная речь — это сказание, а всякая болтовня — это издевательство над языком.

Язык как сказ есть мелодия человеческой жизни и одновременно голос, которым говорит с нами мир. Мы живем в резонансе этого голоса — голоса Бога, голоса совести, голоса любви. Эти голоса есть нечто первичное по отношению к нашей естественной повседневной речи. Благодаря тому, что мы слышим эти голоса, мы присутствуем в мире.

Тема 2.3. УЧЕНИЕ О ПОЗНАНИИ

Во все времена в философии было два подхода к вопросу о том, как человек познает окружающий мир: одни философы считали, что мы познаем мир чувствами, другие — разумом. Первых иногда называют сенсуалистами (от *sense* — чувство) или эмпириками, вторых — рационалистами.

Сенсуалисты считали, что чувства — единственный и достоверный источник наших знаний. Чувства нас никогда не обманывают, дают нам

самую точную информацию. Уж если я взялся рукой за горячий утюг, то точно буду знать, что это такое. А вот когда мы начинаем размышлять, могут возникнуть ошибки. Основной лозунг сенсуалистов: чтобы знать — надо видеть! Видеть в широком смысле слова: видеть, слышать, обонять, ощущать и т.д. Основные формы чувственного познания — ощущение (когда мы воспринимаем какое-то отдельное качество: теплое, тяжелое, синее и т.д.), восприятие (когда мы воспринимаем целостный образ предмета — видим, например, яблоко, человека), и представление (когда мы можем представить себе наглядно и конкретно предмет, который сейчас не видим и не ощущаем).

Рационалисты, напротив, полагали, что чувства наши очень слабы и недостоверны. Чувствам не дана сущность вещей, не дано прошлое, не дано будущее. Зато все это доступно разуму. Еще Платон утверждал, что чувства недостоверны и обманчивы. Нельзя что-нибудь одновременно знать и не знать, — либо я знаю, либо я не знаю. Но можно одновременно видеть и не видеть, закрыв рукой один глаз. У рационалистов свой лозунг: чтобы видеть — надо знать. Поскольку мой глаз не вооружен мыслью, знанием, я и не увижу того, что мне нужно. Допустим, я открываю заднюю крышку телевизора — если я никогда не изучал электротехники, я там ничего не увижу, кроме бессмысленного переплетения проводов и схем.

Основными формами рационального познания являются формы нашей мысли: понятие, суждение, умозаключение. Понятие открывает нам существенный признак вещи. Очень многие явления мира нельзя себе представить, — например, скорость света или искривляющуюся в четырехмерном пространстве Вселенную, но можно **понять**. Суждение — это такая связь между понятиями, в которой что-либо утверждается или отрицается. Например, яблоня — это дерево. И, наконец, умозаключение (силлогизм) — это такой способ мышления, когда мы из двух суждений можем непосредственно вывести третье. Например:

Все люди смертны.

Иванов — человек

Следовательно, Иванов смертен.

Сенсуалисты утверждали, что все наше знание — из конкретного индивидуального опыта отдельного человека, а рационалисты считали, что из опыта никаких всеобщих и необходимых знаний вывести нельзя. Допустим, я хочу открыть или подтвердить закон всемирного тяготения. Беру большой камень и подбрасываю его. Зная массу Земли и массу камня, я могу в принципе рассчитать скорость, с какой камень будет каждый раз стремиться к Земле.

Но ведь из своего личного индивидуального опыта я не могу делать выводов относительно всей Вселенной. Нет никакой гарантии, что вы-

водимый мною закон будет работать везде и всегда. Я могу подбросить камень сто раз, могу тысячу, но я не могу быть уверенным, что в тысячу первый раз он упадет, а не улетит в небо. Как же все-таки Ньютону удалось открыть этот закон?

Рационалисты полагали, что знание — не из опыта, а из головы. Но как оно попало в мою голову, если я предварительно не пытался увидеть, попробовать, поставить эксперимент? Знания, объясняли рационалисты, в голову не попадают, они всегда там находятся в виде врожденных идей. Знанию, если это действительно знание, научить нельзя — его нужно «вспомнить», как мы уже говорили. И Платон, и Декарт, и великий немецкий философ и математик Г.В. Лейбниц, и многие другие рационалисты утверждали, что если правильно развивать человека, то он неизбежно придет к открытию законов, к новому пониманию мира, к новому видению.

В результате споров сенсуалистов и рационалистов к концу XVIII в. в философии сложилась странная ситуация: знаний человечеством накоплено много, а откуда эти знания — толком неизвестно.

Разрешить эту проблему попытался Кант в своей знаменитой книге «Критика чистого разума». Кант настолько глубоко и нетрадиционно переосмыслил идеи и рационалистов и сенсуалистов, дал настолько яркое и глубокое понимание сути человеческого познания, что его философию стали называть «коперниканским поворотом». Как Коперник коренным образом изменил наши представления о Солнечной системе, так и Кант изменил наши представления о познании.

Сила воображения

Кант попытался преодолеть односторонность сенсуализма и рационализма, полагая, что и чувства и разум играют в познании одинаково важную роль. Но есть еще одна удивительная человеческая способность, из которой вырастают и чувства и разум. Эта способность весьма таинственная по своей природе, и мы никогда, по Канту, не сможем вывести наружу механизмы ее действия. Это способность воображения. Причем *чистая способность воображения*.

Мы можем себе помыслить не фокстерьера, не бульдога, не пуделя, а просто собаку вообще. Мы можем помыслить себе треугольник вообще, дом вообще, человека вообще. Хотя таких вещей, как собака вообще или дом вообще — в природе не бывает.

Однако с таких «чистых» предметов начинается всякое человеческое познание. Разум с помощью способности воображения так переплавляет, перетасовывает данные чувств, что получает в конце концов чистый предмет, вещь, закон. Многие миллионы людей видели падающие предметы, но

нужно было мощное воображение Ньютона, чтобы в хаосе случайных событий увидеть строгий, повторяющийся и необходимый закон.

Чистое продуктивное воображение есть, согласно Канту, результат сверхъестественного внутреннего воздействия в нас. Это сверхъестественная, нечеловеческая способность, которой владеет человек и которая делает возможным познание. То есть мы имеем право формулировать законы относительно всей природы (как в случае с законом всемирного тяготения) потому, что выводим эти законы не из своих индивидуальных переживаний, наблюдений и обобщений. Мы имеем на это право, потому что пользуемся силой, намного превышающей наши ограниченные человеческие возможности.

Эта сила — дар, данный нам свыше, это результат сверхъестественного внутреннего воздействия в нас, эта сила самой природы или Бога, которую мы можем почувствовать в себе, освободить ее, заставить служить себе. В этом смысле Кант говорил, что рассудок диктует природе законы вообще. То есть законов вообще, чистых законов, в природе нет. Они — продукт человеческой головы, продукт чистой способности воображения. В природе, как и в социальной жизни, есть хаос случайных событий, перепутанность и переплетенность связей, и только наше воображение может выявить из этого хаоса и воспроизвести в строгих и точных формах предметы, объекты, законы и т.д.

Например, законы астрономии нельзя увидеть, разглядывая в телескоп звездное небо, законы истории нельзя осознать, посмотрев в окно или прочитав газету. Конечно, астрономы тысячи лет разглядывали звездное небо, но гений Кеплера «увидел» в движении звезд и планет точные и ясные законы небесной механики.

Таким образом, все наши знания в том виде, в каком они у нас есть и доступны нашему пониманию, взяты не из окружающего мира. Этот мир даст лишь сырой материал, служит пищей и толчком нашему воображению. Но наши знания и не от человека, не являются его произвольной фантазией и не заложены заранее в нас наподобие картофеля, лежащего в мешке.

Демокриту нужно было глубоко заглянуть внутрь себя, освободить свою умственную энергию, раскрепостить фантазию, чтобы увидеть в мире атомы и пустоту, в которой эти атомы падают. И это ведь не красивая сказка, которую Демокрит рассказывал своим ученикам. С тех пор гипотеза об атомистическом строении вещества не уходила из науки, получая все новые толкования и обоснования.

Все открытия и изобретения специалистов любой области всегда движутся в рамках чьей-то первичной интуиции. Кто-то первый увидел, чье-то воображение нарисовало общую картину или контур проблемы, у кого-то хватило смелости в игре своего воображения увидеть новые горизонты и заявить об этом.

Наличие у человека воображения — не просто фантазии, а продуктивного воображения, когда он может вообразить себе предмет, очищенный от всех случайных черт, проявлений, «увидеть» закон в чистом виде, форму, тип и т.д., — свидетельствует о человеческой свободе. В основе всех подлинно глубоких и важных знаний лежит человеческая свобода.

Что есть истина?

Обычно под истиной в современной науке и в философии науки понимают *соответствие* наших понятий, высказываний, теорий окружающему миру. Если соответствуют, значит, они правильные, истинные, если не соответствуют — ложные.

Но очень многие философы отрицали такое понимание истины, считали его поверхностным, не соответствующим действительной сложности такого феномена, каким является истина. Например, для Ницше истина вовсе не есть соответствие наших понятий вещам мира. В конце концов, мы находим в вещах то, что сами туда вложили. Это нахождение называет себя наукой, а вкладывание — это искусство, религия, любовь. И то и другое, будь это даже детская игра, надо продолжать и иметь смелость и для того и для другого; одни будут смело находить, а другие — смело вкладывать. Мы сначала одухотворяем мир, делаем его сложным, глубоким, прекрасным, и тогда становится возможной наука, которая эту сложность познает и эту красоту пытается выразить. Например, о некоторых физических теориях сами физики говорят: они недостаточно красивы, чтобы быть истинными.

Таким образом, ценность мира лежит в нашей интерпретации. Эти интерпретации в каждую эпоху — все новые и новые. Сам мир не есть что-то фактическое, раз и навсегда положенное, он есть лишь толкование и округление скудной суммы наблюдений. Мир не представляет собой какую-то последнюю тайну, которую мы стремимся открыть.

У древних греков было слово для обозначения истины — *алетейя*, что означает нескрытость, непотаенность. Истина не прячется, она лежит на виду, надо только уметь ее увидеть. Истина не вне нас, она — в нас самих. Она — не только результат познания мира как чего-то внешнего, а в сути своей — попадание в такую позицию, в такую жизнь, где мир и вещи вдруг открываются нам, становятся понятными, волнующими, бездонными. Истину не открывают, в ней живут. Живут те, кому удастся пробиться в это состояние.

В этом смысле истина — всегда результат индивидуального прорыва к миру. И истины, полученные таким путем, всегда индивидуальные. Никто за вас понимать ничего не будет. Понять должны вы сами. И

если вы что-то поняли, вы не можете свое понимание передать другому, он должен сам и по-своему понять. Поэтому всякая истина, полученная в живом опыте понимания, сама является живой и больше всего на свете боится воплощения, боится стать общеупотребительной и для всех понятной. Боится, как все живое боится смерти.

Когда истины становятся понятными, доступными, самоочевидными для всех, они становятся пошлыми, жалкими, бедными, нужными только для статистики.

Истина, по Хайдеггеру, — это *событие открытости мира*. Когда случается такое событие, оно потрясает нас, переворачивает душу, мы чувствуем себя посвященными в новое знание, в новую истину. Хайдеггер приводил в пример произведение искусства, которое всегда есть открытие того, что *есть* на самом деле. Он рассуждал о крестьянских башмаках, изображенных на известной картине Ван-Гога. Нарисованы просто башмаки, пустые, стоящие неизвестно где. Нет даже земли, налипшей на них в поле или по дороге с поля. И все же благодаря искусству Ван-Гога через эти башмаки нам открывается мир таким, каким мы его раньше не видели.

Из темного истоптанного нутра этих башмаков неподвижно глядит на нас упорный труд тяжело ступавших во время работы в поле ног. Тяжелая и грубая прочность башмаков, писал Хайдеггер, собрала в себе все упорство неспешных шагов вдоль широко раскинувшихся и всегда одинаковых борозд, над которыми дует пронизывающий резкий ветер. На коже осталась сытая сырость почвы. Одиночество забилося под подошвы этих башмаков, одинокий путь с поля домой вечернею порой. Зов земли отдается в этих башмаках, земли, щедро дарящей зрелость зерна, земли с необъяснимой самоотверженностью ее залежных полей в глухое зимнее время. Тревожная забота о будущем хлебе насущном сквозит в этих башмаках, забота, не знающая жалоб, и радость, не ищущая слов, когда пережиты тяжелые дни, трепетный страх в ожидании родов и дрожь предчувствия близящейся смерти.

Это и есть то, что греки называли непотаенностью. Башмаки стоят у всех на виду, но надо их увидеть так, как увидел Ван-Гог, как увидел Хайдеггер, и такое видение есть посвящение в истину, совершенно непонятную незрячим и непосвященным.

Избранные тексты

О мышлении

«Как обширная, но не приведенная в порядок библиотека не может принести столько пользы, как хотя бы весьма умеренное, но вполне уст-

росное книгохранилище; так точно и огромнейшая масса познаний, если они не переработаны собственным мышлением, имеют гораздо меньше ценности, чем значительно меньшее количество сведений, но глубоко и многосторонне продуманных. <...> Продумать можно только то, что знаешь; потому-то нужно чему-нибудь учиться; но знаешь также только то, что продумал. Но к чтению и к учению можно себя добровольно принудить; к мышлению же собственно нет. <...>

Ученые — это те, кто начитался книг; но мыслители, гении, просветители мира и двигатели человечества, — это те, кто читал непосредственно в книге вселенной.

В сущности только собственные основные мысли имеют истинность и жизнь, потому что собственно только их понимаешь вполне и надлежащим образом. Чужие, вычитанные мысли суть остатки чужой трапезы, сброшенные одежды чужого гостя. Чужая вычитанная мысль относится к самостоятельному, всплывающим изнутри думам, как оттиск на камне растения первобытного мира к цветущему весеннему растению.

Чтение есть простой суррогат собственного мышления. При чтении позволяешь постороннему вести на помочах свои мысли. При том же, многие книги годны только к тому, чтобы показать, как много есть ложных путей и как плохо было бы позволить им направлять себя. Но кого ведет гений, то есть кто мыслит самостоятельно, думает добровольно и правильно, — у того есть в руках компас, чтобы попасть на настоящую дорогу. Следовательно, читать должно только тогда, когда иссякает источник собственных мыслей, что довольно часто случается с самой лучшей головой. Напротив того, отгонять собственные мысли, исконно-могучие мысли есть непростительный грех. Это бы значило уподобиться тому, кто бежит от лона вольной природы, чтобы рассматривать гербарий или любоваться прекрасными ландшафтами в гравюре.

Если иногда случается, что медленно и с большим трудом, путем собственного мышления и соображения, приходишь к истине и выводу, которые можно было бы с удобствами найти готовыми в книге, то все-таки эта истина будет сто раз ценнее, если достигнешь ее посредством собственного мышления. <...>

Читать значит думать чужой головой вместо своей собственной. <...>

Люди, которые провели жизнь за чтением и почерпнули свою мудрость из книг, похожи на тех, которые приобрели точные сведения о стране по описаниям множества путешественников. Они могут о многом сообщить подробности: однако же в сущности они не имеют никакого связного, отчетливого, основательного познания о свойствах страны. Напротив, люди, прошедшие жизнь в мышлении, уподобляются тем, которые сами были в той стране: они одни понимают, о чем собственно идет речь, знают положение вещей там в общей связи и поистине чувствуют себя как дома. <...>

С мыслями бывает то же, что и с людьми: их нельзя призывать во всякое время, по желанию, а следует ждать, чтобы они пришли сами. Мышление о каком-нибудь предмете должно установиться само собой, вследствие счастливого гармоничного совпадения внешнего повода с внутренним настроением и напряжением... Мы не должны себя насиловать, но выждать, чтобы надлежащее настроение пришло само собою: и оно будет приходить неожиданно и неоднократно, причем всякое различное и в разное время появляющееся настроение бросает каждый раз другой свет на дело».

(Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. СПб., 1886. С. 304–313).

О механическом и свободном уме

«Я прошу вас понять истину, что использование средств для достижения цели развивает механическое отношение к жизни. Использование средств для достижения цели связано с эффективностью. Эффективный ум необходим в мире техники, механики, науки: но эффективный ум в мире духа — это тиран... Средства удушают вас, и вы становитесь рабами. Свободы нельзя достичь с помощью каких-либо средств. Если целью является свобода, бессмысленно пытаться достичь ее с помощью рабства. Если первый шаг к свободе не свободен, то не будет свободы и в конце пути...

То, что я раскрываю вам, не может быть понято механическим умом. Если вы привыкли к системе и пришли сюда, чтобы заменить старую систему новой, вы будете разочарованы, потому что я не предлагаю вам никакой системы, никакого метода, никакой цели. Наша совместная задача — раскрывать тайны ума, делать новые и новые открытия. Но открытия возможны только тогда, когда ум свободен, и именно поэтому так важна свобода. Вы не можете делать открытия даже в самых обычных вещах, вы не можете видеть красоту, очарование формы и цвета, новизну знакомых вещей, если смотрите на них взором, скованным привычкой... Открытие или понимание нового невозможно для накапливающего, механического ума.

Вам часто приходилось слышать, как кричат вороны, не правда ли? Какой ужасный шум они производят, рассаживаясь на ночь на дереве. Слушали ли вы когда-нибудь этот шум? *Вслушивались* ли вы в него на самом деле? Я позволю себе усомниться в этом. По всей вероятности, вы отгораживались от него, говоря себе, что это ужасный шум и что он вам мешает. Но если вы действительно способны слушать, для вас не будет различия между этим шумом и человеческой речью, потому что полное внимание предполагает ясность и полноту охвата, без какой-либо исключительности.

Я надеюсь, что вы слушаете меня так, как будто вы слышите что-то совершенно новое первый раз в жизни. К счастью или к несчастью, не-

которые из вас присутствовали на моих беседах много раз. Слушать меня для вас стало привычкой и вы говорите себе: «Я слышал это раньше, в этом нет ничего нового». На земле вообще нет ничего нового, но в том, *как вы слушаете*, может быть новизна. Тогда все становится новым, все начинает жить заново, каждое движение ума раскрывает что-то, превращается в открытие. <...>

Я собираюсь затронуть проблему внутреннего противоречия... Внутреннее противоречие связано с усилием, не правда ли? Вся наша жизнь основана на усилении: со школьной скамьи до самой смерти мы непрерывно делаем усилия. Студентом вас заставляют делать усилия, иначе вы провалитесь на экзамене. Вы должны делать усилия, чтобы сосредоточиться на своей работе, вы должны делать усилия, чтобы ужиться со своими начальниками, мужем, женой; чтобы контролировать, дисциплинировать себя. А некоторые из вас делают колоссальные усилия, чтобы найти то, что вы называете богом. ...С утра до ночи вы делаете усилия, не имея ни минуты покоя, когда ваш ум отдыхал бы, был бы полон жизни, внутреннего богатства и радости.

Я считаю такую жизнь совершенно бесполезной, тщетной и не заслуживающей название жизни. Поэтому я хотел бы поподробнее остановиться на процессах, связанных с усилием. Не говорите: «Усилия, конфликт неизбежны, они составляют часть человеческой природы». Если вы говорите это, вы перестали слушать, вы перестали спрашивать. Не принимайте слепо ничего — ни того, что я сейчас говорю, ни вообще ничего на свете — потому что жизнь не имеет ничего общего с простым принятием или отрицанием. Жизнь нужно жить, ее нужно чувствовать и понимать. Если вы просто принимаете или отрицаете, вы забаррикадировали свой ум, и перестали чувствовать и жить».

(Кришнамурти Дж. Восемь бесед в Бомбее. 1959–1960. М., 1992. С. 12–14).

О значении слова

«Уже давно замечено и неоднократно было выставляется, что мышление не существует без слов. Слово и, в частности, имя есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения.

Можно сказать, что и без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием. Пусть вы не верите в магию слова, которой полны религии всех времен и народов. Но невозможно все-таки, немислимо отрицать могущество и власть слова, в особенности в наше, пусть позитивистическое, время. Слово — могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть

единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь. Когда под влиянием вдохновенного слова пробуждается в рабах творческая воля, у неведомых — светлое сознание, у варвара — теплота и глубина чувства; когда родные и вечные слова и имена, забытые или даже поруганные, вдруг начинают сиять и светом, и силой, и убеждением, и вчерашний лентяй делается героем, и вчерашнее тусклое и духовно-нищенское состояние — ярко творческим и титаническим порывом и взлетом; — называйте тогда это как хотите, но, по-моему, это гораздо больше, чем магия... Без слова нет ни общения в мысли, в разуме, ни тем более, активного и напряженного общения. Нет без слова, имени также и мышления вообще.

(Лосев А. Ф. *Философия имени* // Из ранних произведений. М., 1990. С. 24).

«Слово по своему существу не есть ни «понятие», ни «междометие», потому что оно есть неразрывное единство и того и другого. Слово первично не выражает ни предметного бытия как такового, в его неом, холодном объективном содержании, ни «моего субъективного впечатления» от него, моего эмоционального состояния при встрече с предметом. Оно выражает саму непостижимую реальность в ее абсолютности (непостижимая реальность — это у Франка то, что лежит глубже человека и мира, как основа мира, недоступная никакому научному познанию, это тайна в полном смысле этого слова, которая отчасти может выражаться в искусстве, религиозном откровении, философской интуиции — В.Г.), которая лежит глубже деления на субъект и объект, или на субъективность или объективность. Слово в первичном смысле не говорит о чем-нибудь, в нем не высказывается «субъективное» существо человека. В слове *обретает голос сама реальность* — само непостижимое; в нем сама реальность говорит о самой себе, «высказывает», «выражает» себя. Недоступная разгадке *тайна слова* есть тайна самого *непостижимого как такового*. Непостижимое непостижимо и «непознаваемо»; но оно не только предстоит нам явственно в своей непостижимости, не только открывается нам как таковое. Оно «имеет голос», оно само «говорит» — оно выражает себя во всей своей непостижимости — *в слове*. Но это и значит не что иное, как то, что *слово есть откровение* — и при том по самому своему существу, — следовательно, и человеческое слово. (Вот почему всякая болтовня, всякое суетное и небрежно употребляемое слово есть *кощунство*).

Человеческое слово само происходит из «слова Божия» — из *Слова*, которое «*вначале было у Бога*» и «само было Богом», — из Логоса (под Логосом греки понимали слово, мировой разум, логику и т.д. — В.Г.), — и есть его отображение, хотя и несовершенное. Об этом уже

свидетельствует та форма человеческого слова, в которой оно является в своей полноценности, — поэзия, которая по своему существу не есть ни отвлеченное определение в понятиях или «объективное описание» предметной реальности, ни чисто субъективное самовысказывание, «исповедь» поэта как человека, а есть человеческое откровение тайны первореальности во всей ее, — ускользающей от «прозаического» слова — глубине и значительности; она есть некоторая подслушанная и переданная поэтом «херувимская песнь» о реальности — голос самой реальности, говорящей о себе самой.

(Франк С.Л. *Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии* // Сочинения. М. 1990. С. 477–478).

Истина как событие открытости мира

«Той же ночью, когда палачи Мария и Цинны стали обходить кварталы Рима, убивая граждан, Красс бежал...

Грустно отплывать вдаль от родины, еще грустнее бежать из отечества, спасаясь от безжалостной смерти, когда дом твой разорен, а семья уничтожена. Стояло лето, море было спокойно, небо ясно, и средиземноморские ветры дули так плавно и ровно, как будто это путешествие было спокойной морской прогулкой...

Покинув гавань, куда пришел его корабль, он в отчаянии побрел вдоль берега моря.

Весь день он видел перед собой только небо, море, песок да прибрежный кустарник, от которого рябило в глазах, и слышал только мерный шум волн, набегавших на берег.

К закату, приблизившись к подножию горы, мысом выдвинутой в море, он вспомнил, что где-то здесь есть пещера, которую он посещал в один из своих наездов в Испанию, и что, сам того не подозревая, он вступил во владения некоего Вибия Пациака, близкого друга его отца и всего их дома. Он решил провести ночь в пещере, и, повстречав неподалеку рыбаков, передал с ними послание своему другу...

Через тех же рыбаков друг просил его оставаться пока в пещере, куда ему ежедневно будет доставляться пища, и ждать известия о том, что горизонт прояснился.

С того дня для Красса началась необычная жизнь — одинокая, но наполнившая его душу восторгом. Первое время он опасался, что, изгнанный из Рима, отлученный от гражданской деятельности, которой посвятил себя чуть не с детских лет, он почувствует себя мертвой и ненужной вещью, подобной тем легким и дырявым обломкам, которые море выбрасывает на песок после бури. Но по мере того, как шли дни, он все сильнее ощущал в себе некоторую радостную и пьянящую силу, какой не испытывал никогда прежде, даже во времена наибольших по-

литических успехов в Риме. Что это было? Бездумная сила молодости, не ведающей ни усталости, ни печали? Или сокровенная сила преследуемого и разбитого жизнью человека, который, потеряв все, рассчитывает только на самого себя? Или таинственная сила какого-то Плутонова божества, обитающего в пещере, которая, как земля — гиганту Антею, помогает ему в минуту опасности? Этого Красс не знал, но он явно чувствовал, что перед этой горестной, но возбуждающей силой отступают всякий страх и всякая печаль. Какую глубокую радость испытывал он, прислушиваясь к однообразному шуму волн, разбивающихся о прибрежные камни. Какое несравненное ощущение чистоты охватывало его по утрам, когда у выхода из пещеры ему ударял в глаза блеск моря, освещенного солнцем. Как доверчиво он засыпал, вслушиваясь в ропот подземной волны, которая, перекатив через камни, с журчанием откатывалась назад; как легко пробуждался. Открывая глаза, он почти верил, что за ночь с ним произошло чудесное превращение и на теле его выросли плавники и хвост тритона. Ибо человеческому существу не дано ощущать в себе эту сверхъестественную легкость и силу...

Но еще много лет спустя, став одним из трех виднейших граждан Рима и, несомненно, богатейшим из них, он не мог без чувства острого сожаления вспомнить о времени, проведенном в гроте. Там он ощущал себя почти богом. Здесь, третий в Риме и в мире, он не чувствовал в себе той силы, какая была у него тогда, когда он был одиноким и покинутым всеми изгнанником. И от того предчувствия тайны не осталось и следа, так что под конец и все это приключение его юности стало казаться ему сном»

(А. Моравиа. Бегство в Испанию // Рассказы. М., 1981. С. 131–135).

Поговорим о прочитанном:

1. Древние мудрецы считали, что человек должен тридцать лет учиться, тридцать лет путешествовать и тридцать лет работать — писать книги, философствовать и т.д. Для нас такая схема явно не годится. А какую схему жизни можете вы предложить?
2. Предполагает ли учение Платона о воспоминании, что каждый может «вспомнить», достать из своей души самое важное, стать Эйнштейном, Достоевским или просто мудрым человеком? Или для этого все-таки нужны специфические способности и таланты?
3. Чем больше мы читаем, тем больше мы приучаемся жить чужими мыслями, но в то же время читать в юности нужно, причем очень много. А Горький писал: «Всему, что есть хорошего во мне, я обязан

книгам». Может быть, вся его мудрость чисто книжная? Но мы знаем, что это не так: Горький прошел суровую жизненную школу. Кто же прав — М. Горький или А. Шопенгауэр, который считал, что чтение есть суррогат чужого мышления?

4. Мыслители считают, что для разумного человека слово обладает такой же силой, как и материальное действие. Словом можно даже убить. Или это преувеличение? Если нет, то всегда ли вы соизмеряете силу своих слов с возможными последствиями? Что имел в виду Ф. Тютчев, когда писал: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»?
5. Многие знания, которые мы получаем в школе, являются для нас «мертвыми». Мы механически выучиваем какие-то правила, схемы, запоминаем факты, а потом, сдав экзамен, выбрасываем все это из головы. Живыми они становятся тогда, когда задевают нас, волнуют, когда мы вместе с их создателем переживаем момент озарения, когда нам хочется жить так, как учат эти, открытые давным-давно правила или законы. Часто ли это происходило? Если нет, то, может быть, все дело в том, как эти знания вам преподносят? Или все дело в нас — в привычке все механически запоминать, не пытаюсь понять по-своему, не тратя силы души на какую-нибудь физику или биологию? Не это ли имел в виду Дж. Кришнамурти, говоря о механическом уме?
6. Практические люди утверждают: прежде чем чему-нибудь научиться, надо много «набить шишек», много раз попасть впросак, помучиться. А философы говорят, что только глупые люди учатся на собственных ошибках, — достаточно изучить чужие ошибки, чтобы их не повторять. Кто, по-вашему, ближе к истине?
7. Как вы поняли фразу М. Хайдеггера: «Не мы говорим языком, а язык говорит нами»? Можно ли сказать, что русский язык — богатый, насыщенный, сложный — делает нас, если мы хорошо этот язык знаем, также людьми в той или иной мере умными и содержательными, независимо от наших собственных способностей?
8. Замечали ли вы, что разные ваши знакомые говорят на разных языках, в том смысле, что все они говорят по-русски, но язык разный?

Раздел III. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Тема 3.1. ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

О картине мира

Мы видели, что в человеческой истории различаются эпохи обустроенности и эпохи бездомности. Либо человек чувствует, что живет в мире, как в своем доме, — обустроенном, налаженном, гармоничном, занимая в нем свое законное место; либо человек ощущает себя затерянным и одиноким перед лицом бесконечности Вселенной, заброшенным в этот мир во власть слепой и бессмысленной судьбы.

Эпоха бездомности почти повсеместно господствует во всех современных культурах, в мироощущении подавляющего большинства людей. Современная космология открыла перед человеком такой бесконечный океан звезд, галактик, дальних миров, который не оставляет ему никакой надежды стать сколько-нибудь значительным явлением во Вселенной.

Теория «первичного взрыва» гласит, что когда-то, примерно 13 миллиардов лет назад, Вселенная возникла в результате процесса, названного Большим взрывом. Непосредственно после Большого взрыва вещество во Вселенной оказалось в некотором сверхплотном состоянии при огромной температуре, вследствие чего Вселенная начала стремительно расширяться, а плотность вещества и его температура — падать.

Спустя более миллиарда лет начали образовываться галактики и звезды, в процессе эволюции звезд стали появляться тяжелые элементы, что привело к новой (химической) стадии развития Вселенной.

В 1930-х годах было открыто так называемое «красное смещение». При проведении спектрального анализа звезд, расположенных в отдаленных (20–50 млн. световых лет) от нас галактиках все линии спектра смещаются к красной части спектра. Значит, эти галактики от нас удаляются. Ускорение удаления многих звезд и галактик составляет 75 км/с на каждые 3 млн. световых лет расстояния до галактики. Очень удаленные галактики улетают от нас почти со скоростью света. Все это говорит о том, что Вселенная расширяется и подтверждает теорию Большого взрыва, теорию начала Вселенной во времени.

Из теории первичного взрыва вытекают два следствия: либо Вселенная так и будет расширяться, пока через 10 в сотой степени лет не «рассыплется» на элементарные частицы. Либо, когда выгорит весь водород в звездах, Вселенная начнет сжиматься, как сжимается, выгорая, отдельная звезда, и красное смещение сместится фиолетовым — это будет означать, что все звезды к нам приближаются.

При любом исходе отдаленное будущее не готовит человечеству ничего хорошего. Через два миллиарда лет основные запасы водорода на Солнце выгорят, и жизнь на Земле в своем сегодняшнем виде станет невозможна, Земля превратится в ледяную глыбу. А еще через пять миллиардов лет в нашу Галактику врежется галактика «Туманность Андромеды», — по прогнозам астрономов, обе галактики довольно быстро сближаются. И произойдет космическая катастрофа.

Единственный выход для человека — изменить форму жизни. Например, стать искусственным. Человек уже сейчас создал много искусственных органов: ноги, руки, почки, клапаны сердца. Самой большой и на сегодняшний день принципиально не решаемой остается проблема искусственного мозга, искусственного интеллекта.

Мы видели, на каких бездонных и непостижимых для разума основаниях покоится человеческое сознание: здесь и архетипы, и личное бессознательное, и поток переживаний, и мир идеальных предметностей — без всего этого нет человеческого сознания. И создать соответствующие алгоритмы, формализовать все эти операции и заставить машину чувствовать, воспринимать, мыслить не представляется возможным ни сегодня, ни в обозримом будущем.

Но, допустим, эта задача будет в конце концов решена. Человек полностью превратится в искусственное существо, в мыслящего и чувствующего робота, у которого все части тела могут заменяться по мере изношенности или в случае потери: можно сходить на склад и взять новую ногу, или новые мозги, да еще с большим объемом памяти. Такое положение сулит, на первый взгляд, огромные преимущества. Человек не будет бояться радиации и сможет жить на любых планетах, в любых условиях, не будет бояться времени, то есть станет бессмертным и сможет как угодно долго путешествовать в космосе и расселяться в других галактиках. Ведь чтобы долететь до ближайшей к нам галактики, нужно несколько поколений — долететь и вернуться могут только далекие потомки отправившихся в путь.

Но бессмертие чревато опасными последствиями — если я бессмертен и сам могу воспроизводиться, мне не нужно иметь детей, мне не нужно жениться, мне не нужно никого любить — а ведь вся художественная литература построена на проблемах и перипетиях любви. Значит, не надо художественной литературы. Мне не надо искусства. Кончиться это может тем, что человек потеряет смысл своего существования. Вряд ли этот смысл заключается в том, чтобы умножать знания и нести свет разума во все уголки Вселенной. Зачем будет нужен человеку этот разум, если больше ничего не останется — ни красоты, ни любви, ни счастья, ни зла, ни борьбы против зла.

Так что физический образ мира, построенный наукой XX века, мало радует нас. Нам было бы гораздо уютнее жить в мире древних греков —

где наука занималась открытием законов звездного неба не для каких-то практических целей, а чтобы наслаждаться красотой и гармонией космоса. Где сам космос был обжитым и уютным домом, и даже олимпийские боги, хотя временами проявляли коварство и вероломство, были богами домашними, близкими по духу, с ними можно было договориться по принципиальным вопросам.

Можно только надеяться, что картина мира современной науки со временем останется в памяти людей всего лишь как картина мира науки XX века, а перед человеком рано или поздно откроются совершенно новые перспективы.

Одиноки ли мы во Вселенной?

Если Вселенная существует 15 миллиардов лет, наша Земля — 4,5 миллиарда, а жизнь на Земле возникла почти 4 миллиарда лет тому назад, то логично предположить, что есть планеты в космосе, где также зародилась жизнь, и не только зародилась, но дошла уже до уровня технологической цивилизации, и, возможно, существуют космические союзы таких цивилизаций, которые предпринимают грандиозные эксперименты в космосе: зажигают новые звезды, строят гигантские сферы.

Существует проект Дайсона, по которому в будущем предполагается построить гигантскую сферу вокруг Солнца, чтобы нам доставалась бы вся его энергия, тогда как сейчас достается только 1/2500 часть. На этой сфере смогут жить десятки миллиардов людей. В инженерном плане эта проблема вполне решаема.

Подобная сфера будет заметна из ближайшей Галактики. Даже ночной свет таких больших городов, как Нью-Йорк или Токио, должен бы быть замечен в телескоп с Марса. И мы сами должны были бы наблюдать подобного рода эксперименты в космосе.

Но мы ничего подобного не наблюдаем. И ничего не слышим. Считается доказанным, что любая технологическая цивилизация в поисках братьев по разуму будет посылать сигналы на волне 21 сантиметр, она наиболее дальнбойная. И мы слушаем космос по программе СЕТИ, а там все тихо. То есть шума много, время от времени слышатся сигналы со строгой периодичностью, начинается ажиотаж, — но потом оказывается, что это очередная нейтронная звезда.

Может быть, мы никого не видим и не слышим потому, что технологические цивилизации отделяют от нас громадные расстояния? Ведь вероятность возникновения жизни на планетах типа Земля исчезающе мала. Но жизнь может существовать и в виде плесени или грибов. Так что планет, где есть разумная жизнь, должно быть еще на порядок

меньше. И еще на порядок меньше планет, где могла бы развиваться технологическая цивилизация.

Следовательно, мы практически одиноки во Вселенной. И все разговоры об инопланетянах и летающих тарелках не имеют под собой реальной почвы. Кстати, Юнг полагал, что летающие тарелки — это продукт коллективного бессознательного, их стали замечать, когда над человеком висела угроза термоядерной войны, и это было подсознательным выражением надежды на могучую цивилизацию, которая все видит и не даст нам погибнуть.

А если мы практически одиноки, если мы единственные представители разума во всей обозримой части Вселенной, и никакой помощи в решении проблем нашего выживания нам ждать неоткуда, то это налагает на нас большую ответственность. Ответственность за жизнь людей, за планету, которая подарила нам эту жизнь, за воду, за воздух, за всех живых существ, которые обитают вместе с нами.

В частности, эта ответственность предполагает и необходимость хорошо учиться.

Времени опять не хватает

Время — важнейший фактор существования мира и человека. Время многообразно: есть время психологическое и биологическое, время истории, время культуры, физическое и даже космическое время.

В каждом живом организме есть биологические часы — растения закрываются вечером и открываются по утрам не по солнцу, а по своим часам. Они даже в полной темноте будут делать то же самое. Человек, перелетев из Европы в Америку, будет долгое время ложиться спать в три часа дня и вставать в четыре утра.

У каждого существа разное время и разный ритм жизни — однодневный мотылек проживает свою жизнь так же интенсивно, как черепаха свою за триста лет. Сердце ласточки бьется со скоростью двести ударов в минуту, и она живет совсем в другом времени, чем земляной червяк.

День на Юпитере почти равен земному году, и можно предположить, что мы здесь прожили бы месяц в трудах и удовольствиях, а юпитерианец бы только ложку ко рту поднес.

Существуют так называемые биоритмы организма, у каждого человека они индивидуальны, в каждое время года идут со своей скоростью. Появилась целая армия «специалистов», которые составляют биокалендари: когда вам нужно усилить активность, когда лучше посидеть дома и т.д.

Психологическое время — это время наших внутренних переживаний. Всем известно, что когда человек чего-то долго ожидает, то время

тянется медленно, а если спешит и не успевает, то оно летит очень быстро. Последний урок в пятницу тянется гораздо дольше, чем первый в понедельник.

В каждой древней культуре существует сакральное (священное) и профанное (земное, повседневное) время. Сакральное время — это вечность, в которой живут боги и бессмертные герои. Это время движется по кругу или просто стоит неподвижно. А профанное время является как бы отражением вечности: в античности движение времени измерялось движением звездного неба — величавым круговращением светил.

В средние века в Европе время измерялось сменой сезонов: весна, лето, осень, зима. Время отмечалось ударом монастырского колокола, времени было много, оно текло медленно, тягучим густым потоком, как мед из кувшина.

Только в конце Средних веков были изобретены часы — символ убегающего времени. Но еще раньше появились мировые религии, которые «выпрямили» время — вместо круга оно стало линией, уходящей вдаль. В христианстве это выразилось в эсхатологии — учении о конце света где-то там, впереди, когда во второй раз придет Христос и будет судить всех людей.

С появлением часов, машинного производства, крупных городов люди стали жить совсем в другом времени, в другом ритме — ритме машины. Времени стало постоянно не хватать — его стали «занимать» у будущего. Сколько раз вы слышали или сами говорили: сейчас нет времени (книгу прочитать, отдохнуть, сходить посмотреть что-то), вот в будущем, когда освобожусь...

В современной науке, промышленности время дробят уже на доли секунды (время химической реакции, время жизни элементарной частицы). Если отвлечься от географических поясов, то нашему взору предстала бы кошмарная картина — во всем западном мире сотни миллионов людей в одно и то же время встают, в одно и то же время чистят зубы, идут на работу и т.д.

В рассказе Р. Шекли один служащий выходил из дому ровно в 8.15, так как в 8.17 отправлялся с остановки его автобус. Один раз он опоздал на тридцать секунд, и его автобус ушел. Но тут же подошел второй. Его поразило, что в этом автобусе нет обычной толкучки и даже можно сесть. Приехав на работу, он вошел в лифт и вдруг увидел на панели красную кнопку перед этажом, на котором он работал, раньше этой кнопки не было. Он нажал ее и присел на этаж, где сидели его сотрудники, но в то же время здесь все было не так: все были вежливы, начальник добрый, зарплата выше. Короче говоря, он попал в мир, который следовал за прежним миром с полуминутным отставанием, и это был совсем другой мир.

Сто лет назад путешествие из Европы в Америку занимало несколько недель, сейчас мы летим туда 8–10 часов. Вся наша жизнь значительно ускорилась. Все быстро меняется: мода, прически, стили в архитектуре, философские концепции, художественные школы. Ныне человек проживает жизнь с такой интенсивностью, с таким количеством впечатлений, которых человеку прошлых эпох хватило бы на несколько жизней. И это хорошо только с одной стороны, а с другой — такой ритм сопровождается большим количеством нервных срывов, стрессов, психических заболеваний.

Есть данные, что музыканты стали играть классические произведения на несколько минут быстрее, чем в XIX веке, все торопятся, все спешат и все мечтают когда-нибудь остановиться, задуматься, оглянуться. Но не у всех получается.

Удивительные метаморфозы преподносит нам физическое время. Согласно теории относительности, время в системах, движущихся со скоростью, близкой к скорости света, замедляется. Чтобы долететь с такой скоростью до туманности Андромеды, нужно более ста лет. За это время на Земле пройдет сорок миллионов лет. Так что никакого смысла туда летать нет. Никто вас не вспомнит по прошествии такого срока, — не то что Москвы, Европы не окажется на прежнем месте: материка ведь очень медленно, но тоже движутся.

Наконец, существует время истории: время жизни народа, историческое время, которое имеет совсем другой ритм, другой способ протекания. Более подробно мы поговорим об этом в главе «Человек и история».

Пространство и душа

Пространство так же многообразно, как и время: есть биологическое, психологическое пространство, пространство культуры, физическое, географическое и историческое пространство.

Биологическое пространство строго соблюдается в растительном и животном мире: дубы растут на определенном расстоянии друг от друга, скученность животных на узком пространстве приводит к истребительной войне между ними, пока не останется ровно столько, сколько нужно для нормальной жизни.

Психологическое пространство — очень важная категория человеческого общежития. Человеку остро необходимо определенное количество свободного пространства вокруг него, иначе он чувствует дискомфорт. Некоторым людям очень плохо в толпе. Проблема психологической совместимости у членов экипажей самолетов, подводных лодок, космических кораблей — это еще и проблема психологического пространства.

Физическое пространство также поражает нас своей значительностью и неоднозначностью: оно трехмерно и изотропно, то есть не имеет предпочтительного направления (в космосе нет ни верха, ни низа, ни запада, ни востока). Но физическое пространство еще и искривляется под влиянием тяготения. Пространство нашего мира имеет положительную кривизну: почти все космические тела — шары, и сама Вселенная, видимо, шар. Бесконечный, но ограниченный определенным пространством. Есть, правда, еще геометрические модели Вселенной, которые имеют отрицательную кривизну (геометрия Лобачевского) или вообще не имеют таковой (плоскостная геометрия Эвклида). Некоторые физики полагают, что скорее всего пространство — псевдосфера с постоянной отрицательной кривизной.

Как и время, пространство у древних народов было сакральным и профанным. Сакральное пространство — это центр, где находится могила «культурного героя», святое место. Чем дальше от этого места, тем проще и зауряднее пространство. В Москве сакральный центр — Красная площадь, здесь и могила культурного героя, здесь все освящено, все торжественно. Печать святости и на прилегающих к Кремлю улицах, но чем дальше от него, тем она все более убывает, и где-нибудь в Орехово-Борисово уже ничего святого нет, — унылые коробки домов, грязь, пыль и масса хулиганов по вечерам.

У кочевых народов пространство — это путь, который проходит культурный герой, побеждая врагов и совершая разные подвиги. Путешествия Язона и Одиссея — дошедшие до греков отголоски кочевой эпохи.

У оседлых народов пространство замкнуто, закрыто, города в виде концентрических кругов улиц. Родина — это все то, что можно увидеть вокруг, если влезть на самое высокое дерево или взойти на холм. Греки, имевшие маленькие государства-города (полисы), испытывали страх перед бесконечным пространством. Во времена Перикла за учение о бесконечности могли подвергнуть смертной казни. У греков не картины, а скульптуры — завершённое пространство. Греческий храм построен по тому же принципу — его можно охватить одним взглядом.

Совсем другое дело средневековье и более поздние времена. Христианский храм — это путь от входа к алтарю, который символизирует бесконечность. Появляется перспективная живопись — уходящие вдаль линии ландшафта, горизонт. В театре есть задник, символизирующий открытое пространство. Возникает учение о бесконечности пространства (Дж. Бруно). Появляется понятие вектора в математике. Европейские города постепенно начинают выпрямлять свои улицы — прорубаются прямые, уходящие вдаль проспекты, и новые города строятся исключительно по такому принципу — сравните центр Москвы в пределах Садового кольца с Петербургом. В живописи появляется густой коричне-

вый фон, символизирующий бесконечность (Рембрандт), бесконечность звучит в симфониях Моцарта и Бетховена. Появляется психология, которая открывает бесконечность и неисчерпаемую сложность человеческой души.

Пространство — это способ выражения человеческой души, выражение того, как она воспринимает и переживает окружающий ее мир. В современной культуре, почти целиком профанной, все еще сохранилось сакральное восприятие пространства, присущее в основном художникам. Гоголь писал в «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собрались дивиться сему чуду: вдруг стало видно далеко, во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горой подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку была видна земля Галичская».

Числа правят миром

Галилей утверждал, что природа говорит на языке математики. Числу, математическим закономерностям придавалось огромное значение во все века.

Есть такой шуточный тест, когда предлагается назвать нечетное число от 1 до 9. После этого говорится, что число один называют гении, три — умные люди, пять — не очень умные, семь — обычные заурядные люди, и девять — авантюристы. Самое интересное в этом тесте то, что 90% людей называют число 7. Ощущение святости этого числа возникло, видимо, в очень древние времена: семь дней недели, семь пядей во лбу, семь дней творения мира Богом, семь частей света и т.д. Есть гипотеза, согласно которой первые люди, жившие на берегу Индийского океана, могли питаться дарами моря один раз в семь дней, когда наступал отлив (это связано с фазами Луны).

Абстрактные числа современной математики — очень поздний продукт развития культуры. Первобытного человека нельзя было спросить: сколько будет $2 + 2$. Он обязательно бы спросил: что мы к чему прибавляем — яблоки к грушам, или топоры к копьям. Преобладал не количественный, а качественный аспект чисел.

Искусствовед Е. Завадская в книге «Эстетические проблемы живописи старого Китая» отмечает символику числа в древнекитайской живописи. Повторяющийся там мотив ветки сливы — символ числовой структуры природы. Цветоножка — воплощение единого начала; чашечка, поддерживающая цветок, выражает троицу — Неба, Земли и Человека и рисуется тремя точками. Сам цветок своими пятью лепестками олицетворяет пять первоэлементов. Кончики ветвей дерева обы-

но имеют восемь развилок, и все, связанное с деревом, поскольку питается соками земли, определено четными числами; все цветы — напротив, нечетными, связанными с небом. Таким образом, в древности числа и вещи считались тождественными.

Всякий акт счета понимался как сакральный акт: числа предсказывали судьбу, соотносили измеряемую вещь с пропорциями Вселенной, включали измеряемое в космический ритм, числом не исчерпываемый, но числом выражаемый.

Этот древний архаический смысл чисел вечно возрождается в художественной литературе. Известный филолог В.Н. Топоров отмечает, что у Достоевского всякое роковое событие, случающееся с его героями, происходит после семи часов вечера. В его романах, особенно в «Преступлении и наказании», поразительно устойчив образ 4-х этажных домов (дом старухи, дом Козеля, дом Раскольников), Раскольников приходит в четвертую по порядку комнату, идет разговор о четырехмесячной неуплате долга, Сонина комната — это тоже неправильный четырехугольник и т.п. Вертикальная четырехчленная структура выражает у Достоевского мотивы ужаса, узости, насилия и нищеты. Ей противопоставлена четырехчленная горизонтальная структура (на все четыре стороны), связанная с образами простора, доброй воли, спасения.

В настоящее время числа утратили свой сакральный характер, стали голыми абстракциями, одинаково годными для обсчитывания и измерения любой реальности. Правда, специалисты говорят, что хороший математик не тот, кто хорошо считает, владеет техникой математического анализа и т.д., но тот, кто чувствует мистический дух чисел, как чувствовали его древние.

Карл Вейерштрасс, известный своими открытиями, говорил, что математик, который не несет в себе частицы поэта, никогда не станет совершенным математиком. Чистая математика — тоже искусство. У нее свои стили, свои формы выражения в каждую историческую, культурную эпоху. Исследователи давно обращали внимание на сходство музыки и математики. Эйнштейн, например, призывал математиков изучать музыку и даже учиться играть на каком-нибудь инструменте, ибо музыка, считал он, развивает специфическую математическую интуицию.

Чувство формы у скульптора, живописца, композитора является по сути математическим. В геометрическом анализе и проективной геометрии XVII века обнаруживается тот же одухотворенный строй бесконечного мира, что и в современной им музыке, этой геометрии звукового пространства, и в масляной живописи как геометрии образного пространства — через известную только Западу перспективу.

Начало и конец движения

Движение — наиболее поразительный феномен мира. Движение происходит всюду и везде, на всех уровнях и во всех объектах — от галактик до электронов, движущихся вокруг атомного ядра. Я как человек участвую в многообразных формах движения: механически перемещаюсь, во мне происходят химические и биологические процессы, вместе с планетой я вращаюсь вокруг Солнца, вместе с Солнцем вокруг центра галактики, вместе с галактикой лечу куда-то с большой скоростью в силу расширения Метагалактики.

Перед человеком издавна вставал вопрос: что или кто является источником движения, кто завел этот гигантский механизм, без перебоев работающий миллиарды лет? Никто, кроме Бога, этого сделать не мог. Многие гипотезы существования Бога как перводвигателя не удовлетворяют. Но никаких других, более удовлетворительных объяснений наука не дает.

Часто говорят о том, что внутри каждой вещи заложено противоречие, и оно является источником, мотором развития. Основное противоречие всякого живого организма — борьба жизни и смерти, в солнечной системе — силы притяжения и отталкивания и т.д. Но кто или что заложило эти противоречия в сущность мира? На этот вопрос нет ответа.

Даже простое механическое движение содержит в себе загадку. Древнегреческий философ и математик Зенон сформулировал парадокс «Летающая стрела»: стрела, чтобы пролететь определенное расстояние, должна сначала пролететь половину его, а перед этим четверть, а перед этим половину четверти, а перед этим четверть четверти и т.д. То есть мы можем дробить пространство до бесконечности на все более уменьшающиеся отрезки, но стрела ведь за конечный отрезок времени не может пролететь бесконечное количество отрезков пространства — поэтому она вообще не летит, она покоится. Движение невозможно. С тех пор больше двух тысячелетий математики ломают себе голову над этим парадоксом.

Всякое усложнение в живой природе, появление новых, более дифференцированных форм жизни называется развитием. Хотя наличие развития отмечаем мы, люди. Самой природе все равно, в каком виде ей существовать: в виде грибов или в виде учащихся техникума. Нам представляется более развитым то, что приближается к человеку. Но есть в природе масса форм, которые не развиваются и живут миллионы лет, несколько не изменяясь: ежи, змеи, черепахи, крокодилы и т.п. А есть формы, которые деградируют, мельчают, исчезают вообще.

Развитие общества мы называем прогрессом. Прогресс — это увеличение степени господства человека над природой. С тех пор как возникло общество, оно действительно все время постоянно и неуклонно

прогрессирует — прежде всего это касается создания искусственной среды вокруг себя. Развиваются формы жизни, орудия труда, способы обработки земли и получения новых материалов, и т.д. Нет, правда, никакого прогресса в самом человеке. Он гораздо больше знает, чем его первобытные или античные предки, но существенно умнее он не стал. Как не стал менее агрессивным или более счастливым.

Если мы ничего не знаем о начале движения, то много знаем о его конце. Есть так называемая теория «тепловой смерти Вселенной», согласно которой рано или поздно выгорит весь водород в звездах, тепло равномерно растечется по космосу и прекратится всякое движение. Наступит тепловая смерть — ведь в неживых системах всякое движение идет от более нагретого к менее нагретому. А здесь установится полная равномерность.

Во всем видимом нами мире, утверждает физика, возрастает энтропия, то есть хаос, неупорядоченность. Мир из космоса превращается в хаос. Закон энтропии гласит: всякая неживая система стремится к наиболее вероятному для нее состоянию, то есть к хаосу. Например, ваша школа, школьное здание — это неживая система. Если люди из него уйдут, не будут ни отапливать его, ни ремонтировать, то рано или поздно оно рухнет, превратится в груды кирпичей. И это для него наиболее вероятно; невероятно — чтобы здание само себя обогревало, само себя ремонтировало.

Так же и Вселенная в целом — это неживая система. И тепловая смерть для нее неизбежна, так как неизбежно возрастание энтропии. Поэтому, кстати, невозможно путешествие назад во времени. Нельзя вернуться во вчерашний день, там было меньше энтропии, и это необратимый процесс. Отсюда и необратимость времени.

Некоторые ученые, правда, утешают, говоря, что если Вселенная бесконечна, то возрастание энтропии не имеет предела, то есть она может возрастать бесконечно, но это не приведет к тепловой смерти.

Свет, цвет и ритм

Человеческую жизнь и культуру определяют не только пространство и время, не только движение, но такие феномены, как свет, цвет и ритм. Свет — не только физическое явление, но и глубочайший символ человеческой жизни. Источником света для человека является не только Солнце, огонь лампы или пламя костра. Свет пронизывает весь космос — от сверкающих звезд до самых плотных материй, гранита и алмаза.

От света произошло и «светлое» — то есть легкое, свободное, открытое, и «святое». Отсюда и «свет разума».

Свет всегда опосредован тенью, темнотой, всегда находится с ней во взаимной игре, образуя многочисленные оттенки. Мир всегда воспринимается в световых контрастах: одни предметы освещены ярко, другие в тени, на одних только мерцающий отблеск, другие едва угадываются во тьме. Это же относится к свету разума и к нашему пониманию мира. Абсолютно чистый свет был бы равен абсолютной тьме. Кто прямо и не моргая смотрит на солнце, тот слепнет.

Сам язык говорит о глубокой зависимости между светом и тьмой: немецкое слово «тьма» (Schatten) родственно немецкому scheinen (казаться) и Schein (свет); русское «мрак» (и «морок», по чередованию гласных) — с глаголами «меркнуть», «мерцать», то есть они указывают на наличие света.

Если на Западе «тьма», тьма» несут в себе отрицательное значение — «власть тьмы», дьявол всегда черный, а святые в белых одеждах, день всегда радует, а ночь пугает, то на Востоке тень, темные стороны, сама тьма воспринимаются как добрый знак, как доказательство связи предмета с сущностью мира.

Цвет как проявление света — так же одновременно и природный фактор, и феномен культуры. Например, в раннеарабских мозаиках, в искусстве раннего средневековья, в иконописи древнерусских мастеров преобладал золотой цвет — как попытка выразить просвечивающую поверхность, намекающую на бесконечность, на сверхъестественность изображаемого. Золотой цвет на иконе изображает вещи, как бы произведенные светом, а не просто освещенные.

Состав краски и способы ее нанесения на поверхность предопределялись той культурной атмосферой, в которой жил художник, теми духовными задачами, которые он хотел разрешить. Но в то же время сам цвет и особенности его проявления влияли на культуру.

Обостренное внимание к внутренней жизни, попытка выразить и передать ее цветом вынуждали художника переходить к более глубоким тонам, например, к синему, голубому и черному. И.В. Гете в «Очерках учения о цвете» писал, что синее вызывает у нас чувство одиночества, напоминает нам о тени, синее стекло показывает предметы в печальном виде, а голубой цвет Гете называл «волнующим ничто».

Черный цвет в современной европейской культуре считается траурным, зато для японцев характерно пристрастие к черному цвету и тени. Как отмечал японский писатель Т. Дзюньитиро, в воображении японцев неизменно присутствует красота черного лака, в то время как воображению европейцев даже привидения рисуются светлыми. Откуда такая разница во вкусах? На взгляд Дзюньитиро, людям Востока свойственно искать удовлетворение в той обстановке, в которой они очутились. В силу этого они не питают чувства недовольства темнотой, добровольно затворяются в тень и открывают в ней присущую ей красоту.

Коричневый цвет играл огромную роль в европейской живописи XVII–XVIII вв. Коричневый цвет, как считал О. Шпенглер, вытеснял более примитивный прием линейной перспективы, растворял осязаемое бытие чувственного мира в атмосферической видимости, вообще вытеснял линию из картины, придавая ей выражение потусторонности.

Наконец, сильнейший отпечаток на мировосприятие людей накладывает ритм как феномен природы. Символ космического ритма — древнейший образ, существовавший во всех культурах. Чем древнее мифы, тем более они ритмичны по форме. Их тексты ритмично выкрикиваются, выплакиваются.

Наша материальная культура получила круглые и четырехугольные структуры вещей в силу присущего человеку чувства ритма. Он чувствует космический ритм, ритм природы и запечатлевает их в вещах. Вся композиционная симметрия античной архитектуры и скульптуры восходит к этому.

Ритм превращает поступок в мимическое действие, в пляску, танец, делает язык ритмической речью, на его основе возникают песня и музыка.

Некоторые авторы пытаются объяснить природным ритмом всю человеческую историю. Например, дрейф магнитного ядра земли приводит к циклическим изменениям погоды — раз в несколько сот лет в Великой степи наступает засуха, люди уходят оттуда к северу, в Европу, начинается великое переселение народов, великие завоевания.

Знаменитый ученый А. Чижевский в книге «Земное эхо солнечных бурь» пришел к выводу, что все крупные события в человеческой истории — войны, революции и т.п. — совпадали со вспышками солнечной активности. Так, наиболее сильная солнечная активность отмечалась в прошлом веке в 1917 и в 1940 годах, что соответствовало революции в России и Второй мировой войне.

Избранные тексты

Человек и Вселенная

«Итак, пусть человек объемлет взором всю природу в ее высоком и совершенном величии, пусть он отведет взгляд от низких предметов, его окружающих. Пусть посмотрит на это ослепительное сияние, зажженное, словно негаснущий светильник, чтобы озарять вселенную; пусть земля представится ему крохотной точкой рядом с тем огромным кругом, который описывает это светило, и пусть он подивится тому, что сам этот огромный круг есть лишь малая точка, в сравнении с тем, что замыкают светила, катящиеся по небосводу. Но если наш взгляд здесь остановится, пусть наше воображение идет дальше, оно скорее устанет

работать, чем природа — поставлять ему пищу. Весь видимый мир есть лишь незаметная морщинка на обширном лоне природы. Никакие понятия не могут к ней приблизиться; напрасно мы тужимся послать наши представления за пределы воображаемых пространств, мы порожаем лишь атомы в сравнении с действительностью вещей. Это бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде. Самое важное из наглядных проявлений всемогущества Божия в том и состоит, что наше воображение теряется при этой мысли.

А теперь, обратившись к себе, пусть человек подумает, что он есть рядом с сущим, пусть взглянет на себя в растерянности и пусть из этой маленькой норки, где он обитает, — я имею в виду вселенную, — он научится назначать истинную цену земле, царствам, городам, домам и самому себе.

Что такое человек для бесконечности?

Но чтобы представить себе другое, столь же поразительное чудо, пусть он поищет среди вещей ему известных самые крошечные, пусть муравей со своим маленьким тельцем заставит подумать о несравненно меньших его членах, о лапках с суставами, о венах в его лапках, о крови в его венах, о гуморах в этой крови, о капельках в этих гуморах, парах в этих капельках; пусть, расщепляя и дальше такие вещи, он истощит все свои силы на представление об этом, и пусть тот последний предмет, до которого он дойдет, и станет теперь предметом нашего рассуждения. Быть может, он подумает, что это и есть самая малая вещь в природе.

Я хочу показать ему здесь другую бездну. Я хочу нарисовать ему не только видимую вселенную, но и бескрайность природы, которую можно вообразить внутри этого мельчайшего атома; пусть он увидит там бесконечное множество миров, у каждого из которых есть свой небосвод, свои планеты, своя земля, на этой земле свои живые существа, и наконец, свои муравьи, в которых он обнаружит то же, что и в видимых глазу; и вот когда он станет обнаруживать там все то же самое, без конца и остановки, пусть у него голова пойдет кругом от таких чудес, столь же поразительных своей малостью, как другие своей огромностью. Ведь кто не изумился бы, что наше тело, которое только что не было заметно во вселенной, а она и сама незаметна в лоне всего сущего, теперь стало колоссом, целым миром, вернее, всем по сравнению с той малостью, куда нельзя проникнуть. Кто задумается над этим, тот устрашится самого себя, и, сознавая себя заключенным в той величине, которую определила ему природа между двумя безднами — бесконечностью и ничтожностью, — он станет трепетать при виде этих чудес; и я полагаю, что его любопытство сменится изумлением, и он будет больше расположен безмолвно их созерцать, чем горделиво исследовать.

Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина между ничто и все;

он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной».

(Паскаль Б. Мысли. С. 132–133).

Античные и современные представления о структуре мира

«...Атомистическая гипотеза (Левкиппа и Демокрита — В.Г.) делает большой шаг в нужном направлении. Все многообразие различных явлений, множество наблюдаемых свойств материального мира можно свести к положению и движению атомов. Атомы не обладают такими свойствами как запах или вкус. Эти свойства возникают как косвенные следствия положения и движения атомов. <...>

Атомистическая гипотеза имела целью указать путь от «многого» к «единому», сформулировать основополагающий принцип, материальную причину, исходя из которой можно было бы понять все явления....

Когда Платон занялся проблемами, выдвинутыми Левкиппом и Демокритом, он заимствовал их представление о мельчайших частицах материи. Но он со всей определенностью противостоял тенденции атомистической философии считать атомы первоосновами сущего, единственным реально существующим материальным объектом. Платоновские атомы, по существу, не были материальными, они мыслились им как геометрические формы, как правильные тела в математическом смысле. В полном согласии с исходным принципом его идеалистической философии тела эти были для него своего рода идеями, лежащими в основе материальных структур и характеризующими физические свойства тех элементов, которым они соответствуют. Куб, например, согласно Платону, — мельчайшая частица земли как элементарной стихии и символизирует стабильность земли. Тетраэдр, с его острыми вершинами, изображает мельчайшие частицы огненной стихии. Икосаэдр, из правильных тел наиболее близкий к шару, представляет собой подвижную водную стихию. <...>

Мне думается, современная физика со всей определенностью решает вопрос в пользу Платона. Мельчайшие единицы материи в самом деле не физические объекты в обычном смысле слова, они суть формы, структуры или идеи в смысле Платона, о которых можно говорить однозначно только на языке математики. И Демокрит, и Платон надеялись с помощью мельчайших единиц материи приблизиться к «единому», к объединяющему принципу, которому подчиняется течение мировых событий. Платон был убежден, что такой принцип можно выразить и понять только в математической форме. Центральная проблема современной теоретической физики состоит в математической формулировке закона природы, определяющего поведение элементарных частиц».

(Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 109–110, 118–119).

О психологическом времени

«Выше было разъяснено, как и почему все, что мы видим, делаем и переживаем, оставляет тем меньше следов в нашей жизни, чем старше мы становимся. В этом смысле можно утверждать, что только в юности мы живем вполне сознательно, в старости же — лишь наполовину. Чем старше мы становимся, тем меньше сознательного в нашей жизни: все мелькает мимо, не производя впечатления, подобно художественному произведению, которое мы видели тысячу раз; мы делаем то, что нужно сделать, а потом даже не знаем, сделали ли мы это или нет. Именно благодаря тому, что жизнь наша становится все менее сознательной и все скорее подвигается к полной бессознательности, — начинает ускоряться и течение времени. В детстве каждый предмет, каждое событие в силу своей новизны, проникает в сознание; поэтому день кажется бесконечно долгим. То же происходит и в путешествии, когда один месяц кажется нам дольше, чем четыре месяца, проведенных дома. Однако, несмотря на эту новизну предметов, время, текущее в обоих случаях как будто более медленно, кажется иногда и более скучным, чем в старости или дома. — Постепенно в силу длительной привычки к одним и тем же впечатлениям, наш ум настолько обтачивается, что все начинает скользить по нему, не оставляя никаких следов; дни кажутся все более незначительными и потому более короткими, словом, часы юности дольше часов старца. Течение нашей жизни имеет ускоряющееся движение подобно катящемуся вниз шару; подобно тому как каждая точка на вертящемся круге движется тем скорее, чем дальше она отстоит от центра, так и для человека время течет все быстрее, пропорционально отдаленности его от начала жизни. <...>

Это различие в скорости времени оказывает решительное влияние на характер нашей жизни в любом возрасте. Прежде всего, благодаря ему детство, хотя и обнимает всего только 15 лет, но является самым длинным периодом жизни, а следовательно, и наиболее богатым по воспоминаниям; далее, в силу этого же различия мы подвержены скуке обратно пропорционально нашим летам: детям постоянно нужно какое-либо занятие, будь это игра или работа; как только оно прекратилось, ими тотчас овладевает отчаянная скука. Юноши также сильно подвержены скуке и с тревогой взирают на ничем незаполненные часы. В зрелом возрасте скука постепенно исчезает; для старца время слишком коротко и дни летят как стрела».

(Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 216–218).

Поговорим о прочитанном:

1. Хорошо было бы для судьбы человечества, если бы наш мир открыла для себя другая, гораздо более могущественная в сравнении с нами, космическая цивилизация? Или лучше остаться одинокими во Вселенной?
2. Если бы к вам подошел человек и сказал, что он из другой галактики, например, из туманности Андромеды, то какой первый вопрос вы бы ему задали: о его психическом здоровье или о способе, каким он к нам добрался?
3. В литературе часто встречается символ «остановившегося мгновения». Фауст у Гете говорит: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!». Счастливые дни быстро кончаются, ускользают, хочется остановить их, сделать вечно длящимися. Но в таком случае они быстро перестают быть счастливыми, приедаются, наскучивают. Или это не так, и вы согласились бы остановить время, в котором вы счастливы?
4. Когда мы напряженно работаем, время летит быстро. Когда бездельничаем, оно тянется медленно. Потом, когда мы вспоминаем насыщенные работой дни, они кажутся нам длинными, а дни безделья — одним мгновением. Может быть, для того чтобы жизнь казалась долгой, надо меньше бездельничать?
5. Мы живем в ритме современного производства — ему подчинены транспорт, работа магазинов, учреждений, даже театров. Хотим мы этого или нет, но мы втянуты в определенный и довольно быстрый ритм. Можно ли то же самое сказать об Илье Обломове? Может быть, он был более счастлив, поскольку его жизнь не подчинялась сколько-нибудь заметному ритму?
6. Вызывает ли у вас чувство грусти мысль о неизбежной в будущем гибели Земли, всей нашей Солнечной системы или это никак не задевает вас, поскольку произойдет через много миллиардов лет?

Тема 3.2. ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

Здесь мы остановимся на двух моментах соотношения философии и религии: на проблеме веры (соотношения веры и знания) и на проблеме смысла жизни. Обе они составляют важнейшую часть любой религии и в то же время имеют глубоко философское значение.

Вера

Вера — это возможность сверхчувственного опыта. Но что представляет собой такой опыт? Например, слушая прекрасное музыкальное произведение, человек, одаренный музыкальным чувством, слышит, кроме самих звуков и их сочетаний, еще что-то другое, что можно назвать музыкальной

красотой. Как бы позади звуков и сквозь них мы воспринимаем еще что-то невысказанное, о чем в словах можно сказать только слабым, несовершенным намеком. Звуки воспринимает наше ухо, а то невысказанное, о чем они говорят, воспринимает непосредственно наша душа.

То же мы испытываем, наслаждаясь живой прелестью человеческого лица. Видимая форма, писал С. Франк, потому прекрасна именно, что воспринимается как совершенное выражение некой таинственной, незримой и все же опытно, воочию предстоящей нам реальности. Звуки музыки, слова стихотворения, образы пластических искусств, природы или человеческого лица, добрые поступки пробуждают в нашем сердце что-то иное, говорят нам о чем-то далеком, непосредственно не доступном, смутно различаемом; нашей души достигает весть о чем-то потустороннем, запредельном. Как будто голос, идущий издалека, говорит нашей душе о некоем лучшем, высшем мире. Совершенно несущественно, называем ли мы это голосом совести или голосом, возвещающим нам волю Божию, — это только два разных названия для одного и того же. Важно только одно: мы испытываем в интимной глубине своего сердца живое присутствие и действие силы, о которой мы непосредственно знаем, что она есть сила порядка высшего, что нашей души достигла некая весть издалека, из иной области бытия, чем привычный, будничнейший мир.

Таким образом, и эстетический, и нравственный опыт связаны с опытом религиозным. Но поскольку человек в большей степени чувственное существо, внимание которого, как правило, приковано к чувственно данному, видимому, осязаемому, то все незримое и неосязаемое склонно ускользать от него. Конечно, для глухих нет красоты в музыке, а для слепых — в живописи, но гораздо больше людей не глухих, но не музыкальных, не слепых, но не воспринимающих красоту зрительных образов, грамотных, но не ощущающих поэзию. То есть для очень большого числа людей сверхчувственный опыт — пустой звук.

Можно наслаждаться красотой и при этом считать, что красота исчерпывается приятными эмоциями. Можно верить в Бога, но сомневаться в возможности встречи с Ним, считать это иллюзией. Ведь Бог — не каменная стена, о которую можно, не заметив ее, разбить голову и в которой поэтому нельзя сомневаться. Он есть реальность незримая, открывающаяся только глубинам духа.

Вера, согласно Франку, «есть воля открывать душу навстречу истине, прислушиваться к тихому, не всегда различимому «голосу Божию», как мы иногда среди оглушающего шума прислушиваемся к доносящейся издалека тихой, сладостной мелодии, — воля пристально вглядываться в ту незримую и в этом смысле темную глубь нашей души, где тлеет «искорка», и в этой искорке увидеть луч, исходящий от самого солнца духовного бытия».

Обычно под верой понимается своеобразное духовное состояние, в котором человек согласен признавать как истину нечто такое, что само по

себе не очевидно, для чего нельзя привести убедительных оснований, и поэтому возможно сомнение и отрицание того, во что веришь. Но если принять такое определение, то остается непонятным — как возможно верить в этом смысле, для чего это нужно? Верить в недостоверное — либо обнаруживать легкомыслие, либо заставлять, уговаривать, убеждать себя самого в том, что, собственно, остается сомнительным. Здесь абсолютизируется некое состояние искусственной загипнотизированности сознания.

В принципе вся наша жизнь основана на такой вере: мы ложимся спать и верим, что ночь сменится днем, что мы проснемся, что проснемся именно мы. Но доказать этого мы не можем. На каждом шагу мы руководствуемся верой в неизменность того, что мы называем законами природы, однако эта неизменность ничем не гарантирована, и наша вера в нее есть именно слепая, ничем точно не гарантированная вера. Чаще всего в подобных случаях речь идет о вероятности, а не необходимости.

У религиозных фанатиков вера является актом послушания, покорного доверия к авторитету.

Франк же считал, что вера по своей сущности — это не слепое доверие, а непосредственная достоверность, прямое усмотрение истины веры. Подлинная вера основана на откровении — на непосредственном самообнаружении Бога, на Его собственном явлении нашей душе, на Его собственном голосе, к нам обращенном. Вдруг открываются глаза души, и она начинает чувствовать за пределами земного мира проблески некоего небесного сияния, ее переполняют блаженство и мир, превышающие всякое человеческое разумение. Такая душа знает, что ее достиг голос Божий, и имеет — хотя бы на краткий миг — веру-достоверность. А кто этого никогда не испытывал, тот вообще не может почитаться верующим, хотя бы признавал все освященные церковью авторитеты.

«...Вера в своем первичном существовании есть не *мысль*, не *убеждение* в существовании трансцендентного личного Бога как такового, а некоторое внутреннее состояние духа, живая полнота сердца, подобная свободной радостной игре сил в душе ребенка; и это состояние духа определено чувством нашей неразрывной связи с родственной нам божественной стихией бесконечной любви, с неисчерпаемой сокровищницей добра, покоя, блаженства, святости...».

Поэтому жить в вере — значит жить в постоянном напряжении всех своих сил, целиком жить в настоящем, жить сердцем, для которого любой предмет, любая внешняя данность открываются в своей несканзанности, значительности, таинственной глубине. Вера — это когда ваше сердце зажигается той сердца силой, которая по своей значительности и ценности с очевидностью воспринимается как нечто высшее и большее, чем вы сами.

Вера не есть ни идея, ни система идей. Она есть жизнь и источник жизни, самосознание, которое само испытывается и действует как жи-

вая и животворящая сила. Веру нельзя заменить или ограничить знанием. В религии всякие попытки рационалистического анализа таинств вели к религиозному бессилию и бесплодию, а введение религии в пределы разума (у Канта, протестантов) приводило к тому, что вера вырождалась в морализм. Но и знание не может заменяться верой, нельзя верой решать научные проблемы. Если вера есть свободный подвиг, то научное знание есть тяжкий долг труда.

Вера — не только связь с невидимыми вещами, с Богом. Само существование внешнего мира утверждается лишь верой. Все, что лежит в основе знания, недоказуемо, исходное непосредственно не дано, в него верится. И все недоказуемое, непосредственное оказывается тверже доказуемого и выводимого. В основе знания лежит нечто более прочное, чем само знание, доказуемость дискурсивного мышления вторичная и зыбкая. Знание питается тем, что дает вера. Обычному человеку окружающий его мир кажется незыблемым и твердым, а все, относящееся к другим мирам — неопределенным, проблематичным, сомнительным. У него так тверда вера в этот мир, что отношение к нему принимает, по выражению Бердяева, принуждающую, обязывающую, связывающую форму, — то есть нетворческую форму, форму знания.

Когда человек достигает внутреннего преображения, духовной просветленности через усилия веры, то ему открывается реальность, которая по своей очевидности, ошеломляющей силе красоты и мудрости так захватывает и потрясает, что любые эмпирические факты существования, все радости и невзгоды повседневной жизни кажутся человеку чем-то случайным и совершенно не важным. Состояние веры отличается от состояния повседневной озабоченности, как поэтическое вдохновение — от физически тяжелого и бессмысленного труда.

Смысл жизни

В XX веке стало очевидным, что попытки разрешения великих исторических задач во все времена должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека в сущности все не удалось и, видимо, никогда не будет удаваться. Не выполнен ни один замысел, ни одна задача и цель ни одной исторической эпохи, полагал Бердяев. Не удался Ренессанс, а то, что им создано, не соответствует его планам. Такие же неудачи постигли Реформацию, поставившую себе великую цель утверждения религиозной свободы и приведшую к крушению религии; Французскую революцию, создавшую вместо братства, равенства и свободы буржуазное общество, новые формы неравенства и ненависти людей друг к другу. Не удался, говорил Бердяев в работе «Смысл истории», социализм. Социализм вскрывает новые внутренние противо-

речия человеческой жизни, которые делают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение. Социализм никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета. Не удастся и анархизм, он никогда не осуществит той предельной свободы, к которой призывает, наоборот, может установить еще большее рабство.

Никогда не удавалась ни одна из революций, ибо они обычно кончались реакцией. Не удалось и христианство, — те задания, которые были поставлены христианской верой 2000 лет назад, никогда не были и не будут осуществлены. История и все историческое по природе своей таковы, что никакие совершенные осуществления в ней невозможны.

В мире всегда, полагают русские религиозные мыслители, будет царить слепая случайность, человек всегда будет бессильной былинкой, всегда на земле будут царить слепая страсть, глупость и зло.

Но подлинно нравственная установка знает только одну цель: творить добро, вливать в мир силу добра и столь же неустанно бороться с грехом, злом, неустроенностью мира, с действующими в нем силами разрушения.

Сами наши поиски смысла уже дают осмысленность нашему существованию. Смысл жизни нельзя найти готовым, раз и навсегда данным, утвержденным в бытии. *Смысл жизни не дан, а задан.* Все готовое и существующее независимо от нас есть либо мертвое, либо чуждое и нам не пригодное. А смысл должен быть живым, ибо он смысл нашей жизни, и должен быть внутри нас, а не вовне. Поэтому его искание — это напряженное, волевое самоуглубление, полное труда и лишений. Это максимальное напряжение и раскрытие нашего существа, улавливание его в творческом процессе приобщения к нему. Как писал С. Франк, «искание смысла жизни есть *борьба* за смысл против бессмысленности, и не в праздном размышлении, а лишь в подвиге борьбы против тьмы бессмыслия мы можем добраться до смысла, утвердить его в себе, сделать его смыслом своей жизни и тем подлинно усмотреть его или уверовать в него». Поиск смысла — это укрепление в себе веры, которая есть напряженное внутреннее действие по преобразованию нашей жизни.

Таким образом, подлинно творческое и плодотворное дело совершается в глубине человека, и это глубоко внутреннее дело есть настоящее, основное дело человека, оно состоит в действительном утверждении себя в первоисточнике жизни, оно состоит в аскетическом подвиге борьбы с мутью и слепотой наших чувственных страстей, нашей гордыни, нашего эгоизма.

Обычно, говорил Франк, про людей, занимающихся таким делом, думают, что они либо ничего не делают, либо заняты только своим личным спасением. Им противопоставляют общественного деятеля, занято-

го устройством судьбы множества людей. Но это рассуждение в корне ложно, ибо строится на непонимании сути подлинно производительного дела. Для того чтобы пропагандировать идеи и устраивать жизнь в согласии с ними, надо их иметь; для того, чтобы творить добро людям и ради этого бороться со злом, надо иметь само добро. Без этого производительного труда и накопления невозможна жизнь.

Так, историки, которые пишут о великом русском святом Сергии Радонежском, видят его главную заслугу в том, что он благословил рать Дмитрия Донского и дал ей двух монахов из своей обители. Но они забывают, что этому предшествовали десятилетия упорного молитвенного и аскетического труда, что этим трудом были добыты духовные богатства, которыми в течении последующих веков питались русские люди. Не будь Сергия, они не имели бы сил подняться на борьбу с татарами.

У французского писателя и философа Альбера Камю есть эссе «Миф о Сизифе». Древнегреческий мифический герой Сизиф наказан богами за свой проступок и был вынужден всю жизнь вкатывать в гору камень, который тут же скатывался назад. У Камю Сизиф — это человек, который поднялся над бессмысленностью своего существования, обрел в этой бессмысленности свой смысл и свою гордость. Как бы тяжела и бесцельна ни была бы жизнь — это моя жизнь, и я должен ее прожить достойно.

Как и Камю, Франк считал, что смысл жизни не дан, а *задан*, смысл жизни должен быть внутри нас, а не вовне. Искание смысла жизни есть борьба против тьмы бессмыслия, это внутреннее преобразование, внутреннее творчество человеком самого себя.

Но это не значит, что люди, занятые внутренним творчеством, ничего не делают, а заняты только личным спасением. *Исканиями и мучениями таких людей в мире накапливается добро.* Философ, святой, художник, вообще любой человек, не ограничивающийся внешней жизнью, а ищущий истоки своего бытия, пытающийся найти свое настоящее место в этой жизни, понять свое предназначение, производит и накапливает в мире добро. Без таких людей мир давно бы уже рухнул в пропасть полного хаоса и бессмысленности.

Духовная скудость и убогость нашей жизни вызваны тем, что все меньше становится людей, ищущих смысл жизни, людей глубоко мыслящих, своей внутренней работой прибавляющих в мире добро. Мы только тратим то, что создали наши предки, и основные причины кризиса нашей жизни заложены именно здесь, а не в экономических потрясениях, не в отсутствии иностранных инвестиций, не в непоследовательности демократических преобразований.

О «скорбном неверии»

«Это скорбное неверие есть одно из самых характерных и трогательных явлений духовной жизни нашей эпохи. Человек разочаровался не только в суетной вере утопизма, но и вообще в осуществлении в мире высших ценностей; он пришел к убеждению, что добру и разуму не только не гарантирована победа в мире, а скорее даже предопределено поражение, ибо по общему правилу в мире торжествуют силы зла и безумия. Я не забуду краткой и печальной формулы этого пессимизма, которую мне пришлось однажды услышать: «Чтобы быть пророком, достаточно быть пессимистом». Но этот пессимизм в отношении мирового порядка и хода мировой жизни... не уничтожает в человеческом сердце самого поклонения добру и разуму, святости человеческой личности. Святыня оказывается в мире слабой и бессильной, но от этого она не *перестает быть святыней*. Из этого умонастроения вытекает моральное требование *защищать безнадежную позицию добра против победоносной, всемогущей силы зла*. Смысл человеческой жизни заключается здесь в том, чтобы отстаивать достоинство идеала при сознании полной безнадежности осуществить его в жизни; подвиг состоит в том, чтобы героически погибать, защищая дело добра и правды, обреченное на гибель. <...>

Это умонастроение, которое мы называем «скорбным неверием» есть, конечно, ближайшим образом и прежде всего, в общепринятом смысле слова, *неверие*. В известном смысле оно прямо противоположно той наивной, массивной вере, которое дарует человеку чувство полной обеспеченности всей его жизни в силу сознания неограниченной, всемогущей власти над миром благого и мудрого Промысла. В противоположность такой массивной вере скорбное неверие беспощадно отвергает всякое доверие к силам, управляющим реальностью, и утверждает иллюзорность всякого упования человеческого сердца, безнадежное одиночество и обреченность человека в его любви к святыне, которая одна есть истинный идеальный фундамент его бытия.

Поскольку, однако, это неверие есть неверие *скорбное*, — поскольку человеческое сердце скорбит от сознания торжества зла в мире, восстает против этого торжества, считает себя обязанным хранить верность и служить безнадежному в его глазах делу добра и правды, — это духовное состояние вместе с тем в некотором отношении родственно вере. Именно оно содержит в себе тот элемент веры, в силу которого вера есть бескорыстное *почитание* высшего священного начала, благоговения перед святыней. Эта открытость души для действия на нее святыни, стойкий... отказ подчиниться злым силам мирового бытия, эта готовность к бескорыстному геро-

изму — все это, без сомнения, имеет высокую ценность перед тем высшим судом, который судит не мысли, а сердца».

(С.Л. Франк. Свет во тьме //

С.Л. Франк. Духовные основы общества. М., 1992. С. 421–422).

Поговорим о прочитанном:

1. Как вы понимаете слова Кьеркегора о том, что вера — это парадокс, особое измерение мышления, которое «нормальному» рассудку представляется безумием? Ведь верить, что «Бог может сделать бывшее не бывшим» — значит отрицать законы природы. Как можно примирить науку и веру?
2. Как понимать слова Декарта о том, что настоящий математик не может быть атеистом? Есть в них рациональный смысл, или это предрассудок того далекого времени?
3. В мире есть много вещей, в которые мы вынуждены верить (а не знать): мы верим в то, что друг нас не предаст, в то, что есть высший смысл в нашей жизни и в жизни всего человечества в целом, мы верим, что жизнь наша сложится счастливо. Имеет ли все это какое-либо отношение к религиозной вере?
4. Как вы можете прокомментировать слова русского философа: «Любовь в своей основе есть религиозное восприятие человека, видение в нем божественного начала»?
5. В христианской религии Бог есть любовь. Означает ли это, что любящий человек уже является в определенном смысле верующим?
6. Если прав С. Франк, утверждая, что всегда слепая страсть, глупость и зло будут царить на земле, то имеют ли смысл мои личные усилия быть добрым, порядочным и честным?
7. Согласны ли вы с тем, что народ без религии и веры перестает быть народом, становится населением? Может быть, этот этап уже наступил, — ведь сейчас мало истинно верующих и религия не имеет для большинства людей особого значения?
8. Когда немцы подошли близко к Москве, И. Сталин отдал приказ открыть давно закрытые церкви и возобновить в них богослужения. Какими, по вашему мнению, соображениями он руководствовался?

Тема 3.3. ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Искусство и творение мира

Главная функция искусства заключается в том, что оно творит мир и в этом смысле художник является соавтором Бога. Мир творит и фи-

лософия — существуют миры Платона, Декарта, Ницше; мир творит наука — есть мир Ньютона и мир Эйнштейна. Но в этих мирах нельзя жить, это абстрактные миры, продукт нашего интеллекта. Искусство же делает наш мир возможным для жизни. Мир, в котором мы живем, и есть в большей своей части продукт искусства.

Например, мы видим, что некоторые умершие существуют более реально, чем большинство живущих. Пушкин более живой, чем многие наши современники, потому что живы для нас его переживания, его мечты и надежды. Вся его жизнь сейчас — это чистая актуальность.

А наша жизнь чаще всего не является жизнью в полном смысле этого слова, поскольку в ней преобладает нудная монотонная повторяемость серых будничных дней. В ней много случайного, нелепого, не зависящего от человека, которого чаще всего бросает, как щепку по волнам, и никогда не известно, к какому берегу прибьет его водоворот не им определяемых событий. В этом смысле только искусство создает живую жизнь, оно не отражает серую монотонность будней, оно их одухотворяет, выжимает квинтэссенцию из жизни, берет ее в чистом виде, а в чистом виде жизнь как таковая, освобожденная от глупых случайностей или просто от скуки, — прекрасна.

Человек должен создавать себя так же, как создается произведение искусства — отбрасывая от себя все случайное, наносное, избавляясь от автоматизма существования, то есть становясь живым, ибо только тогда он может придать своей жизни целостность, завершенность, смысл. Жизнь без подобных усилий, жизнь сама по себе — только распад. Человек не является живым по факту рождения, или, лучше сказать, он живой только биологически. Но сущность его в метафизике, а не биологии, он должен стать тем живым, для кого существует живой Бог, ибо Бог есть Бог живых. Тем живым, для кого существует истина, ибо истина всегда живая.

Не только великие люди прошлого, но и герои великих художественных произведений кажутся более живыми, чем многие реальные люди. Среди нас по-прежнему есть люди, напоминающие Гамлета, Дон-Жуана, или Плюшкина, мы видим в том или ином человеке черты Смердякова или Базарова. Россию мы до сих пор видим через гоголевских персонажей, и часто вместо образа человека видим чудищ: Чичикова, Ноздрева, Собакевича и т.п.

Все окружающее есть продукт искусства. По словам французского писателя М. Пруста, природа «как она есть на самом деле» — это природа, увиденная поэтически. Поэзия — не добавка к природе, поэтически увидеть — значит увидеть так, как есть на самом деле. Здесь термины «философия» и «поэзия» совпадают.

Не только природа, но вообще все, что есть «на самом деле», является искусством в широком, древнем смысле этого слова: искренность есть не намерение быть искренним, а искусство, добро — не намерение

или желание добра, а искусство. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Человек хочет быть добрым, а творит зло, потому что не может предусмотреть всех последствий своих поступков, потому что не искушен в искусстве жить, потому что судит о других со своей, узко субъективной точки зрения. Неискушенный человек вообще не знает различия между добром и злом, не знает, насколько они взаимопроникаемы и насколько сложно каждый раз, в каждом конкретном случае устанавливать границу между ними.

Не искусство подражает жизни, а жизнь подражает искусству. Если произведения искусства — это формы жизни, великие мысли природы, то я могу считать их более реальными, чем наша «реальная» повседневная жизнь. Жизнь не имеет силы искусства; она получает ее только в ослабленном и деградированном виде и воспроизводит себя лишь на самом низком уровне и в минимальной степени.

Искусство удивительный феномен, произведения искусства — словно узлы, организующие жизнь. Даже не осознавая этого, мы придаем своей жизни целостность, подстраивая ее под искусство, делая ее произведением, которое похоже на какое-нибудь действительно существующее произведение. Я не мог бы относиться к своей жизни, как к чему-то целому, если бы не те произведения искусства, которые с детства формировали мою душу, приучали меня во всем видеть интригу, фабулу, сюжет, ждать счастливого или печального конца, вообще относиться ко всем явлениям жизни, где на самом деле столько хаотического и случайного, как к чему-то, имеющему целостность, общий смысл и законченность.

Не это ли имел в виду Брюсов, когда писал, что все в жизни — только средство для стихов? Может быть, искусство является целью жизни, но не как совокупность произведений, а как некая незримая организующая целостность, как первотворчество. «Только с помощью искусства, — писал французский мыслитель Жиль Делез, — мы можем покинуть самих себя, узнать, как другой видит вселенную; она совсем иная и не схожа с нашей, пейзажи этой вселенной будут нам столь же неведомы, что и ландшафты Луны. Благодаря искусству, мы, вместо того, чтобы видеть только один-единственный наш собственный мир, видим мир множественный. Сколько существует самобытных художников, столько и миров открыто нашему взгляду...».

Художник создает живое, он верит в бытие сотворенного им мира и в жизнь людей, населяющих этот мир. Живые люди, созданные романистом, именно потому и живы, что не вполне от него зависят, не до конца ему подчинены. Истинный художник подражает не жизни, а силам, рождающим жизнь. Те силы, которые в нем творят, — это те же самые силы, исконно участвующие в творении. Жюльен Сорель из романа Стендаля — не менее живой человек, чем Байрон или Бонапарт.

Все сказанное нужно отнести не только к профессиональным художникам, но ко всякому человеку, который делает свою жизнь произведением искусства, является мастером своего дела и своей жизни. Он создает свой оригинальный и неповторимый мир, и здесь приобретают реальный смысл слова о том, что человек является микрокосмом, и в нем, как в зеркале, отражается большой космос. Каждый человек производит свой мир, свою вселенную только в том случае, если он является собственным демиургом, если стремится к своему способу существования. Каждый человек должен быть своим собственным произведением.

Проблема гения

И. Кант делил мир на две части: мир природы и мир свободы. И видел между ними единственный соединяющий их мостик — искусство. Произведение искусства — это природа, но созданная по законам свободы. В этом плане произведение искусства выше природы и выше свободы, оно есть высочайший синтез, доступный человеку. Если в науке, в лице крупного или великого ученого, мы имеем дело с талантом, то в искусстве мы говорим о гении. «Ученый, — писал Артур Шопенгауэр, — это тот, кто много учился, гений — тот, от кого человечество научается, чему он ни у кого не учился». Талант можно развить, усовершенствовать или потерять, но гением можно только родиться. Гений — это природа, действующая свободно. Гению не нужны правила или законы, он сам себе и закон, и правило, он устанавливает законы. Гений — высшая стадия развития человека, это просто совершенный человек, выражающий в чистом виде человеческую природу.

Человек всегда пытается стать кем-то: ученым, художником, пожарным, и только став по-настоящему кем-то, постигнув все тонкости своей профессии, он начинает понимать, что дело не в том, чтобы стать кем-то, а в том, чтобы в любой профессии оставаться самим собой — человеком, живущим в режиме подлинно человеческого бытия: в любви, красоте, сострадании. Собственно, это и есть признак гения. Суть человеческого самоосуществления — быть самобытным, ощущать себя человеком, а не просто и не только философом, или скульптором, или пожарным. Ибо человек, чем бы он ни занимался, выражает в своих деяниях свою человеческую природу, свою человеческую естественность и в этом смысле — свою обыкновенность, не замутненную никакими исключительными отклонениями.

Но быть просто человеком очень трудно. Все стремятся к исключительности, к тому, чтобы быть лучше других, больше знать, больше уметь, все чувствуют себя такими сложными и многогранными, что быть просто человеком, вероятно, может только гений. «Под посредст-

венностью, — говорил великий поэт Б.Л. Пастернак, — мы обычно понимаем людей рядовых и обыкновенных. Между тем обыкновенность есть живое качество, идущее изнутри и во многом, как это ни странно, отдаленно подобное дарованию. Всего обыкновеннее люди гениальные... И еще обыкновеннее, захватывающе обыкновенна — природа. Необыкновенна только посредственность, то есть та категория людей, которую составляет так называемый «интересный человек». С древнейших времен он гнушался делом и паразитировал на гениальности, понимая ее как какую-то *лестную исключительность*, между тем как гениальность есть предельная и порывистая, воодушевленная собственной бесконечностью *правильность*».

Начиная с XIX века стали говорить о том, что гений и безумие находится в близком соседстве. Обыватели так и считают гения безумцем, поскольку он говорит и утверждает то, чего еще никто не понимает. Но гений и сам постоянно находится на грани между безумием и нормой, поскольку все время «проходит над бездной», все время пытается понять и осветить то, что пока еще непонятно и недоступно обычному рассудку.

Согласно К. Юнгу, отношение между гением и безумием — это ложная проблема. Она возникла в силу того, что существуют два типа творчества — психологический и визионерский. Содержание психологического типа творчества доступно обычному человеческому сознанию: в его основе — жизненный опыт, страстные переживания, человеческая судьба. Изображаемые феномены силой художественной экспрессии помещаются в самый центр читательского сознания. Ничто здесь не остается неясным, так речь идет о вечно повторяющихся скорбях и радостях людских, все убедительно объясняет себя из себя самого. Этот вид художественного творчества Юнг называет психологическим по той причине, что он всегда находится в границах психологически понятного.

В визионерском искусстве дело обстоит иначе. Материал, подвергающийся художественной обработке, не имеет в себе ничего, что было бы привычным. Он как бы происходит из бездн дочеловеческих веков или из миров сверхчеловеческого естества, состоит из неких первопереживаний, перед лицом которых человек чувствует себя бессильным и беспомощным. С одной стороны, это переживание весьма двусмысленного, демонически-гротескного свойства, оно ничего не оставляет от человеческих ценностей и стройных форм — какой-то жуткий клубок извечного хаоса; с другой, — перед нами откровение, высоты и глубины которого человек не может даже представить. Как пишет Юнг, «потрясающее зрелище мощного явления повсюду выходит за пределы человеческого восприятия и, разумеется, предъявляет художественному творчеству иные требования, нежели переживания переднего плана,

...переживание второго рода снизу доверху раздирает завесу, расписанную образами космоса, и дает заглянуть в непостижимые глубины становящегося и еще не ставшего. Куда, собственно, в состояние помраченного духа? в изначальные первоосновы человеческой души? в будущность нерожденных поколений? На эти вопросы мы не можем ответить ни утверждением, ни отрицанием».

Примером такого рода творчества является вторая часть «Фауста» Гете, «Божественная комедия» Данте, музыка Вагнера и т.д. Перед лицом визионерского «неразложимого переживания» читатель всегда удивлен, растерян, озадачен, порой даже испытывает отвращение. Ничто из области дневной жизни человека не находит здесь отзвука — взамен оживают сновидения, ночные страхи и жуткие предчувствия темных уголков души.

Нужно, правда, различать гения и гениальность. Каждый человек, считал Н. Бердяев, гениален, а соединение гениальности и таланта создает гения. Можно не быть гением, но быть гениальным. Гениальной может быть любовь мужчины к женщине, матери к ребенку, гениальной может быть забота о ближних, гениальной может быть внутренняя интуиция людей, не выражающаяся ни в каких продуктах, гениальным может быть мучение над вопросом о смысле жизни и искание правды жизни. Гениальность может быть присуща и святому, который занимается самотворчеством, превращает себя в «просиянную тварь».

Гениальность — это прежде всего внутреннее творчество, превращение себя в человека, способного к любому конкретному виду творчества.

Кризис современного искусства

Питирим Сорокин в книге «Кризис нашего времени» отмечал, что искусство проникло во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации — от инструментов и орудий до мебели и домашней одежды. Если раньше музыка, картины, скульптуры, поэмы и драмы были доступны только избранному меньшинству, которому посчастливилось оказаться в той комнате, в которой исполняли музыку, выставляли картину, читали поэму или разыгрывали драму, то в теперь почти каждый может наслаждаться симфониями, исполняемыми лучшими оркестрами; драмами, разыгрываемыми лучшими актерами, литературными шедеврами, опубликованными большими тиражами и по доступной цене; картинами и скульптурами в оригинале, выставленными в музеях и размноженными в бесчисленном множестве копий, и т.д.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968 гг.) — русский философ, социолог. До революции — лидер левого крыла партии эсеров. После революции был схвачен ЧК, приговорен к смерти и несколько недель ожидал ее. Был освобожден и после этого с огромной энергией занялся наукой. Опубликовал несколько книг и множество статей по вопросам социологии. Сорокин — один из основоположников теоретической социологии XX века.

В 1922 г. был выслан из России. С 1923 г. до самой смерти жил в США, был ведущим социологом, создавшим свою школу, в которой обучались почти все видные американские социологи. Был президентом социологической ассоциации. Не раз хотел съездить на родину, но так и не сумел.

Искусство стало доступным любому члену развитого общества, оно вошло в повседневную жизнь и стало рутинной принадлежностью всей западной культуры. Но в то же время искусство становится все более иллюзорным, пустым, поверхностным и обманчивым. Оно очень часто оказывается средством симуляции чувственных наслаждений. Его разнообразие постоянно побуждает его к поискам еще большего разнообразия, что приводит к разрушению гармонии, превращает искусство в океан хаоса и непоследовательности.

Искусство становится товаром, выставленным на рынок, оно не может более игнорировать потребности рынка. Ему надо прежде всего развлекать, стимулировать усталые нервы и сексуальное возбуждение. Из царства абсолютных ценностей искусство опускается до уровня производства ценностей товарных. Искусство становится лишь приложением к рекламе кофе, лекарств, бензина, жвачки. Каждый день можно услышать избранные темы Баха или Бетховена, но как приложение к рекламе масла, автомобилей или слабительных средств. Постепенно стирается граница между истинным искусством и чистым развлечением. Если нормативными персонажами античного и средневекового искусства были боги, святые и благородные герои, то герои современного искусства — домохозяйки, бизнесмены, политики, бандиты, проститутки и социальные извращенцы. Искусство дезинтегрируется, происходит смешение различных стилей, моделей и форм.

Сорокин писал эти строки в 1950-х годах. Для современной постмодернистской эпохи этот эклектизм становится принципом искусства. В архитектуре, например, сторонники постмодернизма отказались от такой фундаментальной составляющей как функциональность — подчиненность *формы* строения выполняемой им *функции* (кинотеатр, церковь, стадион, жилой дом и т.д.). Постмодернистские конструкции отличались «нефункциональностью» — введением элементов, не «нужных» с точки зрения назначения того или иного строения. Тот же прием активно и небезуспешно практикуется в музыке, в изобразительном искусстве, не говоря уже о литературе, где игра с традицией, смонтированными в текст скрытыми и явными цитатами, языковые эксперименты сделались едва ли не обязательным требованием для любого автора.

Еще одна особенность постмодернистского искусства — стирание различия между «высокой» и «массовой» культурой. Рафинированные произведения могут стремительно «тривиализироваться», бесконечно тиражируясь и становясь достоянием миллионов (как Мона Лиза на полиэтиленовом пакете или экранизация «Войны и мира»), а произведения так называемых низких жанров (детектив, триллер) приобретают черты «высокой» литературы. Кошмарные фильмы Тарантино становятся классикой, общепризнанным образцовым стилем.

Умирание души, замена веры знанием, утрата религиозности — все эти причины приводят, по мнению многих мыслителей XX века, писавших о кризисе искусства (О. Шпенглера, В. Вейдле, Н. Бердяева, П. Сорокина), к умиранию искусства. В мире померкнувшем, остывшем искусство не может оставаться единственным источником тепла и света: в тепле и свете оно нуждается само. Всеми своими корнями искусство уходит в религию, но это совсем не значит, что оно может религию заменить; наоборот, оно гибнет само от длительного отсутствия религиозной одухотворенности, от долгого погружения в рассудочный, неверующий мир. Истинный художник в нашем мире остался духовным лицом среди мирян. Как писал по этому поводу философ и литературовед Владимир Вейдле: «Нет мира; сокрылся Бог; в потемках один поэт — с маленькой буквы творец — ответствен за каждое слово, за каждое движение. Вовсе не одно то, что он пишет, важно. Еще важнее то, что он есть. Сожжение «Мертвых душ» столь же существенно, как и их создание, и в акте этого сожжения Гоголь все еще художник».

Избранные тексты

А. Шопенгауэр. О гении.

«Уже Аристотель, по свидетельству Цицерона, заметил, что «все гениальные люди — меланхолики»... И Гете говорил:

Мой пыл поэтический был невелик,
Покуда виднелся мне счастья лик;
Но только мне жизнь грозила бедой, —
Он вспыхивал ярко и был огневой.
Как радуга в небе, так песнь поэта
Для фона не любит лучистого света;
Всегда меланхолии тихой начало
К себе поэтический дух привлекало. <...>

Столь часто замечаемое у высокоодаренных людей печальное настроение имеет свою эмблему в *Монблане*, вершина которого по боль-

шей части окутана облаками; но иногда, в особенности ранним утром, эта облачная дымка рассеивается, и тогда, в пурпуре солнечных лучей, поднимаясь над облаками в своей небесной высоте, смотрит гора на *Шамуни*, — зрелище, которое волнует всякого до глубины души. Так и гений, по большей части погруженный в меланхолию, иногда, как я уже выше сказал, являет только ему одному доступную, только для него одного характерную ясность, которая проистекает из совершеннейшей объективности духа и светлым лучом осеняет его высокое чело. <...>

...гениальные индивиды часто не умеют заботиться о собственном благополучии. Как свинцовая привеска всегда возвращает данное тело в то самое положение, какого требует определяемый ею центр тяжести его, так истинно серьезное в человеке всегда направляет силу и внимание интеллекта туда, где оно лежит; все же другое человек делает без истинной серьезности. Поэтому только в высшей степени редкие, необыкновенные люди, истинная серьезность которых лежит не в личном и практическом, а в объективном и теоретическом, — только они в состоянии воспринимать и так или иначе воспроизводить существенное в вещах и в мире, то есть высшие истины. Ибо подобная серьезность, лежащая вне индивида и направленная на объективное, — это нечто чуждое человеческой природе, нечто противоестественное или, лучше сказать, сверхъестественное; но только ею человек велик, и потому творческую силу великих людей приписывают какому-то отличному от них гению, который будто бы ими овладевает. <...>

Так как, далее, гениальность состоит в творчестве свободного, то есть эмансипировавшегося от служения воле, интеллекта, то в результате и получается, что создания гения не служат никаким полезным целям. Будет ли это музыка, философия, живопись или поэзия, — гениальное творение не есть объект использования. Бесплезность — вот один из характерных признаков гениального произведения: это его дворянская грамота. Все остальные дела рук человеческих способствуют поддержанию или облегчению нашей жизни; иную цель имеют гениальные творения: только они одни существуют ради самих себя, и в этом смысле надо видеть в них цветок или чистую прибыль бытия. Вот почему, когда мы наслаждаемся ими, сердце наше трепещет: мы выплываем из тяжелой земной атмосферы нужды и потребностей. По аналогии с этим мы замечаем и то, что прекрасное редко соединяется с полезным. Высокие и красивые деревья не дают плодов, а плодовые деревья — это маленькие, безобразные карлики. Махровые розы не плодоносны: плодоносны розы маленькие, дикие, почти без запаха. Самые красивые здания не служат пользе: храм не жилище. <...>

Ко всему прибавьте еще и то, что гений по самому характеру своему живет одиноко. Он — слишком редкое явление, для того, чтобы ему

легко было встретить себе подобного; и он слишком отличается от других, для того, чтобы быть их товарищем. <...> В силу этого и в силу различия в интеллектуальном уровне гений не способен к совместному мышлению, т.н. к беседе в другими: эти другие в нем и в его подавляющем превосходстве найдут для себя столь же мало удовольствия, как и он в них. <...>

Самый счастливый жребий, какой только может выпасть на долю гения, — это вольный досуг для творчества, свобода от всякой суеты и хлопот, которые не его стихия. Из этого следует, что хотя гениальность и способна сделать одаренного ею человека счастливым в те моменты, когда, отдавшись ей, он утопает в неомраченном блаженстве, тем не менее она вовсе не пригодна к тому, чтобы создать для него счастливую жизнь, скорее наоборот. Об этом свидетельствует и опыт, запечатленный в биографиях гениальных людей. <...>

...сходство между гением и ребенком: в избытке познавательных сил сравнительно с потребностями воли и в вытекающем отсюда преобладании чисто познающей деятельности. Поистине, каждый ребенок — до известной степени гений, и каждый гений — до известной степени ребенок. Родство между ними сказывается прежде всего в наивности и в возвышенной простоте, которые составляют существенный признак истинного гения; оно обнаруживается еще и в некоторых других чертах, так что известные детские свойства бесспорно характерны для гения. В *примеровских* рассказах о Гете... упоминается, что Гердер и другие с упреком говорили, что Гете вечно будет большим ребенком; конечно, это утверждение справедливо, несправедливо только порицание. И о *Моцарте* говорят, что он в течение всей своей жизни оставался ребенком..., в некрологе Шлихтегролля сказано о нем...: « В своем искусстве он рано стал мужем, но всех других отношениях он вечно оставался ребенком». Каждый гений уже потому большое дитя, что он смотрит на мир как на нечто постороннее; для него это — зрелище, которое интересуется его с чисто объективной стороны. Вот почему в нем, как в ребенке очень мало сухой серьезности заурядных людей, которые никогда не способны возвыситься над интересами чисто субъективными и видят в предметах только мотивы для своей деятельности. Кто в течение своей жизни не остается до известной степени большим ребенком, а всегда представляет собой тип серьезного, трезвого, вполне положительного и благоразумного человека, тот может быть полезным и дельным гражданином мира сего, но никогда не будет гением».

(А. Шопенгауэр. Сочинения. В 6 т. Т. 2.
Мир как воля и представление. М., 2001. С. 321–332).

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широко шумные дубровы...

А. С. Пушкин

Поговорим о прочитанном:

1. Могли бы вы назвать хотя бы пятерых гениальных людей (признанных таковыми всем миром), которые живут в наше время? Или признанным гением человек становится тогда, когда умирает?
2. Согласны ли вы с мнением о том, что литература умирает — люди, особенно молодежь, очень мало читают, а если читают, то не Толстого или Шекспира, а Маринину или Акунина? Да и нет сейчас — и уже давно нет — писателей, по масштабу сравнимых с Толстым или Шекспиром.
3. Учитывая огромное влияние искусства на человеческую жизнь, действительно ли можно заключить, что не искусство подражает жизни, а жизнь подражает искусству? Ведь в любую эпоху находится достаточно большое количество людей, совершенно равнодушных к искусству.

4. Быть добрым — это искусство. Сталкивались ли вы в жизни или в исторических примерах с тем, что люди, пытаясь делать добро, творили только зло?
5. В истории искусства мы часто встречаемся с попытками изменить мир: художник А. Иванов двадцать лет писал свою картину «Явление Христа народу» и был уверен, что люди, взглянув на нее, сразу духовно переродятся; композитор Скрябин всю жизнь положил на написание «Мистерии», которая, полагал Скрябин, будет исполняться всего один раз, и после этого кончится этот мир и наступит мир новый, преображенный. Имеют ли рациональный смысл такие грандиозные замыслы художников (которые так и не осуществились), или это лишь бесплодные мечтания?
6. Может ли каждый человек заниматься каким-либо искусством — или только те, кто имеют специфические способности?
7. Нужно ли вам читать самому тот или иной роман, если по этому роману поставлен фильм, который вы видели?
8. Согласно ли вы с тем, что в связи с огромным влиянием телевидения на смену «человеку читающему» приходит «человек смотрящий» и в этом нет ничего пугающего, просто наступает другая эпоха?

Раздел IV. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Тема 4.1. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

«Я» — «Ты» — «Мы»

Абсолютно непосредственно и достоверно дано нам лишь наше собственное Я. Оно является той точкой, из которой наше сознание озаряет для нас весь остальной мир. Все остальное — другой человек, общество — воспринимается как производное от моего Я, как нечто внешнее, чужое, как все, что не Я. Однако при этом остается непонятным человеческое общение. Как можно понять другого человека, отнестись к нему с доверием? Как можно «добраться» до другого человека, до другого сознания?

С точки зрения философии, «другое я» — это не просто объект, скажем, другое тело, другой организм, который можно воспринимать и познавать, но это в то же время другой человек, который меня воспринимает, на меня смотрит, меня слушает. «Ты» не стоит пассивно перед «я», покорно и безучастно предоставляя себя любопытствующему взору, здесь происходит активная встреча двух. Мое «я» открывается другому, становится для него «ты».

Не я открываю «ты», оно само открывается мне. Чужую душу нельзя ни видеть, ни осязать, нельзя вообще чувственно воспринять. Чужая душа — это ведь не вещь, не предмет, на который я смотрю, — она сама на меня смотрит. Как два зеркала, поставленные друг против друга, дают бесчисленный ряд отражений, так и познание некоего «ты» должно содержать в себе бесконечное число преломляющихся и отражающихся узаваний и пониманий.

«Ты», таким образом, дает нам знать о себе, затрагивая нас, проникая в нас, вступая с нами в общение. То, что называется «ты», есть непостижимая тайна живого человека, которая соприкасается с нами, вторгается в нас, переживается нами. Все это дано уже в любом чужом взоре, направленном на нас. Встреча двух пар глаз, скрещение взоров — то, с чего начинается любовь, и дружба, и вражда, всякое общение — есть, по словам С. Франка, наиболее конкретное обнаружение вечной тайны, образующей само существо человеческой жизни. Здесь происходит чудо выхождения человека за пределы самого себя, взаимного самораскрытия друг для друга двух людей, которые в иных отношениях замкнуты в себе.

В человеческой истории сознание «я», с одной стороны, возникает из реакции на «ты» как чуждую и угрожающую ему инстанцию «друго-

го», на «я-подобное» существо вне самого человеческого «я». Но, с другой стороны, «я» как таковое впервые внутренне оформляется, начинает самого себя понимать и оценивать, лишь когда видит себя чужими глазами. Человек, писал К. Маркс, рождается без зеркала в руках, и сначала, как в зеркало, смотрится в другого человека. Только увидев в другом, похожем на него, человека, он и к самому себе начинает относиться, как к человеку.

Известна концепция «зеркального Я» американского психолога Ч. Кули. С его точки зрения, личность — это сумма реакций человека на мнения о нем окружающих. То есть человек смотрит на то, как к нему относятся, и старается соответствовать ожиданиям. Если ему с детства твердить, что он глупый, он и вырастет глупым. Если же все уверяют его, что он способный и талантливый — он также постарается соответствовать ожиданиям других.

Раньше в младших классах проводили опросы: каждый писал записку учителю, с кем он хочет сидеть за одной партой в следующем году. Выявляли тех, с кем никто в классе сидеть не хочет, то есть отвергаемых всеми, нелюбимых одноклассников. В таком возрасте дети остро чувствуют, что их не любят, и вырастают несчастными, покинутыми, с острым чувством собственной неполноценности. И учителю нужно было переломить такое отношение класса к ребенку.

Первичное единство «я» и «ты» грамматически выражается в «мы». «Мы» — это не просто совокупность многих «я», это преодоление вечной противопоставленности меня и другого. «Мы» — первичная категория личной человеческой (а потому и общественной) жизни. Это единство, противостоящее множеству и разделению. Человек как «я» развивается в лоне «мы» всю свою бессознательную и сознательную жизнь.

Язык, культура, нравственность, весь духовный капитал, которым мы живем и который составляет наше существо, берется из сложившихся жизненных отношений между людьми. Социальная, общественная жизнь не есть, следовательно, какая-то чисто внешняя форма человеческой жизни. Она есть необходимое выражение единства всех людей, составляющая основу человеческой жизни во всех ее областях. Человек живет в обществе не потому, что так жить удобнее, а потому, что лишь в качестве члена общества может состояться как человек, подобно тому, как лист может быть только листом целого дерева.

С начала XX века в философии различают «общество» и «общность». Общество (в отличие от общности) — это внешняя связь между людьми, внешнее подчинение людей общей направляющей воле, власти или праву. Но внешнюю организацию общественной жизни, внешнюю механичность нужно отличать от внутренней органичности. Все органическое, живое, живущее внутренним единством, не может быть организовано извне. Единство и оформленность действуют в них

самих, изнутри пронизывая их и внутренне присутствуя в их внутренней жизни.

Это внутреннее органическое единство может выступать в форме семьи, в форме религиозной жизни, наконец, в форме общности судьбы и жизни всякого множества людей. Эта общность образует жизненное содержание самой личности. Общность — это духовное питание, которым внутренне живет личность, ее богатство, ее личное достояние.

На первый взгляд, общество состоит из живых людей, населяющих землю в настоящее время. Но за наружным, временным аспектом настоящего в общественной жизни таится ее вечный фундамент и источник сил — первичное сверхвременное единство настоящего с прошлым и будущим. В каждое мгновение наша жизнь определена силами и средствами, накопленными в прошлом, и вместе с тем устремлена в будущее, выступает как творчество того, чего еще нет.

Этносы и суперэтносы как формы существования человека

Этнос — это объединение людей, лежащее на границе природы и общества, это жизнь людей в конкретных природных условиях, которые определяют физиономию этноса, и в то же время определяемая социальными, культурными законами. В учение об этносах большой вклад внес Л.Н. Гумилев, в частности своей книгой «Этногенез и биосфера земли».

Греческое слово «этнос» означает вид, порода. В данном случае имеется в виду вид, порода людей — *homo sapiens*. Этнос — это свойство человеческого вида группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» всему остальному миру. Эллины и варвары, иудеи и все остальные, европейцы-католики в Средние века и все остальные. Объединиться в этнос нельзя, он возникает как природное явление, и каждый человек с младенчества принадлежит тому или иному этносу.

Есть и социальные объединения — классы, государства; есть природные объединения — семья, род, племя, народность, раса, и даже отчасти нация. Этнос как бы перекрывает и тот и другой типы объединения, являясь, с одной стороны, основой и природных, и социальных делений человека, с другой — самостоятельной единицей.

Этнос связан не только с природой, он имеет отношение к сознанию, к психологии человека. Гумилев приводил такой пример: во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы (строго говоря, не французы: первые — выходцы из Англии, вторые — из Испании). В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от фран-

цузов. Но можно ли сказать про маршала Мюрата или про мушкетера д'Артаньяна, что они — не французы? Они считали себя принадлежащими к французскому этносу.

Русский этнос в 1869 году — это поморы, питерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и степных губерний, казаки донские и казаки уральские — все они очень были непохожи друга на друга, говорили на разных диалектах, вели совершенно разный образ жизни, но народного единства это не разрушало. А вот терские казаки по быту очень близки чеченцам, но эта близость их друг с другом никогда не объединяла.

Цыгане вот уже тысячу лет как оторвались от своего общества и от Индии, откуда они пришли, потеряли связь с родной землей и, тем не менее, не слились ни с испанцами, ни с французами, ни с румынами. Цыгане везде, куда бы ни попадали, оставались иноплеменной группой.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992 гг.) — сын двух великих русских поэтов — Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Участник многих этнографических и археологических экспедиций в Азию в 1930-х годах. Доктор исторических и географических наук. Результатом его исследований стали замечательные, хотя во многом спорные, книги — «Древняя Русь и Великая Степь», «В поисках вымышленного царства», «От Руси к России», «Хунну».

Этносы часто складываются в систему этносов. Например, «китайцы» или «индусы» эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, ибо являются системами этносов, объединенных на других принципах культуры. Индусов связывает система каст, а китайцев — иероглифическая письменность. Как только уроженец Индостана переходил в мусульманство, он переставал быть индусом. Китаец, живущий среди варваров, в древние времена рассматривался как варвар, а иноземец, знавший китайский этикет, — как китаец.

В Иране, наоборот, персом нужно было родиться. В США, чтобы стать полноценным американцем, нужно там родиться, а кто ты по национальности — еврей, русский или немец — не важно.

Этнос — это, согласно Гумилеву, еще и поведение людей, его составляющих. Каждый человек должен вести себя особым образом, и характер этого поведения определяет его этническую принадлежность. Возникновение нового этноса — это также создание нового стереотипа поведения. Особенно это относится к суперэтносам, которые, складываясь на основе старых этносов, создавали новый специфический тип поведения.

Современные испанцы, считал Гумилев, сложились в этнос, носящий это название, относительно поздно, в Средние века — из смешения древних иберов, кельтов, римских колонистов, германских племен (свевов и вестготов), к которым примешались баски — прямые потомки

иберов, аланов — потомков сарматов и ближайших родственников осетин, арабов-семитов, мавров и туарегов-хамитов, норманнов и каталонцев (частично сохранивших свое этническое своеобразие).

Англичане — это сложный суперэтнос из англов, саксов, датчан, норвежцев и западных французов из Анжу и Пуату.

Русский суперэтнос образовался из смешения восточных славян из Киевской Руси, западных славян (вятичей), финнов (меря); муромы, веси, чуди заволоцкой; угров, смешавшихся сперва с перечисленными финскими племенами; балтов (голядь); тюрок (крещенных половцев и татар) и в небольшом числе монголов.

Только через принадлежность к этносу любой человек осознает свою связь с человеческим обществом, с государством, с историей.

Семья

Семья — клеточка, как бы мини-модель общества. Без семьи и семейного воспитания, семейной заботы о ребенке не было бы ни общества, ни государства, ни этноса. Как бы ни менялись общественные устройства, какие бы бури ни проносились над людьми — семья всегда оставалась.

Утописты-революционеры всех времен почему-то мечтали уничтожить семью, брачные отношения, выступали за свободную любовь, за то, чтобы функции семьи передать государству. В.И. Ленин ратовал за то, чтобы построить огромные фабрики-кухни, фабрики-прачечные и освободить женщину от домашнего труда.

Однако давно замечено, что дети, получившие домашнее, а не казенное воспитание, лучше учатся, более способны. Никакие детские сады и школы не заменят материнской любви. Л. Толстой писал в «Войне и мире», что Наташа страстно любила своего будущего ребенка. Вот когда нас так любят, так страстно желают еще до нашего рождения, — то в этом заложены все наши таланты, все наши способности.

Семья исторически изменялась. В эпоху матриархата, когда власть принадлежала женщинам, каждый знал свою мать, но никто не знал своего отца, вместо семьи были так называемые беспорядочные половые отношения. Затем власть перешла к мужчине, и отец стал заинтересован в том, чтобы точно знать, кто его дети, кому передать свое хозяйство, свой дом. Возникла парная семья. Она еще не была скреплена законами и легко распадалась и вновь образовывалась.

С появлением государства и права появились законы и о браке, и постепенно в Европе начала складываться моногамная семья — один мужчина и одна женщина. Однако в некоторых мусульманских странах до сих пор, особенно в деревнях, существуют полигамные браки. По

мусульманским законам мужчине разрешается иметь до четырех жен, в некоторых странах еще больше. В Непале в первой половине XX века семья строилась по противоположному принципу: одна жена могла иметь до пяти мужей. Но в большинстве стран укрепилась и сохраняется моногамная семья.

Семья воспитывает и развивает чувство взаимной связанности людей, их умение служить друг другу. Семья, живущая в одном доме — это, согласно Л. Гумилеву, пример социальной системы. «Элементы системы: члены семьи и предметы их обихода, в том числе муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Они составляют семью до тех пор, пока супруги не разведутся, дети не отколются, начав зарабатывать сами, теща не разругается с зятем, колодец не зацветет и кошка не заведет котят на чердаке. Если после этого они останутся в доме, хотя бы туда провели водопровод, это будет не семья, а заселенный участок, то есть все элементы живой и косной природы останутся на месте, но система семьи исчезнет. И, наоборот, если умрет теща, будет перестроен дом, сбежит кошка, уедет учиться любящий сын, семья сохранится, несмотря на перемены в числе элементов. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они и не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры».

Надо отметить, что семья и сейчас эволюционирует, причем, кажется, в худшую сторону. Еще в начале XX века типичной для Европы была большая семья, все жили вместе: родители, родители родителей, дяди, тети, кузены, кузины и т.д. В настоящее время типичная семья — это родители (отец и мать) и один — два, максимум три ребенка. Дети, едва став взрослыми, стараются как можно раньше уйти из семьи и завести свой дом, жить самостоятельно. В странах Запада это вообще стало правилом: сын или дочь, достигнув совершеннолетия, отделяются и живут, стараясь экономически не зависеть от родителей, и родители не рвутся им помогать, считая, что они должны сами пробить себе дорогу в жизни.

Постепенно исчезает тот аромат большой семьи, в котором и должны расти дети.

Государство

Согласно английскому философу XVI века Томасу Гоббсу, государство существовало не всегда. Сначала была «война всех против всех», человек сам должен был себя защищать. Постепенно люди пришли к идее «общественного договора»: они как бы заключили договор, что часть своей свободы они отдают государству, то есть обязуются ему повиноваться, а оно обязуется их охранять от разбойников и внешних

врагов. Таким образом, главная цель государства — охрана своих подданных, забота о них.

Первое государство возникло в древнем Египте много тысяч лет назад, а сейчас нет ни одного народа, кроме первобытных племен где-нибудь в джунглях Амазонки, которые не имели бы государственного устройства. Древние греки перепробовали все виды и формы такого устройства: монархию (власть одного, покоящуюся на законе), тиранию (беззаконную власть одного человека), олигархию (незаконную власть группы людей), демократию (власть народа) и олокрацию (власть толпы).

Демократия, наверное, лучшая форма государства: всеобщее избирательное право (когда каждый может выбирать и быть избранным в органы власти), соблюдение прав и свобод каждого человека. Правда, в древнегреческой демократии рабы людьми не считались и прав не имели. Однако в мировой истории и демократии, и монархии тяготели к установлению тирании или олигархии, к узурпации власти, к подавлению прав и свобод личности.

Чтобы избежать такой тенденции, английский философ Дж. Локк предложил принцип разделения властей. В соответствии с этим принципом современное демократическое общество имеет четыре ветви власти:

законодательная власть (парламент, дума и т.п.);

исполнительная власть (президент, правительство);

судебная власть;

свободная пресса, которую сейчас называют четвертой властью.

Все эти ветви власти друг от друга не зависят, все друг друга контролируют и делают невозможной узурпацию, захват власти каким-нибудь одним лицом или одной ветвью власти.

В настоящее время подавляющее большинство стран мира — это демократические парламентские республики. Даже те страны, где у власти находится монарх (например, Великобритания, Швеция), по существу, функционируют в режиме республики.

Власть во все времена считалась у людей наивысшей ценностью. Люди всегда стремились властвовать над другими людьми — войны, преступления и злодеяния почти всегда связаны с жадой власти.

Немецкий социолог XX века Макс Вебер выделил три типа власти:

традиционная власть,

харизматическая власть,

бюрократическая власть.

Традиционная — это власть, передаваемая по наследству, по традиции. Король правит не потому, что он умный или талантливый, а потому, что родился в семье короля.

Харизматическая власть покоится на личном обаянии человека — харизме. Харизматический лидер — это человек, прорвавшийся к власти за счет своей мощной воли, ума, энергии. Типичным харизматическими лидерами были Наполеон, Ленин, Муссолини, Ф. Кастро, Ельцин в начале своей деятельности и др.

Самой «совершенной» в смысле неуязвимости, самой распространенной и могущественной является ныне бюрократическая власть — власть аппарата. Это анонимная власть — почти никто не знает людей, которые готовят самые важные решения. Те, кто их подписывает, — на самом деле «свадебные генералы». Аппарат могущественнее их и может их убрать, если они мешают. Типичный пример — августовский путч 1991 г., когда партийно-государственный аппарат лишил власти М. Горбачева.

Бюрократический аппарат — это совокупность людей, работающих, как машина, без страха и упрека, без эмоций, без инициатив. Современный чиновник тем успешней работает винтиком этого аппарата, чем сильнее подавил в себе все человеческие качества. Аппарат может работать на кого угодно, кто бы ни стал у руля власти, хотя на самом деле аппарат служит прежде всего самому себе.

Государство, корпорация, университет, армия, даже церковь — все управляется ныне бюрократическим аппаратом. Он постоянно разбухает, втягивая в себя все новых людей. Он, как гидра: если у него отрубить одну голову, то вскоре вырастают сразу три.

Аппарат — и благо и зло одновременно: ничего более эффективно в деле управления человечеством не создало, и в то же время аппарат, если его все время жестко не контролировать (а он никаких контролеров не терпит и неизменно пытается от них избавляться), начинает работать на себя.

В некоторых странах роль государства в жизни общества минимальна, и достижение такого ограничения считается важнейшим завоеванием демократии. Государство охраняет границы, защищает людей от преступности, собирает налоги и заботится о пенсионерах и безработных. В США, например, в государственном секторе только 5% экономики, все остальное — в частных руках.

У нас государство традиционно очень сильно и вмешивается во все дела и обязанности граждан. Оно по-прежнему определяет основные направления экономического развития, по-прежнему у нас нет сильного класса собственников, которые не зависели бы от государства. По-прежнему большая часть населения живет в совершенном неведении по поводу своих юридических прав и обязанностей.

Возможно, что сейчас это исторически оправдано: нужна сильная государственная власть, чтобы справиться с разгулом преступности, остановить падение производства и т.д. Но рано или поздно государство должно будет умерить свои аппетиты, и очень значительно.

Социальная структура

Во все века, начиная с возникновения государства, общество было разбито на разные классы, сословия, касты и т.д. В России XIX века были помещики, крестьяне, буржуа, рабочие, ремесленники, сословия дворян, священников, купцов, мещан, казаков. Крестьяне, например, были государственные, помещичьи, монастырские, вольные.

Общество было довольно сложным и дифференцированным. После октябрьской революции 1917 года все значительно упростилось: сословия были уничтожены, остались рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, которую называли «прослойкой».

По мнению социологов, сейчас в России, помимо правящей элиты, можно выделить три класса: средний, базовый и низший, а в рамках каждого — по два самостоятельных страта (слоя): средний класс распадается на «состоятельных» и «обеспеченных»; базовый — на «средне-обеспеченных» и «малообеспеченных», низший — на «бедных» и «нищих». Средний класс в России теперь составляет не более 20 процентов населения страны.

Что касается социальной структуры развитых капиталистических стран, то там «средний класс» составляет 60 процентов населения и состоит, как правило, из следующих страт: «средние-богатые», «средние-средние» и «средние-бедные». Единственным критерием различия является размер доходов. «Средне-богатым» может быть и управляющий государственным предприятием, и владелец крупного магазина. Но даже «средние-бедные» — это люди, живущие в соответствии с очень высокими стандартами жизни. Помимо среднего класса есть класс богатых — это крупные собственники и высокопоставленные управляющие корпораций, банков и т.д., и класс бедных — людей, получающих доход ниже необходимого прожиточного уровня.

В каждом обществе есть и еще одна часть населения, в некоторых довольно внушительная — маргиналы (раньше их называли деклассированными элементами): воры, бандиты, проститутки, бродяги, нищие.

В СССР в 1930-е годы во время коллективизации огромная масса крестьян хлынула в города, спасаясь от голода и репрессий. Многие из них, оторвавшись от крестьянской среды и культуры, так и не приросли к городу. Без корней, без роду и племени, без религии, без культуры, они как бы повисли в воздухе. Эти люди, как правило, выполняли самую простую, неквалифицированную работу, селились по окраинам городов, в бараках — тогда деревянных, сейчас многоэтажных панельных.

Маргиналы всегда первыми пополняли ряды безработных, всегда были питательной средой для преступности. Они в силу своего низкого культурного развития всегда поддерживали реакционные режимы — фашистский режим, коммунистический. Беда этих людей в том, что они

никому не нужны, в обществе все меньше потребности в неквалифицированном труде, все меньше рабочих мест, везде требуется хорошее образование и достаточно высокая общая культура.

Гражданское общество

Вечным анекдотом при советской власти был следующий: «чего только у советской власти нет — масла нет, мяса нет!» Но еще при советской власти никогда не было гражданского общества. В то время господство государства было тотальным, потому и государство являлось тоталитарным. Государство определяло, что людям слушать — почти все западные радиостанции, вещающие на русском языке, глушились; определяло, что смотреть и читать — все издательства и типографии были государственными, свирепствовала цензура, и страшным преступлением было иметь свой печатный станок; определяло, что думать — с детского возраста людям пытались так промыть мозги, чтобы они или думали в соответствии с решениями партии, или вообще не думали.

Все права личности, записанные в Конституции, существовали только на бумаге: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода печати. Не было презумпции невиновности (человек не обязан доказывать, что он невиновен; он не может считаться преступником, пока его вина не доказана судом) и т.д. Человек был не гражданином, а винтиком огромной государственной машины.

Человек всегда существовал один на один с государством.

Гражданское общество — это общество структурированное. Оно содержит внутри себя массу негосударственных объединений, не зависящих от государства, и человек, являясь членом одного или нескольких союзов или объединений, уже не стоит один на один перед лицом государственной машины. Она уже не может спокойно проехать по человеку, даже не заметив его.

Если общество однородно и монолитно, как при тоталитаризме, то оно подобно студню — толкнешь его с одного бока, и толчок, не встречая никакого сопротивления, свободно проходит через всю массу до другого края. Отсюда и всенародное одобрение решений партии, и всенародное осуждение проклятых империалистов или их пособников — инакомыслящих. Отсюда страх, царивший в обществе: человеку некуда было укрыться от вездесущего государева ока. Все мы были погружены в этот студень и дружно колебались в такт его колебаниям.

Иное дело — гражданское общество. Я здесь не только гражданин государства, но и член союза потребителей, член клуба содействия пожарным, член секты «Свидетели Иеговы», член общества трансцендентальной медитации. Я — член коллектива, с которым у меня общие ин-

тересы, мы защищаем друг друга, мы помогаем друг другу. Тот же «Союз потребителей» — серьезная общественная организация, которая по вашей просьбе может подать в суд на государственное предприятие, выпускающее некачественные продукты. Она имеет свой журнал, своих адвокатов и может, в принципе, разорить любое государственное или частное предприятие, если уличит его в неуважении к правам потребителей.

В России еще только появляются ростки гражданского общества. А вот, к примеру, в современной Германии оно сильно развито. Там существует широкое «альтернативное движение». Одна из основных программ этого движения — ограничить зависимость людей от государства и могущественных концернов. Создать такие условия, чтобы люди сами обеспечивали себя собственным трудом, не работая на государство и крупных собственников. Можно жить лучше, даже если имеешь меньше. Меньше денег, меньше потребления, но больше возможностей для личной самореализации. Нужен переход от «экономики услуг» к «экономике самообслуживания».

Нужно, считают идеологи альтернативных движений, работать, чтобы жить, а не жить, чтобы работать. Создаются мелкие предприятия, которые называют себя «коллективами», «социальными проектами». Это центры дошкольного воспитания, продовольственные кооперативы, коллективные мастерские, общественные библиотеки, терапевтические группы взаимопомощи (например, группа помощи женщинам, подвергающимся плохому обращению в семье), группы социо- и психотерапии, товарищества по закупкам. Основная идея «альтернативщиков» — переход от централизованного государства к «федерации коммун», кооперативов, мелких аграрных и ремесленных производств. В Германии сотни сельскохозяйственных коммун, много самоуправляемых молодежных коммун. Существует широкое движение за гражданские права, оно выступает против запретов на профессии, поддерживает «Международную амнистию». Наконец, много религиозных нетрадиционных обществ и сект.

Все это вместе создает богатое гражданское общество, в котором человек всегда может найти себе группу единомышленников, защиту от несправедливостей государства и от собственного одиночества. Человек чувствует себя комфортно только в своей маленькой группе, где все друг друга знают, любят и помогают друг другу.

В этом плане в России человек в массе своей чудовищно одинок и часто пользуется суррогатами общения: возле пивного ларька, где все действительно друг друга «уважают», или вливаясь в орущую массу болельщиков на стадионе.

Платон, написав свою книгу «Государство», стал первым социальным утопистом. С его точки зрения, люди будут счастливы только при справедливом государственном строе, где каждый живет в соответствии со своими способностями, знает свое место, и где никто никому не завидует. В платоновском государстве существует три класса: философы управляют, стражники охраняют, а ремесленники работают. Каждого ребенка, достигшего пяти лет, Платон предлагал приводить к философам, чтобы те решали, в какой класс его отдать. Если умный — то ребенок становится философом, если глупый и сильный — стражником, если не то и не другое — тогда ремесленником. Все в этом государстве расписано и регламентировано: когда вставать, когда петь гимны, когда жениться и т.д.

Но, как мы видели, попытка Платона претворить этот проект в жизнь не удалась. Впоследствии все подобные проекты идеальных государств, которых на самом деле нельзя построить, получили названия «утопий» («у» — нет, «топос» — место, «утопия» — то, что не имеет места).

Там, где мы пытаемся внедрить утопию непосредственно в жизнь, возникает социальная алхимия. Алхимия — это средневековая наука, занимавшаяся поисками «философского камня», способного превращать все металлы в золото. Главным в алхимии было не само золото, а внутренняя духовная трансформация человека, философский камень — это сам алхимик, который в результате многолетних опытов по изучению природы и самого себя в ней становился мудрым. Когда же действительно ищут философский камень вовне человека — например, ищут золото, или рецепты идеального общественного устройства, или рецепты воспитания нового человека — тогда и начинается социальная алхимия, вера в то, чего нет и принципиально не бывает.

Подобные «алхимические» попытки никогда не прекращались в истории человеческой мысли. Иеремия Бентам — английский философ, занимавшийся проблемами морали, написал «Паноптикум, или руководство народом в целях его блага». Паноптикум — это не только музей, это еще и башня, с которой все видно очень далеко. В «Паноптикуме» Бентам давал рецепты жизненного обустройства людей ничуть не менее утопические, чем платоновские. Бентам считал, что можно представить себе тюрьму, детский дом, любой социальный институт и даже общество в целом как нечто такое, что может быть охвачено взглядом, видящим все насквозь. Иначе говоря, можно, наивно полагал Бентам, познать социальную среду и то, как она воздействует на человека, а следовательно, можно с помощью определенных манипуляций с этой средой получать заранее вычисляемые и предсказуемые результаты. Организуя

систему обстоятельств, можно совершенно управлять человеком — разумеется, для человеческого же блага. Подобную же машину для оболванивания попытались создать позднее в России и Германии, отыскивая такие формы воздействия на людей, которые превращали бы их в послушных баранов.

Английский писатель Джордж Оруэлл в своем знаменитом романе «1984» описал идеальное тоталитарное общество, весьма напоминавшее жизнь в СССР. Министерство госбезопасности называлось там министерством любви, министерство пропаганды, которое врало каждый день и постоянно изощрялось, как бы еще ловчее соврать, — министерством правды и т.д. Семьи не было, каждый жил в маленькой комнатухе, где одну стену заменял телевизор, работавший круглые сутки. Не только человек на него смотрел, но и через него «министерство любви» постоянно смотрело на человека. Каждый раз в месяц получал талончики разного цвета — на табак, на еду, на женщину или мужчину. Все были довольны и счастливы, а кто случайно оказывался чем-то недоволен, тот исчезал. Роман Оруэлла — антиутопия, в которой он, однако, опирался на реальные факты управления людьми в тоталитарных государствах.

Наше государство, конечно, не достигло вершин такого господства над личностью, но приближалось к нему. Поскольку никакие утопии не свершились — коммунизм не удался, новый человек, с пламенным взором в будущее и с горячей любовью к партии, никак не хотел появляться, — то место утопии почти полностью заняла алхимия. Людей заставляли верить в то, чего на самом деле не было. Но заставляли так искусно и методично, что многие верили. Верили, например, в то, что у нас — государство рабочих и крестьян, хотя ни рабочие, ни крестьяне никакой реальной власти не имели, вся власть была в руках мощной бюрократической машины. Партийная бюрократия держала в своих руках все инструменты воздействия на народ — власть, печать, радио, телевидение — и с детства внушала каждому человеку утопические иллюзии.

Верили в то, что живут при социализме, хотя ни материальных, ни политических условий для социализма в стране не было. Верили в то, что живут хорошо и все имеют, хотя страна по уровню жизни занимала одно из последних мест в мире. М. Мамардашвили в своих лекциях описывал такой случай: как-то вскоре после войны они с другом, секретарем комсомольской организации факультета, стояли на улице Горького и разговаривали. И тут к ним подошел нищий мальчик и стал просить милостыню. А друг продолжал так же увлеченно разговаривать, не замечая мальчика. И тут, вспоминая Мамардашвили, я понял, что он просто не видит мальчика, не может увидеть, поскольку, будучи человеком партийным, твердо верит, что при социализме нищих не бывает.

Никаких рецептов счастливого переустройства общества никогда не было и не будет — это вообще не по силам человеку. А все сознательные усилия государства, направленные на это, всегда порождали нелепые социально-алхимические эксперименты, за которые расплачивался народ. Как говорил древний китайский мыслитель Лао-Цзы: высшая форма поведения в государстве — бездеятельность. Общество нельзя привести в порядок никакими внешними усилиями, нужно только дать людям свободу, не навязывая им никаких рецептов, и они сами найдут правильный путь. Мудрый правитель следует дао, не делает ничего, чтобы управлять страной, и тогда она процветает.

Глобальные проблемы современности

XX век стал веком глобальных проблем. Глобальные проблемы — это совокупность острейших жизненных вопросов, от которых зависит прогресс и само выживание человечества: экологический кризис, порождаемый катастрофическим по своим последствиям вторжением человека в биосферу; нарастающее истощение невозобновимых природных ресурсов, стремительный рост численности населения («демографический взрыв») в бедных странах и резкое падение рождаемости в странах развитых.

В настоящее время ко всем этим бедам добавилась еще антропологическая катастрофа: повреждение генофонда и как следствие этого — появление все большего числа умственно отсталых и физически неполноценных детей. Это вызвано и загрязнением окружающей среды, в том числе радиоактивным, и ростом потребления алкоголя, и уничтожением лучших людей общества. В России был истреблен цвет нации: сначала дворянство и купечество, затем наиболее инициативная и энергичная часть крестьянства, творческая интеллигенция. Огромный ущерб генофонду был нанесен войной, голодом и репрессиями: первыми погибли всегда самые лучшие, самые инициативные, самые талантливые.

Глобальные проблемы называются так потому, что нет ни одной страны в мире, которых они так или иначе не касались бы — и еще потому, что решить их можно только общими усилиями всех стран вместе.

Еще одной глобальной проблемой стал уже в XXI веке международный терроризм, который угрожает всему цивилизованному человечеству. За вспышками насилия, убийствами заложников, взрывами домов с людьми в разных странах стоит, возможно, целая разветвленная организация, финансируемая крупными промышленными группами или даже целыми государствами. Борьба с международным терроризмом стала самой важной глобальной проблемой современности, для ее решения объединяются сейчас все демократические государства мира.

Глобальной проблемой стали современные средства массовой коммуникации. Телевидение и радио не только распространяли информацию, но были и мощным орудием культурного образования народа. Но за последние 20 лет во всех развитых странах сформировалась такая система массовой коммуникации, в которой все централизовано и монополизировано.

Раньше разные группы людей в разных странах могли интерпретировать происходящее по-своему. Теперь все информационные потоки распространяются по всему миру по существу из одного центра и чаще всего дают искаженные интерпретации происходящего. Подавляющее большинство коммуникационных потоков производится или контролируется узкой группой медийных олигархов. Глобальное общество в действительности перешло в руки владельцев гигантской «фабрики грез». Например, американский образ жизни становится доминирующим для всего мира. Американское кино, которое транслируется всеми телекомпаниями мира, в том числе и российскими, стоит недорого (почему и покупается всеми), а содержание этого «культурного ширпотреба», — почти сплошь кровь, насилие, непрерывные убийства и т.д. Сравнение нашей Останкинской телебашни со шприцем с наркотиками, воткнутым в тело России, довольно адекватно отражает существующую ситуацию.

Для огромных масс людей весь мир сконцентрирован на экране телевизора. Без телевидения никакие идеи не существуют, никакие политики не функционируют, никакие социальные движения неизвестны, если не показаны на экране. Сейчас политика — это то, что прошло через экран телевизора. Наша озабоченность уровнем преступности или экологией прямо связаны с тем, в каком объеме эти темы затрагиваются СМИ, прежде всего телевидением. Наша представление о значимости некоторого события, то есть о его «событийности», опять-таки возникает благодаря его демонстрации телеканалами. В этом смысле не только отдельные политики «делаются» телевидением; телевидением делается сама политика. Говорят даже о новом типе человека «*homo videns*» (человек смотрящий), для которого то, что он видит на экране, и является единственной реальностью, который глотает любую идеологическую жвачку и каждый день требует новую порцию. Все это очень тревожные симптомы современного процесса глобализации.

Мы живем в эпоху массового функционирования развернутой системы «симулякров». Симулякры — это такие копии, или подобию, которые вытесняют собой оригинал, становятся важнее оригинала. Объект рекламы, например, имеет весьма отдаленное отношение к «реальному» предмету, продать который пытается коммерсант. Покупая его, мы покупаем не столько сам предмет, сколько его образ. Объекты наших стремлений (и, соответственно, покупок) имеют весьма отдаленное отношение к нашим реальным потребностям.

Симулякрами может быть все: любовь, секс, смерть, политика, война. Самодостаточные знаки — симулякры — поглотили собой предметы, то есть «реальность» в привычном смысле слова.

Общество как бы перестает существовать всерьез, симулякры, игра, фантомы поглощают все. Возможно, это свидетельствует о конце человеческой истории, — если люди не найдут в себе силы обрести или открыть новые глобальные смыслы своего существования и предназначения.

Избранные тексты

Семья

«Мы не имеем активной семьи — вот где узел всего; мы не имеем и никогда не было у нас религиозно-активного ощущения самого ритма семьи — таинственных, совершающихся в ней счленений в «мужа» и «жену», расчленений в «отца» и «ребенка», в «дитя» и «мать». <...>

Счастливых семей, то есть верных подлинно, в сердце, — еще гораздо менее, чем думают. Буквально это есть редчайшие исключения; но они есть, и, присматриваясь там и здесь, сейчас можно узнать такую семью. Это — оазис, заброшенное живое зерно среди мертвой (в сущности) ткани брака; она никуда не спешит, ни к кому не «не собирается» и к себе никого не «ждет». В ней есть какой-то свой собственный свет, тепло, поэзия. Часто это бывают молчаливые семьи, то есть все шумливое или, по крайней мере, все суетливое исключено из них: их члены «копаются» друг около друга, то есть заняты каждый своим делом, но «около» друг друга, непременно в физическом почти касании.

Сбиты в «кучку»; и свет, и теплота здесь, бесспорно, «животного», то есть «живого», характера: это даже заметно по неубранности, всегдашнему отсутствию «парадности» в таких «животно-теплых» семьях. Долго и внимательно изучая их психический склад, всегда можно заметить, что — опять в инстинктах ли, в догадках или в какой-то теплой атмосфере дыхания, — но у них «религиозность» и «святость» брака продвинута несколько дальше, чем обыкновенно, и несколько вглубь... Например, у них заметно религиозное чувство детей — религиозное чувство самого рождения. Это сказывается в записочке, извещающей о «прибавлении семейства», в способе приглашения на «крестины», неуловимо — но скажется какой-то торжественностью во всем этом, вовсе отсутствующей в пассивных семьях, где рождение почти также скрывается, оно составляет такую же «неловкость», как и венчание. <...>

...Без света религии в таинственных «завязях» бытия своего человек неудержимо стал загнивать в них, и «европейская» цивилизация, именно и только «европейская», неудержимо расплывается из «пассив-

ного» брака просто в проституцию. Нет огня, нет таинственного и жгучего огня, стягивающего человека в «брак», — это так очевидно и это очевидно только в Европе, с ее начинающимся «вырождением»! Мы изнутри похолодели, залив внутри себя святой очаг Весты и на месте священных ему жертвоприношений устроив своз нечистот. Вот узел европейской цивилизации, наших философских дефектов, и скорбей нашего дня...»

(Розанов В.В. Религия и культура. Сборник статей// Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 182–186).

Власть

«Почти всем нам приходится, по крайней мере на каком-то этапе жизни, употреблять власть. Воспитывая детей, люди — хотя того или не хотят — осуществляют власть, чтобы защитить своих детей от грозящих им опасностей и дать им какие-то советы по поводу того, как следует вести себя в различных ситуациях. В патриархальном обществе женщина также является для большинства мужчин объектом власти. Большинство членов бюрократического, иерархически организованного общества, наподобие нашего, осуществляют власть, исключение составляют только люди самого низкого социального уровня, которые служат лишь объектами власти.

Наше понимание власти в соответствии с тем или иным способом существования зависит от осознания нами того, что слово «власть» — достаточно широкий термин и имеет два совершенно различных значения: власть может быть либо «рациональной», либо «иррациональной». Рациональная власть основана на компетентности; такая власть способствует росту человека, который на нее опирается. Иррациональная (то есть анти- или противоразумная — В.Г.) власть зиждется на силе и служит для эксплуатации того, кто ей подчиняется. <...>

В самых примитивных обществах, где основным источником существования является охота или собирательство, власть осуществляет лицо, которое по всеобщему признанию является компетентным для выполнения этой задачи. То, какими качествами должен обладать этот человек, в большой степени зависит от конкретных обстоятельств; как правило, эти качества включают жизненный опыт, мудрость, великодушные, мастерство, «внешность», храбрость. <...>

Власть по принципу бытия основывается не только на том, что какой-то индивид компетентен выполнять определенные социальные функции, но в равной мере и на самой сущности личности, достигшей высокой ступени развития и интеграции. Такие личности «излучают» власть, и им не нужно приказывать, угрожать и подкупать. Это высоко-развитые индивиды, самый облик которых — гораздо больше, чем их

слова и дела, — говорит о том, чем может стать человек. Именно такими были великие Учителя человечества; подобных индивидов, хотя и достигших не столь высокой ступени совершенства, можно найти на всех уровнях образования и среди представителей самых разных культур. (Все это имеет прямое отношение к проблеме воспитания. Если бы родители сами были более развитыми и последовательными людьми, то вряд ли существовала бы противоположность авторитарного и демократического подходов к воспитанию. Нуждаясь в авторитете, осуществляющем свою власть по принципу бытия, ребенок реагирует на него с величайшей готовностью; с другой стороны, он восстает против давления или пренебрежительного отношения со стороны людей, чье собственное поведение свидетельствует о том, что сами они в свое время не утруждали себя усилиями, которых требуют теперь от подрастающего ребенка).

С образованием иерархически организованных обществ, гораздо более крупных и сложных... власть, основанная на компетентности, уступает место власти, основанной на общественном статусе. Это не означает, что существующая власть обязательно некомпетентна; это значит, что компетентность не является неотъемлемым элементом власти. Будь то власть монарха, компетентность которого определяется качествами, обусловленными случайным сочетанием генов, или бессовестного преступника, которому удается прийти к власти с помощью убийства или предательства, или, как это часто бывает в современных демократических обществах, власть людей, обязанных своим избранием фотогеничной внешности или той сумме денег, которую они в состоянии вложить в предвыборную кампанию, — во всех этих случаях между компетентностью и властью может не быть почти никакой связи.

Однако серьезные проблемы имеют место даже тогда, когда власть устанавливается на основе компетентности: руководитель может оказаться компетентным в одной области и некомпетентным в другой — например, государственный деятель может обладать качествами, необходимыми для ведения войны, и оказаться несостоятельным в условиях мира; или же руководитель, которого в начале его карьеры отличали честность и мужество, может утратить эти качества, не устояв перед искушением власти; старость или физические недуги также способны привести к тем или иным видам деформации. <...>

Каковы бы ни были причины утраты качеств, составляющих компетентность, в большинстве крупных и иерархически организованных обществ происходит процесс отчуждения власти. Первоначальная реальная или мнимая компетентность власти переносится на мундир или титул, ее олицетворяющие. Если облеченное властью лицо носит соответствующий мундир или имеет соответствующий титул, то эти внешние признаки компетентности замаскируют действительную компетент-

ность и определяющие ее качества. Король — воспользуемся этим титулом как символом власти такого типа — может быть глупым, порочным, злым человеком, то есть в высшей степени некомпетентным для того, чтобы *быть* властью; тем не менее он *обладает* властью. Пока он имеет королевский титул, считается, что он обладает качествами, делающими его компетентным. Даже если король голый, все верят, что на нем роскошные одежды.

То, что люди принимают мундиры или титулы за реальные признаки компетентности, не происходит само собой. Те, кто обладает этими символами власти и извлекает из этого выгоду, должны подавить способность к реалистическому, критическому мышлению у подчиненных им людей и заставить их верить вымыслу. Каждому, кто даст себе труд задуматься над этим, известны махинации пропаганды и методы, с помощью которых подавляются критические суждения, известно, каким покорным и податливым становится разум, усыпленный избитыми фразами, и какими бессловесными делаются люди, теряя независимость, способность верить собственным глазам и полагаться на собственное мнение. Поверив в вымысел, они перестают видеть действительность в ее истинном свете»

(Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 44–47).

О бюрократической власти в массовом обществе.

«Господство аппарата. Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования *изымает их из субстанционального содержания жизни* (то есть делает их жизнь эфемерной, как бы повисшей в воздухе — В.Г.), которое прежде, в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам, затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого. Глубокая, существовавшая раньше истина — каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире — становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости... Исчезает любовь к вещам и людям. Исчезает готовый продукт, остается только механизм, способный создать новое. Насильственно прикованный к ближайшим целям, человек лишен пространства, необходимого для видения жизни в целом.

Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид, как таковой, безразличен. Незаменимых не существует. То, в

качестве чего он был, он — общее, не он сам. К этой жизни предопределены люди, которые совсем не хотят быть самими собой; они обладают преимуществом. Создается впечатление, что мир попадает во *власть посредственности*, людей без судьбы, без различий и без подлинно человеческой сущности.

Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия... Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы *занять по возможности хорошее место в аппарате*. Масса остающихся на местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придуывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы.

Руководство всем аппаратом осуществляется *бюрократией*, которая сама является аппаратом, то есть людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате.

Государство, общество, фабрика, фирма — все это является предприятием во главе с бюрократией. Все, что сегодня существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации. <...>

Господствующий аппарат *покровительствует* людям, обладающим способностями, которые позволяют выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, одержимые желанием продвинуться, они способны жить, не задумываясь и почти не тратя времени на сон. <...>

Господство массы. Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам существование. Он должен ориентироваться на свойства массы: в производстве — на рабочую силу массы, в своей продукции — на ценности массы потребителей.

Масса как *толпа не связанных друг с другом людей*, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как *публика* — типический продукт определенного исторического этапа... Масса как *совокупность людей, составленных внутри аппарата по упорядочиванию существования* таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира...

Для расчлененной в аппарате массы главное значение имеет *фикция равенства*. Люди сравнивают себя с другими, тогда как каждый может быть самим собой, только если он не сравним ни с кем. То, что есть у другого, я тоже хочу иметь; то, что может другой, мог бы и я. Тайно господствует зависть, стремление наслаждаться, иметь больше и значить больше. <...>

Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она — наличное бытие без существования, суеверие без веры. Она способна все растоптать, ей присуща тенденция не терпеть величия и самостоятельности, воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев».

(Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 310–314)

Поговорим о прочитанном:

1. Многие считают, что гордиться своей национальностью — все равно, что гордиться тем, что у тебя два глаза или две ноги. А вот американцы очень гордятся тем, что они американцы. Может быть, у нас вообще нет чувства собственного национального достоинства? Может быть, оно нам и не нужно?
2. Многие современные политические деятели утверждают, что демократия для России не подходит и неплохо было бы восстановить монархию как наиболее подходящую для россиян форму правления. Как вы считаете, есть ли серьезные аргументы в пользу этого? Может быть, нам и правда нужна монархия? Во многих европейских странах монархия сохраняется и не противоречит демократии.
3. Можно ли сказать, что современное российское образование сильно бюрократизировано: все управляется сверху донизу, все регламентировано, расписано до деталей, на все есть правила? Или там, где вы учитесь, процветает самоуправление, и вы можете влиять на процесс своего образования?
4. К какому классу или слою общества вы хотели бы принадлежать? Какими сдвигами в сознании нашего общества объясняется тот факт, что в 1960-х все мечтали стать космонавтами, а сейчас — бизнесменами? Только высокими доходами бизнесмена, или есть более серьезные причины?
5. Как вы считаете, какое общество лучше — такое, где царят суровые, безжалостные к человеку законы, но зато есть порядок и гарантированный минимум благ; или общество с мягким, либеральным законодательством, но зато там вы идете на постоянный риск: риск разориться, риск не найти работу, — и должны сами отвечать за себя и полагаться только на собственные силы?
6. Некоторые теоретики считают, что в недалеком будущем семья исчезнет, люди будут сходиться на несколько дней, а потом снова расходиться, а воспитание детей возьмет на себя государство. Хотели бы вы жить в таком обществе? Согласны ли вы с тем, что все хорошее, что есть в человеке, закладывается с детства семьей, а не школой или коллективом?
7. Какого человека вы хотели бы видеть во главе нашего государства: харизматического (яркого, энергичного, сильного, прекрасного оратора, любителя тенниса или футбола, своевольного, капризного, постоянно

показываемого по телевидению) или бюрократического (серого, невзрачного, почти невидимого, не навязывающего нам свой характер, не лезущего нам в душу, а тихо делающего свое дело)? Или вы считаете, что это две крайности, а истина должна быть посередине?

8. Остались ли справедливыми в наши дни слова поэта: «У нас в России две напасти: внизу власть тьмы, сверху тьма власти»?

Тема 4.2. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Культура и культ

В самом общем виде культуру можно определить так: культура — это все то, что не природа. Это все, что сделано руками человека. *Культура — это тот искусственный мир, который человек создает, чтобы подержать себя в своем искусственном, то есть человеческом состоянии.*

Есть две точки зрения на происхождение понятия и смысла слова «культура»: одни исследователи считают, что «культура» происходит от латинского слова «культивировать» — обрабатывать почву. Первым проявлениями культурной деятельности человека была, по их мнению, обработка земли.

Согласно второй точке зрения, культура производна от слова «культ» — от совокупности религиозных, ритуальных действий, с помощью которых человек призывал высшие силы, «общался» с ними. Вы знакомы с мнением Л. Мамфорда, который полагал, что культурная работа была для развития человека важнее, чем физический труд. Важнее, чем обработка земли, было создание тотемных столбов, молитвенных дощечек, ритуальных танцев и песен, исполнение обрядов, то есть совершение чисто человеческих действий, преобразовавших душу человека. И сама обработка земли была священным обрядом, частью культа — похороны зерна как разъятого тела бога и затем возрождение этого бога в виде выросших растений.

Русский мыслитель Павел Флоренский в своей работе «Философия культа» писал, что культура как бы отщепляется от культа, это его боковой побег. Так же как обработка земли или приручение животных первоначально носили культовый, религиозный характер, так и искусство в своих первых элементарных проявлениях выполняло священную функцию — заклиало злые силы.

Но и техника, работа с первыми орудиями труда, первые согласованные координированные действия в совместном труде целиком находились в рамках религиозного обряда. Лишь постепенно утрачивался, выветривался религиозный смысл многих действий, — и оставался утилитарный набор операций и инструментов.

Это же касается и науки — геодезия держится на астрономии, астрономия возникла из астрологии, астрология — из поклонения древних людей звездам, а это поклонение выросло из мистического чувства Вечного и Безусловного, которое окружало первобытного человека со всех сторон. Из этого мистического чувства и выросло понятие окружающего пространства.

Священник Павел Флоренский (1882–1937 гг.) — Леонардо да Винчи XX века. Писал труды по философии, богословию, математике, электротехнике, истории живописи, истории культуры. Принимал участие в составлении плана ГОЭЛРО. Будучи священником, одновременно читал лекции в духовной академии и в электротехническом институте и в 1930-х приходил в институт в рясе и с крестом.

Был арестован в 1933 году по ложному обвинению, работал в Забайкалье на мерзлотоведческой станции, потом был отправлен в Соловецкий лагерь, где в лаборатории занимался проблемой добычи йода и агар-агара из водорослей. В 1937 г. был расстрелян.

Основные работы П. Флоренского: «Столп и утверждение истины», «У водоразделов мысли», «Философия культа».

Это же касается и времени — мы живем не в некоем абстрактном времени, а отсчитываем время от рождения Иисуса Христа. И чувствуем время, переживаем его, когда оно течет в ритме религиозных праздников — рождество, крещение, пасха и т.д. Пространство и время — производные культа.

Культура имеет глубинные сакральные корни. Всякая культура является живой, динамичной, развивающейся, если она эти корни чувствует, ими питается, в них набирает свою силу. Культура, полностью оторванная от своих корней, быстро вырождается, становится сугубо утилитарной, часто бессмысленной. Внутри такой культуры уже нельзя отличить кабак от церкви (поскольку и то и другое является продуктами культуры), Сикстинскую мадонну — от пулемета, воровскую отмычку — от заповеди «не укради».

Культура давно стала для человека второй природой: все, что он видит в мире, он видит через свою культуру. Древние видели в небе Большую медведицу, а мы — ковшик с ручкой, потому что у нас другая культура. Но и для древних и для нас звездное небо — продукт культуры. Оно осмыслено, упорядочено, звезды названы, туманности обрисованы, короче, вся история астрономии вошла в картину звездного неба.

Все, что мы видим вокруг себя, есть продукт деятельности предшествующих поколений. Мир, справедливо замечал К. Маркс, есть продукт промышленности и торговли, то есть это — «сделанный» мир.

Все, что мы сами из себя представляем, — наши мысли, чувства, наше воображение — есть продукт культурного воспитания. Надо помнить, что культура — это еще не все, что сама культура выросла из чего-то более глубокого и бездонного, чем она сама, что культура — это только часть окружающего нас мира. Хотя самая главная часть.

Борьба Аполлона и Диониса

Фридрих Ницше исследовал в своей работе «Рождение трагедии из духа музыки» древнегреческую культуру и пришел в выводу, что ее основу составляет борьба между двумя культурами — культом бога Аполлона и культом бога Диониса.

Культом Аполлона — это культ светлого, меры и соразмерности, разума и науки (Аполлон — покровитель искусств и наук). Типичные образцы аполлоновского искусства, ясного, светлого, жизнерадостного — гомеровские «Илиада» и «Одиссея».

Культом Диониса — это культ темный, культ самой земли, культ плодородия, вина и опьянения, культ половой любви. Греки чествовали Диониса в дни сбора винограда, устраивали по ночам настоящие оргии, так называемые мистерии, в едином экстазе пели гимны, поклоняясь Дионису. Из этих мистерий возникли первые греческие трагедии.

Культом Диониса пришел в Грецию с Востока. До этого греки жили гармонично и счастливо, в ладу с природой и богами. Так считали все исследователи Древней Греции до Ницше. Но как только в Греции стал распространяться культ Диониса, перед греками распахнулись такие бездны и пропасти собственной души, такие ужасы мира, о которых они даже и не подозревали в прежнем олимпийском спокойствии.

Ницше приводил старинное предание о том, как царь Мидас долгое время ловил по лесам мудрого демона Силена, спутника Диониса. И когда Силена поймали, царь спросил: что же для человека является наилучшим? Демон долго молчал, но потом разразился такими словами: первое, самое наилучшее для вас, — не родиться вовсе; а второе — побыстрее умереть!

Ницше утверждал, что олимпийское искусство было только занавесом, которым грек заслонялся от страхов и ужасов существования, хорошо ему известных. Ведь греки знали о муках Прометея, которому коршун каждый день клевал печень, знали об ужасающей судьбе Эдипа...

Вся греческая культура — это союз, заключенный между двумя враждебными и друг другу необходимыми силами — аполлоновскими и дионисийскими. Аполлон не мог жить без Диониса. Аполлон — это только блестящая форма, это, например, талант, который необходим каждому художнику, чтобы выразить свои мысли и чувства. Но откуда приходят мысли и чувства? Как наполняется эта блестящая форма? Только из прозрений художника в бездонную глубину своей души, только из тех пугающих и ужасающих бездн, которые вдруг открылись ему, если он не побоялся смело, честно и глубоко заглянуть в себя, не побоялся заглянуть в лицо смерти, узнать безжалостность и суровость человеческой судьбы, если он доверился своему инстинкту и проник в

те измерения, которые для разума закрыты. Тогда и только тогда художник и может стать гением, а не просто иметь талант, талантливо исполнять и повторять чужие слова, чужие прозрения.

Не только искусство — любая культура является соединением двух этих противоположных начал: дионисийского и аполлоновского. Европейская культура, сетовал Ницше, страдает ослаблением дионисийского начала, все — и философия, и наука, и искусство — сведено к набору рациональных правил, методов, приемов. Дионисийское мироощущение или загнано в подполье, или вообще исчезло. Дионисийские мифы объявляются детскими сказками.

Но без мифа, полагал Ницше, без дионисийской стороны нашей души всякая культура теряет свой здоровый творческий характер. Аполлоновское искусство только мифом и спасается. «Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стоять на страже; под их охраной подрастает молодая душа, по знаменаниям их муж истолковывает свою жизнь и битвы свои; и даже государство не ведает более могущественных неписанных законов, чем эта мифическая основа».

Нет дионисийских восторгов и ужасов, нет мифической основы культуры — и она засыхает, становится скучной, банальной, не способной к великим свершениям. Остается только абстрактное воспитание, абстрактные нравы, абстрактное государство.

Проблемы массовой культуры

В XX веке возникает удивительный феномен, никогда ранее не встречавшийся в человеческой истории — массовая культура. Чтобы стоять на уровне тех достижений культуры, которые были созданы в этом веке, нужно очень много работать над собой. Но большинство людей много работать не хочет, поэтому они не соответствуют сегодняшнему уровню развития культуры. Но ничуть этим не опечалены. Они прекрасно приспособились благодаря наличию массовой культуры.

Например, в любой отрасли современной науки открытия делают несколько человек. Но их открытия, их труд, его результаты размножаются, доводятся до каждого, могут быть использованы каждым. Сейчас необязательно иметь специфический талант, чтобы преуспевать в науке, достаточно усвоить технику научно-исследовательского труда, методику проведения и описания экспериментов, технику построения и обобщения выводов — и можно делать небольшие открытия, писать книги, защищать диссертации. Но это все — «массовые» ученые.

Сегодня необязательно иметь поэтический талант — часто достаточно овладеть техникой стихосложения (имея, конечно, некоторый уровень поэтической культуры и слух, как в музыке) — и можно писать

неплохие стихи, издавать книги. В Союзе писателей бывшего СССР состояло более тридцати тысяч членов: писателей, поэтов, драматургов, критиков. Каждый из нас с большим трудом назовет хотя бы десять известных фамилий ныне живущих писателей или поэтов, а тут — тридцать тысяч. Понятно, что основную массу профессиональных литераторов составляют «массовые» писатели и «массовые» поэты.

Массовая культура имеет и положительные стороны: не надо знать основ кибернетики, чтобы работать на компьютере, надо только знать, в каком порядке нажимать кнопки. Не надо знать, как устроен двигатель внутреннего сгорания, чтобы ездить на автомобиле, надо только выучить последовательность операций с рулем и педалями.

Массовая культура экономит время и энергию людей — не надо изобретать велосипед, не надо снова открывать дифференциальное исчисление. Но одновременно она избавляет нас от необходимости думать. Достаточно овладеть техникой, технологией действий — и можно преуспеть. Современный художник, владеющей техникой живописи, может нарисовать такую копию картины Рембрандта, что только эксперты отличат ее от оригинала. Но людьми ценится отнюдь не только техника, не мастерское копирование, не репродукция, а оригинальное видение.

Еще Л. Толстой писал по этому поводу: «Техника в наше время во всех родах искусства доведена до совершенства. Но это еще не все, что нужно искусству... Возьмите Достоевского. По своей технике он ниже всякой критики. Но он не только нам, русским, — но всей Европе открыл целый новый мир».

Основная трагедия культуры в том, что когда изобретения или открытия талантливых одиночек становятся массовыми, они во многом теряют смысл и первоначальное значение. И часто изобретатель или ученый за голову хватается, глядя на то, что случилось с его детищем. Так мечта человека о полете, запечатленная в тысячах легенд, мифов и сказок, воплотилась наконец в современный аэробус, огромную, ревущую и загрязняющую воздух машину, которая даже не летает, а продирается сквозь пространство, несомая мощными моторами. Одно дело — фанерный аэроплан, на котором человек, рискуя жизнью, вступал в единоборство с воздушной стихией, другое — «Боинг 747». Да и можно ли назвать воплощенной мечтой человечества аппарат, который, перелетая из Европы в Америку, сжигает столько кислорода, сколько потребляет сотня человек в течение всей жизни!

Сейчас культура повсеместно представляется совокупностью знаний, приемов и методов, то есть чем-то внешним по отношению к человеку. Тем, чем можно овладеть, выучив, затвердив, приняв к сведению — и что можно так же легко отбросить, когда отпала необходимость. Яркий пример тому — книга английского писателя У. Голдинга «Повелитель мух» (есть и ее экранизация), в которой рассказывается, как самолет

потерпел аварию, уцелела только группа школьников, и они, оставшись одни, без взрослых, быстро превращаются в дикарей, поскольку нет больше необходимости соблюдать приличия, не нужно сдерживать свою агрессивность, свои дурные наклонности.

У детей, действительно, еще нет культурного иммунитета. Но зачастую и взрослые легко отказываются от культуры, превращаясь в зверей, которым все дозволено. У них тоже нет иммунитета, для них культура — всего лишь поверхностная пленка, которая легко смывается во времена социальных потрясений. Помните, как Достоевский предлагал поскрести современного интеллигента.

До революции в нашей стране и философы и писатели постоянно говорили о необычайно глубокой религиозности русского народа, тот же Достоевский называл его народом-богоносцем. Но куда делась эта религиозность по прошествии всего двух лет после революции? Народ с удовольствием помогал государству грабить церкви и расстреливать священников. Значит, эта религиозность была чисто поверхностным явлением. Сейчас снова все идут в церковь, читают Библию, крестят детей, но это ничуть не свидетельствует о том, что возрождается религиозная культура, религиозный дух, просто стало модно открыто делать то, что раньше было запрещено.

Индустрия сознания

Народ является носителем культуры, он создает язык, основу культуры. Устное народное творчество — основа литературы и искусства, наблюдения народа за природой, народные приметы, обряды, традиции, — фундамент науки. Но сохраняет и развивает культуру интеллигенция. Когда-то интеллигенция считала себя воспитателем народа, носителем неких вечных истин. Сегодня она утратила такую роль. Сегодня интеллигент — не носитель вечных истин, а служащий, узкий специалист, делающий свою конкретную и небольшую работу.

Еще сто лет назад ученый — это мыслитель-одиночка, который сидел в тиши своего кабинета под зеленым абажуром, думал, творил. Ну, конечно, он ставил опыты в лаборатории и т.д. В настоящее время ученый — это служащий научно-исследовательского учреждения. Он ходит на работу так же, как рабочий ходит на завод, он имеет план, который должен выполнить, иначе не получит премии. Он зависит от государственного финансирования: наука — очень дорогое удовольствие, и государство сто раз подумает: давать или не давать деньги на те или иные проекты (сейчас чаще не дает, хотя рубль, вложенный в науку, возвращается четырьмя рублями). Шутят ведь сами ученые, что наука — это способ удовлетворять собственное любопытство за счет государства.

Сейчас наука неизбежно становится массовой — и в плохом, и в хорошем смысле слова. Научный сотрудник, работая над какой-то частью проекта, обсчитывая какой-то узел, зачастую даже не знает всей задачи, не представляет, что собственно он делает: новый холодильник или скорострельный пулемет.

Писатели или художники теперь — также служащие, почти все они где-нибудь работают: в журнале, издательстве, на телевидении, в различных штабах политических партий. Давно уже появилась такая странная вещь, как *индустрия сознания*. Интеллигенция — и научная и художественная — обслуживая власть, создает различные идеологические мифы, которые потом постоянно внедряются в сознание людей с помощью газет, радио и телевидения.

При советской власти это приобрело огромные размеры. Каждый день придумывались новые мифы, новые сказки: «давайте всю страну засеем кукурузой, и наступит изобилие!», «давайте изготовим больше химических удобрений и получим невиданные урожаи», «давайте работать каждый за двоих, за себя и за того парня, а зарплату получать одну», «давайте встанем на трудовую вахту в честь XXIV съезда КПСС!», и т.д. и т.п. Смысл индустрии сознания заключался, в частности, в том, чтобы отучить людей думать, подбрасывая им каждый день все новые идеи и рецепты.

Сейчас индустрия сознания работает уже и не с таким размахом, но временами может развернуться во всю мощь: вспомните, сколько всего обрушивается на ваши головы во время избирательных компаний — думских, президентских.

В прошлом интеллигенция обращалась к народу как к некоей темной, необразованной, наивной массе, которую и пыталась образовать. Сегодня никакой наивной массы нет — средства массовой информации с самого детства закладывают в головы людей столько идеологических мифов, предрассудков, суеверий, что главная задача интеллигенция стала заключаться не столько в том, чтобы воспитать людей, сколько в том, чтобы рассеять эти мифы и суеверия,

Учитель обращается не к наивному ребенку, а к человеку, у которого вся голова забита латиноамериканскими сериалами, похождениями суперменов типа Штирлица или Терминатора, рекламой «Сникерсов», убеждениями, что мораль — это хорошо, Пушкин — это прекрасно, но меткий глаз, сильная рука и знание приемов карате, как у Ван-Дамма — гораздо лучше.

По-прежнему есть еще интеллигенты, воспитатели человечества, совесть и честь нации. В России это Александр Солженицын, Сергей Ковалев и другие. Но они по-прежнему очень далеки от основной массы народа, народ их не понимает и часто откровенно смеется над их попытками остановить войну или защитить права человека. Какие права?

Сделайте зарплату побольше, водку подешевле и чтобы футбол два раза в день по телевизору!

Все забыли о том, что писал А.П. Чехов: «Сила народа — в его интеллигенции, честной, умной и работающей». Но все помнят слова недоучившегося интеллигента В.И. Ленина, что интеллигенция — не мозг нации, а дерьмо.

Культура и цивилизация

Все, что мы говорили о массовой культуре, относится к культуре внешней. Но есть еще и внутренняя культура, — та культура, которая стала второй природой для человека. Нет таких техник и технологий, которые позволили бы стать Моцартом. Сколько ни изучай книг по теории стихосложения, никогда настоящим поэтом не станешь. Нельзя стать ни Моцартом, ни Пушкиным, ни Эйнштейном, ни мало-мальски серьезным специалистом в любой области, пока не овладеешь полностью той или иной частью культуры, нужной для работы в этой области, пока эта культура не станет твоим внутренним достоянием, а не внешним набором правил.

Культура каждой эпохи представляет собой единство стиля, объединяющего все ее материальные и духовные проявления: технологию и архитектуру, физические концепции и живописные школы, музыкальные произведения и математические исследования. *Культурный человек не тот, кто много знает о живописи, физике или генетике, а тот, кто осознает и чувствует внутреннюю форму, внутренний нерв культуры, ее стиль.*

Такой человек как бы попадает на силовые линии культуры и движется по ним, они ведут его от открытия к открытию. Моцарт не выдумывал, не вымучивал музыку, она сама «прорастала», сама жила в нем во всем богатстве ее звуков, гармоний, мелодий. Пушкин купался в стихии языка, чувствуя тончайшие нюансы слов, рифм и размеров, прекрасный и могучий русский язык — целостная культура говорила через поэта.

Культурный человек никогда не является узким специалистом, не видящим и не понимающим ничего за рамками своей профессии. Чем больше я знаком с другими направлениями развития культуры, тем больше я смогу сделать в своем собственном деле. Помните, как Эйнштейн советовал математикам заниматься музыкой?

Русский поэт Осип Мандельштам писал, что появившиеся в XIX веке железные дороги изменили ритм и строй русской прозы. Казалось бы, какое отношение имеют железные дороги к литературе? На самом деле железные дороги изменили ритм жизни в целом, сблизили раз-

ные концы страны, сделали наглядным наступление новой эры, и это не могло не отразиться на литературе, на мироощущении писателей.

А открытие микромира послужило еще более мощным толчком для создания новой культурной формы: она проявилась и у первого художника-абстракциониста В. Кандинского со взрывающейся на его картинах материей, и у поэта Андрея Белого с его описанием (в 1920-х) атомной бомбы, и т.п.

Показательно, что в развитой культуре даже маленькому художнику или ученому, поскольку он сумел к этой культуре прикоснуться, удается добиться серьезных результатов. В Китае в средние века была очень высокая поэтическая культура: стихи писали все — от императора до портного, и было большое количество крупных поэтов. Люди с детства росли в атмосфере поэзии.

Внешняя культура называется *цивилизацией*. Цивилизация характеризует уровень господства общества над природой и над самим собой — это совокупность машин, механизмов, каналов, плотин, домов, материалов, законов, упорядочивающих человеческие отношения, и т.д. Так, например, древнеегипетская цивилизация имела машины и механизмы, позволяющие строить пирамиды, рыть каналы, делать оружие, и законы, регулирующие жизнь общества. Между культурой и цивилизацией нет прямой зависимости. Достижения цивилизации помогают развитию культуры: изобретение книгопечатания позволило сохранить и умножить достижения культуры. Но нередко страны, в которых цивилизация была развита незначительно, вносили огромный вклад в общечеловеческую культуру. Россия в XIX веке была малоцивилизованной страной, но русская литература этого века — великое культурное достижение.

Культура и контркультура

Почти в каждую эпоху существуют взгляды, идеи, которые противостоят признанным культурным ценностям, отстаивают совсем другие идеалы, в данном обществе не принятые. Совокупность таких взглядов, идей, поступков можно назвать контркультурой. Не антикультурой, ибо последняя — просто отрицание культуры, призыв возвратиться к животному состоянию, а контркультурой, которая призывает к новому пониманию традиционных идеалов.

Типичным представителем контркультуры был Диоген: он, как вы помните, ратовал за полное опрощение, отказ от всех внешних благ, даже от многих моральных норм. Сейчас мы считаем Диогена вполне органичным явлением древнегреческой культуры, но тогда он был вызовом для современных ему традиций и норм — нахальным и шокирующим.

Контркультурным движением были толстовские коммуны — они также были вызовом и государству, и церкви, и самому образу жизни основной массы людей того времени. В толстовских коммунах, совместно обрабатывающих землю, были не только крестьяне, там было много бывших учителей, офицеров, священников и даже артистов. Это люди, которым надоело унылое мещанское существование и которые обрели новую цель в жизни. К тому же они взяли на вооружение специфически толстовское толкование христианской религии.

Контркультурные движения всегда будоражили общество, всегда были ферментом, вызывавшим брожение в застоявшейся среде, приводившим к появлению новых идеалов, которые начинало принимать все большее и большее количество людей. В этом смысле контркультура — необходимый элемент любой культуры.

Но в XX веке контркультурные движения приобрели массовый характер, так как огромное количество людей оказалось недовольным сегодняшней культурой: разрушением природы, стандартизацией воспитания и образования, насилием средств массовой информации над человеком, мещанским благополучием, которое пропагандируется современной культурой и т.п.

Таким контркультурным движением стало движение хиппи, ему уже больше тридцати лет, но оно по-прежнему живет. Молодые люди, подобно Диогену, отказываются от всяких благ, от родительской помощи, нигде не работают, избегают службы в армии, живут впроголодь, одеваются во что попало, часто вообще уходят из семьи, и, встречаясь друг с другом, осуждают современное общество, которое, по их мнению, полностью прогнило и разложилось, в нем господствует ложь и насилие, и лучше вообще держаться от этого общества подальше. Центр современных хиппи — столица Непала — Катманду. Они приезжают туда тысячами со всего мира, лежат в парке на газонах, живут подающим или редкими заработками и более абсолютно ничего не делают, выражая своим неделанием протест против сегодняшней чересчур активной культуры.

По-прежнему в США, в ФРГ, во Франции существуют сельскохозяйственные коммуны, не обязательно толстовского типа, где люди вместе работают, одинаково получают, вместе отдыхают, совместно учат своих детей. Как правило, такие коммуны быстро распадаются, потому что современный западный человек — индивидуалист по своей природе, и постоянная жизнь на виду у других его скоро начинает раздражать.

Своеобразной формой контркультуры являются секты, общины, даже монастыри, возникающие на Западе на основе всякого рода восточных религиозных культов: буддийские, кришнаитские, движения последователей Кришны, Махариши, Кришнамурти и т.д. Вы сами, наверное, часто видели кришнаитов — это всемирная организация,

имеющая филиалы во многих странах. Они ходят по улицам в желтой одежде, поют «Хари Кришна, Кришна Хари» и торгуют очень некачественными переводами древней индийской литературы. По отношению к нашей, западной, христианской культуре — это, конечно, контркультура.

Что заставляет паренька из Люберец или девушку из Саратова отказываться от родных обычаев, посвящать себя богу Кришне, строго исполнять чуждые русской душе обряды — неизвестно. Видимо, им настолько надоели наша суетная жизнь, вранье, неустроенность, отсутствие идеалов, что они, как в омут, кидаются в объятия совершенно чуждой культуры. Кстати, в Чечне кришнаиты очень помогали голодающим, раздавая продукты пострадавшим от военных действий.

В США таким культам посвящают себя десятки тысяч молодых людей. В связи с этим Карл Юнг писал, что люди не знают своей собственной религии, не чувствуют ее душу, поскольку и свою давно потеряли, и хотят найти ее в чужой религии. Но такие находки для западного человека, считал Юнг, всегда будут суррогатом истинной духовности.

В последние десятилетия на поверхность выплыли ранее стыдливо прятавшиеся представители сексуальных меньшинств. Они выступают со своими манифестами, издают свои журналы, требуют от государства регистрации гомосексуальных браков. Это тоже яркое проявление контркультуры.

Слова Ницше: Бог умер!

Кризис современной европейской культуры, как и кризис западной цивилизации, начался уже давно, почти сто лет философы говорят об этом. Первым провозвестником кризиса был Фридрих Ницше, который в своей книге «Так говорил Заратустра» возвестил всему миру зловещие слова: «Бог умер!». Бог европейской истории, а именно христианский Бог, утратил свою значимость для человеческой жизни, пали и производные от веры в Бога идеалы, принципы, нормы, цели и ценности.

На место Бога пришел нигилизм — невиданное ранее явление полного безверия, вседозволенности, крушения моральных норм. Люди еще пытаются держаться оазисов смысла, хранят веру в осколки прошлого мира, но единой опоры у них уже нет. Так свет давно погасшей звезды еще доходит до нас, но на самом деле это — только видимость.

Люди еще ходят в церкви и молятся, однако любовь уже не является единственным принципом всего совершающегося. Авторитет Бога и авторитет церкви окончательно заменяется авторитетом разума. Потусторонняя цель, о которой говорила христианская религия, заменяется идеей возможности построения рая на земле. Богочеловек, то есть человек как образ и подобие Божие, становится Человекобогом, который

может все: вмешиваться в историю, поворачивать вспять реки, утверждать свои законы вместо божественных заповедей.

Культура находится в кризисе еще и потому, что потеряла свою связь с природными источниками, со своими природными корнями. Многие феномены природы потеряли свое символическое значение. Исчез контакт человека с природой, а вместе с ним исчезла глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь. Гром — это уже не голос разгневанного божества, а молния — не орудие его мести. Нет больше такой реки, писал К. Юнг, в которой обитали бы духи, нет теперь голосов, которые говорят с человеком из камней, растений, животных, точно так же, как и человек больше не говорит с ними, не верит, что они могут его услышать.

Собственно, и у Ницше, и у Юнга речь идет не о кризисе, а о конце культуры. Западная христианская культура существует уже две тысячи лет и, видимо, исчерпала свои возможности. Нигилизм, появление массовой культуры, потеря человеком собственной души — показатели этого конца. Две тысячи лет — срок вполне достаточный для жизни культуры, она должна сойти со сцены и уступить место совершенно новым культурным перспективам.

Смерть Бога христианской культуры придает новый смысл и новую значимость человеку, который берет на себя всю бессмысленность мира и научается жить с этой бессмыслицей. XX век, замечал М. Хайдеггер, так и не избавился от иллюзий относительно прогресса, светлого будущего, от надежд на сверхъестественное спасение. Но никто не спасет человека, кроме него самого.

Крушение прежних духовных ценностей происходит не от страсти к разрушению, не от суетливой жажды обновления. Он вызван необходимостью придать миру такой смысл, *который не унижал бы его до роли проходного двора в некую потусторонность*. Должны возникнуть такой мир и такой человек в нем, который бы развертывал новые ценности из себя, из полноты собственной сущности.

Мы сейчас находимся на полпути к возникновению новой культуры, в смутное время всевозможных крушений и переломов. Какова будет эта новая культура, в чем будут заключаться ее новые ценности — сейчас еще никому не известно.

Избранные тексты

Средневековье: молодость европейской культуры

«Бог-отец тогда воспринимали как самое Силу, как вечное, великое и вездесущее Действие, как священную каузальность (причину — В.Г.), ко-

торая едва может обрести уловимые черты для земных очей. Но весь порыв молодой породы, вся потребность этой мощно струящейся крови благоговейно склониться перед *смыслом крови* нашли свое выражение в образе Приснодевы и Матери Марии, чье увенчание на небесах было одним из самых ранних мотивов готического искусства — сияющий образ в белых, голубых и золотых одеждах посреди воинств небесных. Она склоняется над новорожденным Младенцем... Ее жизнь и ее образ окружают неисчислимые легенды. Она хранит раздаваемое церковью сокровище благодати, она — великая Предстательница грешных. В кругах францисканцев возникает праздник ее Сретения, у английских бенедиктинцев еще до 1100 г. — праздник Непорочного Зачатия, окончательно поднимавший ее над смертным человечеством в мир света.

Но весь этот мир чистоты, света и духовной красоты был бы немислим без своей оборотной стороны, которая не может быть отделена от лицевой. В то время как Она царит в высях, улыбаясь в своей красоте и кротости, на заднем плане лежит другой мир; повсюду в природе и среди людей он вершит свои дела, вынашивая зло, вгрызается, подтачивает, соблазняет, — мир дьявола.

Он пронизывает все творение; он повсюду в засаде. Повсюду рыщет воинство кобольдов, привидений, ведьм, оборотней, и притом в человеческом образе. Никто не знает, не подписал ли его ближний договора с лукавым. Никто не знает, не принадлежит ли дьяволу едва расцветшее дитя. Неимоверный страх, сопоставимый разве что с ужасом египетской архаики, давит на людей, ежеминутно готовых сорваться в пропасть. Существовала черная магия, черная месса и ведьмовские шабаши, ночные празднества на вершинах гор, колдовские напитки и заклятия. Князь ада со своей родней — матушкой и бабушкой, ибо он, бросающий своим существованием вызов таинству брака, не может иметь жену и детей, с падшими ангелами и недобрыми спутниками, представляет собой одно из величественных созданий всемирной истории религии... Гротескные фигуры чертей с рогами, лапами и конскими копытами окончательно оформляются уже в мистериях XI столетия и повсеместно наполняют мир художнического воображения: без них немислима готическая живопись до Дюрера и Грюневальда включительно. Дьявол хитер, коварен, злораден, и все же в конце концов силы света надувают и осмеивают его. <...>

Миф о Марии и миф о дьяволе развиваются вместе и немислимы один без другого. Неверие в любой из них есть смертный грех. Существовал культ Марии в виде молитв и культ дьявола в виде заклинаний... Человек постоянно ходит над пропастью, прикрытой тонким покровом. Жизнь в этом мире есть постоянная отчаянная война с дьяволом, в которой каждый индивид как сочлен Воинствующей Церкви обязан нападать, защищаться, показать себя рыцарем. <...> Каждый из этих миров

имел свою легенду, свое искусство, свою схоластику и мистику. И дьявол мог творить чудеса... Святые и ангелы реют в эфире, но дьяволы прыгают, издавая зловоние, и ведьмы со свистом несутся сквозь ночь. Лишь то и другое в совокупности, свет и ночь, любовь и страх, наполняют готическое искусство присущей ему неопишуемой прочувствованностью. Это все, что угодно, только не «художественная» фантазия. Каждый человек знал, что мир полон воинствами ангелов и чертей... Их видели, повсюду ощущали их присутствие. <...>

Ибо дьявол овладевал человеческой душой и совращал ее к ересям, блуду и волшебству. Война против него велась на земле огнем и мечом, и притом против людей, которые ему предались... Вместе с пламенеющими любовью гимнами к Марии к небу поднимался дым бесчисленных костров.

Рядом с соборами высились колесо и виселица. В те времена каждый жил в сознании неимоверной опасности, исходившей не от палача, но от ада. Бесчисленные тысячи ведьм были убеждены, что действительно являются таковыми. Они сами доносили на себя, молили об отпущении грехов, из чистейшего правдолюбия рассказывали на исповеди о своих ночных полетах и о договорах с дьяволом. Инквизиторы в слезах, из сострадания к падшим назначали пытку, чтобы спасти их души. Вот готический миф, из которого вышли крестовые походы, соборы, одухотвореннейшая живопись и мистика. В его тени расцвело то готическое ощущение счастья, глубину которого мы просто не можем себе вообразить».

(Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2 // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 48–50).

Кризис современной культуры

«Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу. Уже занесены в золотую книгу наиболее значительные успехи ее предшествующего развития. И пожалуй, самым важным из них, определившим все остальные достижения цивилизации, явилось то, что она дала мощный импульс к развертыванию промышленной, научной и технической революций. Достигнув сейчас угрожающих размеров, они уподобились гигантским тиграм, которых не так-то просто обуздать. <...>

А Земля — как бы ни была она щедра — все же не в состоянии разместить непрерывно растущее население и удовлетворить все новые и новые его потребности, желания и прихоти. Вот почему сейчас в мире намечился новый, более глубокий раскол — между сверхразвитыми и слаборазвитыми странами. Но даже и этот бунт мирового пролетариата, который стремится приобщиться к богатствам своих более благополуч-

ных собратьев, протекает в рамках все той же господствующей цивилизации и в соответствии с установленными ею принципами.

Маловероятно, чтобы она оказалась готовой выдержать и это новое испытание, особенно сейчас, когда ее собственный общественный организм раздирают многочисленные недуги. <...>

Впервые с тех пор, как христианский мир шагнул в свое второе тысячелетие, над миром, по-видимому, действительно нависла реальная угроза неминуемого пришествия чего-то неотвратимого, неизвестного и способного полностью изменить общую судьбу огромных масс людей. Люди чувствуют, что наступает конец какой-то эпохи в их истории. Но никто, кажется, сегодня еще не задумывается над необходимостью радикально изменить не только свой собственный образ жизни, но и жизнь своей семьи, своего народа. И именно в том-то, в сущности, и кроется причина многих наших бед, что мы еще не смогли приспособить к этой насущной необходимости свое мышление, мироощущение и свое поведение.

Человек не знает, как вести себя, чтобы быть по-настоящему современным человеком...

Постепенно утрачивая свои природные способности к приспособлению и выживанию, сочтя за благо все больше и больше доверять свою участь разуму, то есть своим техническим возможностям, человек, вместо того, чтобы меняться самому, принялся изменять окружающий мир, став в нем звездой первой величины... В результате — вот он, человеческий парадокс: как в зыбучих песках, увязает человек в своих неданных возможностях и достижениях — чем больше силы он применяет, тем больше в ней нуждается, и если вовремя не научится ею пользоваться, то он обречен стать вечным пленником этих зыбучих песков. <...>

Теперь человек оказался перед необходимостью кардинально пересмотреть традиционные взгляды на самого себя, на своих собратьев, на семью, общество и жизнь в целом и пересмотреть в масштабах всей планеты, но он пока еще не знает, как это сделать. <...>

Даже при беглом взгляде на приведенный перечень проблем легко увидеть звенья, которые сцепляют их воедино; при более детальном рассмотрении эти взгляды прослеживаются еще нагляднее. Бесконтрольное расселение человека по планете; неравенство и неоднородность общества; социальная несправедливость, голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой системы; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и ужесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение законом и порядком; ядерное

безумие; политическая коррупция; бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей; утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и взаимосвязей...

(А. Печчеи. Человеческие качества. М., 1985. С. 40–43, 80–83).

Массовый человек

«...Духовная структура современного среднего европейца гораздо здоровее и сильнее, чем у человека былых столетий. Она только гораздо проще, и потому такой средний европеец иногда производит впечатление примитивного человека, внезапно очутившегося среди старой цивилизации. Школы, которыми прошлое столетие так гордилось, успевали преподать массам лишь внешние формы, технику современной жизни, дать им подлинное воспитание школы эти не могли. Их наспех научили пользоваться современными аппаратами и инструментами, но не дали им понятие о великих исторических задачах и обязанностях; их приучили гордиться мощью современной техники, но им ничего не говорили о духе. Поэтому о духе массы не имеют и понятия; новые поколения берут в свои руки господство над миром так, как если бы мир был первобытным раем без следов прошлого, без унаследованных, сложных, традиционных проблем. <...>

...Мы должны теперь обратиться против XIX века, если он в некоторых отношениях оказался исключительным и несравненным, то он столь же, очевидно, страдал коренными пороками, так как он создал новую породу людей — мятежного «человека массы». Теперь эти составившие массы угрожают тем самым принципам, которым они обязаны жизнью. Если эта порода людей будет хозяйничать в Европе, через каких-нибудь 30 лет Европа вернется к варварству. Наш правовой строй и вся наша техника исчезнут с лица земли так же легко, как и многие достижения былых веков и культур. Вся жизнь оскудеет и увянет. Сегдняшнее изобилие возможностей сменится всеобщим недостатком; это будет подлинный упадок и закат. Ибо восстание масс — то самое, что Вальтер Ратенау назвал «вертикальным вторжением варварства». <...>

Мир, окружающий нового человека с самого рождения, ни в чем его не стесняет, ни к чему не принуждает, не ставит никаких запретов, никаких «вето»; наоборот, он сам будит в нем вожелания, которые, теоретически, могут расти бесконечно. Оказывается, — это очень важно, — что мир XIX — начала XX века не только располагает изобилием и совершенством, но и внушает нам полную уверенность в том, что завтра он будет еще богаче, еще обильнее, еще совершеннее, как если бы он обладал неиссякаемой силой развития. Сегодня (несмотря на некоторые трещины в оптимизме) почти никто не сомневается, что через пять

лет автомобили будут еще лучше, еще дешевле. В это верят как в то, что завтра снова взойдет солнце. Сравнение совершенно точно: заурядный человек, видя вокруг себя технически и социально совершенный мир, верит, что его произвела таким сама природа; ему никогда не приходит в голову, что все это создано личными усилиями гениальных людей. Еще меньше он подозревает о том, что без дальнейших усилий этих людей великолепное здание рассыплется в самое короткое время. <...>

Самое поддержание современной цивилизации чрезвычайно сложно, требует бесчисленных знаний и опыта. Человек массы научился владеть ее механизмом, но абсолютно незнаком с ее основными принципами...

Человек массы совсем не глуп. Наоборот, сегодня он гораздо умнее, гораздо способнее, чем все его предки. Но эти способности ему не впрок:... он раз и навсегда усвоил набор общих мест, предрассудков, обрывков мыслей и пустых слов, случайно нагроможденных в памяти, и с развязностью, которую можно оправдать только наивностью, пользуется этим мусором всегда и везде... Не в том беда, что заурядный человек считает себя незаурядным и даже выше других, а в том, что он провозглашает и утверждает право на заурядность и самое заурядность возводит в право...

Сейчас у заурядного человека есть самые определенные идеи обо всем, что в мире происходит и должно произойти. Поэтому он перестал слушать других. К чему слушать, если он и так уже все знает? Теперь уже нечего слушать, теперь надо самому судить, постановлять, решать. Нет такого вопроса общественной жизни, в который он не вмешался бы, навязывая свои мнения, — он, слепой и глухой.

«Но, скажут мне, — что тут плохого? Разве это не свидетельствует об огромном прогрессе? Ведь это значит, что массы стали культурными?»

Ничего подобного! Идеи заурядного человека — не настоящие идеи, они не свидетельствуют о культуре. Кто хочет иметь идеи, должен прежде всего стремиться к истине и усвоить правила игры, сию предписываемые. Не может быть речи об идеях и мнениях там, где нет общепризнанной высшей инстанции, которая бы ими ведала, нет системы норм, к которым можно было бы в споре апеллировать. <...>

Когда все эти нормы, принципы и инстанции исчезают, исчезает и сама культура, и настает варварство в точном значении этого слова. Не будем себя обманывать — новое варварство появляется сейчас в Европе, и породило его растущее восстание масс. <...>

Парадокс в том, что нынешний «хозяин мира» — примитив, первобытный человек, внезапно объявившийся в цивилизованном мире. Цивилизован мир, но не его обитатель. Он даже не замечает цивилизации, хотя и пользуется ее плодами, как дарами природы. Новый человек хочет иметь автомобиль и пользуется им, но так, словно он сам собой вы-

рос на райском древе. В глубине души он не подозревает об искусственном, почти невероятном характере цивилизации; он восхищен аппаратами, машинами и абсолютно безразличен к принципам и законам, на которых они основаны... Человек массы, поистине примитивный, неожиданно вынырнул на авансцену нашей старой цивилизации. <...>

Поэтому большевизм и фашизм — две новые политические попытки, возникшие в Европе и на ее окраинах, — представляют собой два ярких примера существования регресса... Эти движения, типичные для человека массы, управляются, как всегда, людьми посредственными, несовременными, с короткой памятью, без исторического чутья, которые с самого начала ведут себя так, словно уже стали прошлыми, влились в первобытную фауну.

(Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989, № 3. С. 135–152)

Человек и природа

«Теперь при бессоннице мысленно перемещаюсь в село Хрущево Елецкого уезда, Орловской губернии, где я родился и вырос. Слышал я, что никаких следов не осталось от дома, где я родился, от великолепного парка и сада, и что даже пруд, в котором я ловил пескарей и карасей, золотых и серебряных, теперь спущен, и на илистом дне его колхозники выращивают капусту. Тем удивительнее бывает мне ночное путешествие, восстанавливающее с необычайной точностью, четкостью и яркостью то, чего для всех людей уже больше не существует и о чем, кроме меня единственного, никто на земле не может свидетельствовать.

Всматриваясь с закрытыми глазами в то, чего нет в действительности, я догадываюсь о происхождении всей созданной мною картины природы. Всего удивительней в этом путешествии на родину для меня теперь кажется, что дорогие для меня в детстве деревья выступают теперь вполне наравне с дорогими людьми. Больше! Дорогие люди все, даже любимая мать, даже красивая Маша, из которой я создал себе Машью Моревну, выступают в моей памяти с какой-то душевной ношей, обременяющей их не за свои, а чьи-то чужие им грехи.

Но деревья мои, тоже личные, как и люди, — каждое дерево я вижу теперь, как человека, со своими собственными лицами, — все эти деревья выступают без всякого бремени, прекрасные и святые. Собаки наши вспоминаются тоже святыми, или скорее ангелами, но среди собак, впрочем, были и подлые. Основной источник благодати, называемой теперь по-ученому геооптимизмом, исходит от деревьев и всего зеленого покрова земли. К сожалению, у меня нет никаких знаний, позволяющих делать исследования в этой области психологии творчества. Я могу говорить лишь о своем личном опыте, опираясь на то, что у меня удачно

вых одило и было признано в свое время и до сих пор признается. Всей этой своей географией я обязан вот этому чувству благодати, исходящей от родной земли»

(М.М. Пришвин. Дневники. М., 1990. С. 365–366)

Поговорим о прочитанном:

1. Хотели бы вы жить в обществе, в котором нет больше производства (металлургического, химического, автомобильного и т.д.), уничтожающего природу, единственным видом транспорта являются велосипед и лодка, — зато есть чистый воздух и чистая вода?
2. С какого момента человек становится культурным: 1. когда научился вести себя в обществе, соблюдать все правила приличия? 2. когда получает образование или профессию? 3. когда сам становится способным развивать культуру дальше, создавая культурные продукты?
3. Можно ли быть человеком цивилизованным, но не культурным? И, наоборот, — культурным, но не цивилизованным?
4. Л.Н. Толстой писал: «Я часто представляю себе героя истории, которую бы хотел написать. Человек, воспитанный, положим, в кружке революционеров, потом народник, социалист, православный, монах на Афоне, потом атеист, семьянин, потом духоборец, все начинает, все бросает, не кончая. Люди над ним смеются, ничего он не сделал и безвестно помиряет где-нибудь в больнице. И, умирая, думает, что даром погубил свою жизнь». Можно ли такого героя отнести к человеку массы, считать, что это стандартная, серая и заурядная личность?
5. Почему массовое общество и массовый человек появляются только в XX веке?
6. Можно ли сегодняшних руководителей нашего государства назвать типичными представителями массы, или это оригинальные, яркие и творческие личности?
7. Кто является более нужным для культуры — знаменитый физик, работающий над усовершенствованием атомной бомбы, или никому не известная деревенская старуха, знающая все травы, все рецепты лекарств и снадобий, все народные приметы и старинные песни и обучающая этому своих детей и внуков?
8. Есть ли у вас знакомые деревья, с которыми вы разговариваете, когда вас никто не видит, к которым прислоняетесь щекой и чувствуете, как к вам переходит от них неведомая сила?

Тема 4.3. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Помимо общества, культуры, природы философия изучает еще историю, и этот раздел называется философией истории. Здесь рассматриваются следующие вопросы:

Что заставляет развиваться человеческое общество?

В каком направлении идет история, и есть ли вообще такое направление?

Насколько наша история определяет настоящее и будущее?

Что ожидает человечество в будущем?

Есть ли в истории какие-нибудь законы, которые можно узнать и управлять историей, или в истории господствует непостижимая судьба?

Множество философско-исторических концепций можно свести к трем группам:

1. концепции однолинейного прогрессивного развития,
2. концепции многолинейного развития,
3. концепции циклического развития.

Исторические оптимисты:

Неотвратимая поступь мирового духа

Представители первой группы — Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс и некоторые другие — считали, что история человечества едина, все народы — кто раньше, кто позже — идут к единой цели. Только цели каждым мыслителем предлагались разные.

Знаменитый немецкий философ XIX века Г.В.Ф. Гегель справедливо полагал, что историческая деятельность человечества складывается из деятельности отдельных людей. Каждый человек преследует свои собственные интересы, а в результате возникает нечто такое, о чем люди и не подозревали, суммирование всех волей и стремлений чаще всего приводит к совершенно иному результату, чем ожидал каждый отдельный человек. Значит, люди являются орудием чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают. В истории действует некий дух, мировой разум, который постепенно разворачивается и в конечном счете направляет деятельность людей. Цель всемирной истории — познание мировым духом самого себя. Мировой дух выражается в духе каждого народа, и этот народный дух не может успокоиться, пока не узнает, что он собой представляет. Как только он это узнает, начинается его закат и умирание, и он уступает дорогу другим, более молодым народам.

Развитие идет дальше, и критерием этого развития является *сознание свободы*. Человечество, развиваясь, приходит ко все более глубокому пониманию свободы. Гегелевский мировой дух как бы бредет по земле, все выше поднимаясь к вершинам самопознания. Древний Восток — его младенческое состояние, Греция — юность, Рим — зрелость, германский мир — старость, исполненная силы и разума.

На Востоке люди еще не осознают свободы, человек здесь безропотно подчиняется воле отца в семье и власти императора в государст-

ве. Здесь нет, считал Гегель, чувства чести, нет морали в европейском смысле слова. Не существует различия между рабством и свободой: перед императором все — рабы. Это было характерно для Китая и Индии.

У греков мы чувствуем себя дома, писал Гегель, греческий мир радостен и привлекателен, поскольку это юношеский возраст человечества, здесь веет свежестью, жизнь духа выступает как одухотворенная чувственность. Вся жизнь греков проникнута духом искусства, здесь господствуют подлинная демократия и настоящая любовь к свободе.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831 гг.) — один из самых плодотворных философов. Полное собрание его сочинений на немецком языке включает более двадцати томов. Гегель — последний философ, попытавшийся обобщить в собственной философии все знания, все науки, существовавшие в его эпоху. Он построил грандиозную философскую систему, которая включала в себя логику, этику, эстетику, философию природы, философию духа, философию истории, философию права, философию религии, историю философии.

Сущностью мира для Гегеля является мировой разум, который не полностью воплощается в разуме человечества. Последний проходит в своем развитии три этапа: субъективный дух (развитие человека от примитивного состояния до вершин знания), объективный дух (развитие общества от самых первых форм общежития до государства), абсолютный дух (вершина развития — искусство, религия, философия).

Гегель оказал очень большое влияние на всю последующую философскую мысль. Под этим влиянием возникло много влиятельных школ и направлений, самое крупное среди них было основано К. Марксом.

Рим — это уже эпоха возмужалости человечества, здесь исчезает свободная индивидуальность как органический элемент культуры, но закладываются формальные основы свободы человека, покоящиеся на праве частной собственности. Римское право впервые ввело положение о неприкосновенности частной собственности и тем самым заложило юридические основы свободы.

Германский мир начинается с появлением германских народов на территории Римской империи и завершается созданием государств, соответствующих требованиям разума. Германцы приняли христианство и стали носителями христианского принципа, который рассматривал человека как высшую ценность. Высшей формой и подлинной гарантией свободы является современное европейское государство с конституцией, с правами человека. Государство, считал Гегель, — это шествие Бога по земле.

Таким образом, вся история у Гегеля — история постоянного прогрессивного развития мирового разума, который выступает в форме духа отдельных народов. Человечество, как по ступенькам (этими ступеньками являются достижения свободы отдельных стран и народов), поднимается к светлому царству свободы.

Единым строем в светлое будущее

К. Маркс, испытавший на себе огромное влияние Гегеля, также считал, что история человечества едина. Все народы в целом должны пройти пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Все народы должны прийти к коммунизму как к светлому будущему, где не будет больше эксплуатации, нищеты, где полностью будут удовлетворены все материальные потребности людей, где люди будут управлять машинами, а в свободное время заниматься самоусовершенствованием — писать стихи, читать книги, философствовать и т.д.

Карл Генрих Маркс (1818–1883 гг.) родился в семье адвоката, получил юридическое образование в Боннском и Берлинском университетах, где также подробно изучал философию и историю. Еще студентом примкнул к младегелянцам, которые делали из философии Гегеля радикальные революционные выводы.

Обычно говорят о «двух Марксах»: ранний Маркс — теоретик, писавший интересные работы по проблеме отчуждения, по проблемам сознания, идеологии; и поздний Маркс — практик, который решил осчастливить человечество, указав путь достижения счастливого будущего в исторически определенном периоде. Путь этот — пролетарская революция, уничтожение частной собственности и построение царства свободы на основе высокоразвитой экономики.

Утопический идеализм Маркса сам по себе — безобидное и в теоретическом плане интересное явление. Хуже, когда он начинает применяться на практике и насильно навязываться какому-нибудь народу как единственно правильное учение. К сожалению, прав оказался русский философ-анархист XIX в. Михаил Бакунин, когда писал, что если люди, разделяющие идеи марксизма, придут к власти в какой-нибудь стране, то народ этой страны окажется самым несчастным в мире.

Основные произведения К. Маркса — «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Манифест коммунистической партии», «Капитал», «Критика Готской Программы».

Маркс считал, что в истории господствуют объективные, не зависящие от сознания и воли людей законы. Он сделал этот вывод на основании того факта, что в истории есть повторяемость. В Англии впервые сложился капитализм, появились первые фабрики, пролетариат, безработица и нищета. В Германии спустя тридцать лет произошло то же самое. И в России еще при его жизни Маркса начал нарождаться капитализм с такими же чертами.

Если есть законы, то их можно познать и с большей или меньшей точностью управлять историческим развитием общества: предсказывать негативные последствия, выбирать оптимальный путь и т.д.

Как и у Гегеля, у Маркса конечная цель человечества — торжество разума и свободы на земле. И к этой конечной цели постепенно придут все народы. Тот же факт, что они растянулись по всем формациям и не идут единым строем (еще и сейчас в человеческой истории есть все — от первобытных людей в джунглях до почти коммунистического общества в Северной Корее), то это вызвано местными особенностями и неравными условиями на старте.

Марксистская концепция со своей простотой и лаконичностью оказалась очень привлекательной. Некоторые государства мира исповедовали ее как религию, пытались брать на вооружение ее методы. К середине XX века возник целый блок коммунистических государств, который распался уже на наших глазах.

Стадии роста

Книга американского экономиста и социолога У. Ростоу «Стадии экономического роста» вышла более тридцати лет назад и с тех пор десятки раз переиздавалась. Она имеет характерный подзаголовок «Некоммунистический манифест», то есть задумана как антимарксистская доктрина, хотя на деле мало чем отличается от построений Маркса.

Здесь та же схема однолинейного прогрессивного развития, только вместо формаций употребляется слово «стадия». И стадий также пять:

первая стадия — традиционное общество, оно включает в себя всю историю человечества от его зарождения до возникновения капитализма. Здесь господствуют аграрное производство, «доньютоновская наука и техника», власть находится в руках тех, кто владеет землей;

вторая стадия — переходное общество. Появляются научные открытия и изобретения, способные повлиять на производство; появляется предприимчивое инициативное меньшинство, которое переводит общество на рельсы промышленного развития. Складываются нации, начинается бурное оживление национализма. В Европе — это период европейских буржуазных революций XVII–XVIII вв.;

третья стадия — сдвиг, или промышленная революция. Происходит быстрое накопление капитала, ускоренное развитие ведущих отраслей промышленности. Первой в эту стадию вступила Англия в конце XVIII в.; Франция и США — в середине XIX в.; Германия — во второй половине XIX в.; Россия — в 1890–1914 гг.; Индия и Китай — в 1950-х;

четвертая стадия — стадия зрелости. К этому времени значительно увеличивается национальный доход, бурно развивается автомобиль- и судостроение, станкостроение. Общество может производить все, что захочет. В Англии этот этап был достигнут к 1880 г., в США к — 1900 г., в России — к 1950 г.;

пятая стадия — стадия массового потребления. Внимание сосредотачивается на проблемах потребления и росте благосостояния населения. Медицина, отдых, удобное и просторное жилье, высокий уровень комфорта. Возникает общество «всеобщего благоденствия», в которое в 1970-х вступили США, а позже ФРГ, Япония и некоторые другие страны.

Вся человеческая история сводится у Ростоу к истории развития техники. Развитие передовых стран Европы и США жестко предопределено, что касается отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки, то они вообще находятся у Ростоу вне истории.

История идет разными путями: дыхание истории

К. Ясперс в своей книге «Истоки истории и ее цель» дал следующую схему мировой истории:

1. Доистория или «прометеевская эпоха» (возникновение речи, орудий труда, умения пользоваться огнем), когда человек только становится человеком (Прометей, как вы помните, — мифический герой, который украл у богов огонь и подарил его людям).

2. Существовавшие тысячелетия великие культуры древности. Например — древнеиндийская, древнекитайская, древнеегипетская и т.д.

3. «Осевое время», когда полностью формируется подлинный человек.

4. Научно-техническая эпоха, чье преобразующее действие мы сейчас испытываем на себе.

В мировой истории, согласно Ясперсу, было также два «дыхания»:

— первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями;

— второе начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества и, может быть, приведет к новому осевому времени, к подлинному становлению человека.

Что же такое осевое время истории, которое постоянно упоминает Ясперс?

Карл Ясперс (1883–1969 гг.) — знаменитый немецкий философ, соратник М. Хайдеггера, весьма близкий к нему по основным философским идеям. Классик европейской философии. Написал большое количество трудов, очень популярных на Западе. Особенно известна его трехтомная «Философия». На русский язык лишь недавно переведено несколько его работ, самая значительная среди которых — «Философская вера».

Около 500 г. до нашей эры в мировой истории произошел резкий поворот, как бы повернулась ось истории. Почти одновременно на Западе, в Китае и Индии возникли крупные философские школы и появи-

лись великие мыслители. В Китае тогда жили Конфуций и Лао-Цзы, в Индии — Будда, в Иране — Заратустра, в Палестине — пророки Илия, Исайя, Иеремия, в Греции — Парменид, Гераклит, Платон.

Но главная суть поворота заключалась в том, что человек вдруг начал осознавать себя стоящим перед всей целостностью мира. Раньше он видел только какой-то кусочек мира, небо над своей деревней или свой маленький город. А тут вдруг мир распахнулся, и человек отчетливо увидел в нем себя, такого маленького, тщедушного, увидел свои границы и почувствовал всю беспредельность окружающего. Перед ним открылся ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, человек ставил радикальные вопросы, требовал освобождения и спасения.

В эту эпоху, считал Ясперс, были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей.

Человек теперь уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал. В осевое время произошло открытие того, что потом стало называться личностью.

Человек выходит за пределы своего существования, сознавая свое место в мире. Он может отказаться от всех благ, уйти в пустыню, в лес, в горы. Став отшельником, может познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом, пророком.

В осевое время люди впервые начинают ощущать, что именно в их время, в настоящем, начинается нечто исключительное. А это в свою очередь ведет к пониманию того, что этому настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Происходит пробуждение исторического сознания. Человеку начинает казаться, что он живет в самом конце истории, в период упадка.

Народы, которые не восприняли идей осевого времени, остались на уровне «природного» существования: они изменяются, развиваются или деградируют, но все эти изменения совершаются очень медленно. Кажется, что все эти народы спят, что их жизнь неисторична, подобно тому, как была неисторична жизнь людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков до осевого времени. В этом смысле развитие общества, по Ясперсу, многолинейно.

Циклические концепции истории:

О. Шпенглер: три души истории

О. Шпенглер — один из первых мыслителей, предложивших совершенно новую схему интерпретации истории. С его точки зрения, никакой единой истории человечества нет, линейная схема «Древний

мир — Средние века — Новое и новейшее время» не выдерживает критики. Если взять, например, Древний Рим, то там были свои и средние века, и новое время, был свой феодализм и свой капитализм. Так, Рим начала нашей эры — это крупный город с многоэтажными домами, с лифтом (поднимавшимся вручную), с водопроводом, с подобием газеты (Шпенглер приводил объявление какого-то царька из Северной Африки, который хотел снять квартиру на 4–5 этаже в центре Рима), с крупными фабриками. Это типичный Нью-Йорк XX в., только со своим национальным колоритом и уровнем развития техники.

Освальд Шпенглер (1880–1936 гг.) — выдающийся немецкий философ, занимался проблемами философии истории, философии культуры. В 1918 г., сразу после окончания Первой мировой войны, вышла его книга «Закат Европы», которая сразу завоевала необыкновенную популярность, поскольку после такой мировой катастрофы действительно казалось, что закат Европы близок. Книга, написанная ярким образным языком, с большим набором оригинальных гипотез, с ошеломляющей эрудицией автора, воспринималась как пророческий манифест. И Шпенглера самого воспринимали как пророка. Его спросили: когда начнется следующая мировая война? Он ответил: в 1940 г. И в своей книге он писал, что европейская цивилизация полностью кончится к 2000 г. Во втором случае Шпенглер, похоже, ошибся. Влияние идей Шпенглера на философскую и историческую мысль XX века было огромным. Нет почти ни одного философа — теоретика культуры или историка, — который бы не обращался к Шпенглеру: либо яростно опровергая его, либо пытаясь развить его идеи дальше.

В 1930-х годах Шпенглер отклонил предложения нацистов о сотрудничестве с ними и был подвергнут многолетнему бойкоту.

Нет единой истории, но есть целый ряд замкнутых в себе культур. Каждая из них возникает, развивается, стареет и умирает. И между ними нет никакой преемственности. От Древнего Египта нам остались одни руины: полуразрушенные пирамиды, сфинксы... Но самого народа, который создал великую культуру, уже нет, он давно исчез, как исчез дух этого народа. Те, кто сейчас живет на территории Египта, пришли туда относительно недавно. Те, кто сейчас живет на территории Италии, не имеют почти никакого отношения к древним римлянам. А от древнего Рима опять же остались одни руины. Шпенглер насчитал восемь таких культур, существовавших в человеческой истории: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская (аполлоновская), византийско-арабская (магическая), западноевропейская (фаустовская) и культура майя в Америке. Он ожидал рождения и девятой — русско-сибирской культуры.

Каждая культура — это организм, имеющий свой срок жизни, примерно тысячу лет. Каждая культура имеет свою душу, которая определяет отношение к миру, к прошлому, к смерти, к месту человека во вселенной и т.п.

Аполлоновская и фаустовская душа

В книге Шпенглер наиболее подробно анализирует три души: аполлоновскую, фаустовскую и магическую.

Аполлоновская душа — это душа античного времени. Для древнего грека и мир, и он сам, и боги, и даже атомы — это все тела. Человек — это прекрасное тело. В этом теле все снаружи: красота, мощь, ум. Ничего нет потаенного, внутреннего. Греки не знали психологии в нашем смысле. Основная наука античности — это эвклидова геометрия: прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками, сумма углов треугольника равна двум прямым углам и т.д. Эвклид, как и все древние греки, считал, что земля плоская.

Древние греки жили целиком в настоящем, — то, что прошло, для них уже не существовало. Мы не знаем точных дат рождения или смерти очень многих великих людей античности, но греки не интересовались точными датами. Иногда говорили про человека: он родился между седьмой и восьмой олимпиадами.

У греков и архитектура телесна, внутренность храма легко обозрима одним взглядом. Храм — это просто гигантский ларец для статуй богов. Молящийся грек стоял не в храме, а перед храмом, и храм приветствовал его во всем совершенстве своего внешнего облика. Для античного человека подлинная жизнь совершалась не внутри зданий и не в собственной душе, а на просторе площадей.

С крушением античного мира и появлением христианства умирает античная, аполлоновская душа и появляется фаустовская душа, душа западноевропейской культуры, западного человека. Душа, названная так по имени доктора Фауста, героя одноименной поэмы Гете.

Если для грека тело было главным элементом всего окружающего, то для западного человека таким элементом стало пространство — чистое беспредельное пространство.

Первым образцом нового понимания мира, выраженным в искусстве, была икона. Вместо скульптуры, вместо античной пластики появляется иконописный лик — не объемное тело, которое можно ощупывать и разглядывать с разных сторон, но лицо, с которым смотрящий встречается глазами и вступает в молчаливый разговор.

Вы, наверное, сами замечали, что у всех греческих статуй глаза слепые. Правда, раньше все эти статуи были раскрашенными. У фаустовского человека появляется «внутреннее», появляется богатая внутренняя жизнь, он постоянно мучается внутренними противоречиями, постоянно себя наблюдает. Переход от аполлоновской душе к фаустовской — это переход от пространства внешнего мира в пространство внутреннее.

Но и внешнее пространство фаустовской души — это не площадь города или сам маленький город-полис, это — бесконечные просторы

мира, распахнувшиеся перед человеком («Открылась бездна, звезд полна»). Это и бесконечное прошлое позади нас. У западного человека обостренное чувство истории, у него развита культура мемуаров, воспоминаний о прошлом и ожиданий будущего. А у древних греков даже кладбищ в нашем понимании не было, и они весьма спокойно относились к своим предкам.

Течение гомеровского стиха, писал Шпенглер, — это легкое дрожание листа под полуденным солнцем, это ритм материи. А западная поэзия — начиная со скандинавских саг и кончая современными экспрессионистами — создает скрытое напряжение в пустом, безграничном пространстве, далекие грозы в ночи над высочайшими вершинами. В ней чувствуется бесконечное одиночество фаустовской души.

У Аполлона и Афины нет «души». Над Олимпом царит вечный свет ясного южного дня. Аполлоновский час — это яркий полдень. А Валгалла (скандинавская и древнегерманская потусторонняя страна, куда попадают герои после смерти) лишена света. Глубокая полночь окружает погруженного в размышления в своем кабинете Фауста, наполняет гравюры Рембрандта, в ней теряются звуковые краски Бетховена.

Только у европейцев появляется чувство покинутости, античный человек, по выражению Аристотеля, — политическое животное: его жизнь достигала своей высшей точки в дневное время, среди общества, на площади, и он никогда не знал этого чувства. А европейский человек никогда не мог от него освободиться. В этом отличие Сократа от Руссо.

Как можно, считает Шпенглер, говорить о какой-то единой истории, о каком-то одновременном движении человечества к единой цели, если никакого единого человечества нет, есть совершенно разные культуры, совершенно разные восприятия мира. Греки жили в другом мире, не похожем на наш европейский, и их мир давно уже исчез. Мы можем только приблизительно и искусственно восстановить его, но в сути своей он всегда останется для нас загадкой.

Магическая душа

В отличие от фаустовского чистого пространства и античного тела, в византийско-арабской культуре главным элементом является Пещера, пространство Пещеры. Это особое магическое, «заколдованное» пространство. В этом странном и замкнутом мире, построенном магической душой, постоянно идет борьба света и тьмы, добра и зла, Бога и Сатаны.

Эта душа наиболее ярко проявилась в эпоху возникновения христианства. Мир магического человека наполнен настроением сказки. Дьявол и злые духи угрожают человеку, ангелы и феи защищают его. Существуют амулеты и талисманы, таинственные города, постройки и

существа, тайные сочетания букв, печать Соломона и Камень Мудрости. И на все это изливается мерцающий свет Пещеры, который в любой момент может быть поглощен ночью.

Вспомните, призывал Шпенглер, что именно в таком мире жил Христос, и его учение может быть понято лишь отсюда.

Уже в первых книгах Библии, в книге Еноха перед нами предстают хрустальный дворец Бога, горы из драгоценных камней и темница для непокорных звезд. Потом, когда эпоха великих фантастических видений прошла, из них возникла поэзия легенд и многочисленные религиозные романы. Подобное восприятие недостижимо для фаустовского человека, который хотя и хотел бы быть истинным христианином, но с грустью должен был бы признать, что тот сказочный мир Пещеры, в котором возникло раннее христианство, может быть понят и пережит только набожным мусульманином.

Не только мировое пространство магической души, но и мировое время имеет форму пещеры. Из этого вытекает глубокая, истинно магическая убежденность, что «всему свое время» — от пришествия Искупителя, час которого записан в древних текстах, до самых пустяковых будничных дел. Перед лицом этой убежденности кажется бессмысленной и непонятной постоянная спешка западного человека, которому вечно не хватает времени.

У магического человека все записано в звездной книге, и по ходу планет можно судить о ходе вещей. Античный человек спрашивал у оракула об облике, о «как?» грядущих вещей. А вечный вопрос магического человека — «когда?». Отсюда и учение о конце мира, и душевные муки Христа в Гефсиманском саду, и великое потрясение, вызванное его кончиной. Чувство пещеры требует обозримой истории с началом и концом мира, которые одновременно суть начало и конец человечества.

Очень многое из современной христианской религиозности, из религиозного понимания мира выросло из этих прекрасных и пугающих сказок магического человека. Магическая душа создала свою особенную и неповторимую культуру, которая в большей своей части загадочна и непонятна для нас.

Закат Европы

Каждая культура, по Шпенглеру, зарождается в тот момент, когда из детского, первобытного состояния человечества пробуждается великая душа — фаустовская, магическая или какая-нибудь еще. Каждая культура расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой привязана наподобие растения. Культура умирает после того, как осу-

ществит все свои возможности в виде языков, народов, религий, искусств, государств, наук.

Когда цель достигнута и вся сумма возможностей реализована, культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются — она становится цивилизацией. И она, как огромное дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья, пока не рухнет окончательно.

Всякая культура, как и человек, переживает разные возрасты. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Старость — это переход культуры в цивилизацию. Это закат, близящаяся смерть культуры. Если культура — это организм, органическое естественное состояние, то цивилизация — это состояние искусственное. Цивилизация — это судьба культуры, неизбежный ее конец. Культура — это рожденный почвой организм, а цивилизация — образовавшийся из организма при его застывании механизм.

Так, Древняя Греция — это культура, а Древний Рим — это цивилизация. Древние римляне в сравнении с греками были варварами, считал Шпенглер. Бездушные, чуждые философии и искусства, ценившие одни материальные успехи, они стояли между эллинами и полным обвалом, концом античной культуры.

Переход от культуры к цивилизации протекает в античности в IV столетии, на Западе — в XIX в.. Основные признаки цивилизации:

1. Появление мировых городов. В эпоху цивилизации ареной больших духовных решений становится не вся страна, а три — четыре мировых города. Так, в России это Москва, Петербург, Киев. Все остальное — провинция. Сейчас даже Петербург кажется провинцией. Вся страна персонифицируется в Москве. В западных газетах так и пишут: «Москва решила», «рука Москвы дотянулась» и т.д.;

2. Появление городской массы. Народом теперь считается городское население, неорганическая масса, нечто текучее. Человек массы, «чернь» в том смысле, как мы говорили выше. Это новый кочевник, паразит, житель большого города, абсолютно лишенный традиций, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, полный глубокого отвращения к крестьянству;

3. Деньги в качестве неорганического абстрактного фактора. Дух денег проникает во все сферы существования народов, главной становится имущественная обеспеченность;

4. Мировые войны за передел мира, особо свойственные нашему времени, европейской цивилизации;

5. Каждой цивилизации свойственны специфические религии, религии искусственные, свидетельствующие об увядании культуры. В Индии это буддизм, в Древней Греции — стоицизм, в Европе — социализм.

Хотя книга Шпенглера и называется «Закат Европы», в ней он попытался проследить судьбу любой культуры. Любая культура, переходя в цивилизацию, начинает неизбежно свертываться, умирать. Это особенно наглядно видно на примере рождаемости. В эпоху затухания культуры рождаемость резко падает. Так падала она в Древнем Риме, там издавались даже императорские указы, которые разрешали брать бесплатно пустующие земли, разводить там хозяйство, растить семью. Ничего не помогало: ко второму захвату варварами Рима его население сократилось настолько, что могло все вместиться в сам город Рим. Варвары лишь ускорили смерть, которая сама уже почти настигла римлян. Когда Кортес со своим отрядом высадился в Мексике, народ майя уже вымирал, его культура угасала, население было так малочисленно, что Кортес с небольшим отрядом быстро завоевал всю страну.

В Европе с самого начала XX века идет неуклонное падение рождаемости, причем именно в высокоразвитых странах. Люди не хотят иметь детей не потому, что они бедные и им трудно прокормить ребенка, но потому, что подсознательно всеми владеют, как считал Шпенглер, усталость, душевный надлом и безотчетный страх перед будущим.

А. Тойнби: мировые цивилизации

А. Тойнби был не только продолжателем идей О. Шпенглера. Он в значительной степени развил концепцию циклического развития истории, подкрепив ее еще большим историческим материалом, исследовав еще больше стран, народов, цивилизаций — как древних, так и современных. В огромной двенадцатитомной работе «Постижение истории» Тойнби насчитывал 37 цивилизаций.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975 гг.) — знаменитый английский историк. Свою главную работу «Постижение истории» писал почти тридцать лет. Для Тойнби характерен огромный профессиональный опыт, широчайшая эрудиция во всех областях исторической науки. Но история всегда интересовала его с философской точки зрения, он — настоящий философ истории, оказавший огромное влияние на все последующие попытки найти цель и смысл в человеческой истории.

Прежде всего Тойнби делил все цивилизации на три вида:

- I. Расцветшие
- II. Неразвившиеся
- III. Застывшие

I. Расцветшие цивилизации делятся на два отряда:

- A. Независимые цивилизации
- B. Цивилизации-спутники

А. Независимые цивилизации делятся на:

а) обособленные

1. майянская
2. мексиканская (мезоамериканская)
3. андская

б) независимые необособленные

4. шумеро-аккадская (шумерская, хеттская и вавилонская)
5. египетская
6. эгейская
7. индская
8. китайская

в) сыновнеродственные, первая группа

9. сирийская (происходит от шумеро-аккадской, египетской, эгейской цивилизаций)
10. эллинская (от эгейской)
11. индийская (от индской)

г) сыновнеродственные, вторая группа

12. православная христианская
13. западная
14. исламская

(все три происходят от сирийской и эллинской цивилизаций)

Б. Цивилизации-спутники.

15. миссисипская (связана с мезоамериканской)
16. «юго-западная» (доколумбовая цивилизация на юго-западе США, связана тоже с мезоамериканской)
17. северная андская (доколумбовая на территории Колумбии и Эквадора)
18. южная андская (доколумбовые культуры в северной Чили и Северной Аргентине — обе связаны с андской)
19. эламская
20. хеттская
21. урартская
22. иранская
23. корейская
24. японская
25. вьетнамская
26. италийская
27. юго-восточно-азиатская

(все три от китайской)

28. тибетская, включая монголов и калмыков
(связана с индийской)

II. Неразвившиеся цивилизации.

29. первая сирийская...
33. космос средневекового города-государства
(поглощена западной)

III. Застывшие цивилизации:

34. эскимосская
35. кочевая
36. оттоманская
37. спартанская

Столь всеохватный подход, конечно, впечатляет. Тойнби анализировал не только древние цивилизации, но и цивилизации, которые являлись их истоками. Например, индскую, породившую индийскую цивилизацию, андскую, породившую древние цивилизации Северной и Южной Америки и т.д.

Вызов и ответ

Каждая цивилизация начинается с ответа на вызов — сначала природной, а потом и человеческой среды. Для иллюстрации этого положения Тойнби рассматривал происхождение египетской цивилизации. Много тысяч лет назад сильное потепление в Северной Африке, в африканской саванне привело к иссушению земель, появилась пустыня Сахара. Общины охотников и собирателей африканской саванны, не изменив в ответ на вызов ни местопребывания, ни образа жизни, погибли.

Но были общины, которые ответили на вызов засухи изменением родины и образа жизни. Они, вдохновляемые храбростью или отчаянием, шагнули в гиблые болота вокруг реки Нил и превратили их в благодатные земли Египта. Возможно, со слабой надеждой на успех, потому что саванна еще не превратилась полностью в пустыню, а нильские болота казались неприступной и непроходимой глушью. Но результат превзошел самые оптимистические надежды первопроходцев. Строптивость природы была покорена трудом человека. Болота были дренажированы, ограждены дамбами и превращены в поля.

Подобное было и в Древней Греции. Некогда древние греки, жившие в Аттике, занимались скотоводством. Но когда пастбища Аттики высохли, а уголья истощились, народ перешел от животноводства и земледелия к возделыванию оливковых плантаций. Это удивительное дерево способно не только выжить на голом камне, но еще и обильно плодоносить. Однако одним маслом жив не будешь, и афиняне стали менять его на скифское зерно. Масло наливали в глиняные кувшины и

транспортировали по морю, а это стимулировало гончарное производство и развивало искусство мореплавания. Греки начали разрабатывать и серебряные рудники, потому что торговля требовала денег. Таким образом, афиняне во сто крат приумножили свои богатства.

С росписи кувшинов началась греческая живопись, а когда почти не осталось деревьев, греческие скульпторы начали работать в камне, в результате появились удивительные скульптуры, Парфенон.

Тойнби приводит много примеров неспособности людей ответить на вызов. Такова судьба цивилизации майя. В отличие от дамб и дренажей Египта, которые до сих пор в рабочем состоянии, материальные плоды неустанных трудов древних майя практически пропали. Единственными уцелевшими памятниками их цивилизации остались руины грандиозных построек. Тропический лес поглотил их в буквальном смысле слова, точно удав. Контраст между современной Мексикой — довольно бедной страной — и древним уровнем цивилизации майя не поддается человеческому воображению. Эти огромные пирамиды когда-то были свидетельством победы человека над природой. Но даже с высоты своих дворцов и пирамид майя не смогли увидеть подкрадывающегося врага. Человек не смог предотвратить наступление леса, который поглотил возделываемые поля, площади и дома, а потом добрался до дворцов и храмов.

Но часто вызов приходит и от общества. В 480–479 гг. до нашей эры на Афины напал персидский царь Ксеркс. Персы захватили всю Аттику, включая Афины, и даже святая святых — Акрополь. Все население Аттики, бросив свои дома, устремилось в поисках спасения на Пелопоннес. Именно в этой ситуации афинский флот начал и выиграл битву при Саламине. Именно этот удар со стороны вызвал мощный подъем духа афинского народа и стал началом высочайших достижений в его истории, возможно, неповторимых в истории человечества.

Подобное было и в истории России. В конце XVI в. Польша и Швеция нанесли России мощные удары. Поляки в 1582 г. оккупировали Смоленск, а с 1610 по 1612 гг. удерживали Москву. По договору 1617 г. Россия лишилась доступа к Балтийскому морю. Все это, согласно Тойнби, глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в новой агрессивной политике Петра I, в его модернизации страны, привело к новым завоеваниям.

Часто вызов, остающийся без ответа, повторяется вновь и вновь. Неспособность того или иного общества в силу утраты творческих начал ответить на вызов лишает это общество жизнеспособности, приводит к гибели.

Наша современная цивилизация, можно сказать, все современное человечество стоит сейчас перед вызовом: гибнет природа, растут силы агрессии и насилия. Тойнби считал, что еще есть надежда, что человечество сумеет найти достойный ответ на этот вызов.

Исторические циклы: а) рост цивилизации

Каждая цивилизация проходит, согласно Тойнби, пять стадий: рождение, рост, надлом, распад и гибель.

Эскимосы, кочевники относятся у Тойнби к застывшим цивилизациям, они максимально приспособились к внешней среде, и у них нет больше стимула развиваться дальше. То же самое произошло и со Спартой. В отличие от Афин, которые занялись оливками и торговлей, спартанцы решили занять чужие земли. Они захватили плодородные пространства в Мессении, но народ, который там жил, те же греки, несколько раз поднимался на восстание, что постепенно привело к надлому Спарты, к тому, что она перестала развиваться и медленно застыла, окостенела.

Самым ярким примером роста цивилизации является западноевропейская цивилизация. Впервые за всю свою историю человечество столкнулось с ситуацией, когда одно общество распространило свое влияние практически на всю обитаемую поверхность земли. Не зная пределов своим устремлениям, западная цивилизация стала стучаться во все двери, взламывать все преграды и прорываться в самые замкнутые крепости.

Главным двигателем быстрого роста любой цивилизации является активное творческое меньшинство. Именно это меньшинство вдыхает в социальную систему новую жизнь, поскольку в каждой цивилизации, считал Тойнби, даже в периоды наиболее оживленного ее роста, огромные массы народа так и не выходят из состояния застоя и спячки. А подавляющее большинство людей любой цивилизации ничем не отличается от человека примитивного общества. Активное меньшинство — дрожжи в общем котле человечества. Проблема в том, как активному меньшинству поднять остальные массы, разбудить их. Это, как правило, совершается через механизм «мимесиса» — подражания. В примитивном обществе мимесис ориентирован на старшее поколение, на образы предков, а в современных, растущих обществах эталоном становится творческая личность, лидер, прокладывающий новый путь. Александр Македонский, Иисус Христос, Будда, Карл Великий, Петр I, Наполеон и т.п. были лидерами, вызывавшими мощные социальные движения. Их энергия заражала массы и давала толчок грандиозным преобразованиям в истории той или иной страны.

б) Надлом и распад

Все проходит в истории: и слава, и богатство, и известность. Афины после победы над персами, после колоссальных успехов в развитии

хозяйства, после взлета в философии, искусстве, политике постепенно начали клониться к упадку. В IV веке Афины не смогли противостоять македонской военной силе, они не вмешивались, глядя, как Рим разоряет их соседей, и не смогли выстоять в борьбе с самим Римом после того, как все союзники Афин были уничтожены. В 86 г. римский полководец Сулла взял Афины штурмом, и это было позорным финалом афинской политической истории.

В конце XII в. в Леванте, в Восточном Средиземноморье, считались непобедимыми турки-мамлюки — как некогда римляне. Но как и римляне, они предпочли почивать на лаврах, не замечая признаков своей растущей уязвимости. В 1789 г. французский экспедиционный корпус Наполеона, неузнаваемый потомок неудачливых франкских рыцарей, нанес мамлюкам сокрушительное поражение. Мамлюки давно перестали развивать тактику и воинское снаряжение, но теперь встретились с Западом, имевшим хорошо подготовленную пехоту с огнестрельным оружием.

Распад начинается, по Тойнби, с загнивания творческого меньшинства. В растущем обществе творческое меньшинство постоянно изменяется и по составу, и по убеждениям. Правящее меньшинство распадающегося общества, наоборот, становится замкнутой группой, чьи идеи и идеалы становятся «вечными», окостеневшими законами. Вызов, который получает распадающееся общество, в результате косности правящего меньшинства остается без ответа. Вернее, оно отказывается отвечать на вызов и даже не замечает, или старается не замечать вызова.

Типичным пример — Политбюро ЦК КПСС: престарелые лидеры, которым в конце 1970-х перевалило за 70 лет, не желали замечать существенных изменений в мире, не ответили на вызов Запада, бурно развивавшего новые технологии, электронику, и упорно продолжали выпускать танки и атомные подводные лодки. В конце концов это привело сперва к экономическому, а потом и политическому краху СССР.

Разлагающиеся общества неизбежно порождают так называемый «внутренний пролетариат». У Тойнби это понятие означает то, что мы выше называли «маргинальными группами». Пролетарий, считал Тойнби, — скорее состояние души, чем место в обществе. Истинный признак пролетария — не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, вызываемое тем, что у него нет твердого места в обществе, что он никому не нужен и никто не собирается о нем заботиться. В пролетариат входят также беженцы из бывших колоний, разорившиеся свободные крестьяне, ремесленники, аристократы, рабы. Внутренний пролетариат (в понимании Тойнби) в огромном количестве есть сегодня в развивающихся странах, есть он и в России.

Всякая растущая цивилизация неизбежно распространяется вширь, захватывает новые земли, образует новые колонии. Но как только обще-

ство начинает загнивать, на его периферии — в колониях, на окраинах — поднимает голову «внешний пролетариат». Так, в Риме первым восстало варварское население северо-африканских колоний. Обширность этих территорий превосходила возможности римского оружия: римская армия так и не смогла добраться до восставших берберов в Атласских горах и в Сахаре.

«Парад суверенитетов» в нашей стране, война в Таджикистане, война в Чечне, — все это проявление активности «внешнего пролетариата» в условиях общего кризиса нашего общества.

Однако никакая мощная цивилизация не погибает полностью. В ее рамках зарождается, как куколка, новая культура, чаще всего в виде новой религии. Так, на окраинах Римской империи зародились первые христианские общины, которые положили начало совершенно новой, христианской цивилизации.

Мировые культуры Питирима Сорокина

П. Сорокин в своем многотомном исследовании «Социокультурная динамика» выделял три культуры, последовательно сменяющие друг друга в человеческой (в египетской, вавилонской, греко-римской, индустской, китайской) истории — *идеациональную, идеалистическую и чувственную*.

Идеациональная культура ориентирована на вневременные, вечные ценности, главной ценностью в ней является Бог. Церковь — прямо или опосредовано — стоит у власти, во всем обществе господствует строгая дисциплина, искусство носит религиозный характер, все сюжеты живописи и литературы взяты из религиозных мифов. Идеациональные культуры существовали в брахманской Индии, в Греции с VIII по конец VI в. до нашей эры., в Европе в IX — XII вв.

Чувственная культура ориентирована на материальные чувственные интересы, на удовлетворение материальных потребностей. Власть, как правило, принадлежит народу, господствует демократия. Войны, политические и финансовые кризисы, нищета, безработица, падение нравов — все это признаки чувственной культуры. Элементы этой культуры зародились еще в XVI в., но стали доминирующими в Европе с конца XIX в.

Идеалистическая культура является синтезом первой и второй культуры, она берет все лучшее из них и оптимальна для развития и прогресса людей. Идеалистическая культура существовала в Греции V–IV вв. до нашей эры, в Западной Европе XIII–XIV и в XVII–XVIII вв.

Главная проблема нашего времени

Сегодня, считал Сорокин, наступил жесточайший кризис. Это не просто экономические или политические неурядицы — кризис затрагивает почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий, в разрушении прежде преобладавшей чувственной культуры. Мы живем и действуем в один из поворотных моментов истории человечества, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется.

Этот кризис отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролития; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов. Ни Гитлер, ни Сталин, ни Саддам Хуссейн, ни Хрущев и ни Брежнев не создавали этот кризис. Напротив, кризис создал их такими, — его инструментами и марионетками.

Кризис вовсе не означает, полагал Сорокин, агонии западной культуры и общества. Нет закона, по которому каждая культура проходит стадии детства, зрелости и смерти — это лишь биологическая аналогия. За разрушением чувственной формы западного общества и культуры последует новая интеграция, возникнет новая культура, скорее всего идеациональная, в жизни общества вновь возрастет роль религии.

Никто сейчас точно не может предсказать форму следующей культуры. Древние китайцы говорили: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!». Но мы живем именно в такую эпоху — тревожную, страшную, полную потрясений и катаклизмов, но в то же время самую интересную эпоху за последние четыре тысячи лет.

Н. Бердяев об исторической самобытности России

Н. Бердяев назвал русский народ в высшей степени поляризованным народом, в котором совмещаются совершенно несовместимые противоположности. Противоречивость и сложность русской души связана с тем, что в России сталкиваются и взаимодействуют два потока мировой истории — Восток и Запад. Русские — не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия соединяет в себе два мира, и в русской душе всегда боролись два начала: восточное и западное.

Есть соответствие между необъятностью, бесконечностью русской земли и русской души. У русского народа та же необъятность, устремленность в бесконечность, что у русской равнины. Русскому народу

трудно было овладеть такими огромными пространствами и оформить их. Поэтому у русских всегда была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ, считал Бердяев, не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. Россия никогда не была страной аристократической в западном смысле, как не стала и буржуазной.

Два противоположных начала легли в основу русской души: языческая дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие. Отсюда и противоположные свойства русского народа: преклонение перед государством и анархизм, жестокость и доброта, индивидуализм и страсть ко всяким объединениям, национализм и универсализм-всечеловечность, искание Бога и воинствующий атеизм, смирение и наглость, рабство и бунт.

Бердяев считает русскую историю прерывной и выделяет в ней пять периодов, которые дают пять разных образов России: есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская (теперь есть еще и шестая, до которой не дожил Бердяев — постсоветская).

Силы русского народа долгое время уходили на то, чтобы сохранить огромную территорию. Государство крепло, а народ хирел.

История русского народа была одной из самых мучительных историй: борьба с татарскими нашествиями и татарским игом, усиление государства, Смутное время, раскол, насильственный характер петровских реформ, крепостное право, гонения на интеллигенцию, казнь декабристов, режим Николая I, безграмотность народной массы, неизбежность революции и ее кровавый характер. Наконец, самая страшная в мировой истории война.

Особым, только в России существующим социальным образованием, была интеллигенция. Одиночество Чацкого, беспочвенность Онегина и Печорина — явления, предупреждающие ее появление. Она вербовалась из разных слоев — сначала из дворянской, потом из разночинной среды. Это не социальный, а идеалистический класс, замечал Бердяев. Класс людей, целиком увлеченных идеями и готовых идти во имя своих идей в тюрьму, на каторгу и на казнь. Основной чертой интеллигенции была *беспочвенность*. Отщепенство, скитальчество, невозможность примирения с настоящим, устремленность к грядущему — характерные черты русской интеллигенции. Лишний человек, кающийся дворянин, потом активный революционер — разные моменты в существовании русской интеллигенции.

Интеллигенция была поставлена в трагическое положение между властью и народом: с одной стороны, ее никогда не пускали во власть, с другой стороны, ее никогда не понимал народ, забитый предрассудками

и малообразованный. Интеллигенция была раздавлена между этими двумя силами. Отсюда острое ощущение русскими пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех достижений мирового и российского развития, революции, цивилизации.

Бердяев закончил свои размышления над русской историей словами Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Трагедия русского народа, считал он, в том, что русская власть никогда не была верна этим словам.

П. Чаадаев: исторические судьбы России

В своем знаменитом «Философическом письме» Петр Чаадаев подверг критическому пересмотру всю русскую историю. Россия лежит между Западом и Востоком. Упираясь одним локтем в Китай, а другим в Германию, русские должны были бы соединить в себе два великих начала: воображение и рассудок, должны были бы взять все лучшее из окружающих стран. Но ничего не взяли. Все страны двинулись вперед, и только Россия до сих пор спит.

У каждого народа была своя юность, время великих страстей, широких замыслов. У нас, по Чаадаеву, все было иначе: сначала дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное иноземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история нашей юности.

Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856 гг.) — русский мыслитель и публицист. Друг А. Пушкина. В начале жизни сделал военную карьеру, дослужился до больших чинов, но потом вдруг все бросил, вышел в отставку, занялся литературой, философией, был принят в Северное общество декабристов. Перед восстанием уехал за границу, встречался там с крупными западными мыслителями. В 1836 г. в журнале «Телескоп» было опубликовано первое «Философическое письмо», которое вызвало резкое недовольство властей. Редактор был снят, Чаадаев «высочайшим повелением» объявлен сумасшедшим и посажен под домашний арест.

Мы, продолжал Чаадаев, принадлежим к числу наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок — урок, как не нужно жить. Мы составляем пробел в нравственном миропорядке. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению

к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума. А все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Во всем, считал Чаадаев, виновата православная религия. Эта религия дряхлая, она всегда шла на поводу у власти, никогда не вдохновляла народ на великие свершения. Католицизм с его военно-монашескими орденами, крестовыми походами, завоеваниями новых земель значительно повлиял на развитие многих стран, протестантизм дал мощный толчок развитию капитализма.

Русские, писал Чаадаев, могут спросить: а разве мы не христиане? Без сомнения, мы христиане, но и эфиопы тоже христиане. Христианство должно объединять и направлять духовное развитие общества, а Россия нуждается в оживлении веры, в том, чтобы получить истинно христианский импульс.

Ответ Пушкина

В своем письме П. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. А.С. Пушкин сообщил автору «Философического письма», что далеко не во всем согласен с ним. Конечно, разделение церквей (у нас православная церковь, а на Западе — католическая) отделило Россию от всей остальной Европы, и она не принимала участия ни в одном из великих событий истории Европы. Но у России было свое особое предназначение. Ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и западная цивилизация была спасена. Нашим мученичеством, считал Пушкин, было обеспечено энергичное развитие западной Европы.

Что же касается исторической ничтожности России, то Пушкин решительно не согласен с Чаадаевым. Даже княжеские междоусобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? Наконец, писал Пушкин, разве Чаадаев не находит ничего значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что

поразит будущего историка? Разве и в будущем Россия будет стоять в стороне от Европы?

Действительно, в нашей российской действительности так много глупостей, неурядиц, многое оскорбляет и раздражает, но тем не менее, писал Пушкин, ни за что на свете не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой истории, какую нам дал Бог.

Спор Чаадаева и Пушкина — это извечный спор русских интеллигентов о судьбе России. Одни считали, что Россия и русская история — сплошное недоразумение, что Россия — типично азиатское деспотическое государство с некоторыми элементами европейского управления, с задавленным и необразованным народом, который в силу своей темноты поддерживает эту деспотию. И самое лучшее для мыслящего человека — эмигрировать: или за границу, или внутрь себя. Об этом писал Лермонтов:

Прощай, немытая Россия
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Другие, прекрасно осознавая всю тяжесть и нелепость русской жизни, считали своим нравственным долгом служить делу просвещения, пробуждать спящие души, «на тронах поразить порок». Ибо другой родины, другой истории у нас нет, и надо пытаться изменить к лучшему эту.

Апология сумасшедшего

Через год после первого «Философического письма», получившего огромную и отчасти скандальную известность, Чаадаев написал «Апологию сумасшедшего», в которой попытался прояснить некоторые свои мысли и дать отпор тем «патриотам», которые обвиняли его в нелюбви к России.

Чаадаев писал, что пора бы бросить ясный взгляд на наше прошлое, — не затем, чтобы извлечь оттуда старые идеи, а чтобы узнать, как мы должны относиться к нашему прошлому.

Несомненно, соглашался он, в «Философическом письме» даны чересчур резкие оценки нашей истории, но основное мое чувство не было враждебным отечеству. Это было глубокое чувство наших немощей, выраженное с болью и горестью. Больше, чем кто-нибудь из вас, писал Чаадаев, обращаясь к «патриотам», я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа. Но я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, запертными устами.

Человек, по мнению Чаадаева, может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее. Прошло время слепых влюбленностей, надо с открытыми глазами искать истину.

Я люблю свой народ, говорил Чаадаев, как Петр Великий научил меня любить его. Но мне чужд блаженный патриотизм лени, который все пытается видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями, навязывая их дельным умом.

Чаадаев сожалел, что многие увидели в его письме предсказание России скудного будущего. Да и вина русского народа в конечном счете сводилась к тому, что он был брошен на крайнюю грань всех цивилизаций мира, вдали от стран, где естественно должно было бы накапливаться просвещение, вдали от очагов, откуда оно сияло в течение столетий веков.

Мы с изумительной быстротой, отмечал Чаадаев, достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара. Но все это было достигнуто лишь по воле наших государей, которой содействовали физические условия страны. Истинное же развитие всего народа, его умственных сил, понимание его настоящей роли — еще впереди.

Чаадаев как бы положил начало двум концепциям русской истории — славянофильской (которая без оговорок признавала величие России и ее особый путь в истории) и западнической (западники полагали, что все европейские страны идут единой дорогой, и чем быстрее Россия вступит на нее, тем лучше).

Славянофилы и западники о судьбах России

Спор славянофилов и западников был спором о главном — о судьбе России. Прежде всего русская философия истории должна была решить вопрос о смысле и значении реформы Петра, которая как бы разрезала историю страны на две части. Западники целиком приняли реформу и видели будущее России в том, что она шла западным путем. Славянофилы верили в особый тип культуры, возникающей на духовной почве православия. Они считали, что реформы Петра и европеизация были изменой России.

Как отмечал Н. Бердяев, в оценке петровских реформ ошибались и славянофилы, и западники. Славянофилы не поняли неизбежности реформ, без которых России не достало бы сил исполнить свою миссию в мире, не хотели признать, что лишь после Петра стали возможны в России мысль и слово, философия и великая литература. Западники не поняли свособразия России, не хотели замечать болезненности реформ

Петра. Как западники, так и славянофилы любили свободу и одинаково не видели ее в окружающей действительности. Славянофилы, в отличие от западников, считали, что золотой век России далеко позади, абсолютизировали патриархальное управление, сельскую общину и стремились возродить в настоящем черты этого славного прошлого.

Самым ярким представителем славянофильства был А.С. Хомяков. Все его статьи, все работы об одном: о призвании России. Хомяков, в отличие от своих единомышленников, никогда не абсолютизировал прошлую русскую историю. Иногда он писал гораздо критичнее Чаадаева. Например, сильно сомневался в том, что можно найти в русской истории какое-нибудь счастье и добро прежде царствования Романовых — там только опричнина Грозного, нелепая смута, монгольское иго, уделы, междоусобия, униженная продажа России варварам, море грязи и крови.

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860 гг.) — философ, богослов, поэт, художник, изобретатель — был блестяще образованным человеком. Бердяев называл его Ильей Муромцем русского православия. Крупный помещик, он, как и Чаадаев, довольно рано оставил военную службу и чем только ни занимался: писал об освобождении крестьян и даже входил в комиссию по выработке решения об отмене крепостного права; предлагал американскому правительству свой план границ между штатами; читал наизусть на языке оригинала Шекспира и Гете; знал буддийскую космологию; изобрел сеялку, которая на сельскохозяйственной выставке в Англии получила золотую медаль; делал витражи в Шартрском соборе и получил признание как художник; сочинял стихи, которые высоко оценил Пушкин. И, главное, писал богословские и философские труды.

Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения и подражания не было в России, писал Хомяков. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, угнетение, бедность, неустройство, дикость и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народа, ни на одной утешительной эпохе. И тем не менее есть в русском народе истинное и доброе начало, связанное с сельской общиной, с близостью к земле, чувство корней, идущих из глубины веков — из Греции через Византию — и позволяющее сохранить в чистоте заветы Христа, сохранить истинное православие.

В неоконченных «Заметках о всемирной истории» Хомяков пишет о двух направлениях мировой истории. Первое идет с глубокой древности через буддизм, Древний Рим, Западную Европу — эта линия знаменует собой власть вещей над человеком, господство бездушного рационализма, духа предпринимательства и т.п. Второе направление через Грецию и Византию тянется в Россию. Русскому народу удалось сохранить подлинную духовность. На Западе — дух воинственной дружины, военно-монашеские ордена, власть церкви над человеком. В России — дух мирной общины, мистическое братство людей в любви.

Хомяков был монархистом, но считал, что истинная власть царя должна быть властью отца, а не властью главного начальника всех бюрократов. Он обличал бюрократический произвол в стихах, обращенных к России:

В судах полна неправдой черной,
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести,
Лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Из-за эти стихов Хомякову грозили большие неприятности — могло заступничество царицы, которая благоволила к его жене.

Что творится на Руси?

Видным представителем западничества, по крайней мере в свои молодые годы, был А.И. Герцен. Герцен считал, что Россия должна обязательно дотянуться до западной культуры, что Петр I очень много сделал для ее соединения с Западом. И в то же время сделал очень мало, потому что взял из западных стран чисто внешнее, формальное устройство, но не те формы жизни, которые сделали возможными свободу личности, демократию — то, что составляет суть западной культурной истории.

Александр Иванович Герцен (1812–1870 гг.) — писатель, публицист, философ, революционер. Сын богатого помещика, родился в Москве во время пожара, когда там стояли наполеоновские войска. По словам Бердяева, если и не самый глубокий, то самый блестящий из людей 1840–х годов. Первый представитель революционной эмиграции. Журналы «Полярная звезда» и «Колокол», издававшиеся Герценом на Западе, оказывали огромное влияние на русскую демократическую мысль.

Основные произведения — «Былое и думы», «С другого берега», «Письма об изучении природы» и др. В 1960-х годах было издано собрание сочинений в 30-ти томах.

В статье «С другого берега» Герцен писал, что в России личность всегда была подавлена, поглощена коллективом и не стремилась даже протестовать. Свободное слово всегда считали за дерзость, самобытность — за крамолу. Человек пропадал в государстве.

Переворот Петра заменил устаревшее помещичье управление европейским канцелярским порядком. Все, что можно было переписать из шведских и немецких законодательств, было списано. Но неписанное, нравственно обуздывающее власть, инстинктивное признание прав лич-

ности, прав мысли, истины не могло перейти и не перешло к нам от Запада. Рабство у нас, писал Герцен, увеличилось с образованием, государство росло, улучшалось, но личность от этого ничего не выигрывала. Чем сильнее становилось государство, тем слабее — личность.

Европейские формы администрации и суда, военного и гражданского устройства развились в какой-то чудовищный безвыходный деспотизм. *Если бы не беспорядочность власти*, считал Герцен, *то можно было бы сказать, что в России нельзя жить ни одному человеку, осознающему собственное достоинство.*

И еще Герцен сказал знаменитую фразу, которую потом кому только ни приписывали: «Если бы можно было одним словом выразить все, что творится на Руси, то надо было бы сказать: Воруют!» (Иногда эту фразу приписывают Карамзину). К сожалению, спустя сто пятьдесят лет в этом отношении мало что изменилось.

Будучи правоверным западником, Герцен сильно разочаровался, попав на Запад. Он увидел в Европе ослабление и даже исчезновение личности. Средневекового рыцаря заменил лавочник. Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, гордая независимость англичан, строгая чинность протестантов, роскошная жизнь итальянских художников, искрящийся ум энциклопедистов — все это переплавилось и переродилось в совокупность мещанских нравов.

И тогда Герцен вновь обращался к России, к русскому мужику, к сельской общине как здоровому началу общества. Можно сказать, что он становился славянофилом, хотя только теоретическим, поскольку всю жизнь был сторонником западной демократии, западных свобод, которые как воздух необходимы России.

В. Розанов о русском призвании

В. Розанов в своей статье «Возле «русской идеи» вспоминает интересное событие. В XIX в. Бисмарк был отправлен послом в Россию, и там с ним случилось неприятное происшествие: заблудился на медвежьей охоте. Поднялась пурга, дорога была потеряна, и Бисмарк очутился в положении поляков с Сусаниным: лес, болото, снег, дороги нет. Он считал себя погибшим. Но мужик с облучка все время поворачивался к нему и утешал: «Ничего! Ничего, выберемся!» Бисмарк на всю жизнь запомнил эти слова, много раз повторявшиеся. И когда стал канцлером, то в затруднительных случаях любил повторять на непонятном для окружающих его языке: «Ничего. Nitschevo».

Бисмарк, продолжал Розанов, часто говорил: «Все русские женственны. И в сочтании с мужественной тевтонской расой — они дали бы, или дадут со временем, чудесный человеческий материал для истории».

Розанов, продолжая идею Достоевского, отмечал всемирную миссию России в истории: закончить строительство европейского дома, как женщина доканчивает холостую квартиру, когда входит в нее «невестой и женою домохозяина». Мужчина берет женщину в жены, но как только берет, то сразу меняется. Отсюда древняя поговорка: женишься — переменишься. Женщина, выходя замуж, только по документам теряет свое имя. На самом деле, имя свое и, главное — лицо и душу — теряет мужчина. Муж добровольно и счастливо отдает господство жене.

То же происходит и в истории. У «женственных» русских никакого «вяряжского», «норманнского периода» не было, не чувствуется, не замечается. Те, кого «женственная народность» призвала «володети и княжити над собой», — эти воинственные железные норманны, приди, точно сами отдали кому-то власть. Об их «власти», гордости и притеснениях нет никаких сведений. Они просто «сели» и начали «пировать и охотиться» да «воевать» с кочевниками. Переженились, народили детей и стали «Русью» — русскими, хлебосолами и православными, без памяти своего языка, родины, без памяти своих обычаев и законов. А вот когда норманны завоевали Англию, там был сплошной ужас, кровь, вековое угнетение. Так же и татарское иго привело к тому, что татары, по существу, растворились в русском народе. Единственное, что оставили — темный цвет волос в центральных губерниях, да некоторые татарские слова, зачастую ругательные.

В XVIII и XIX вв. Розанов видит то же самое. Не железный ли человек был Миних? А какое он принес «свое влияние» на Русь? Был суровый до жестокости командир, ругали его, проклинали, но не больше. Однако его сын уже писал свои исследования по-русски, писал как русский патриот, как русский служилый человек. И появились русские дворяне «Минихи», такие же, как и «Ивановы».

Русские, считал Розанов, имеют свойство беззаветно отдаваться чужим влияниям. Россия — как женщина, вечно ищущая «жениха, главу и мужа». Отсюда вытечет через век — полтора огромное «нашептывающее» влияние русских на европейскую культуру в целом, как шепчет жена на ухо мужу в постели. Уставшая от самозабвенной любви к себе, скукающая мещанской скукой Европа не может не податься в сторону от своего эгоизма и сухости. А куда ей податься? Только к России. Когда русские принимают чужую веру или культуру, они никогда не принимают ее до конца — это видно на примере русских католиков и русских протестантов. В католичестве они не «поднимают меч»; олютеранившись, не добавляют еще сухости и суровости протестантизму.

Когда европейцы принимают русский язык и русскую культуру, она целиком овладевает ими, они отрекаются от самой сущности европейского начала: гордыни, господства. Это и сподвижник Петра генерал-фельдмаршал Я. Брюс, и Минихи, и составитель толкового словаря русского языка

ка В. Даль и многие другие. Русские принимают тело, но не принимают духа. А чужие, по Розанову, соединяясь с нами, принимают именно дух.

Россия должна сыграть свою одухотворяющую, смягчающую роль в будущем Европы. Русские, считал Розанов, будут тем народом, который позволит совершить синтез всех европейских культур в какое-то новое духовное начало.

Однако под впечатлением революции Розанов пересмотрел все свои взгляды на Россию и роль русской культуры. В книге «Апокалипсис нашего времени» он с ужасом писал о том, что все рухнет и погибает. Бог не хочет больше Руси, гонит ее из-под солнца: «уйдите, ненужные люди» Но почему же ненужные?

Да разве мы сами не писали об этом? Вся наша литература о «лишних людях», о «ненужном человеке», о «подпольном человеке». Мы умираем, как фанфароны, как актеры: ни креста, ни молитвы.

Переход в социализм, а значит, и в полный атеизм — писал Розанов, — совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой. Вся религиозность русского народа, о которой столько говорили и писали русские мыслители и писатели, очень быстро слетела, слезла, как краска, народ охотно пошел громить церкви, арестовывать и казнить священников. То есть истинной религиозности никогда и не было в русском человеке.

Русские долго были в странном обольщении, считая, что соединяют в себе Европу и Азию. Но на самом деле русские — и не восточный и не западный народ. Что они принесли Азии? И какую роль сыграли в Европе? На Востоке ободрали и споили бурят, черемисов, киргизов, ободрали Армению и Грузию. В Европу внесли социализм, которого только там и не хватало. Между Европой и Азией мы явились, по Розанову, межеумками, внесли туда только пьянство, муть и грязь.

Розанов трагично воспринял революцию, его ужасала перспектива конца русской истории. С лязгом и грохотом, писал он, опускается занавес над русской историей, железный занавес. Представление окончено. Публика встала. Пора надевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись — ни шуб, ни домов не оказалось.

Избранные тексты

Культура и цивилизация

«У каждой души есть религия. Это лишь иное наименование ее бытия. Все живые формы, в которых она выражается, все искусства, доктрины, обычаи, все метафизические и математические миры форм, каждый орнамент, каждая колонна, каждый стих, каждая идея в глубине

глубин религиозны и *должны* быть таковыми. Отныне они не *могут* уже быть таковыми. Сущность всякой культуры — религия; *следовательно, сущность всякой цивилизации — иррелигиозность*. <...> Кто не нащупывает этого в творчестве Мане по сравнению с Веласкесом, Вагнера — с Гайдном, Лиссипа — с Фидием, Феокрита — с Пиндаром, тот ровным счетом ничего не смыслит в искусстве. <...>

Это угасание живой внутренней религиозности, постепенно формирующее и наполняющее даже самую незначительную черту существования, и есть то, что в исторической картине мира предстает поворотом культуры к цивилизации... стыком двух времен, когда душевная плодovitость известного рода людей оказывается навсегда исчерпанной, а созидание уступает место конструкции. Если понимать слово «неплодотворность» в его первоначальном смысле, то оно обозначает стопроцентную судьбу мозговых людей мировых городов, и к числу совершенно уникальных моментов исторической символики относится то, что поворот этот обнаруживается не только в угасании большого искусства, общественных форм, великих систем мысли, большого стиля вообще, но и совершенно телесно в бездетности и расовой смерти цивилизованных, отторгнутых от почвы слоев — феномен, неоднократно замеченный и оплаканный в римскую и китайскую императорскую эпоху, но неотвратимо доведенный до завершения.

Перед лицом этих новых, чисто умственных образований не должно быть никаких сомнений относительно их живого носителя, «нового человека», на которого с надеждой смотрят все упадочные эпохи. Это бесформенно наводняющая большие города чернь вместо народа, оторванная от корней городская масса, охлос (толпа — *В.Г.*), как говорили в Афинах, вместо сросшегося с природой и даже на городской почве все еще сохраняющего крестьянские повадки человека культурного ландшафта. Этот завсегда александрийской и римской агоры и его «современник», новейший читатель газет; это «образованец», все тот же приверженец культа духовной посредственности, для которого публичность служит местом отправления культа, тогда и нынче; это античный и западный любитель театра и зланных мест, спорта и злободневной литературы. <...>

Экспансивность всякой цивилизации, империалистический эрзац внутреннего, душевного пространства пространством внешним также характерны для нее: количество заменяет качество, углубление заменяется распространением. Не надо смешивать эту торопливую и плоскую активность с фаустовской волей к власти. Она лишь свидетельствует о том, что творческая внутренняя жизнь пришла к концу, и духовное существование может поддерживаться только внешне, в пространстве городов, только материально».

(Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. М., 1993. С. 545–548).

Исторические псевдоморфозы

«Исторические псевдоморфозы — так называю я случаи, когда чужая старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать чистые и собственные формы выражения, но даже и не осознает по-настоящему себя самое. <...>

...Псевдоморфоза лежит сегодня перед нашими глазами: петровская Россия. Русская героическая сага былинного типа достигает своей вершины в киевском круге сказаний о князе Владимире с его рыцарями Круглого Стола и о народном богатыре Илье Муромце. Все неизмеримое различие между русской и фаустовской душой уже отделяет эти былины от «современных» им сказаний времен переселения народов, об Артуре, об Эманарихе и Нибелунгах... Русская эпоха Меровингов начинается со свержения татарского владычества и длится через времена последних Рюриковичей и первых Романовых до Петра Великого. Я рекомендую любому прочесть франкскую историю Григория Турского (до 591) и параллельно соответствующие разделы у старомодного Карамзина, в первую очередь касательно Ивана Грозного, Бориса Годунова и Шуйского. Большого сходства невозможно вообразить. За этой московской эпохой великих боярских родов и патриархов следует с основанием Петербурга (1703) псевдоморфоза, которая принудила примитивную русскую душу выражать себя сначала в чуждых формах позднего барокко, затем в формах Просвещения и позднее в формах XIX в. Петр Великий стал для русской сущности роковой фигурой. <...>

За пожаром Москвы, грандиозным символическим деянием молодого народа, в котором сказалась достойная Маккавеев ненависть к всему чужому и иноверному, последовали въезд Александра I в Париж, Священный союз и участие в концерте западных великих держав. Народ, назначением которого было — в течении поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути. «Петербург — это самый абстрактный и искусственный город, который только существует на свете», — замечает Достоевский. Хотя он сам родился в этом городе, у него было чувство, что в одно прекрасное утро Петербург расстает вместе с рассветными туманами. Такой же привиденческий и неправдоподобный облик имели роскошные эллинистические города, рассеянные по арамейским полям. Так их видел Иисус в своей Галилее. Так должен был чувствовать апостол Петр, когда он увидел императорский Рим.

Москва — святая, Петербург — Сатана; Петр Великий предстает в распространенной народной легенде как Антихрист... Все, что возникает, неистинно и нечисто; это изнеженное общество, пронизанные интеллектом искусства, социальные сословия, чуждое государство с его цивилизованной дипломатией, судебные приговоры и административные распоряжения. Нельзя вообразить себе большей противоположности, нежели между русским и западным... Глубочайшее религиозное мировосприятие, неожиданные озарения, дрожь робости перед грядущим сознанием, метафизические грезы и порывы стоят в начале истории, доходящая до боли интеллектуальная ясность — в конце истории... «Нынче все размышляют на улицах и площадях о вере», — так говорится у Достоевского. <...> Молодые люди довоенной России, грязные, бледные, возбужденные, и постоянно занятые метафизикой, все созерцающие глазами веры, хотя бы речь, по видимости, шла об избирательном праве, о химии или о женском образовании, — ведь это же иудеи и ранние христиане эллинистических больших городов, которых римлянин рассматривал с такой насмешкой, с отвращением и тайным страхом.

(Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 26–31).

«Человек вкладывает в историю свою творческую силу и делает это с энтузиазмом. История же не хочет знать человека, пользуется им как материалом для нечеловеческого строительства, имеет свою нечеловеческую и античеловеческую мораль. И история есть жестокая борьба людей, классов, наций и государств, вероисповеданий и идеологий. Она движется ненавистью, и с остротой ненависти связаны наиболее динамические ее моменты. Эта безумная борьба ведется людьми во имя исторических целей, но она жестоко ранит человеческую личность, причиняя ей непомерные страдания. В сущности, история делалась, как преступление. И вместе с тем мы не можем сбросить с себя тысячелетнюю историю, не можем перестать быть историческими существами. Это был бы слишком легкий выход. Но нельзя видеть в истории прогрессивное торжество разума. Герой «Записок из подполья» у Достоевского говорит: «однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся, и прежде дрались, — согласитесь, что это даже уж слишком однообразно. Одним словом, все можно сказать о всемирной истории, все, что только самому расстроенному воображению может в голову прийти. Одно только нельзя сказать, — что благоразумно». С этим связана основная тема Достоевского: о своеволии человека и мировой гармонии. Своеволье человек ставит выше благополучия. Человека терзает воля к могуществу и к принудительному мировому единству. Человек терзает себя и других иллюзорными целями исторической мощи и величия. Образо-

вание и разрушение царств — одна из главных целей истории. Об этом говорится в первой книге философии истории — в книге Даниила, — и там прозревается судьба царств. Все могущественные и великие царства, во имя создания которых принесены неисчислимые человеческие жертвы, обречены на гибель и погибли. Погибли все древние восточные империи, погибла империя Александра Македонского, который знал об этом в час своей смерти, погибла Римская империя, погибла Византийская империя, рухнули все теократии, и мы присутствовали при гибели Российской империи. И так же погибнут все империи, которые будут созданы. Царство кесаря и слава его быстро проходят. История предполагает свободу человека. Детерминизм природы (учение о том, что все в мире подчиненно определенным материальным причинам — В.Г.) не может быть перенесен на историю. Это глубоко понимал Достоевский, глубже всех. История предполагает свободу человека, и она отрицает и попирает свободу человека, почти не дает ему свободно передохнуть. Трагедия и мука истории суть прежде всего трагедия и мука времени. История имеет смысл только потому, что она кончится... Прогресс, который имеет обыкновение жертвовать всяким живущим человеческим поколением и всякой живущей человеческой личностью во имя грядущего совершенства, которое превращается в вампира, приемлем лишь в том случае, если будет конец истории, и в этом конце результатами истории воспользуются все прошлые поколения, всякая человеческая личность, жившая на земле. Исторический пессимизм в значительной степени прав, исторический оптимизм не имеет эмпирических (здесь: фактических — В.Г.) оснований».

(Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики// Царство духа и царство кесаря, С. 264–265).

Имеет ли история какой-нибудь смысл?

«...Я на поставленный вопрос отвечаю: «История смысла не имеет»...»

Как большинство людей используют термин «история»? (Я имею в виду то понимание термина «история», когда говорят, например, о книге по истории Европы, а не то, когда говорят, что это — история Европы). Люди знакомятся с таким пониманием истории в школе и в университете. Они читают книги по истории, они узнают, что понимается в таких книгах под именем «мировой истории» или «истории человечества», и привыкают смотреть на историю как на более или менее определенные серии фактов, веря, что эти факты и составляют историю человечества.

Однако мы уже видели, что область фактов бесконечно богата, и здесь необходим отбор. В соответствии с нашими интересами мы могли

бы, например, написать историю искусства, языка, традиций принятия пищи или даже историю сыпного тифа (как это сделал, к примеру, Г. Цинсер в книге «Крысы, вши и история» («Rats, Lice and History»). Разумеется, ни одна из таких историй, как и все они вместе взятые, не является историей человечества. И поэтому люди, говоря об истории человечества, имеют в виду историю Египетской, Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской империй и т.д. — вплоть до наших дней. Другими словами, они говорят об *истории человечества*, однако на самом деле то, что они в основном имеют в виду и изучают в школе, представляет собой *историю политической власти*.

На мой взгляд, единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них — история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории, но я утверждаю, что это оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества... поскольку *история политической власти есть не что иное, как история международных преступлений и массовых убийств* (включая, правда, некоторые попытки их пресечения). Такой истории обучают в школах и при этом превозносят как ее героев некоторых величайших преступников.

Действительно ли не существует всеобщей истории как реальной истории человечества? Скорее всего — нет. Я полагаю, таков должен быть ответ на этот вопрос каждого гуманиста и особенно каждого христианина. Реальной историей человечества, если бы таковая была, должна была бы быть история всех людей, а значит — история всех человеческих надежд, борений и страданий, ибо ни один человек не более значим, чем любой другой. Ясно, что такая реальная история не может быть написана. Мы должны от чего-то абстрагироваться, должны чем-то пренебрегать, осуществлять отбор. Тем самым мы приходим к множеству историй и среди них — к истории международных преступлений и массовых убийств, которая обычно и объявляется историей человечества.

Почему же из всего множества различных историй выбирается именно история политической власти, а не история, скажем, религии или поэзии? Для этого есть разные причины. Одна состоит в том, что власть воздействует на всех нас, а поэзия лишь на немногих. Другая причина заключается в том, что люди склонны боготворить власть. Вне всяких сомнений, обожествление власти — один из худших видов человеческого идолопоклонства, пережиток времен угнетения и рабства. Обожествление власти порождено страхом — эмоцией, которую справедливо презирают. Третьей причиной превращения политической власти в ядро «истории» является то, что люди, обладающие властью, как правило, хотят того, чтобы их боготворили, и это им вполне удается — многие историки писали под надзором императоров, генералов и диктаторов. <...>

Жизнь отдельного, забытого, неизвестного человека, его горести, радости, его страдание и смерть — вот реальное содержание человеческого опыта на протяжении веков. Если бы об этом могла рассказать история, я, конечно не утверждал бы, что видеть в ней перст божий — это богохульство. Однако такой истории нет и быть не может. Наша история великих и всемогущих есть — в лучшем случае — пустая комедия. Это опера-буфф о силах, существующих вне реальности (сравнимая с гомеровской оперой-буфф о силах Олимпа, стоящих за кулисами человеческой борьбы). Один из наших самых плохих инстинктов — идолопоклонническое боготворение власти, приводит нас к вере в реальность подобной истории. И в такой, даже не сотворенной, а сфабрикованной человеком «истории» некоторые христиане смеют видеть руку Бога! Они полагают, что понимают и знают, чего Он желает, когда приписывают Ему свои ничтожные исторические интерпретации!»

(К. Поннер. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т.2. С. 311–314).

Поговорим о прочитанном:

1. Согласны ли вы с К. Поппером в том, что история, которую вы изучали — это в основном история политической власти? Знаете ли вы историю своего края, своего города, своей деревни, своей улицы? До какого поколения вы знаете историю собственной семьи? Много ли найдется сейчас людей, которые знают, чем занимался их прапрадед?
2. Законы природы отменить нельзя, они будут действовать всегда. А законы общества? И можно ли вообще говорить о законах применительно к обществу? О. Шпенглер, например, говорил, что в обществе действует не закон, а судьба. Прав ли он, и если да, то чем судьба отличается от закона?
3. Может быть, над Россией довлеет судьба, рок? Ведь Россия всегда выбирает наихудший, самый трудный и тяжелый вариант своего развития: могли победить декабристы, были у них шансы — не победили; могли освободить в 1861 г. крестьян с землей — освободили без земли; могли выбрать американский фермерский путь — не выбрали; могли остановиться на февральской буржуазной революции — не остановились; могли в генеральные секретари выбрать С. Кирова — выбрали И. Сталина и т.д. Может быть, действительно никакие законы общественного развития, если они и существуют, к России не применимы?

4. В философии истории спорят о том, кто делает историю — народ или герои, народные массы или великие личности, в крайнем случае активное меньшинство, которое заражает всех своей энергией, ведет за собой общество. Какая точка зрения кажется вам правильной?
5. Французские историки утверждают, что Наполеон выиграл Бородинское сражение, а русские — что Кутузов. А как было на самом деле? В русском языке, в отличие от немецкого, употребляется одно слово «история» — и для обозначения науки, и для того, что было на самом деле. Но, может быть, никакого «на самом деле» и нет? Ведь все, что мы знаем об этих событиях, нам рассказали сами историки. Может быть, правильнее сказать, что сколько историков — столько и историй?
6. В чем, по вашему мнению, заключается «вызов», который предъявляет сейчас России история? И что в первую очередь нам делать, чтобы достойно ответить на этот вызов?
7. Западники и славянофилы есть и сейчас. Одни считают, что Россия должна идти своим путем, что Запад нам не указ, что «умом Россию не понять». А другие — что чем скорее мы внедрим в России западные формы экономики и жизни, которые уже доказали свою эффективность на Западе, тем быстрее заживем нормальной жизнью. Какая из точек зрения кажется вам правильной? Или возможно как-то совместить эти крайности?
8. Есть ли все-таки в истории прогресс, увеличивается ли степень свободы людей, больше ли становится людей счастливых, здоровых и обеспеченных, становится ли человечество в массе своей умнее? Или же человеческая история — бесконечная повторяемость, смена побед и поражений, достижений и провалов, рабства и свободы, гениальных достижений и непроходимой глупости? И прав был Екклесиаст, когда говорил: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»?

Заключение. ВОСТОРЖЕСТВУЕТ ЛИ РАЗУМ?

Прочтя эту книгу, вы могли убедиться, что философия — очень полезная для каждого область человеческой культуры, и в то же время — очень вредная. В конце 1849 г. Николай I обязал управляющего Министерством народного просвещения «представить свои соображения о том, полезно ли преподавание философии при настоящем предосудительном развитии этой науки германскими учеными и не следует ли принять меры к ограждению нашего юношества, получающего образование в высших учебных заведениях, от обольстительного мудрствования новейших философских систем». В 1850-х во всех университетах России были закрыты философские факультеты и кафедры.

Николай I совершенно прав — философия абсолютно бесполезная наука там, где речь идет о чисто практических интересах: как устроиться в жизни, как прокормить семью, как сделать карьеру, или даже: как содействовать экономическому подъему страны или как сделать всех ее граждан послушными и добропорядочными.

И философия, конечно, вредна, так как учит во всем сомневаться, ничему не верить, не проверив и не доказав себе самому; не верить государству, общепринятым ценностям, обещаниям счастливого будущего или конца света. Философия — сугубо индивидуальное дело и ко всему общему относится подозрительно.

Общество не умрет — я умру, я ведь конечен, мне отпущен краткий миг, и я должен успеть понять и сделать в этом мире что-то, для чего я сюда призван. Ни общество, ни класс, ни партия, ни государство за меня понимать не будут и искать мое незаместимое никем больше место тоже не будут.

Вообще любая человеческая жизнь проникнута ужасом — ужасом невытекания моей судьбы, моей жизни ни из чего. Никакие предварительные условия: образование, характер, материальное благополучие, режим в стране — никак не определяют мою жизнь окончательно. При любых благоприятных условиях я могу не состояться как человек, вырасти негодяем. Или просто заблудиться, запутаться, не найти своей дороги, прожить никчемную и бездарную жизнь.

Чтобы этого не случилось, хорошо иметь своего учителя. Учителя жизни. Но где их взять, таких учителей? Некоторым везло, у них учителя были. У Платона был учителем Сократ. К сожалению, современная школа построена не по принципу «учитель — ученики», а по принципу «преподаватель — учащиеся». Школа давно стала источником получения знаний, а не школой жизни.

У некоторых настоящими учителями были их родители. Но все это — счастливые исключения. И тем не менее у нас, конечно, есть возмож-

ность учиться у великих учителей, не непосредственно, а читая их книги, изучая философию. Не учебники по философии, а книги великих философов, которые учат думать, учат развивать свой разум.

Разум — главный дар человеку, небесный дар. Разум, во-первых, всегда пытается познать то, что сейчас человеку познать нельзя, невозможно, но человек все равно будет снова и снова пытаться заглянуть в крошечную мглу неизвестного, заглянуть за горизонт, за край имеющихся знаний. Разум, во-вторых, позволяет подняться над природной закономерностью, над фактом, позволяет открыть в человеке другую природу — свободную и творческую. Это высшая цель разума.

Разум всегда пытается дойти до конца, до максимальной идеи: до абсолютно чистой воды, абсолютно чистого воздуха, абсолютной нравственности — то есть до тех вещей, которые в природе не встречаются, но должны быть. Ни один человек не живет всегда и постоянно по законам совести, но это не значит, что абсолютная нравственность — химера. Это идея разума, без которой вообще невозможна никакая совместная человеческая жизнь.

Разум оперирует идеями, а идея всегда больше того, что в данный момент чувствуется или мыслится. Идея раздвигает границы чувств, границы интеллекта. Идея как бы поднимает человека на такую высоту, с которой видно больше, чем видит глаз, поднимает в атмосферу духовности.

Человек в любой области познания, говорил Кант, стремится дойти до идеи, стремится к максимуму понятого, к максимуму поступка. Жизнь в мире идей, философствование — это держание себя на пределе возможного для человека.

Философствовать — значит пытаться жить интересами чистого разума, без всякой надежды или, лучше сказать, интереса к успеху, карьере, обогащению и т.п. Жить интересами, которые направлены на исследование последних оснований сущности и смысла бытия, сущности и смысла человеческого существования.

Кант считал, что математика, естествознание, законы, искусства, даже мораль не заполняют душу целиком. В ней все еще остается место, которое намечено для чистого разума. Незаполненность этого места и заставляет заглушать обременяющий взор разума, требующего от нас чего-то такого, что полностью бы отвечало человеческому назначению.

Каждый человек вовсе не обязан быть философом в профессиональном смысле слова, но он *обязан быть умным*. Обязан сам, всегда и во всем доходить до сути дела, обязан знать самого себя и свое место в мире, чувствовать свою ответственность за все беды и несчастья окружающих. И в этом смысле человек обязан жить, философствуя. Только тогда он и будет соответствовать своему человеческому призванию. Тогда и только тогда в этом мире восторжествует разум.

- Бердяев Н.А.* Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., Наука. 1990.
- Бердяев Н.А.* Человек // О назначении человека. М., Республика. 1993.
- Гаспаров М.Л.* Занимательная Греция. М., 1996.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., Мысль. 1979.
- Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. М., Молодая гвардия. Серия ЖЗЛ. 1993.
- Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? // Что такое философия. М., Наука. 1991.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., Искусство. 1991.
- Паскаль Б.* Мысли. М., Изд-во имени Сабашниковых. 1995.
- Сорокин П.А.* Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М., Политиздат. 1992.
- Толстой Л.Н.* Путь жизни. М., Высшая школа. 1994.
- Чаадаев П.Я.* Философические письма // Статьи и письма. М., Современник. 1989.
- Франк С.Л.* Смысл жизни // Духовные основы общества. М., Республика. 1992.
- Фромм Э.* Искусство любить. М., Педагогика. 1990.

ПРЕДМЕТНО—ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августин Блаженный 32, 33
Аполлон 201, 226, 227
Архетип 137, 138–140, 146, 169
Атараксия 25

Б

Бердяев Николай Александрович 48, 57–59, 112, 187, 196, 198, 261–263, 266
Бентам Иеремия 214
Бессознательное 133–135
Бредбери Рэй 98
Бубер Мартин 80–82
Бэкон Френсис 36–38

В

Вебер Макс 209
Вейерштрасс Карл 176
Виалар Поль 96
Воображение 75, 128, 157–158, 180, 181, 225, 263
Восприятие 108, 113, 114, 156, 252, 274
Вселенная 4, 69, 77, 84, 132, 168, 170, 174, 178, 180
Высоцкий Владимир Семенович 108

Г

Ганди Мохандас 51
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 94, 243, 244
Гераклит 14–16, 133, 248
Гейзенберг Вернер 182
Гениальность 112, 195, 196, 199, 200
Герцен Александр Иванович 268, 269
Гете Иоганн Вольфганг 74, 103, 179, 196, 198, 200, 250, 267
Гоббс Томас 208
Гоголь Николай Васильевич 175, 198
Голдинг Уильям 228
Горький Алексей Максимович 62
Гражданское общество 212
Гумилев Лев Николаевич 205, 206, 208
Гурджиев Георгий 87, 88, 97

Д

Движение 14, 177, 178
Декарт Рене 36–38, 128, 148, 167, 191

Демократия 209, 244, 260
Демокрит 16, 17, 24, 128, 143, 158, 182
Диоген Лаэртский 281
Диоген Синопский 19–22, 232, 233
Дионис 226
Достоевский Федор Михайлович 46–48, 57, 62, 104, 150, 229, 273

З

Западники 266, 267
Зенон Элейский 177
Зло 18, 19, 26, 47, 48

И

Интроверт 93
Истина
– как соответствие понятия и мира 159
– как событие открытости мира 160, 165

К

Камю Альбер 7, 189
Кант Иммануил 5, 38–41, 49, 88, 157, 158, 194, 280
Картина мира 150, 168, 170
Кеплер Иоганн 81, 112, 143, 158
Киники 19–21
Коллективное бессознательное 137–139
Кришнамурти Джидду 116, 117, 233
Культ 117, 226, 236
Культура
– внешняя и внутренняя 231
– и контркультура 232–234
– и природа 224
– и цивилизация 231, 271
– массовая 227, 228
Кьеркегор Серен 43–45

Л

Лао-Цзы 11–13, 216, 248
Леонтьев Константин Николаевич 74
Локк Джон 148, 209
Лосев Алексей Федорович 164, 281
Лунин Михаил Сергеевич 46
Любовь 4, 5, 7, 9, 15, 43, 82, 83, 107–112

М

Мамардашвили Мераб Константинович 82, 83, 215

Мандельштам Осип Эмильевич 231
Маргиналы 211
Маркс Карл 86, 94, 134, 204, 225, 243–246
Миф 88, 133, 136, 189, 236
Монтень Мишель 124
Моравиа Альберто 166
Мораль
– просветительская 57
– «стадная» 56
– христианская 56, 57
Моральный закон 18
Моруа Андре 54
Моуди Раймонд 142
Мышление и язык 152

Н

Нагибин Юрий Маркович 59
Нация 205
Невыразимость 94, 103
Неповторимость 94, 100, 101, 106
Непредопределенность 94, 98
Непротивление злу насилием 49
Несводимость 94
Нигилизм 234, 235
Ницше Фридрих 55–57, 61, 65, 75, 76, 94, 97, 100, 101, 114, 118, 125, 134, 142, 159, 191, 226, 227, 234, 235

О

Ортега-и-Гассет Хосе 62, 241, 281
Оруэлл Джордж 216
Основной вопрос философии 6

П

Павлов Иван Петрович 129
Паскаль Блез 77, 78, 81, 115, 116, 120, 182, 281
Пессимизм 190, 275
Пестель Павел Иванович 46
Пифагор 13, 14, 143, 148
Платон 18, 23, 24, 29, 112, 147, 156, 157, 182, 191, 214, 248, 279, 281
Понятие 37, 60, 99, 139, 141, 142, 156, 164, 174, 225, 239, 259
Поппер Карл 277
Представление 150–152, 181, 182, 200, 217
Пришвин Михаил Михайлович 119, 242
Протагор 17
Психика 86, 134, 136, 138, 140
Пушкин Александр Сергеевич 54, 76, 101, 118, 153, 192, 201, 230, 231, 263–265

Р

Распутин Валентин Григорьевич 125
Рафаэль Санти 112
Рационализм 157, 267
Реальное образование 116
Религия 4, 5, 7, 31, 50, 55, 80, 81, 107, 169, 184, 234, 244, 264, 271, 272
Ритм 171, 173, 180, 231, 251
Розанов Василий Васильевич 72, 74, 219, 269–271
Росту Уолт 246, 247
Руссо Жан Жак 125

С

Свет 54, 63, 169, 170, 178, 179, 191, 237
Семья 71, 165, 205, 207, 208, 218
Сенека Луций Анней 26, 30, 64
Сенсуализм 157
Славянофилы 266, 267
Смысл жизни 45, 54, 106, 107, 187–189, 281
Совесть 7, 9, 15, 18, 39, 41, 61, 64, 73, 82, 105, 230
Созерцание 35, 113, 114, 125
Сознание 69, 126, 128, 133, 134, 141, 142
– как поток переживаний 130, 144
– как сфера 141
– и мозг 141, 142
– предметное 130, 131
– самосознание 130, 131, 186, 237, 274
Сократ 5, 17–19, 22, 23, 27–29, 56, 58, 83, 102, 112, 118, 251, 279
Соловейчик Симон 109
Соловьев Владимир Сергеевич 108
Сорокин Питирим Александрович 196–198, 260, 261, 281
Стоики 25–27, 89
Суждение 156
Существование подлинное 59, 62
Счастье 4, 29, 34, 42, 47, 52, 63, 104, 107, 114–116, 120, 121, 167

Т

Творчество 59, 102, 107, 111–113, 124, 125, 189, 196, 205, 229
Тойнби Арнольд 254, 256–259
Толстой Лев Николаевич 49–51, 54, 153, 207, 228, 281
Топоров Владимир Николаевич 176
Тютчев Федор Иванович 154

У

Умозаключение 156
Успенский Петр Демьянович 87
Утопия 214

Ф

Флоренский Павел Александрович 224, 225
Франк Семен Людвигович 67, 73, 110, 143, 144, 164, 165, 185, 186, 188, 191, 203, 281
Фрейд Зигмунд 133–137, 140
Фромм Эрих 110, 111, 221, 281

Х

Хайдеггер Мартин 60, 73, 102, 151, 154, 155, 160, 235, 247
Хаксли Олдос 94
Хомяков Алексей Степанович 267, 268

Ц

Цвет 162, 178–180
Цивилизация 218, 230, 232, 249, 253, 255–260, 264, 271, 281

Ч

Чаадаев Петр Яковлевич 263–267, 281
Чехов Антон Павлович 24, 63, 102, 231
Чижевский Александр Леонидович 180
Число 14, 138, 175, 203, 221

Ш

Шекли Роберт 172
Шелдон Уильям 93
Шелер Макс 98, 99
Шестов Лев 72, 73, 80
Шпенглер Освальд 180, 198, 237, 248–254, 272, 274
Шопенгауэр Артур 6, 41, 42, 44, 52, 105, 122, 162, 183, 194, 198, 200

Э

Эйнштейн Альберт 23, 81, 112, 143, 147, 176, 192, 231
Экстраверт 93
Энтропия 178
Эпикур 3, 24, 25, 96, 118
Этика закона 57, 58
Этика творчества 57, 59
Этнос 204–207

Ю

Юнг Карл 93, 136–140, 146, 171, 195, 234, 235

Я

Язык 71–73, 75, 89, 139, 146, 148, 152–155, 204
Ясперс Карл 92, 223, 247, 248

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение. Что изучает философия	4
Раздел I. Основные идеи истории мировой философии	10
Тема 1.1. Философия античного мира и средних веков	10
Глава 1. Философия античного мира	10
Глава 2. Философская мысль Средних веков	31
Тема 1.2. Философия нового и новейшего времени	36
Глава 1. Философия Нового времени	36
Глава 2. Философия XX века	55
Раздел II. Человек-сознание-познание	69
Тема 2.1. Человек как основная проблема философии	69
Глава 1. Происхождение и развитие человека	69
Глава 2. Что из себя представляет человек?	80
Глава 3. Основные характеристики человека	94
Глава 4. Категории человеческого бытия	107
Тема 2.2. Проблема сознания	126
Глава 1. Сознание и человеческая природа	126
Глава 2. Мышление, его истоки и сущность	147
Тема 2.3. Учение о познании	155
Раздел III. Духовная жизнь человека	168
Тема 3.1. Философия и научная картина мира	168
Тема 3.2. Философия и религия	184
Тема 3.3. Философия искусства	191
Раздел IV. Социальная жизнь	203
Тема 4.1. Человек и общество. Глобальные проблемы современности	203
Тема 4.2. Философия культуры	224
Тема 4.3. Философия истории	242
Заключение. Восторжествует ли разум?	279
Что нужно прочитать самому	281
Предметно-именной указатель	282